

Н. А. ПЕТРОВ

РЕФОРМЫ: ЗА ЧЕЙ СЧЁТ БАНКЕТ?

16+

Николай Александрович Петров

РЕФОРМЫ: за чей счёт банкет?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48896098

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-03790-8

Аннотация

Почему средняя зарплата в РФ 49 тыс., а на руки мы получаем 10-25 тыс.рублей, почему экономика как бы растёт, а прибыли нет, нет кризиса, а предприятия – банкроты с огромными долгами есть, почему Роснефть и Газпром – государственные компании, а нам они как не родные, почему вакансий много, а работы нет и как бы нет безработных... На все эти вопросы и многие другие я ищущу ответ в этом сборнике. Экономика глазами кабинетного чиновника высокого ранга, для которого средние показатели – скрытая оценка его работы – это одно, и другое дело глазами рядового гражданина. Та же статистика, но другие выводы. В условиях рынка нам важно научиться это понимать. Особенно, когда идём на выборы.

Содержание

Вместо предисловия	5
Кризис экономики – условие процветания «элиты»	27
О ВВП, предпринимателях и предпринимательской способности	52
О капитальном ремонте и спонсорах ЖКХ	91
Государство и бизнес. Общая цель или конфликт интересов?	105
Монетаризм в России – это альтернатива развитию!	133
Налог на самозанятых в «бездомных домохозяйствах»	158
Когда слово изреченное есть ложь?	180
Кому государство, а кому «пирог с начинкой»	192
«Эффективный» курс и неэффективное управление	225
Часть 1	225
Часть 2	244
Доля государства и судьба человека	257
Наёмный труд и quasi-капитал	301
Эффективность экономики – проблема государства или частного сектора?	332
Открытое письмо	362

Пенсионная реформа	376
НДС в России – налог на последнюю соломинку	396
Обманутые надежды	420
Парадоксы нашей экономики	438
Грязные помыслы не рожают чистые реформы	459
Всё остаётся людям... если останется!	503

Николай Петров

РЕФОРМЫ: за чей счёт банкет?

Вместо предисловия

Мои заметки о месте в современной российской экономике рядовых граждан, не облеченных ни властью, ни какими-либо полномочиями с привилегиями, я обращаю к тем, кого волнует будущее наших детей, кто оказался на обочине, точнее, на пути, по которому прокатился локомотив реформ, раскрепощая предпринимательскую инициативу и сметая всё, что нельзя в одночасье присвоить, кто остался равнодушен к тому, как меняется идеологический, культурный и экономический ландшафт в стране, кому набила оскомину пропаганда недавнего прошлого, перекрашенная в черный цвет. Потоки грязи в адрес предыдущих поколений – творцов нашей истории, тех, кто, несмотря на исключительно тяжелые условия быта до революции 1917 г. и после неё, войны, тюрьмы и расстрелы выстроил сверхдержаву, голословные обвинения в кровожадности самой идеи социализма, служили только одной цели – создать иллюзию, что все эпизоды в истории, а особенно советский период, ко-

гда страна расширялась и укреплялась – это цепь преступлений и больше ничего. Преступным путём энтузиазм в народе не поднимешь. А именно так, прежде всего на энтузиазме, отстраивалась страна. Осуждать конкретные преступления конкретных людей во власти – это можно понять. Но судить Историю...!? Осудить христианские заповеди, заимствованные коммунистической идеологией, а заодно и идеалы французской революции – свободу, равенство, братство, и предложить вместо них пошлость, нескончаемые фестивали и шоу на фоне обнищания людей, чудовищное расслоение общества путём избирательной приватизации того, что обещало пролиться золотым дождём (не гнушаясь тем, что это тоже советское наследие), неравенство и человеконенавистничество, считая их более чем адекватной заменой – это надо обладать очень искаженным пониманием добра и зла.

Молодёжь (к счастью, не вся) часто всё принимает за чистую монету, не утруждая себя задуматься, почему то, что говорят сегодня, противоречит тому, что говорили тогда.

«Лес значительнее, чем моё описание леса; предмет не исчерпывается моим к нему отношением», – писал М. Пришвин. Отмечая эти слова Пришвина, А. Варламов, его биограф в серии ЖЗЛ, резюмировал: «Жизнь всегда права».

Как это верно в отношении Истории, потому что летопись жизни – это лишь представление о ней с множеством фактов. Так при описании природы нельзя учесть всех биохимических процессов, протекающих в ней, а только то, что доступ-

но – их внешнее проявление. Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны только по истечении нескольких десятилетий суд Истории выносит свой приговор конкретным событиям, а с другой – надо понимать, что контекст ускользает. У каждого отрезка истории есть своя внутренняя жизнь и её внешнее проявление. Потомкам часто остаются события, которые лежат на её поверхности, а внутренние пружины, внутренняя жизнь осталась у тех, кто пережил ту эпоху. Поэтому в оценке прошлого нельзя отрываться от исторического контекста и правильней доверять очевидцам с объективным взглядом на события, участникам событий и документам. К сожалению, с конца 80-х годов прислушиваться к настоящим историкам, оперирующим фактами, к тем, кто имел большой положительный опыт управления заводом, отраслью или страной, стало считаться вредоносным (совок!).

Совсем дурной тон – исказить и то, что было на поверхности, что легко доказывается или опровергается. Например, однажды я прочитал в «Вечерней Москве» заметку о том, что шоколад был в советское время запрещён, как буржуазный продукт. Диву даёшься, как с такими пещерными знаниями одни пишут заметки, а другие их публикуют. Автор даже не удосужилась в интернете проверить свои дремучие, не знаю уж какой пропагандой навязанные «знания», чтобы убедиться, что этого «буржуазного» продукта было в стране достаточно на полках магазинов. И тогда он был намного

лучше по качеству, чем теперешний «Марс». И таких примеров много.

В этом сборнике статей, я, как рядовой потребитель товаров и услуг (поскольку реформы теперь направлены на строительство общества не творцов, но потребителей), попытался увидеть нутро этого самого общества потребления (в надежде, что оно недолго будет владеть умами сегодняшней молодёжи), которое строят наши поборники реформ через перераспределение в свою пользу накопленных богатств и доходов, а не путём подъёма экономики, что оно даёт простым людям, и изложить свои впечатления на бумаге. Прежде всего, я задаю вопросы сектору рыночных отношений, потому что государственный сектор в какой-то мере начал оживать: достижениями в ВПК (хотя и опирающимися на советские разработки) можно гордиться. Рынок – обернулся он благом для нашего народа или сделал его всего лишь статистической единицей для сбора налогов – вот предмет для анализа. Так ли уж эффективен частный капитал по сравнению с государственным, как о нём слагают легенды (или мифы!) его пропагандисты?

Еще я преследую цель – побудить всех, кто интересуется экономикой страны, а, следовательно, и своим благополучием, задуматься, почему так складывается, что земля наша богата, а порядка как не было, так и нет. И дело даже не в голове, с которой начинает гнить рыба (хотя и в этом тоже), а дело сейчас в том, что народ, напуганный крушени-

ем всех надежд в 90-е годы, привык относиться к событиям по формуле: лишь бы не было хуже. И он приходит на выборы, чтобы «голосовать за стабильность». И не досуг ему задуматься: стабильность чего? Стабильность в катастрофическом сокращении рабочих мест, стабильность в стимулировании и наполнении рынка дешевой рабочей силой из сопредельных не очень богатых на нефть и газ государств, лишении работы своих граждан, стабильность нищенской пенсии, зарплаты или вообще отсутствия постоянного заработка у значительной части населения страны? Стабильность равнодушия чиновников к обращениям граждан, отсутствия понимания, чем живёт подавляющая часть народа? Президент говорит о необходимости внимания к нуждам людей, а мы почему-то этого внимания на себе как не ощущали, так и не ощущаем. Правда, последнее время то там, то здесь люди опять стали напоминать о себе: объявляют голодовку, когда не платят зарплату. Когда я говорю о народе, я подразумеваю не тех, кто получил свои рентные преимущества, не тех, кто смог адаптироваться в рыночных условиях, а о тех, кого отправили искать удочки (как любили говорить в 90-е), пока сверху распределяли ресурсы. Миллиардные долги по зарплате – это миллионы судеб. Я о тех, кто привык работать и не задавать лишних вопросов, даже когда это вопросы о жизни и смерти.

Есть люди у нас, которые готовы постоять за свои интересы, даже рискуя здоровьем. Речь не о либералах, которые и

сегодня называют народ, за интересы которого они якобы борются, скотом. Я о тех, кто занят работой или поиском работы и привык к дисциплине и доверию власти. Но на выборах идут и голосуют за то, что предлагает власть, даже если доверие пошатнулось. Их спросили: вы «за» сохранение страны? Они ответили – «за». И страну сразу развалили. Значит, так надо было, решили они. И на улицы никто не вышел с протестом, потому что всех кто против, записывали в красно-коричневые. Демократия в действии. Народ до нитки обобрали в 90-е годы, а он всё равно проголосовал в 1996 г. (или не голосовал?) за ту власть, которая расстреляла («демократия» же!) законный парламент и в итоге привела страну к дефолту в 1998 г. («эффективные» же управленцы!). Сегодняшние члены Кабинетов в лицах не многим отличаются от активистов 90-х годов, если судить по результатам трудов их. Некоторых с почетом увольняли, но суть правления в части приоритетов не менялась: управление экономикой через приватизированную денежную массу и финансовая прибыль – на первом месте, системообразующий крупный бизнес и чиновник на втором, молодые лидеры России (кадровый резерв с прицелом на карьерный рост, на ура принявший реформы) – на третьем, народ – где-то там, дальше, промышленное развитие и не упоминается. Открытым остаётся вопрос: когда случится новый дефолт? Прогноз – вещь неблагоприятная, особенно у нас, когда всё зависит от чиновника (которому часто «до лампочки» проблемы экономики,

если они не касаются его кармана), а не экономических законов. Законов!, а не анархии.

Я не буду возвращаться к вопросу о законности приватизации. Но замечу: обрушение экономики и шельмование народа начались именно с того, что государство организовало приватизацию таким образом, чтобы обеспечить свободу сбыта западных неликвидов в России и вывоза переработанного сырья из неё. В конце 80-х Запад находился в трудном экономическом положении и крах такой крупной страны, как СССР, давал шанс. Не будем также забывать, что именно в 90-е годы СССР из промышленной державы и преимущественно кредитора превратился в Россию без промышленности, без боеспособной армии и в должника.

Не знаю, как у кого, но у меня вызывает сомнение законность приватизации, по крайней мере, в трёх случаях: 1) когда это осуществлялось фактически за государственный счет (за счет всего населения страны, как "Юкос"; что-то не верится, что он один такой на всю страну), при этом соотношение балансовой стоимости предприятий и курса рубля к иностранным валютам позволял иностранным «партнёрам» и «консультантам» всё скупить оптом; 2) когда ресурсы, добываемые из земли (принадлежавшие государству, т.е. народу по Конституции СССР), стали вдруг средством обогащения не страны и не народа, а небольшого процента избранных, в т.ч. иностранных(!); и 3) когда приватизация мгновенно приводила к искусственному банкротству приватизированных

предприятий. В первом и втором случаях приватизация – это незаконное обогащение, говоря юридическим языком, в третьем – откровенная демонстрация неспособности оголтелых сторонников радикальных реформ управлять экономикой и их мелкохищническое стремление быстро превратить средства производства в наличные деньги. Кому принадлежат недра страны сейчас, конституция умалчивает. Убрали этот пункт, – и природные ископаемые уже не общенародная собственность, в отличие от многих стран, где доходы от углеводородов распределяют по счетам своих граждан. Приняли закон «О недрах», согласно которому недра объявлены государственной собственностью (не общенародной!), но пользователями этих недр могут быть иностранные граждане (ст.9). Своему народу энергоресурсы по рыночной цене, плюс акцизы, плюс налоги, а свободное пользование – монополиям в т.ч. с иностранным участием. ТАСС сообщает 27.01.2017 г.: «Сбор НДС в 2016 г. снизился примерно на 300 млрд. рублей из-за динамики цен на нефть». Об этом доложил глава ФНС М. Мишустин. Но ведь налог называется не с цены – ФОб-граница Родины, а «налог на добычу», т.е. с объёма. При этом динамика к понижению цены случается на внешнем рынке, на внутреннем только растёт. Глава ФНС спутал налог с таможенной пошлиной, которая колеблется между ценой реализации на внешнем рынке и аппетитом на получение прибыли частной компанией. Это же разные вещи. Выходит, налог на добычу взимается не с того,

что вышло из скважины, а того, что пересекло границу? Не мудрено, что те, кто добывает нефть и газ, налоги на добычу природных ископаемых платят, но ровно столько, сколько могут себе позволить – с цены на мировых рынках. Она часто ниже, чем внутренняя цена на Санкт-Петербургской бирже. При этом добыть может любой сколь угодно много (в рамках лицензии; но кто добычу отслеживает?). В том числе иностранный пользователь, у которого цена будет, безусловно, низкая, потому что перепродаёт скорей всего сам себе. Как бы эти цели расхищения и лоббирования чужих интересов не отрицали, по факту всё выглядит именно так. А чтобы у новых поколений не было лишних вопросов, законодательство переписали так, чтобы всё было как бы(!) законно. Поэтому налог на ископаемые оказался в зависимости от цены на внешнем рынке. Именно «как бы», потому что всё что делается, противоречит даже либеральной конституции. Она утверждает: «единственным источником власти в РФ является её многонациональный народ», а что только не делается за спиной народа, в т.ч. расхищение невозобновляемых ресурсов. Она утверждает, что «охраняются труд и здоровье людей», а 3/4 экономики целенаправленно разрушено, больницы, медпункты в малонаселённых поселениях закрываются, государство не только не попыталось сохранить рабочие места, оно способствовало их ликвидации, передавая в частные руки, и люди лишились права на труд и на здоровье. Нарушение конституции (даже либеральной) – налицо.

Почему это произошло? Потому что эти положения Конституции, соприкасаясь с жизнью, демонстрируют не права народа, а лицемерие чиновников, пришедших в 90-х годах к власти, которым «западные ценности» ближе, чем эти ничему не обязывающие положения Конституции. В результате к нам пришла не свободная конкуренция (с кем иностранцам конкурировать, с руинами?), а диктатура западных интересов и так называемой западной демократии, которая продемонстрировала полное подобие любой другой диктатуре, когда есть одно «правильное» мнение, все остальные взгляды – «реакционные». Более того, если вспомнить заголовки газет, – другие мнения были приравнены к идеологии фашизма. Вспомните начало XX века, когда французский, английский и бельгийский капитал в стране преобладал и диктовал, чему развиваться в России – сырьевым отраслям и средствам их доставки. То, что мы наблюдаем сегодня, подтверждает правило: история повторяется на очередном витке спирали и опять не в пользу народа. Запад не готов и не намерен с нами (и вообще с кем-либо) делиться комфортом, которого он достиг (и которым пользуется) в т.ч. за счет других народов. Все, кто хочет к нему присоединиться, ограничиваются мизерными квотами на производство и поставки – это чтобы не ущемить интересы коллективного Запада, не повлиять отрицательно на занятость в Евросоюзе. Президент США это открыто называет: защищать «наши (американские) интересы». Проблема Запада заключается в том, что всё меньше

стран и народов, которые готовы за банку баварского пива и туалетную бумагу отдать суверенитет страны и предоставить на разграбление свои природные ресурсы. Россия оказалась такой одной из немногих в конце XX века. Новая власть намеренно к этому вела, ибо так (открыв границы) ей было легче добиться на первых порах расположения народа, чем самой заниматься устройством жизни внутри страны. Что значит «рынок отрегулирует»? Это значит отдать страну под власть анархии. Но анархия ещё нигде, никогда, ничего не отрегулировала. Отрицать регулирующую роль государства (ФРС в США, как и финансовая система Евросоюза, не отрицают роль государства) может только человек, не понимающий разницу между регулятором общественно-экономических, кредитно-финансовых отношений и анархией. Для достижения такого же комфорта своим трудом в собственной стране нужны знания, умение, опыт и многие годы, а личные дворцы, яхты и самолёты ревнивым «радетелям за интересы народа» требовались сразу, на следующий день после прихода к власти.

Теперь что касается сознания населения: пока он за стабильность, а не за развитие, изменить что-либо в экономической политике очень сложно. Уже выросло поколение, которое не знает, что такое индустриальное общество и чем оно отличается от общества потребления. Оно не знает, что такое великие стройки и энтузиазм, с которым молодёжь ехала эти стройки поднимать. Нынешнее молодое поколение при-

учают не созидать, а только потреблять. Все институты власти направлены на пропаганду идей стабильности и потребления. Но чтобы потреблять, надо где-то зарабатывать. К чему толкает общество потребления? Добывать деньги любым путём. Что делать, когда законных путей – раз, два и обчёлся: продавцы, охранники, водители. Всё более востребованной, соответственно состоянию жилого фонда, становится профессия сантехников. Для цифровизации рынков и банков – программисты. Вот эти вакансии – показатель уровня развития нашей рыночной экономики сегодня. Все предыдущие достижения слили в канализацию вместе с идеями равенства и братства. Как и производство качественных товаров. Общество потребления – это общество производства отходов. Погоня за прибылью стимулирует воспроизведение как раз не очень надёжной техники, не очень хороших и качественных товаров, чтобы потребитель, не успев попользоваться, их выбрасывал и покупал новые. Те, кто умеет только критиковать и разрушать, создали Институт экономики переходного периода (по аналогии с социализмом, который, как нам объясняли, являлся переходным этапом к коммунистическому обществу). Разница состоит в том, что если в переходный этап от капитализма к коммунизму была создана индустриальная база уже за 20 лет, а после разрушительной Отечественной войны эта база была восстановлена за 10 лет, то переходный этап обратно от социализма в капитализм, который уже длится 30 лет, не принёс пока

никаких, заметных хотя бы для статистики, положительных результатов: число крупных предприятий сократилось в 3–4 раза (и продолжает сокращаться) по сравнению с 1991 г. О чем это говорит? О неэффективности работы института (учитывая, что он – главный теоретик «переходного периода», с ним консультируется Правительство). Что закономерно: люди, консультирующие Правительство, проявили свои способности пока только в деградации экономики, а не в её строительстве. Причина лежит в либеральной теории, где ключевым инструментом является не капитал (как в капиталистическом обществе), и даже не финансы, а псевдоденьги, которые быстро научились превращать в доллары США. На последних президентских выборах четко прозвучало: «импортозамещение не нужно (из выступления доверенного лица кандидата в Президенты России К.Собчак в 2018 г.), нужно просто торговать». Это значит, что промышленного развития в планах тех, кто намерен войти во власть, вообще нет. Слава Богу, власть имущие сегодня не во всём согласны с либеральными «консультантами» в экономической политике касательно роли государства, но в Совете по культуре их слишком много, и мы видим, как она деградирует: на "Русском радио" русская народная песня – не формат (Е.Маркина). Как можно понять людей, пришедших на выборы и проголосовавших за эти партии, когда нам прямо говорят, что их представители своим экономическим положением довольны, и им развитие не нужно? Вот они – за стабильность,

и мотивы их понятны. Нам внушали: командная экономика неэффективна. А рыночная, которая привела к сокращению производства, промышленного потенциала, рабочих мест и даже продолжительности жизни. Эффективна? Если опросить миллион человек: что лучше, рабочие места и зарплата при командной экономике или, как сейчас, их отсутствие в рыночной? Не думаю, что большинство будет за рыночную со всеми её плюсами. В жизни как в законодательстве: всё прописали, но ничего не гарантировали.

Прислушиваться надо не к тем, кто привёл страну к банкротству, а теперь принялся критиковать от лица народа тех, кто отстранил их от власти, а к тем, кто умеет создавать (например, производство и рабочие места, ибо чтобы потреблять, надо сначала заработать деньги, а не наоборот). Еще мне могут возразить: советский режим преуспел в строительстве крупного производства, но какой ценой? Традиционный, хотя и справедливый вопрос. Но я бы добавил: во имя чего? Бессмысленно отрицать заслуги режима, который вывел страну на путь социального, культурного и экономического подъёма. Цена заплачена немалая. Вечная память тем, кто пострадал невинно. Кровь невинных жертв лежит на руках конкретных людей, в т.ч. на тех, кто не гнушался писать доносы. Их кровь – это не следствие и не вина проекта построения социально справедливого государства, а практики воплощения его в жизнь и реальных исторических условий. Многие пострадали потому, что не согласны были с госу-

дарственным курсом (как и депутаты Парламента, расстрелянного в 1993 г.). Повстанческие крестьянские движения в 1918–1921 годах против продразвёрстки часто носили вооруженный характер и возглавлялись анархистами, которые признавали местные Советы и выступали против центральной власти. Это было чревато раздроблением государства, а разъяснять малограмотному населению проблемы укрепления не только власти, но и государства, не было возможности в условиях военного времени. Помимо запутавшихся и пошедших за анархистскими лозунгами много было и таких, кто открыто и скрытно сопротивлялся (красный террор хронологически – это ответ на белый террор), потому что терял свои привилегии и привычный комфорт (как сегодняшний коллективный Запад), манипулировал сознанием людей, привлекая их на свою сторону. Много было в лагерях преступников (разве кто-нибудь станет утверждать, что в советском государстве было совершенно покончено с преступностью?), которые строили каналы, добывали руду и валили лес. Оказавшись в одном ряду с политическими заключенными, они превратились в постсоветское время в «узников совести». Особенно ярко мы наблюдаем это по событиям на Украине. Реформаторы 90-х годов жестко осудили то, что было в СССР и «под соусом» «заботы о человеческих ценностях» включили свой репрессивный аппарат сначала против отдельных личностей, например, С. Бондарчука, а потом и против всего старшего поколения (очень демократично!):

они стали «наследниками воров» (из интервью одного из лидеров реформ). Презрительное отношение к народу и нежелание считаться с его мнением привели к дележу «вотчин», не разбирая границ, вместе с людьми, ставших заложниками реформ. В результате брат пошел на брата в Одессе, Донецке, Горловке и Луганске, возникли конфликты на Кавказе и в Азии. Везде, где Россия поднимала промышленность, развивала национальную культуру, она вдруг превратилась в "оккупанта". Из всех южных республик (кое-где с оружием) изгоняли наших соотечественников (об этом, наконец, откровенно заговорили в кино и литературе). Перечисленные конфликты принесли жертв не меньше, чем гражданская война в начале XX века. Российские граждане нищали на глазах. Бывшие интеллигентные люди пошли продавать старые вещи или побираться, чтобы выжить. Немало талантливых и умных выехало за границу из-за невостребованности. Масштабы такого рода репрессий против собственного народа несопоставимы с ГУЛАГом, потому что охватили всю страну и все слои общества.

Большевиков, заключивших Брестский мир, упрекали в развале страны. Но подлинный развал России, как наследника Российской империи, начался в 1991 г. Во имя чего были затеяны реформы? Чтобы развалилась страна, рухнула экономика, которая создавалась многими поколениями, и осталась только свобода засорять мозги молодёжи пустой демагогией о мнимых свободах, безвкусицей в культуре и возмож-

ностью критиковать власть? Но ведь даже и это не для всех – только для тех, кто разделял идеологию карательных реформ и получил доступ к средствам массовой информации. Что также противоречит даже либеральной конституции. Попробовал бы кто-нибудь возразить. Парламент возразил, и вот эта «свобода слова» черной меткой от пушечных выстрелов на Белом доме оставила след в истории страны. Пытливо-го читателя, которого заинтересовал этот «след», отсылаю к брошюре С. Говорухина «Великая криминальная революция».

А своими заметками я вместе с читателем пытаюсь понять, что скрывает от нас официальная пропаганда и статистика. Взялся я за этот анализ в связи с тем, что надоело слушать заявления о подъёме, о том, что «спасли от голода» (за счет нефти и газа – кто бы не смог? но они даже это не смогли). Именно в конце 80-х – начале 90-х голые полки магазинов стали приметой времени, – показатель неумения управлять и созидать, потому что поросли сорняком миллионы гектар пахотных земель после развала колхозов и совхозов. Позже стало что-то меняться, жизнь стала налаживаться благодаря тому, что укрепился государственный сектор экономики. Темпы банкротств упали, однако частный бизнес так и остался НЕнадёжной структурой: работа здесь не гарантирует ни зарплату достойную, ни стаж, ни занятость, ни будущее. Судьба простых людей отдана во власть стихии рынка, который всё регулирует избирательно в интересах ино-

странцев: фирм, предпринимателей, рабочих рук. При этом по статистике, в среднем, оказывается, происходит чудодейственное возрождение всех слоёв общества. Но народ – это не те, кто обживает апартаменты внутри Садового кольца и имеет связь с Кремлём. Откровенный бардак 90-х был остановлен, стал наводиться порядок. Но это – ещё не благополучие. Это был сделан только первый шаг. В остальном пока – болото.

Мы наслушались пропаганды о плюсах рыночной экономики в пользу широкого потребителя, о преимуществах капиталистического способа производства (!), причем слышим это от тех, кто его (производство) в действительности разрушал последние 30 лет. Приметой капитализма является товарное производство, а не восточный базар. Более того, я готов согласиться с некоторыми преимуществами свободного рынка производства и обеспечения общества комфортными условиями и товарами, оставив за скобками вопрос качества. Но какое это имеет отношение к тем, кто начал с того, что всё разрушил «до основанья», а затем был призван человек старой формации (Е. М. Примаков), который с трудом смог остановить этот курс на банкротство и дальнейшее разрушение государства? Как только остановил – его тут же сняли. Вывод напрашивается сам собой: на одном сырье не капитализм мы строим, а скорее протекторат, подвассальную территорию (хоть и с возродившейся армией), поскольку, по мнению доморощенных теоретиков рынка, не нужно ника-

кое производство, надо как можно больше добывать нефти и газа и на них покупать всё, что нужно для комфортной жизни избранных. Заявления Президента о том, что надо развивать несырьевые отрасли, пока остаются словами. Потому что именно так (если кто-то забыл) планы строили лидеры реформ в начале 90-х годов. Именно так, по словам американского президента Клинтона, Россию взяли голыми руками без применения атомного оружия. Президент ставит цель уходить от сырьевой зависимости, но одобряет работу Правительства и Центрального банка, которые продолжают курс 90-х годов. Сейчас доморощенные «капиталисты» у нас строят офисы для западных производителей и торговые центры для продажи их продукции, пропаганда навязывает мысль о том, что важно не промышленное производство, а производство услуг, т.е. услуг по обслуживанию их производства. Мы-то теперь уже знаем, что это за услуги, часто навязываемые, потому что большинство предложений раздаётся по телефону, и они с признаками мошенничества (с этим, убеждён, столкнулся едва не каждый потребитель в стране). И государство не спешит защитить население, оно всегда опаздывает. Если говорить о реальных услугах, то, уверен, без промышленности не может быть и услуг, тем более, связанных с производством. Торговля – это только торговля. Поэтому ни один разумный человек в признаки или преимущества капиталистического способа производства её не причислит. Тогда какой же это капитализм? Что касает-

ся торговли, то она была и в средние века, и при рабстве. Частный капитал – как единственный признак российского капитализма? Глупость. Частники торговали на рынке и при феодалах и при социализме. Это просто частный капитал, бумажки, полученные взамен станкам, отправленным на металлолом.

Торговый капитал, если уж судить строго классически, не капитал вовсе. «Понятие капитал (согл. «Экономикс» Макконел и Брю, стр.26) охватывает все произведённые средства производства... Термин «капитал» не подразумевает деньги».

В своих размышлениях я исхожу из официальной, часто противоречивой, статистики, с тем, чтобы за внешне благополучной витриной (по телевизору) разглядеть реальную картину, а не навязываемую пропагандой. Программа ТВ ОТР в этом помогает.

Многим покажется, что ничего нового я не предложил – всё можно найти в интернете. Согласен. Выводы можно делать только когда есть с чем сравнивать.

Я использую преимущественно официальные данные, на основе которых делаю расчеты. А расчеты – это всего лишь метод статистического анализа, математика. А она беспристрастна. Личностные эмоциональные оценки без желания кого-либо обидеть – невольная реакция на результат математических расчетов.

Выводы напрашиваются сами собой. При этом я никого

не склоняю безусловно соглашаться с моими аргументами. Не везде я тщательно исследую то или иное явление, важно обозначить тенденцию, потому что официальная статистика удивительно нестабильна: Росстат часто пересматривает свои таблицы по ВВП, инфляции, потребительским ценам. Я лишь призываю задуматься над тем, что мы тяжело пережили либеральные реформы 90-х годов, и наступать на те же грабли, особенно когда идём на выборы, было бы верхом безумия. Не менее тяжело переживаем оберегаемое сегодня государством расслоение общества, когда отдаются преференции росту богатства у 10% избранных в ущерб социально-экономическому положению всего остального населения.

Расчётами я попытался восполнить недостающую информацию о реальной экономике страны и положении тех, кто остался невидим за среднестатистическими данными, чтобы каждый человек мог сам сделать свой выбор и свои выводы.

Приношу извинения за многочисленные повторы, но при публикации статей в интернете повторы были необходимы, т.к. не предполагали, что читатели видели ранее опубликованные таблицы и читали выводы, которые из них следовали. Переписывать статьи заново не имело смысла – суть проблем, мотив, побудивший к их написанию, и выводы от этого не изменились бы: ведь главная цель – увидеть тенденцию. К публикации в центральной прессе статьи не принимали, т.к. свобода слова в нашей стране не распространяется на мнения, отличные от официальной точки зрения. Поэтому и

прибег к публикации сборника, чтобы убедиться, что не всё так плохо со свободами, можно при желании найти если не окно, открытое к ветру перемен, именуемых «свободой слова», то хотя бы форточку.

Мои заметки могут кому-то показаться слишком пессимистичными. Поэтому в заключение хочу повторить вслед за Александром Зиновьевым: "Отчаиваться не надо". Время покажет, кто прав.

Кризис экономики – условие процветания «Элиты»

Последнее время пресса и вообще СМИ много пишут о стрессоустойчивости российской экономики, но, наблюдая жизнь вокруг себя и просматривая кое-что из статистики, я вижу, что до оптимизма нашей экономике еще далеко. Чтобы объективно оценить перспективы, абстрагируемся от некоторых факторов субъективного характера. Например, смена лидеров может резко поменять вектор развития в худшую или лучшую сторону, поэтому утверждать что-либо, имея опыт 90-х годов, – это слишком самонадеянно. А принимать тупиковую ситуацию, когда механизм не работает, за стрессоустойчивость, – значит демонстрировать свою некомпетентность. Либеральный подход к профессиональной подготовке и расстановке кадров, как показывает жизнь, усугубляет ситуацию. Кроме того, к некоторой дезориентации при принятии управленческих решений может привести отсутствие объективной информации. Когда цифры «греют душу», и никто не задает неудобных вопросов, складывается идиллическая картина, что всё хорошо. А сложил цифры, сопоставил – всё плохо. Я попытался сравнить рост ВВП с темпами роста факторов, на него влияющих, и увидел, что «пазлы» не сходятся. Более того, увидел, что стресс в эконо-

мике – это фактор, на который всё ещё положительно отзывается наш российский бизнес, для него это – благо: больше безработных – дешевле рабочая сила, сочувствие фискальных органов, которое проявляется в снижении экспортных пошлин и вместе с тем рост цен, а с ним и рост доходов. Рост частных состояний 10% самых богатых и бегство долларов за границу (2014 г. – отток 151 млрд. \$ странным образом совпадает с максимальным ростом рублёвой денежной массы относительно темпов роста ВВП) – тому свидетельство. Такая стрессоустойчивость.

Известно, что за период с 2009 г. по 2014 г. номинальный ВВП вырос с 38807,2 млрд. р. до 70975,6 млрд. р. (в обновленной версии Росстата было уже 71406,4 млрд. руб., потом оказалось – 77945,1 млрд. руб. – только успевай исправлять таблицы, но принципиального значения это для нашего анализа не имеет). Итак, смотрим, как рос ВВП:

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Номинальный ВВП, млрд. руб.	38807,2	46308,5	55799,6	62599,1	71016,7	77945,1
Козф. роста к 2009 году	1	1,19	1,44	1,61	1,83	2,01
Козф. дефлятор	1,02	1,142	1,155	1,085	1,05	1,072
Реальный ВВП, млрд. руб.	38046,27	40550,35	48311,34	57695,02	67634,95	72709,98
Козф. роста к 2009	1	1,07	1,27	1,52	1,78	1,91

(Росстат. Макроэкономические показатели.)

Констатируем следующее: рост реального ВВП отстал от роста номинального на 10%. При этом индекс-дефлятор вы-

рос на 64% (Росстат). Логично предположить, что реальный ВВП, если следовать расчетной формуле, в 2009 г. должен был составить 47–48 млрд. руб. (77945,1/1,64). Арифметика Росстата не сходится. Впрочем, не удивлюсь, если цифры все уже поменялись.

Обратимся к индексам потребительских среднегодовых цен (в % к предыдущему году):

2009	2010	2011	2012	2013	2014
1,0636	1,0711	1,0365	1,0605	1,054	1,10665

Здесь мы видим, что цены на потребительские товары и услуги за период с начала 2009 г. до конца 2014 г. выросли на 46,06%. На наш обывательский взгляд индекс роста потребительских цен (ИПЦ) может незначительно отличаться (в большую сторону) от индекса – дефлятора, а он ниже почти на 20%. Причем, если ИПЦ учитывает (в отличие от дефлятора) импортные цены (которые растут соответственно росту курса доллара, а это плюс 21%), то логично предположить, что ИПЦ должен быть выше на 20%, чем индекс – дефлятор. В нашем случае всё наоборот. Смотрим денежную массу М2 – выросла в 2,4 раза. Таким образом, убеждаемся, что рост номинального ВВП на коэффициент 2,04 раза (вместо 1,64) скорее связан с ростом денежной массой, чем с товарной. Цены чуть отстали, но это значит, что они обязательно наго-

нят отставание. ВВП будет снова корректироваться.

Возникает вопрос: на что пошли дополнительно выпущенные деньги?

Средняя заработная плата, если верить официальной статистике, выросла в 1,74 раза. Если предположить, что часть денег действительно пошла на увеличение доходов всего населения (а не только номенклатуры), то должен быть и рост оборота розничной торговли. Действительно он вырос в 1,8 раза (если верить статистике). Однако темп роста заработной платы уступает темпам роста ВВП, которые в свою очередь уступали темпам роста денежной массы.

Отношение темпов роста М2 относительно темпов роста ВВП:

2009	2010	2011	2012	2013	2014
1	1,1	1,21	1,26	1,27	1,39

Если ВВП – это продукт, а не денежная масса, то посмотрим, что происходило с его производством. Для этого возьмём не индексы в денежном выражении, а чисто индексы физического объема таких секторов экономики, как добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, производство необработанной древесины, производство машин и оборудования, металлургического, основного пищевого, мебельного производства и вычислим средний показатель. В

результате получим такой «прирост»:

2010	2011	2012	2013	2014
1	1,1493	1,1152	1,0688	0,9892

Это – не «реальный» расчётный ВВП Росстата, а реальный объём произведённой продукции в штуках, тоннах и т.д. И мы понимаем, что индекс роста номинального ВВП, как, впрочем, и реального, скорее совпадает с коэффициентом денежной массы, чем с товарной продукцией. Иначе говоря, при расчете «реального» ВВП сказывается эффект роста денежной массы и стоимости импорта, в результате чего показатели Росстата совершенно отрываются от материального производства внутри страны. Импорт, который влияет на индекс потребительских цен, несмотря на его значительный рост, особенно в 2012 и 2013 годах, как мы видели, не так сильно толкает ИПЦ вверх, как внутренние факторы при реальном сокращении производства. Ситуация в экономике, представляется, намного хуже, чем нам хотят её представить, и она никак не связана с санкциями 2014 г., т.к. падать производство стало задолго до них, и, следовательно, является результатом системных проблем в управлении экономикой. На этом можно было бы закончить анализ. Но попробуем немного поразмышлять о причинах.

Для этого обратимся к статистике использования ресурсов. К основным ресурсам, как известно, относятся: земля, природные и трудовые ресурсы, капитал.

Земля в целях подъёма производительности у нас превращается не в кормилицу, а средство расхищения и обогащения. Там, где сохранилось земледелие, она обрабатывается по китайскому методу – перенасыщается гербицидами и пестицидами. Становится невозобновляемым ресурсом. Россельхознадзор фактически поощряет злоупотребление химией, увеличивая нормы, вместо ограничения использования химии (мнение заслуженного эколога А.Пешкова). Площадь пустующих земель растёт. Так безрассудно губится земля – кормилица.

Для оценки использования природных и трудовых ресурсов используем такой агрегатный показатель, как налоговые сборы, которые отражают источники формирования бюджета, а, следовательно, состояние экономики, и дают представление об эффективности использования ресурсов, т.е. национального достояния. Официальные показатели сбора налогов за 2009 г. и 2014 г. (млрд.р.):

Вид дохода в бюджет	% от всего		2014 г.	% от всего
	2009	дохода		
Консолидированный доход. Всего:	13599,72		26371,06	
В т.ч.				
Налог на прибыль организаций	1264,64	9,29	2374,66	9
НДФЛ	1665,82	12,25	2700,72	10,24
НДПИ	1053,84	7,75	2904,85	11,02
НДС	1176,91	8,65	2188,27	8,3

В либеральном мире деньги заслоняют человека, но мы видим, что при сборе налогов человек не перестал быть "мерой всех вещей": прибыль бизнеса через призму сбора налогов заметно уступает доходам населения. Вот с этой "меры" и начнём. Примем человека за основной критерий наших оценок состояния экономики. Примем также во внимание тот неоспоримый факт, что в статистике все явления находятся во взаимозависимости (численность рабочих или занятых, средняя заработная плата, а, следовательно, и фонд заработной платы), чтобы установить, так ли уж соответствует среднемесячный статистический заработок реальным доходам населения. Тот же человеческий фактор используем, как инструмент, для оценок эффективности использования других ресурсов. Исходим из того, что взаимная зависимость и обусловленность статистических показателей позволяют определить на основе ряда известных параметров неизвестные показатели и проверим данные путём их сопоставления. Мне приходится это делать потому, что со-

временная статистика нарушает главный принцип достоверности: она намеренно не учитывает, что всякое общественное явление состоит из очень большого числа элементов, которые между собой существенно отличаются друг от друга по ряду признаков. Так, население делится по возрастным группам для того, чтобы определить потребность в дошкольных или учебных заведениях, рост или наоборот снижение нагрузки иждивенческой части населения, рост или снижение численности рабочей силы в перспективе, среднюю продолжительность жизни... Занятое население должно также делиться по уровню заработной платы. Если группировка не делается, значит, либо нарушается основной принцип статистики – не собирается достаточно репрезентативный материал путём статистического наблюдения, либо искажается, либо намеренно затушевывается расслоение общества и создаётся неверное представление об общем подъёме или падении доходов населения и экономики страны. Обратимся опять к цифрам по использованию трудовых ресурсов через объявленную среднемесячную зарплату и рассчитаем ФОТ и численность занятых:

Год	НДФЛ (13% от ФОТ за год)	Среднемесячная начисл.з/плата	ФОТ (за год)	Численность (расчетная) занятых
1	2	3	$4=2 \times 100 / 13$	$5=4 / 12 \text{ мес.} / 3$
2009	1665,82 млрд.р	18638 руб.	12814 млрд.р	57,29 млн. чел.
2014	2700,72 млрд.р	32495 руб.	20774,77 млрд.р	53,28 млн.чел.

Отметим, что официальные данные по занятым таковы: в 2009 г. – 69,4 млн., а в 2014 г. – 71,5 млн. человек. Как видим, расчетная (по среднемесячной зарплате) численность занятых в экономике не соответствует официальной статистике. Либо среднемесячная заработная плата значительно ниже (официальное значение завышено путём группировки тех, чьи доходы исчисляются миллионами, вместе с теми, кто получает меньше МРОТ, что искажает реальное денежное обеспечение населения; Все понимают, что средняя зарплата в стране формируется путем сложения таких должностей, как генеральный или технический директор, начальник финансово-экономической службы /от 300 до 825 тысяч, особенно высокооплачиваемые должности в нефтегазовой сфере/, таких рабочих профессий, как электросварщик, шахтер, электромонтер /от 16 до 40 тысяч рублей/ и значительно-го числа тех, кто получает до 16 тысяч рублей. При росте зарплаты только у директоров, равно как и при сокращении численности низкооплачиваемых рабочих, статистика будет фиксировать рост средней), либо занятых значительно меньше. Возможно, 53,28 млн. человек – это и есть среднесписочный состав рабочей силы, т.е. реально занятые. При этом очевидна тенденция к снижению занятости. Чем же «заняты» 18,22 млн. человек? Учитывая контроль налоговой инспекции, я склонен считать расчеты по заработной плате более достоверной информацией, чем официальную статистику.

ку занятости. Отсюда:

Год	Расч. число занятых (тыс.чел.)	Число занятых по статистике (тыс.чел.)	Численность населения возрастной гр 15-72 лет (тыс.чел.)	Численность населения возрастной гр 16-54(60) (тыс.чел.)	Доля занятых, расчетный %	Доля занятых, расчетный %	Доля офш. за н ятых, %	Доля офш. за н ятых, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2009	57290	69400	111917	89342	51,19	64,12	62,01	77,68
2014	53280	71500	110226	85414	48,34	62,38	64,87	83,71

Как видно из таблицы, занятость даже по официальным данным вызывает тревогу за состояние экономики: 16,29% (100%-83,71%) трудовых ресурсов (для возрастной группы от 16 до 54 лет для женщин и 60 лет для мужчин) фактически являются безработными (по официальной статистике безработными и незанятыми). А если вернуться к расчетам занятых по среднемесячной зарплате, то всё значительно драматичнее: от 37% (100%-62,38% для возрастной группы до 54/60 лет) до 51% (100%-48,34% для возрастной группы до 72 лет) трудоспособного населения в стране не имеют постоянного заработка. В 2009 г. – от 36% (100%-64,12%) до 49% (100%-51,19%). Допускаю, что они нанимаются на временную, вахтовую или сезонную работу, но постоянного заработка не имеют – это факт. Ситуация с занятостью явно стабильно тяжелая, тенденция негативная, даже если опираться в расчетах на официальную статистику. Отсюда, если не делать вид, что миллионы граждан не заинтересованы в поиске работы, и блаженно делать вывод, что они «заняты в домаш-

них хозяйствах» только на том основании, что они не зарегистрировались на бирже труда, значит, отрицать очевидное – такой ресурс, как рабочая сила, используется в стране крайне неэффективно. То, что дачи имеют примерно 40% россиян, не означает, что в их число попадают все 100% незанятых в реальном секторе экономики, т.е. кормятся своим трудом на клочке земли. Поэтому правильнее их с полной ответственностью отнести к безработным. Это корректно для объективной оценки реального состояния экономики. Соответственно, безработных нам надо исчислять не так, как по официальной статистике (согласно методике МОТ) – 6284 тыс. человек (2009 г.) и 4400 тыс. чел. (в 2014), а как минимум: 19942 тыс. (89342–69400) и 13914 (85414–71500) тыс. человек соответственно для 2009 г. и 2014 г., и как максимум – 32052 тыс. (89342–57290) и 32134 тыс. (85414–53280) человек.

Таким образом, уровень безработицы в стране от 16,3 до 37,6% (для возрастной группы от 16 до 54/60 лет), а не 4–5%. Профильные министерства, полагаясь на официальные данные, очевидно, не придают этому значения. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Между тем, создание рабочих мест – это не только решение многих социальных проблем, это рост потребительского спроса, стимулирующего развитие рынка, и это также решение проблемы пенсионных накоплений.

По закону Оукена при превышении безработицы выше

естественного уровня на 1% происходит отставание прироста ВВП примерно на 2,5%. Если естественный уровень безработицы 5–6%, то реальное число безработных в 16,3%, согласно расчетам, приведенным выше, недодало прирост реального (номинальный и без того имеет нереально высокие темпы) ВВП в 2014 г. на 26%. Уровень безработицы в 37,6% недодает уже 79% прироста. Высокая безработица – это также яркий показатель зависимости страны от импорта. А провозглашенная политика импортозамещения пока не дает каких-либо реальных для занятости результатов. И в ближайшие двадцать пять лет без кардинального подхода к этой проблеме вряд ли создаст 15–20 млн. рабочих мест. Похоже, Правительству эта задача не по зубам.

Какие еще напрашиваются выводы из приведенных таблиц?

Доля налога на доходы физических лиц в 2009 г. превосходила доли всех остальных налогов. В 2014 г. доля НДФЛ чуть сократилась, уступив НДС, но по-прежнему превосходила долю налога на прибыль организаций и НДС. При этом надо иметь в виду: всё, что вошло в эти налоги, сразу отразилось на ценах. Это говорит о том, что государство делало упор на налогообложение (прямое и косвенное) физических лиц (т.е. с упором на широкий охват населения), сохраняя льготный режим к корпоративным доходам. Это (т.е. низкое налогообложение крупного бизнеса, паразитирующего на разработках сырья, которое государство впол-

не умудряется компенсировать поборами с многочисленного и лишённого государственного покровительства мелкого предпринимательства), казалось бы, должно стимулировать (через низкие внутренние цены) рост производства потребительских товаров и промышленного оборудования. Но явилось ли это стимулом? Как мы видели выше – нет, низкое налогообложение у нас стимулом для роста производства и понижения цен не является. Преференции никак не сказываются на росте внутреннего производства и занятости. Напротив, судя по фонду заработной платы, рабочие места продолжают сокращаться. ФОТ (если верить базовым цифрам Росстата) составил 33% и 26,65% от ВВП соответственно в 2009 и 2014 г. Поэтому значение средней заработной платы – показатель не роста доходов рабочих, а инструмент для расчета ФОТ, не более. Известно, что налоги собираются для того, чтобы их перераспределить в интересах соблюдения принципа справедливости. Если налоги на корпоративные доходы низкие, значит, перераспределение происходит в обратном направлении – от бедных к богатым.

Доля налога на добавленную стоимость в консолидированном доходе, как видно из таблицы, довольно низкая (максимальная ставка 18%, льготная – 10%, следовательно, налогооблагаемая база фактически ниже, но не более 6 538,39 млрд.р. и 12 157 млрд.р. соответственно в 2009 и 2014 гг.). Это – 16–17% от номинального ВВП (но добавленная стоимость – это то, что создано трудом и оплачено, следователь-

но, и это может означать долю фонда оплаты труда, да ещё включая другие затраты, что значительно меньше 33%). При этом обратим внимание, что только розничный товарооборот в стране составляет около 21–22 триллионов рублей в год. Это подводит нас к парадоксальному заключению, что на российском рынке реализуются преимущественно товары с низкой степенью обработки, без добавленной стоимости, т.е. по цене почти на уровне издержек. А статистика нам сообщает, что в формировании ВВП более 20% прироста товарной массы составляет продукция (товары и услуги) обрабатывающих производств, транспорта и связи. Значит, только эти сектора экономики должны обеспечить базу для обложения налогом на добавленную стоимость в 14195,12 млрд. рублей. Версию, что всё, что не попало в официальную статистику, в России производят и перепродают индивидуальные предприниматели, освобожденные от уплаты НДС, из рассмотрения исключим, как абсурдную. В любом случае доля НДС должна быть больше, учитывая, что налог берётся с полной добавленной стоимости (а для расчёта зарплаты – только часть) и, кроме того, НДС – это 10 и 18%, а НДС – это 13%. Очевидно, собираемость налогов или добавленная стоимость в стране на очень низком уровне. НДС начисляется на реализованный товар или услугу, т.е. на затраты (включая заработную плату) на их производство. Отсюда у всякого предпринимателя возникает соблазн с одной стороны показать, что всю прибыль съедают затраты (тогда

они растут), а с другой – надо эти самые затраты в целях повышения рентабельности сократить до минимума. Баланс между этими двумя противоположными тенденциями каждый находит по-своему. Если заработная плата у большинства работников на низком уровне, но при этом доля НДФЛ в формировании бюджета сохраняет лидерство, значит, найдена золотая середина, и она не в пользу наёмных работников, т.к. реально ФОТ составляет долю от ВВП не более 15%. Налог, если он побуждает занижать оплату труда и сказывается больше на ценах, чем на доходах бюджета (как НДС), – беда для экономики.

Сумма сборов НДФЛ (в России налог один из самых низких в мире, если не знать о существовании прогрессивного) сопоставима с суммой налога на добычу полезных ископаемых. Логично предположить, что и НДС у нас один из самых низких. Особенно на фоне того, что Россия является одним из ведущих экспортёров сырья. Доходы от природных ресурсов, которые добываются и в значительной степени в сыром виде отправляются на экспорт, формируют бюджет немного более чем на 50%. Часть прибыли добывающие компании выдают в конце года ТОП менеджерам в виде премиальных, сопоставимых с годовой зарплатой всех рабочих и служащих вместе взятых. Но не торопятся повышать степень обработки сырья. Нефтеперерабатывающие заводы в лучшем случае модернизируются (в последние годы) но не строятся новые. Поставлять углеводородное топливо за

рубеж при падении курса национальной валюты оказывается более выгодно, чем реализовывать на внутреннем рынке (экономия на зарплате за счет инфляции и росте курса доллара при активном содействии государства). Чтобы изменить ситуацию, поставка сырья на внутренний рынок для производителей должна быть более выгодной, чем на внешний. А в условиях роста курса доллара и евро по отношению к рублю и погоне за получением прибыли именно в конвертируемой валюте это почти невозможно. За последний год курс рубля упал на 52%, а зарплата рабочих осталась прежней. Значит, в реальности тоже значительно упала. По некоторым оценкам и номинальная зарплата за последний год снизилась на 9%. И пока этот бонус сырьевой сектор не отработает, ничего не изменится. Без государственного регулирования этот вопрос решить нельзя. Вместо этого государство «решает» проблему путем снижения пошлины, например, на нефть, с целью улучшить условия торговли как раз на внешнем рынке. Что это дает собственно экономике? Дополнительные валютные поступления? Как раз наоборот. Значит, государство намеренно отказывается от притока таможенных платежей. Кроме того, государство стимулирует добывающие отрасли иногда путем полной отмены уплаты НДС. В том числе иностранными "партнёрами"? Развитие отрасли не получается, только расширяется география добычи. Сбор этого налога небольшой. Сумма сопоставима с годовой суммой, собранной с физических лиц. Это зна-

чит, что в цену на углеводороды (как базу для расчета налога) не включены многолетние затраты нескольких поколений, вложенных в исследования, разведку, создание производственной инфраструктуры и ноу-хау. В этом "секрет" относительно низкой себестоимости наших углеводородов. А это значит, что все эти направления деятельности не получают должного финансирования, следовательно, отдаются на волю иностранных «партнёров». Работа в этих отраслях ведётся таким образом, как будто разведку недр, пробные бурения, строительство инфраструктуры и т.д. на старых месторождениях проводили нынешние владельцы бизнеса. На самом деле они к этому не имели и не имеют никакого отношения. Государственные затраты прошлого не учитываются в цене сегодня. Не учитывается в затратах и амортизация отечественного оборудования, т.к. используются даже буры преимущественно иностранного производства. Иностранные фирмы, участвуя в добыче наших ресурсов, получают прибыль и стимулируют своё производство. Наши ведомства, очевидно, это устраивает, они намеренно отдают ресурсы в пользование иностранным фирмам, от засилья которых арабские страны в своё время освободились. Почему же наше государство так заинтересовано в привлечении иностранных фирм, их инвестиций и их оборудования? При таком сочетании всех компонентов производственного процесса ресурсы (стратегические: нефть, газ, алюминий, редкоземельные и пр. драгоценные металлы) ещё в земле стано-

вятся как бы иностранными. Мы теряем контроль. Используются иностранные специалисты (деньги – за рубеж), технологии (деньги – за рубеж), техника, оборудование (деньги – за рубеж), патенты (деньги и права – за рубеж), само сырьё – туда же, за рубеж, а с ней дивиденды и прибыль. Стране остаются рентные платежи, как в отсталых странах до их освобождения от колониальной зависимости. При таком соотношении национального и иностранного участия в главных отраслях нашей экономики можно усомниться в достоверности оценки национального дохода. Эта тема ещё требует своего исследования. Но если судить по тому, что национальный доход в 2014 г. Росстатом оценивался по-разному: то в 76626148 млн. рублей, то в 80441480,3 млн. рублей в текущих ценах (в справочнике за 2017 г., добавлено в статью при подготовке к печати), а ВВП – в 79199700 млн. рублей (в нормальной экономике национальный доход всегда меньше, чем ВВП), то это значит, что в России статистика не отражает реальное состояние дел. Впечатление такое, что она подгоняется под какую-то цифру, взятую, как ориентир (например, национальный доход получился больше ВВП /что абсурдно/, отсюда необходимость корректировки ВВП). А как так может получиться? Как вариант: государство наращивает внутренний долг путём займа у банков и через эмиссию денег (в соответствии с монетарной теорией), при этом счёта деньгам не знает, итоги подводит позднее. Делается это с целью поддержать финансовую систему (но не экономику),

которая вследствие неплатежей (кризиса с возвратом кредитов) периодически попадает в критическую ситуацию. Одновременно цель – поддержать платёжеспособный спрос рынка (т.е. бизнес через так называемые социальные, национальные и пр. программы) на товары, завышенные в цене (по причине мелкотоварного внутреннего производства или импорта, привязанного к росту курса валюты) и залежавшиеся на складах. Для возврата долгов государство изымает деньги из карманов населения через инфляцию (усугубляя тем самым ситуацию). Совершенно очевидна зависимость: чем больше растёт потребность в эмиссии денег, тем выше растут налоги, сборы и штрафы. Заработная плата большинству занятых выдаётся символическая (фантиками) или не выдаётся. В такой экономике не рост производства, а инфляция – питательная среда бизнеса. И ключевую роль в этой, так называемой экономике, играет государство, которое отстраняется от регулирования цен и затрат внутри страны и одной рукой борется с инфляцией, а другой само вливает не заработанные бизнесом деньги в экономику и таким образом стимулирует рост цен и тарифов. При этом для обновления промышленного капитала денег у государства нет. Впрочем, теория невмешательства в экономику и не позволяет государству решать эти вопросы. Остаётся только комментировать, приукрашивать на цифрах или на улицах фестивалями, форумами и бесконечными шоу. Одним словом, статистика – если не самая большая ложь, то требует очень се-

рѣзных пояснений. Бизнес на инфляции ничего не теряет – растут цены на товары, растёт в цене имущественный капитал и его доходность. Инфляция делает дешевле акции, облигации, привлекая иностранных инвесторов. По-прежнему делается акцент на привлечение иностранных инвестиций. Но при наличии большого объёма иностранного капитала, который при этом каждый год выводится за границу, страна неизменно будет терять часть своего национального дохода. Доход, полученный на иностранном капитале – это уже чужой доход. Есть такая оценка иностранного присутствия на примере наиболее крупных предприятий, выпускающих более 75% от всего совокупного промышленного продукта:

Показатели доли иностранного капитала в российской промышленности					
Годы	Виды экономической деятельности	Доля вида деят.-ти в структуре промпроизводства		Доля иностр. капитала по виду деят-ти	Доля иностранного капитала во всей промышленности
		млрд.руб.	%		
1	2	3	4	5	6=(4x5)/100
2010	Добыча полезных ископаемых	6212	22,1	50,41	11,14
	Обрабатывающая промышленность	18287	65	29,26	19,02
	Электрэнергетика	3412	12,9	28,76	3,71
	Сумма	27911	100	x	
2012	Добыча полезных ископаемых	6963	19,22	51,19	9,84
	Обрабатывающая промышленность	25098	69,29	34,79	24,11
	Электрэнергетика	4160	11,49	29,49	3,39
	Сумма	36221	100	x	
2014	Добыча полезных ископаемых	10172	23,43	55,77	13,07
	Обрабатывающая промышленность	28757	66,25	39,29	26,03
	Электрэнергетика	4479	10,32	29,73	3,07
	Сумма		100	x	

Сайт: Исторические материалы. Общий обзор иностранного капитала в промышленности России.

Доля иностранного капитала растёт в сырьевом секторе (уже превысила 55%) и в промышленности (преимущественно в финальной, отвёрточной стадии) в целом. Отсюда следует, что все стимулирующие меры государства по снижению таможенных платежей, по НДС – тем самым иностранным компаниям. Справедливо ли это по отношению к своему народу? Вопрос риторический.

Что касается такого ресурса, как капитал. Оговоримся, что нас интересует только та часть внутренних денежных средств, которая инвестируется в экономику. Обратимся к официальной статистике:

Наименование	2009 г.	2013 г.	Доля от ВВП 2009 г. (%)	Доля от ВВП 2013 г. (%)
Номинальный ВВП (млрд. р./млрд. \$)	388072/732,2	66193,7/1248,94		
Инвестиции в основной капитал (млрд. р./млрд. \$)	7976,0/150,49	13255,5/255,50	20,55	20,02

Отметим, что доля инвестиций от номинального ВВП снижается, в то время как доля присутствия иностранного капитала растёт. Это значит, что доля инвестиций в экономику не растёт, а сохраняется примерно на прежнем уровне только благодаря иностранным «партнёрам». Сопоставим цифры: фонд заработной платы в 2014 г. составил около 20

трлн. руб., а инвестиции в основной капитал в 2013 г. составили 13,26 трлн. рублей, т.е. меньше, чем требуется оборотных средств. А ведь рабочий капитал не ограничивается только фондом заработной платы, необходимы средства на банковском счете для закупки сырья, текущих затрат. Из этого следует, что для возобновления процесса производства необходимы средства, намного превышающие 13,26 трлн. рублей. Речь не идёт даже о расширенном воспроизводстве. Поэтому доля налога на прибыль предприятий (35%) в консолидированном бюджете невысока из-за отсутствия прибыли: если 35% – 2374,66 млрд. рублей, то суммарная максимальная корпоративная прибыль всей экономики – 6784,74 млрд. рублей. В пересчете на долларовый эквивалент – по среднегодовому курсу (38,6р/1\$) – 175,8 млрд.\$. Хочу обратить внимание, что в 2014 г. отток денег из страны составил 151,5 млрд. \$. Вот такой получается результат работы Министерства экономики. Возникает не праздный вопрос: кому принадлежит капитал в стране и что остаётся в Национальном доходе?

Честно признаюсь, хотелось бы думать, что я ошибаюсь в его оценке.

Мировая практика показывает, что для нормальных инвестиций в основной капитал, требуется монетизация экономики на уровне 80%. У нас, в России, монетизация в 1999 г. – 14,6%, в 2009 г. – $15267,6/38807,2=39\%$, а в 2014 г. – $32110,5/70975,6/77945,1=45\%/41,2\%$. Возникает пара-

доксальная ситуация: денежная масса растёт, опережая товарную массу, и надо бы сдерживать (что и делает Минфин). Однако её недостаёт для обеспечения монетизации реального сектора, что сдерживает развитие. Между тем не принимается во внимание тот факт, что угроза инфляции формируется именно там, где много денег, но при этом не создаётся добавленная стоимость. В этом противоречие между дефицитной монетизацией реальной экономики и избыточной денежной массой в нематериальной сфере. Рост монетизации за 5 лет незначительный, и если этот темп сохранится, мы выйдем на нормальный уровень инвестиций в экономику только через 25–30 лет. При этом заметим – есть рост уровня монетизации, а в реальном секторе экономики денег не прибавляется. Следовательно, деньги приходят не тем, кому предназначаются.

Эту задачу нельзя решить, если не делать ставку на создание новых рабочих мест, товарного производства, благоприятного инвестиционного климата для отечественного бизнеса и создания национального рынка заемного капитала.

Ориентация на приток инвестиций из-за рубежа в принципе чревата негативными последствиями. Зарубежные инвестиции как минимум гарантируют в перспективе нестабильность финансового рынка, т.к. отток капитала в зависимости от конъюнктуры рынка непредсказуем. Например, Минэкономразвития предсказывал вывод капитала в 2014 г. в начале года на уровне 25 млрд.\$, а фактически из экономи-

ки выведено 151,5 млрд.\$. Это, кстати, характеризует качество прогнозов «специалистов» из профильного министерства. В 2008 г. отток – 133,7 млрд. \$, в 2009 г. – 56,1 млрд. \$. Цифры вывода капитала на уровне 130–150 млрд. долларов подтверждают выводы таблицы, приведенной выше, о принадлежности значительной доли реального сектора российской экономики иностранным компаниям. И подвергают сомнению правильность оценки национального дохода. Инвестиции и встречные потоки вывода денежных средств из экономики убеждают, что цены на нефть и курс рубля точно не формируют потенциал для развития экономики. Складывается впечатление: разнობой в цифрах говорит о том, что для нашей экономики, возможно, правила пишут иностранные компании соответственно их планам по участию в расходах и прибылях. Все разговоры на государственном уровне об экономическом суверенитете подвергаются сомнению, т.к. не подкрепляются действиями на его укрепление.

Из изложенного следует, что тенденции по всем направлениям использования ресурсов в целом носят негативный характер. ВВП в денежном выражении растёт, но в реальный сектор экономики из инвестиций мало что попадает. Рачительность по отношению к ресурсам, никем, в т.ч. государством, не проявляется. Государственный сектор экономики отдельно не рассматривался. Отметим только, что если считать по доле среднесписочной численности работников, госсектор составляет реально около 26% экономики, а

успехи развития ракетно-космической, оборонной отраслей, работа федеральных учреждений и ФГУП(ов) вносят весомый вклад в прирост реального ВВП, но существенного влияния на самовозрастание коммерческого сектора экономики не оказывают. Он как был инертным к самовозрастанию, таким и остаётся. За исключением тех ситуаций, когда государственный сектор выступает заказчиком на рынке услуг и инвестором работ для государственных и муниципальных нужд. Бизнес, независимый от государства, судя по статистике, явно не проявляет интереса к развитию в производственной сфере, а, принимая во внимание значительный отток капитала, основным признаком активности частного сектора можно отметить расчет на иностранное присутствие в нашей экономике. Государство, в свою очередь, через мягкое корпоративное налоговое законодательство явно проявляет к росту присутствия иностранного капитала (а вместе с ним и контролю над частным сектором экономики) лояльность. Откуда ещё ждать инвестиций, если частный капитал от этого устраняется, государству не велит монетарная теория и Правительство... Остаётся уповать на иностранное участие. А разве могут западные «партнёры» быть заинтересованными в промышленном развитии России? Вопрос риторический.

Такие получаются неутешительные выводы.

Ноябрь 2015 г.

О ВВП, предпринимателях и предпринимательской способности

В середине текущего 2015 года компания Boston Consulting Group опубликовала данные по объему частных капиталов в России и оценила их в 2 трлн. долларов США. Из них четверть находится на валютных счетах в оффшорах. На начало 2015 года, отмечают обозреватели, объем частных состояний в России вырос на 24,7% к уровню двухгодичной давности. Примечательно, что реальный ВВП России по объёму уже давно уступает накоплениям частного капитала, а по приросту и за 5 лет не дотянул до 24,7%. Вот темпы роста реального ВВП, рассчитанные на основе официальных источников:

2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
100	113,34	118,21	122,23	123,82	124,57

Правда, в ценах 2012 г., как сообщают СМИ, реальный ВВП упал на 2,7%. Понятно, реальный ВВП – это тоже еще не физический показатель, а ценовой, привязанный к недавнему базовому году. Значит, тоже не очень реальный. Мы знаем, что в формуле расчета ВВП много чего намешано:

есть потребительские расходы, валовые инвестиции, государственные расходы и чистый экспорт. Не фигурирует только производство. Для общества потребления оно не актуально – были бы деньги. Но мы также знаем, что для нормальной экономики потребительские расходы – это обратная сторона производства товаров и услуг. "Что посеешь, то и пожнешь". Поэтому сначала о производстве. Иначе откуда ж деньги?

В предыдущей статье я уже показывал тенденцию «роста» реального физического объема продукции в штуках, тоннах и т.д. таких отраслей, как: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, производство необработанной древесины, производство машин и оборудования, металлургического, немного пищевого, мебельного производства:

2010	2011	2012	2013	2014
1	1,1493	1,1152	1,0688	0,9892

Это – среднеарифметические показатели. В нефтяном секторе, в пищевой промышленности в металлургии был некоторый рост. Но в целом – снижение. Без нефти, газа и металлургии индекс падал бы круче. Падение физического объема предполагает падение прибыли. Всем понятны последствия такой динамики «развития»: сокращение зарплаты, персонала, покупательной способности и т.д. Тем уди-

вительней рост благосостояния какой-то небольшой части российского общества. А по статистике – так и всего населения. Невольно возникает вопрос, почему наши производственные отношения устроены так, что на одном полюсе деньги накапливаются быстрее, чем экономика может себе позволить, а на другом – и без того скудные оборотные средства предприятий, зарплата, пенсия – еще больше сжимаются, как шагреновая кожа? Вероятней всего потому, что у нас формируется затратная преимущественно внепроизводственная экономика. Рыночная, но затраты все (по возможности) перекладываются на государство: чем они ниже в частном секторе, тем больше государству доплачивать (субсидии в сырьевую отрасль, надбавки к пенсиям, пособия...). Вызывает недоумение и то, что этим вопросом никто в правительственных кругах не озадачивается, зато всё чаще задумываются, повышать или нет пенсионный возраст, потому что некому платить налоги. А может, негде работать? Миллионы в стране безработных, не учтенных статистикой. Такие непростые вопросы возникают, когда задумываешься о состоянии экономики страны. Посмотрим цифры и поразмышляем.

Воспользуемся данными, опубликованными рейтинговым агентством Эксперт РА. В объеме реализованной в 2014 г. продукции шестисот крупнейших российских компаний, на которые приходится 84,5% номинального ВВП, выделим некоторые сектора по долям:

Сектора производства	Объем реализации в 2014 г. (млн.р.)	Доля (%)
Всего:	59969145,5	100
в том числе:		
агропромышленный комплекс	485 220,4	0,81
банки	5400714,8	9,01
нефтяная и нефтегазовая пром-ть	17721267,7	29,55
оптовая торговля	5498314,3	9,17
пищевая промышленность	1114532,3	1,86
розничная торговля	4786381,4	7,98
транспорт	4133961,5	6,89
химическая и нефтехимическая промышленность	1510136,8	2,52
цветная металлургия	1123998,1	1,87
черная металлургия	2725634,6	4,55
электроэнергетика	2058831,5	3,43

Надо понимать, что в каждом холдинге есть управляющие компании, связанные с производством только через услуги по "управлению", логистике готовой продукции, отчетности и контролю финансовых потоков. И присутствует бизнес, представляющий сервисные или торгово-посреднические операции. Это означает, что приведенные выше процентные доли, в переводе на реальное производство, в действительности еще меньше.

Таким образом, судя по удельному весу, складывается

впечатление, что нефтегазовый сектор, торгово-посреднические и финансовые операции – это базовые отрасли современной российской экономики с преимущественно частным капиталом.

Некоторые из 600 лидеров (например, крупнейший металлургический холдинг «Мечел», нефтяная «Лукойл», АФК «Система», «СТС Медиа») используют систему стандартов (бухгалтерскую отчетность и финансовый учет), принятую в США. Вероятно, акции торгуются где-то за рубежом, следовательно, и принадлежит часть акций иностранным компаниям или частным лицам, поэтому бизнесу важно, чтобы отчетность была понятна США. Прошедший 2014 год 152 холдинга (из 600) закончили с отрицательной прибылью при суммарном объеме продаж почти на 12 трлн. рублей. Возможно, конечно, что более тщательно посчитали затраты (заодно оптимизировали налог с прибыли). Некоторые из них, кроме убытков по итогам года, имеют большие финансовые проблемы. Например, «Мечел» имел долг перед банками в 5 млрд.\$, по другим оценкам на конец мая 2014 г. – 8,3 млрд. \$, зато у него нет, по словам главы Сбербанка Германа Грефа, толкового менеджмента и, как утверждает господин Греф, «Мечел» ведет подконтрольные ему производственные компании к банкротству. Странно, что Правительство РФ ищет пути спасения не Челябинского металлургического комбината, который является одним из самых крупных активов «Мечела», и в 2014 г. реализовал с при-

былью продукции на 38,2 млрд.рублей, а топ менеджмент, контролирующий производство. Т.е. искусственно навязанную надстроечную структуру из «эффективных» менеджеров, тянущую производство в убытки, но почему-то его контролирующую.

Оставшиеся 15,5% ВВП обеспечивают малые, средние и микропредприятия. Вот такую структуру этого бизнеса дает нам официальная статистика:

	Юридические лица				Индивидуальные предприниматели			
	Кол-во предпр. Всего	в т.ч. по категориям			Кол-во предпр. Всего	в т.ч. по категориям		
		Средние предпр.	малые предприятия			Средние предпр.	малые предприятия	
		Всего	в т.ч. микро-предпр.			Всего	в т.ч. микро-предпр.	
РФ (2010 г.)	1266254	25734	1240520	1013455	1914075	749	1913326	1872331

В 2013 г. ситуация немного изменилась:

	Микро-предпр.	Малые предпр.	Средние предпр.	ИП	Все категории и МСП
Количество субъектов МСП, тыс.ед.	1760	243	13,8	2628,9	4645,7

Как видим, 91–94% – это микропредприятия с тенденцией роста их доли. Ни о каком серьёзном производстве здесь речи быть не может. Преимущественно – это торговля. О том, каково приходится малому бизнесу, продемонстрируем

на примере такой площадки, как Москва. Мы помним лоточников на улицах Москвы. Их сменили небольшие киоски. Последние 2–3 года город заметно меняется – много снесли киосков и мелких магазинов. Но ведь они когда-то и были ИП, малыми и микропредприятиями. И москвичи наблюдали, как примерно 3–4 года назад сначала меняли киоски на торговые модули (причем, по словам предпринимателей, за их счет, а стоили они немало – около 420 тысяч рублей), а затем объявили о расторжении земельных договоров со многими предпринимателями. Выходит, сначала производителям торговых модулей – тоже малому бизнесу, но которому Департамент московской торговли по какой-то причине сначала обеспечил рынок сбыта, который после реализации модулей тут же был свернут. «Пережевали» значительную часть этого малого бизнеса, обобрав его, и выплюнули на рынок безработных. Москва стала не так похожа на «Шанхай», но зачем надо было морочить голову предпринимателям с установкой новых модулей перед тем как их снести? Наблюдательным москвичам также может броситься в глаза то, что московские предприятия всё больше уступают рынок предпринимателям из других регионов. Если судить по лицам на фермерских рынках Москвы, фермеры из Подмосковья по-прежнему отсутствуют. И среди оптовиков по периметру МКАД их тоже почти нет. Вдоль магистральных улиц – крупные торговые комплексы – ТРК и Плазы. Они обеспечивают товаром город, но вряд ли представляют малый или

средний бизнес москвичей. Это – прилавки западных брендов. Об этом еще ниже скажем. Опоры наружного освещения и архитектурную подсветку в Москве еще недавно обслуживали машины с логотипом коммерческого московского ООО «Светосервис», теперь – городское ОАО «ОЭК», которое в силу специфики своей работы не имело достаточно ни специалистов, ни машин для обслуживания наружного освещения города. Частично позаимствовали в ООО «Светосервис» (переманили), где дело кончилось сокращением людей. Можно было отрегулировать законодательство под реалии энергохозяйства Москвы, но предпочли подогнать жизнь под несовершенное в чем-то законодательство. Наверно, потому, что разработчиками его были они сами – крупные сетевые компании, близкие к московскому правительству. Поэтому малый бизнес был вынужден уйти и отсюда. Посмотрим, как на это со временем отреагируют сети. В электроэнергетику и теплосеть Москвы пришли ОАО «Газпром» (из Тюмени и С.-Петербурга) и компания «Каскад-Энерго» (группа «Ташир» из ближнего зарубежья). О судьбе крупных московских промышленных объектов, производство на которых умерло или агонизирует, упомянем ниже. Их много. Некоторые умерли вскоре после прихода иностранных инвесторов. А вот в Ливии во времена «диктатора» Каддафи прежде всего давали работать и зарабатывать местным предпринимателям: нельзя было вывезти оборудование из порта, не наняв местную фирму, нельзя было иностранцу напрямую обратиться в ми-

нистерство, минуя посредника-ливийца. И страна была одной из самых процветающих в Северной Африке. Остается удивляться, как может быть в Москве при таком бизнес-климате самый низкий процент безработных – 1%? Москвичей, лишившихся работы и не обратившихся в Центры занятости, не считают безработными, прикрываясь методикой МОТ. В Москве на мизерное пособие не выжить, а помочь эти Центры всё равно не могут – отсутствуют рабочие места. Этой темы я ещё коснусь в других статьях. Чтобы оживить рынок, надо повышать занятость, а не сокращать – вот и решила бы проблема пополнения пенсионного фонда. И лучше, если бы создавались крупные производства, а не пустующие офисы.

Многие выжившие российские крупные предприятия разукрупнились и по статистике стали относиться к среднему бизнесу. Происхождение их часто еще советское, когда промышленные гиганты включали в себя смежные производства и инфраструктуру, которые в ходе реформ распались на отдельные структуры, увеличив число предприятий на порядок. При этом производство упало тоже на порядок. Например, турбины производили суммарной мощностью около 13 млн. кВт., а в 2014 г. произвели мощностью только 2148 тыс. кВт. Станков производили в 1990 г. около 3 млн. шт., а в 2014 г. произвели всего 7822 станка. Не трудно догадаться, почему так произошло. В 90-е годы «доходило до того, что иностранные станкостроители под видом

инвесторов заходили на наши предприятия, а потом продавали их, как было с заводом им. Орджоникидзе. Тем самым очистили для себя рынок сбыта», – говорит Иван Андриевский, первый вице-президент Российского союза инженеров. Видный российский ученый С. Г. Кара-Мурза пишет, что особенно обвальным спад произошел в производстве металлорежущих станков. По сравнению с 1990 годом производство упало более чем в 30 раз. И после 2000 года быстро стал расти импорт: 2000 г. – 15,6 тыс.шт., 2004 г. – 190 тыс.шт., 2006 г. – 315 тыс.шт. Происходила замена станочного парка в машиностроении, и это хорошо, но что с российскими станками? Интернет выдает нам информацию о том, что станкостроение в России существует и представлено 56 «заводами». Наверно они работают, но, очевидно, производственные мощности совсем не удовлетворяют потребности рынка, а главным инструментом являются бумаги. Впрочем, компетентные СМИ утверждают, что Китай скопировал советские станки и теперь конкурировать с ним невозможно. Это – к вопросу о конкурентоспособности отечественного станочного парка и беспрецедентной бесхозяйственности власть имущих. Что ж, это говорит только об одном – наше государство не умеет и не желает защищать отечественного производителя (и ноу-хау) на мировом рынке ни лицензированием, ни патентованием. И даже когда свои мощности есть, своего рынка у них нет.

По оценке экспертов износ станочного парка в России до-

стиг 80%. Ежегодно «выводится» из эксплуатации около 50 тысяч станков, т.е. рынок есть, а «Красный пролетарий» смог продать в 2012 г. только два станка, вероятно, из последней партии, произведенной в 2010 г. Зато импорт покрыл 92% внутреннего рынка на сумму 2,5 млрд. \$. По словам генерального директора ООО «Диффенбахер» Виктора Стратановского, «заниматься производством оборудования в России очень невыгодно. В нашей стране есть деньги, сырьё, спрос, но при этом нет ни специалистов, ни ноу-хау». Представляете, до чего дожили? Китай скопировал наши станки вместе с ноу-хау так, что у нас ничего не осталось. Специалисты, ноу-хау – это отдельная тема. Хотелось бы спросить чиновников профильного министерства, зачем нужна система образования, навязанная стране, в результате внедрения которой в стране не стало настоящих специалистов?

Так же и в турбостроении – Пермский завод, Уральский турбинный завод, «Невский завод», «Сатурн – Газовые турбины» пытаются производить современное энергетическое оборудование, входят в кооперацию с зарубежными лидерами в этой области, но результат пока не удовлетворяет рынок.

Потребности так упали? Заказов нет или производство стало мелкотоварное, не справляется? Нет, заводы еще – что надо, правда, их стало меньше. Просто в стране так до сих пор и не создали рыночные рычаги регулирования экономики в интересах её развития, как, например, в Китае. Недоис-

пользуются производственные мощности, трудовые ресурсы, привлекаются к работе иностранцы, что способствует господству низких зарплат и никак не стимулируется переориентация с поставок сырья на изделия с высоким уровнем добавленной стоимости. Причину поясняют металлурги: за рубежом есть свои мощности по прокату металла (добавим, как и по переработке нефти, древесины и много другого), а дешевого сырья мало. Если за границу идут составы с сырьём для обеспечения загрузки мощностей иностранных государств вместо отечественных, разве не долг Правительства задуматься, как отрегулировать интересы бизнеса, чтобы переработка и обработка стали интересны и выгодны в стране добычи сырья? Положение дел демонстрирует, что государство не в состоянии отрегулировать эти вопросы. В новостных сводках часто слышим, что надо защитить своего производителя и рынок, потому что через Украину уже в январе хлынут товары из Европейского союза. Позвольте узнать – не поздно ли защищать производителя или то, что от него осталось? Если и раньше защищали, то упаси Бог от такой защиты. Демагогические заявления о защите сопровождаются упованием на иностранные инвестиции. Кто ж будет инвестировать в своего конкурента так, чтобы он еще и работал? В сырьё, в торговлю – да. В переработку вкладывали только тогда, когда нужно было отправить в металлолом оборудование. Что же в результате?

Вот пример участия иностранного капитала в производ-

стве в 2011 г.:

Наименование	Кол-во предпр., имеющих иностр.уч асти. ед.	Уст.кап. предпр. с ин.кап.(млн.р)	в том числе:	Доля иностранного капитала (%)
			взносы ин.юр. и физ.лиц (млн.р)	
Всего:	24080	3450262	2281352	66,12
в том числе:				
Добыча полезных ископаемых	500	408562	300914	73,65
Обрабатывающие производства	4149	719103	523786	72,84
Строительство	1534	47321	41663	88,04
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотрансп. средств, быт. изд. и предм. личного потребления	8081	534951	349010	65,24
Гостиницы и рестораны	677	14346	8767	61,11
Транспорт и связь	1688	83305	62612	75,16
Операции с недвижимым имуществом, аренда	5068	448419	310981	69,35
Образование	37	7	2	28,57

А это – там же в 2014 г.:

Наименование	Кол-во предпр., имеющих иностр.участие, ед.	Уст.кап. предпр. с ин.кап. (млн.руб.)	в том числе:	
			Доля вносы ин.юр.и физ.лиц (млн.руб.)	Доля иностранного капитала (%)
Всего:	23520	5359142	3069714	57,28
в том числе:				
Добыча полезных ископаемых	442	174169	71828	41,24
Обрабатывающие пр-ва	4060	850708	657963	77,34
Строительство	1521	12713	10807	85,01
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотр. средств, бытовых изд. и предм. личного потребления	8187	550533	413517	75,11
Гостиницы и рестораны	707	25162	19302	76,71
Транспорт и связь	1742	2193649	1363978	62,18
Операции с недвижимым имуществом, аренда	5238	641721	343931	53,6
Образование	45	147	143	97,28

Отметим, что скорей всего так частично и занята ниша среднего и малого бизнеса в России. И так на деле выглядит «защита» и «поддержка» отечественного предпринимателя. Российскому бизнесу за все годы реформ не дали даже окрепнуть. Попробуйте арендовать помещение в Москве, минуя посредника, – бесполезное дело. Всегда найдется фирма, выигравшая конкурс, которая назначит рыночную цену. Характерен отток иностранного капитала из сектора добычи полезных ископаемых (рентабельность упала или дана команда свернуть бизнес?) и приток в сферу образования. Это важно – по учебникам Сороса научат любить звёздно-полосатый флаг и лишат молодёжь качественного образования: слаборазвитой стране оно ни к чему. Сле-

дует отметить значительный устойчивый процент иностранного капитала в обрабатывающем производстве, в оптовой и розничной торговле. Вряд ли иностранный капитал строит новые производственные цеха, но в торговле скорей всего компании строят торговые комплексы и получают преимущества в выборе партнеров по аренде торговых площадей. К сожалению, пока никто не догадался дать оценку роли иностранного капитала в экономике России.

В других направлениях поддержка российского бизнеса, тем более производителя, тоже больше декларируется. Там, где он не мешает иностранному капиталу, есть прибыль, он возникает и без государственного участия.

Например, интернет сообщает, что в нефтепереработке растет число мини НПЗ. По некоторым оценкам их число достигло 200 предприятий. Показатели их работы в статистике, правда, не найти, поэтому опорой экономики им не быть.

Появились мини-заводы и в металлургии. В основном эти заводы работают на металлоломе, но в статистике их продукции тоже пока нет. Вспоминается провальный «Большой скачок» в Китае и домашние доменные печи с низкокачественной продукцией. Но ведь это же всё – позапрошлый век. Основные потребители металла – машиностроители – жалуются на высокие цены на металл. Насытить рынок, создать конкуренцию, минимизировать затраты, чтобы цены упали, мини-заводы не смогут. Крупные наши заводы предпочитают работать на экспорт. Согласно статистике в 2014

г. 40,9 млн.т. металлопродукции (из 70,3 млн.т.; в 1975 г. РСФСР производила более 79,9 млн.т., а на экспорт весь СССР отпускал только 6–7 млн. т. металлопроката, 11 млн. вместе с чугуном) пошло на внутренний рынок. Остальное – на экспорт. Причем на экспорт готовы поставлять, даже снизив цены. Упавший курс рубля с лихвой обеспечивает компенсацию потерь и затрат (особенно по заработной плате) в рублях. В ответ на жалобы машиностроителей металлургии рекомендуют обращаться к государству за субсидиями (ещё один признак затратной экономики). Удивительно, но никель, необходимый для производства нержавеющей стали, продается и на внутреннем рынке по ценам, привязанным к котировкам Лондонской LME. Фактически это означает, что мы свой национальный товар покупаем у заклятого «партнёра» из Лондона и производство качественной стали нам теперь неподконтрольно. Также как нефтепродукты для своего потребителя, как будто они из Техаса. Оказывается, и медь у нас для внутренних потребителей ориентируется по цене на Лондонскую биржу металлов (не в этом ли секрет обрушения производства кабельной продукции более чем в четыре раза?) и алюминий. Китай сам себе не продаёт такую продукцию по мировой цене, поэтому вся его линейка товаров конкурентоспособная. В Казахстане (наверно превосходит Россию по запасам нефти) – цена на бензин в два раза ниже. Таких примеров не счесть. По мировой цене – это значит, что наши товары для нас стали чужими. Если собствен-

ное сырьё отечественному потребителю торговать по мировым ценам – это вряд ли означает суверенитет над ресурсами и вряд ли способствует перспективам подъёма экономики. Неужели наш нынешний политический правящий класс думает, что на спекулятивно завышенных ценах, ориентированных на промышленных гигантов западной экономики, производящих массовую продукцию для всей Европы, можно поднять (или хотя бы оживить) собственную промышленность? Такая «открытая» экономика может работать только на воспроизводство отсталости. Жаль, что зарплата основной массы населения в России не сориентирована тоже на Лондон. Предпринимателей России, которые делают бизнес на углеводородном сырье и стратегических материалах, явно не беспокоит промышленное развитие России. В этой связи любопытен такой факт: отечественный военно-промышленный комплекс развивается на тех же стратегических материалах и даже выплачивает зарплату существенно выше установленного МРОТ, при этом продукция оказывается конкурентоспособной. А вот всё остальное, что относится к частному бизнесу, – сразу становится нерентабельным. Например, если где-нибудь в НИИ разработали оригинальную газонокосилку, и предложили её производство отечественному предприятию, затраты выводят на себестоимость, например, до 10 тысяч рублей. Её же отдают китайскому производителю, и косилка вскоре появляется на рынке (в т.ч. в России) по цене в два раза дешевле. Это иллюстрация эффек-

тивности частного капитала в России в сопоставлении с государственным.

В цветной металлургии странным представляется то, что алюминий считается стратегическим сырьём, а в России его производством и экспортом занимается компания ОК «РУСАЛ», зарегистрированная на британском острове Джерси, и это наше стратегическое сырьё контролирует иностранная компания. И платит налоги там же.

Цены на металл – не единственная проблема для обрабатывающей отрасли. Оборотные средства ограничены, отечественные с льготными ставками кредиты недоступны. Но главное – это отсутствие заказов. Почему отсутствуют заказы? Да потому, что по ценам LME можно сколько хочешь заказать в Лондоне, Париже или Берлине. Но если вагоностроители будут заказывать вагоны в Берлине, то сами вагоностроители станут не нужны, потому что таких заказчиков сколько угодно. Такая же ситуация со станками, самолётами – мелкосерийное производство нерентабельно, а крупных заказов не дают, потому что рынком владеют импортеры и им импортозамещение – как нож в горле. Вместе с тем активные закупки по импорту всегда оказывают давление на валютный рынок, где спекуляции стимулируют подпитку деньгами, провоцируя инфляцию. Самое грустное, что во всей этой истории государство как-то обособилось, призывая бизнес к совестливости. А давно назрели меры прямого воздействия через тарифы, квоты и лицензии. Похоже,

главным заказчиком (а может быть и единственным) у отечественных производителей является государство, действующее в интересах организаций, выполняющих заказы ВПК. Отрадно видеть новые изделия, узнавать про новые производства, реанимации старых предприятий, выполняющих заказы оборонного ведомства. Но ВПК уже явно не может тянуть всю экономику страны. Что-то должен делать и частный бизнес. В судостроении только за счет строительства ледокольного флота доля России составляет 0,6% портфеля заказов судов в мире (доля мизерная для страны омываемой 14 морями и 3 океанами), предпочтение отдается старому торговому, рыболовному флоту, самолетов производим на порядок меньше чем раньше, потому что рынок предпочитает брать б/у Боинга. Бытовых приборов Россия производит мало, рынок заполнен импортом, автомобилестроение и производство вагонов падает из-за роста цен на металл и снижения портфеля заказов. Судя по данным Минэкономразвития, немало предприятий балансирует на грани банкротства:

Динамика финансового результата предприятий по отдельным видам деятельности		
Виды деятельности	2010 г.	2014 г.
	млрд. руб.	млрд. руб.
Производства на внутренний рынок		
Производство машин, электрооборудования, транспортных средств	106	67,1
Производство готовых металлических изделий	14,7	9,5
Экспортно ориентированные производства		
Производство чугуна, стали и ферросплавов	120,8	8,5
Производство основных химических веществ	122,2	-52,9
Производство нефтепродуктов	585,4	283,7
Производство целлюлозы и древесной массы	32,8	-11,1

Становится привычной картина остановки производства. Не нужной становится градообразующая «Уральская сталь» («Металлоинвест» сокращает сортопрокатный цех из-за низкой загруженности и, соответственно, более 2500 человек), «Комбинат Южуралникель» законсервирован с 2012 г. из-за нерентабельности и убыточности, «ЗИЛ» превращается в руины и офисный городок. Не нужен Челябинский автомеханический завод (поставщик деталей для двигателей), банкротом стал Тушинский машиностроительный завод, на котором когда-то было занято 28 тысяч, а теперь менее 900 человек. По независимым оценкам в России на 2011г., сообщают «Аргументы недели», полностью уничтожено 42 станкостроительных предприятия. Только в

столице – московский станкостроительный завод «Красный пролетарий», упомянутый выше завод им. С.Орджоникидзе, «Фрезер», Московский завод координатно-расточных станков, Институт ЭНИМС, завод «Станкоконструкция», и т.д. Список длинный, можно насчитать еще десятки заброшенных предприятий: Завод электромеханической аппаратуры, «Сатурн», «Искра», АЗЛК, Цементный завод, завод Железобетонных изделий и т.д. По словам Паничева Н. А., последнего министра станкостроения, «сознательно или нет, но сегодня уничтожается отечественная технологическая база». И это – результат «поддержки» отечественного производителя. По мнению специалистов, лучшего предприятия по оснащению, чем «Красный пролетарий» в стране не было. Это был настоящий флагман станкостроения. Но в 2010 г. он выпустил последнюю партию своей продукции. Уникальное оборудование было распродано, и завод пришел в запустение при молчаливом и равнодушном отношении к происходящему властей Москвы и Правительства России. Вспомним, что в стране износ станков составляет 80%. И всё равно заказов нет. Заказы – на импорт, который не сможет обеспечить полную потребность. И всё равно – только импорт! Очевидно, заказами в стране занимаются те, кто заинтересован в загрузке производственных мощностей там, откуда импортируются станки и прочие изделия. И Правительство России это устраивает?

Так же и с другими производствами. И нельзя сказать,

что везде отсутствует спрос на продукцию этих предприятий. Разве в Москве перестали строить? В 2012 г. увеличили импорт цемента на 81%, а продукция московского Цементного завода, как и завода ЖБИ рынку почему-то не нужна. И это при том, что ГУП НИИ «Мосстрой» дал заключение, что применение импортного цемента ведет к снижению прочностной характеристики и сроков долговечности строящихся объектов.

Трудно представить, чтобы «Красный пролетарий» не искал выхода. Все выходы, как можно без труда понять, упираются в финансовые тупики и сбыт: конфликт интересов в Москве часто складывается в пользу строителей элитных квартир и офисов. А турки-строители предпочитают завозить свои материалы. Согласно открытой информации, в 2006 году в капитал «Красного пролетария» вошла НК «Роснефть» с целью «предоставления помощи(!) предприятию для отражения рейдерских атак». Но это явно не помогло. Более того, НК «Роснефть» приняла также участие в капитале ЗАО «Влакра» и ОАО «РН-Влакра», которые специализируются на торговле коммерческой недвижимостью. В 2010 г. НК «Роснефть» укрепила свое влияние в этих дочерних компаниях, и это странным образом совпало с последним годом существования завода. После этого активно заговорили о стоимости площадки на месте завода, которую можно продать за 100 или 300 млн. \$ под строительство офисов. Замечу, заводы и военные корабли, когда их распродавали в 90-

е годы, стоили на два порядка меньше.

Невольно приходишь к выводу: всё в нашей экономике наоборот – офисов, как и бизнес-жилья, в Москве уже не счесть, а они всё строятся при отсутствии ажиотажного спроса. В то время как социальное жильё и станки требуются, а их производство сворачивается. Может быть, чтобы избежать полного разрушения экономики, необходимо закреплять контрольные пакеты акций предприятий станкостроения за станкостроением, машиностроения – за машиностроением и т.д.? Или за государством. На Западе было принято брать под крыло государства производства, переживающие трудности с последующей повторной приватизацией. Однако современная монетарная теория не велит вмешиваться государству – вот и загибаются производства, столкнувшиеся с бойкотом уполномоченных посредников, сориентированных только на импорт. Нам могут возразить, мол, тогда не будет притока инвестиций. Но их нет и сейчас. А действия непрофильных владельцев контрольными пакетами акций часто приводят к нежелательным последствиям: они привыкли к спекулятивным операциям – купить и перепродать, не заботясь о производстве. В народе не случайно говорят: деньги – к деньгам. А деньги в России в основном крутятся в сфере финансов, в нефтегазовом секторе, да в торговле. Не случайно «Газпром» занимается электроэнергетикой в Москве, «Газпромбанк» – тяжелым машиностроением на Урале (главный акционер «Уралмашзавода»),

а НК «Роснефть» проявила интерес к станкостроению. Офисов в Москве построено столько, что в некоторых местах годами висят объявления об аренде – видимо, никому не нужны. Тем не менее, они продолжают строиться (в 2015 г. построено 323,7 тыс.кв.м офисов и торговых центров), и цены на аренду не падают. Значит, искусственно держатся, чтобы оправдать непрофильные инвестиции. Кроме того, важно отметить, что рынок в России не работает на понижение цен, а только на сокращение объемов. На продукты питания – в том числе.

Судя по затратам, которые несет в настоящее время «Газпром», и проблемах на рынке газа, даже при условии уступок в цене, менеджменту приходится нелегко. Но нельзя не отметить, что некоторые проблемы стали, по-моему, результатом просчетов, допущенных его руководителями, например, при расчетах цены на газ (не по спросу, а с привязкой к очень неустойчивой цене на нефть), разработке северных месторождений, очевидно, малорентабельных при сегодняшних ценах, и при прокладке газопровода (затратных капиталовложениях) в условиях неопределенности (или даже отсутствия) контрактных гарантий непредсказуемых покупателей. И кто может гарантировать, что в электроэнергетике «Газпром» поведет правильную экономическую политику, не говоря уже о технической?

Вот так же «Роснефть» сделала безуспешную попытку спасения станкостроения, а в действительности всё свелось к

недвижимости – это прибыльней. А как дело обстоит в самом нефтегазовом секторе? Неужели там уже некуда вложить с пользой деньги?

В 2012 г. добыли 518 млн.т. нефти. Отправили на экспорт 240 млн.т. и на переработку 266 млн.т. Переработали и что получили? Вот основные показатели работы нефтеперерабатывающей промышленности в России:

Год	Мощности по сырью, млн. т.	Первичная переработка, млн.т.	Загрузка установок по первичной переработке нефти, %	Производство основных нефтепродуктов, млн. т.			Глубина переработки нефти, %	Доля от объема первичной переработки, %
				Автобензин	Дизтопливо	Мазут		
1990	351	300	85	41	75,6	95	67	70,53
2012	279	266	95	38,2	69,7	74,5	71,5	68,57

Что изменилось за 22 года? По статистике сократились мощности, а глубина переработки повысилась. Но что в результате получили? – переработка всё глубже, а светлых фракций всё меньше. И опять вразрез с рыночной логикой: спрос растет (с ростом парка автомобилей), а топлива всё меньше. Т.е. удельный вес светлых фракций (автобензина и дизельного топлива) действительно чуть вырос, но не за счет более глубокой переработки, а за счет сокращения выхода товарной продукции от объема первичной переработки, особенно мазута, и увеличения отходов. Что ж это за рынок такой? – спрос, потребности растут, а производство сокращается. Как будто нарочно, чтобы создать предпосылки для ро-

ста цен. Теория спроса и предложения явно не про наш «рынок». Настоящий рынок так регулировать не может. За этим стоят конкретные люди из бизнеса и из чиновников, которые как раз такие создают условия для бизнеса. Либо наоборот, занимают посты, но ничего путного сделать не хотят или не умеют. Судя потому, что за четверть века подход к решению проблем не меняется, напрашивается вывод – чиновники не способны к самообучению: вместо того, чтобы путём создания рабочих мест расширять налоговую базу, снижением налогов на мелкий и средний бизнес стимулировать производство и бизнес, снижением косвенных налогов тормозить инфляционную нагрузку на население и стимулировать рост потребления, всё делается с точностью наоборот. В свою очередь сырьевой «бизнес», получив от государства всё на блюде, не стремится развивать его вглубь, а ищет, где можно дешевле вложиться и получить выгоду больше. Так, например, глубина переработки на предприятиях «Роснефти» была – 64,5%, и это не самый плохой показатель. У «Сургутнефтегаза», как сообщают общедоступные СМИ, невероятно – 43,2%. Для сравнения, в США – 92%. Получается, есть над чем поработать и вложиться для повышения эффективности нефтяным компаниям в своей отрасли. Государство могло бы налогами регулировать заинтересованность в глубокой переработке, равно как в обеспечении заказами отечественного станкостроения, когда оно ещё было.

Компании нефтегазового сектора идут в непрофильные

отрасли, наверно косвенно способствуют возникновению мини-заводов, осуществляя на них поставки нефти (иначе, откуда те получают сырьё?), но не очень занимаются реконструкцией своих старых заводов, чтобы повысить отдачу. Значит, не выгодно в России вкладывать деньги в глубинную переработки, выгодней в сырьё и недвижимость. И это – упрек законодателям, т.к. это ещё и повод утаивать продукцию с более высокой степенью переработки. Налоговая система, таможенные тарифы, система квот должны ориентировать преимущественно на готовый продукт с высокой степенью обработки. Нефтяные компании демонстрируют нам свою незаинтересованность. Тем более, что 83 млн. тонн нефти за минусом использованной для собственных нужд – это потери не для нефтяной компании, не для нефтепереработки, а для потребителей (читай, – экономики в целом), потому что в конечную цену потребителя они, безусловно, будут включены. Этого мало. Как известно, предприятия даже нефтегазового сектора пользуются субсидиями государства. А это – возврат части ранее уплаченных налогов. Так, в 2012 г. предусматривалось выделение из бюджета 29,5 млрд. рублей, в 2013 г. – 19,9 млрд. рублей, из которых наибольшая доля предназначалась ОАО «Газпром». Кроме того, нефтегазовому сектору предоставляют различные преференции, устанавливая на низком уровне налоги на добычу полезных ископаемых, замораживая их временами в абсолютных цифрах (вне зависимости от объема, значит, можно выкачивать

скважины до истощения) или даже отменяя. Снижают пошлины. Но если в нефтегазовой отрасли доля иностранного капитала в разные времена составляла от 40 до 70%, то для кого эти преференции, субсидии? И кто проигрывает? Бюджет, т.е. население, которое, перечисляя в бюджет налоги, оплачивает эти денежные вливания в нефтегазовые гиганты и банки. При том что государство у нас по конституции – социальное. Или это опять – поддержка «отечественного» производителя?

Вот в такой обстановке, если верить статистике, придется выживать реальному сектору экономики. И всё-таки с трудом, но что-то производим, и даже зарабатываем. Обратимся, наконец, к потребительским расходам.

Нас пытаются заверить, что по «паритету покупательной способности» россияне живут с каждым годом лучше. И действительно, если судить по этому паритету и верить статистике, мы с удивлением обнаруживаем, что Россия в 2013 г. по ВВП была на шестом месте, сразу после Германии, опережая Францию. А сейчас – особенно хорошо, после скачка курса доллара и евро по отношению к рублю. Литр бензина стоил 94 цента, а теперь меньше 50 центов. Прекрасно, тогда и жить мы должны как в Германии. Возможно, кто-то так и живет. Но статистика размазывает благополучие на всех. Почему же не живём? Потому что зарплата начисляется не в долларах, а в рублях. При этом: то зарплата сокращается, то рабочая неделя, то рабочее место. Поэтому вопреки стати-

стике доходы становятся меньше, а цены выше. Видимо, что-то с этим паритетом не так. Чтобы разрешить этот казус попробуем использовать другой паритет – покупательную способность рубля в наше время и в далекие 70-е годы XX века так называемого «брежневского застоя». И применим простую арифметику: в 1976 г. можно было очень неплохо пообедать (своеобразная потребительская корзина) на 1 рубль (и даже меньше), сейчас надо не меньше 250–300 рублей. Нам могут возразить, мол, можно было пообедать, но купить ничего нельзя было. Так ли? Оценим розничный товарооборот: в 2014 г. его объем оценивался в 26,256 трлн. рублей, это 182 716 рублей на душу в год, а в 1976 г. – 225,8 млрд. рублей, что составило 947 рублей на душу. Получается, всего 731 (182716/250) обед – импровизированная условно «потребительская корзина» розничного товарооборота на душу сейчас против 947 в пользу «застоя». Выходит, рынок в 2014 г. почти на треть был менее насыщен потребительскими товарами, чем в 70-е годы прошлого века. А в 2015 г. – еще меньше. Странно это, судя по прилавкам? Это потому, что сегодняшний розничный рынок – это витрина. А судить надо не по тому, что лежит на прилавке, а по тому, что продано.

Проиллюстрируем состояние рынка на товарах легкой промышленности. По информации газеты «Ведомости», продажи одежды и обуви в России в I квартале 2015 г. против аналогичного периода 2014 г. сократились на 42% в натуральном выражении и на 19% в денежном. Даже если пред-

положить, что часть сокращения продаж в денежном выражении компенсирована некоторым увеличением оборота люксовых брендов, вряд ли разницу в 2,2 раза можно объяснить только этим. Налицо существенный рост цен. Специалисты оценивают российский рынок одежды и обуви в 2,8 трлн. рублей. Если процентное сокращение за квартал распространить на годовое исчисление, можно предположить, что за 2015 г. только на одежде и обуви, и только через рост цен, из кармана более состоятельных потребителей извлекут около 600 млрд. рублей, компенсировав потери оборота в натуре.

Падение рынка на 42% объяснить можно только процессом оскудения денежных запасов у большинства населения. Также как в промышленном секторе – отсутствием оборотных собственных и заемных (из-за дороговизны) средств. Торговлей акциями занимаются сторонние (Управляющие) компании, и деньги до производителей не доходят. Сегодня почему-то всех заботит не состояние промышленного сектора, а курс рубля и цена на нефть. Курс рубля падает, а вместе с ним падает капитализация рынка акций (в долларах). Сегодня она в долларовом выражении упала по итогам 2014 г. в два раза, а в рублевом осталась на уровне 2009 г. Это значит, что по паритету покупательной способности не жизнь населения стала лучше, а российские предприятия для владельцев долларовых авуаров стали дешевле. Значит, опять можно ожидать смену собственников и новые

банкротства. И товары в России для иностранцев с долларами или евро стали дешевле. Недаром финны занимаются шопингом в России. Для иностранцев Россия становится более комфортной страной, чем для коренного населения.

Итак, судя по розничному товарообороту, его потенциал для роста ВВП не велик. Что касается услуг: аналитики говорят, что в России услуги обеспечивают половину всего ВВП (это-35 703 млрд. рублей), сравнивая с США, где их доля – $3/4$, или Европой – там доля от $3/5$ до $2/3$. Всё может быть. Только в США и Европе – за счет роста доли услуг при сохранении производства, а в России – за счёт сокращения производства. Такой удельный вес услуг в ВВП страны со скудными средствами у населения и в реальном секторе экономики, говорит только о дороговизне жизни и низких доходах. По мнению аналитиков $3/5$ (21,4 трлн. руб.) – это услуги транспорта, бытовые услуги, ЖКХ, т.е. услуги добровольно – принудительного характера и затрагивают всё население. Потребитель обязан их оплачивать, сколько бы они не стоили. Остальные $2/5$ – это туризм, отдых, общественное питание, культура и спорт, которыми пользуются все, но чаще – только часть населения. Стоимость оказанных услуг трудно оценить в натуральном выражении. Да и в оценке их стоимости и доли в ВВП есть сомнения. В ЖКХ, например, если каждая семья из 3-х человек платит за квартиру в среднем в размере 4000 рублей, то сумма для всего населения в год всего 2,3 трлн. рублей. Транспорт, как показано в начале статьи,

реализовал услуг на 4,133 трлн. рублей, т.е. с учетом микробизнеса – не более 4,9 трлн. рублей. Остались услуги на 14 трлн. рублей? Трудно представить пенсионеров и безработных в очереди на бытовые услуги с крупными суммами под 100 тысяч. Зато такие расходы могут быть связаны с посредническими услугами коммерческих структур. Здесь частично могли образоваться средства, пошедшие на рост частных состояний. Частично потому, что эта сумма вписывается в размер прироста номинального ВВП, который вырос за 2013 и 2014 гг. на 8757 млрд. рублей. А частные состояния, как мы знаем из доклада Boston Consulting Group, выросли на 24,7%, т.е. на 396 млрд. \$, что в отечественном эквиваленте составляет около 13,95 трлн. рублей (при условии ежемесячной конвертации равными долями, сумма странным образом совпадает с 14 трлн., оставшимися нераспределёнными от «услуг»). Сумма прироста частного капитала в 1,6 раза больше прироста ВВП даже с учетом роста цен – примерно на 5,2 трлн. рублей (13,95–8,76). Если они не заработаны в реальном секторе экономики и не на потребительском рынке, то где еще? Это могут быть услуги, трудно поддающиеся статистическому учету: наценки посредников при реализации импортных товаров, не нашедших отражения в ВВП, торговля на бирже и, наконец, проценты по депозиту, что в свою очередь предполагает доход на кредитах. Иначе говоря, прибыль, полученная на бирже.

В стоимости ВВП мы не коснулись инвестиций. По дан-

ным Росстата суммарный объем инвестиций в черную металлургию с 2010 по 2014 г. составил более 700 млрд. рублей (с рудным сегментом), в лесное хозяйство, лесозаготовки и услуги в 2014 г. – 82,58 млрд. рублей, в транспортный комплекс в 2014 г. – 1,4 трлн. руб., в т.ч. из федерального бюджета 359 млрд.руб. Суммарные инвестиции в основной капитал в 2013 г. составили 13255,5 млрд. руб., в 2014 г. – 13527,7 млрд. руб. – опять близко к сумме нераспределённых услуг. И вновь возникает вопрос: туда ли пошли инвестиции? Сокращение производства, вялый рост или банкротства не могут быть при активном спросе и хорошем инвестиционном климате. Невольно напрашивается вывод, что инвестиции выделяются, но капитализируется из них явно ничтожно малая доля. Кроме того, Boston Consulting Group отмечает, что большая часть частных состояний хранится не в акциях или облигациях, а на валютных счетах. Значит, возможно, в средствах, которые участвуют в торгах на бирже.

Вот данные из годового отчета Московской биржи ММВБ-РТС за 2014 г.:

Рыночная площадка (объём торгов, млрд.руб.)	2014 год
Фондовый рынок	10280
Срочный рынок	61320
Валютный рынок	228500
Денежный рынок	204380
Рынок драгоценных металлов	16,4
ИТОГО:	504496

На фоне денежного голода в реальном секторе экономики, как видим, на Московской бирже участники сделок не стеснены в средствах. Трудно учесть оборачиваемость громадных сумм, но то, что их прирост никак не связан с ростом экономики (о чем гласит теория монетаризма), – это очевидно. Причем на валютном рынке доля нерезидентов по оценке Российской Бизнес-газеты, составляет 17% (впрочем, у них могут быть в агентах резиденты), а на рынке акций (фондовом) и срочном рынке доля составляет 44–45%. Тогда напрашивается один вывод: тем, кто ежедневно совершает спекулятивные операции на сумму в 50–60 млрд. рублей и более (а ведь если разделить годовую сумму на число дней в году, то – 559 млрд. рублей=17млрд.\$ по среднегодовому курсу), им

разговор о производстве и его проблемах, платежеспособности населения, ценах и тарифах не интересен.

К сожалению, он не очень интересен и многим чиновникам.

Просто удивительно, как это российская экономика умудряется выживать в таких условиях. Кризис экономики ощущается буквально во всем. Но нарисованная здесь картина говорит скорее не о кризисе экономики, а о затянувшемся кризисе государственного регулирования экономики и непродуктивности всех реформ. Законодательство, регулирующее финансовую и производственную сферы, явно расходится с интересами экономики России. И то, что государство предприняло в отдельных направлениях шаги к стимулированию роста – размещало заказы, выделяло денежные средства, – вызвало некоторое оживление, поддержало отрасли. Значит, возможны эффективные способы управления даже при нынешнем во многом несовершенном законодательстве. Может быть, чиновникам не хватает квалификации, доброй воли или желания?

Во всяком случае, очевидно, что наша экономическая «элита» сильно уступает элите Китая, который начинал реформы с куда более низкого старта. Поразительные данные приводит И. Г. Калабеков в книге «Россия, Китай и США в цифрах». Вот несколько цифр:

Показатель	РОССИЯ		Китай		США	
	1990	2014	1990	2014	1990	2014
ВВП, тек. цены, млрд. \$	1102	1857	390	10380	5980	17419
ВВП с учетом ППС, млрд. \$	4,9 (1992)	3565	1091	17617	5980	17419
Индекс погр.б. цен (1990=100)	100	7,35 млн.	100	280	100	177
ВДС (вал. добавл. стоимость) в промышленности, млрд. \$		655	147	4418	1493	3212
ВДС в строительстве, млрд. \$		130,6	17	725	242,9	619,9
ВДС в с/х, млрд. \$	93	71,3	106	949,5	110	227

Что к этому добавить? При сегодняшнем курсе рубля ВВП 2014 г. в долларовом выражении в России упал ниже 1990 года – до 1006 млрд. \$, к тому же надутых инфляцией. При таком раскладе и с такими темпами России остается догонять только себя в 1990 году, от остальных безнадежно (?) отстала.

Классики рыночной экономики утверждают, что прибыль, которую вправе получать предприниматель, полагается ему за предпринимательскую способность. А предпринимательская способность – это такой экономический ресурс, который берет на себя:

Инициативу соединения ресурсов – земли, капитала и труда в единый процесс производства товаров или услуг;

Задачу принятия основных решений по ведению бизнеса;

Новаторский подход, т.е. обеспечивает разработку новых технологий, выпускает новую продукцию;

Риски, связанные с перезапуском производства.

Т.Пикетти в своей работе "Капитал в XXI веке" делит имущественное состояние на два вида: наследственное

и предпринимательское. Наследственное применительно к России исключаем из рассмотрения, а предпринимательское везде на Западе тоже условно делят на два вида: нажитое своим предпринимательским трудом и полученное на спекуляциях. Предпринимателей, нажившихся не совсем честным трудом, в свой круг не очень допускают. Например, из богатейших семей японских миллиардеров Йосиаки Цуцуми и Тайкичиро Мори, занимавших первую сточку в рейтинге "Forbes" с 1987 по 1994 г., которые нажили своё состояние, как считается, благодаря пузырям на бирже и на рынке недвижимости, или индийского магната Лакшми Миттала, который возмущает тем, что его роскошные лондонские дома по стоимости втрое превышают его инвестиции в производственный комплекс во Флоранже. Приведённые примеры соотечественникам ничего не напоминают? Это наша действительность. А таких даже на Западе не уважают.

Многие, прочитав мои заметки, скажут: «Всё это и так известно. Америку не открыл». И действительно. Все эти сведения есть в интернете. Просто они иначе воспринимаются, если ряд известных сведений поставить рядом – выявляются некоторые особенности нашего «развития». Вот, например: в 1987 г. в мире было всего 5 долларовых миллиардеров на 100 млн. взрослого населения и 30 стало в 2013 г. В России из-за кризиса число долларовых миллиардеров упало с 111 до 88 человек на те же 100 млн. взрослых обнищавших человек. Ничего себе социальное государство. Выходит,

у нас самые предприимчивые предприниматели. Только вот на населении и на росте ЧАСТНОГО сектора экономики это практически никак не отразилось.

Каким же видится рынок России с точки зрения теории? И есть ли у нас предприниматели? К ним трудно отнести тех, кто существенно прирастил свои капиталы за последние два кризисных года, потому что ни одной задачи из четырех, перечисленных выше, они не решали и не собирались решать. Они воспользовались наследством, принадлежавшем всему народу в недавнем прошлом. А раз так, то прибыль, полученная без реализации этих задач, – неосновательное обогащение при полном попустительстве чиновничьего аппарата, который предпочитает законодательно не мешать такому "бизнесу".

Рыночные механизмы, запущенные у нас, – куда более репрессивная система по отношению к 90% (или как минимум к половине) населения, чем командная система. С той разницей, что при командной системе на 90% населения приходилось гораздо больше доходов и имущества (через общественные фонды потребления), чем в сегодняшней «рыночной» системе.

Предприниматели, конечно, у нас есть. Но они беззащитны перед государственной машиной, настроенной, как инкубатор, выращивать миллиардеров за счет благосостояния остального населения.

Декабрь 2015 г.

О капитальном ремонте и спонсорах ЖКХ

В России за годы либеральных реформ перепало всем сестрам по серьгам: одним при приватизации капитального наследства от СССР за бесценок (а иногда и бесплатно – деньгами из бюджета) достались заводы, нефтяные скважины и пароходы, другим (впрочем, почему другим – всем; просто некоторым – как довесок к скважинам) повезло хоть тем, что облагодетельствовали правом бесплатной приватизации квартир. Подарили то, что «благодетелям» и не принадлежало, а было построено и передано в пользование задолго до реформ по интенсивной деиндустриализации страны. В том числе в домах, которые требовали капитального ремонта еще в советские времена. Более того, бесплатную приватизацию продолжают разрешать и сейчас, и всё более настойчиво. Причем в отличие от прочих прав (на труд, на защиту от безработицы), это гарантировано. Интересно почему? Во-первых, с большой долей вероятности можно предположить, что приватизация квартир – это примитивная калька с американского рынка проблем, связанных с недвижимостью, именуемых ипотекой. Кроме того, квартиры государство отдаёт во владение, чтобы было что закладывать банкам при полном отсутствии средств к существо-

ванию. Ещё для чего? Для того, чтобы переложить государственные расходы на население. Благодаря такой конверсии государственные расходы оборачиваются для него доходами. В пользу государства или уполномоченных им организаций – неважно. Государству важно было распределить зоны кормления. ЖКХ – лакомый кусок: ведь тарифы могут расти бесконечно. Бесплатная приватизация в наших реалиях – это своеобразный Троянский конь. Если дочитаете, поймёте, почему.

Хрущевские пятиэтажки по программе реновации правительства Москвы должны быть уже снесены, а в ряде районов, в т.ч. в ЮАО Москвы, они стоят, целехоньки – как памятник эпохи. В отчете, возможно, не уточнили, что речь о тех домах, которые были включены в программу реновации. Во всяком случае, много домов осталось не включенными в реновацию, – им назначили ремонт через 20–30 лет. У жильцов это вызвало недоумение: расчёт на то, что дома сами рухнут что ли? Впрочем, дома могут быть ещё крепкими – такковы были в то время нормативы по запасу прочности: на цементе не экономили, а теперь он импортный, к тому же плохого качества, как отмечал НИИ «Мосстрой», а вот жильцы могут не дожить. Странно только, что администрация ЮАО отчиталась о завершении сноса всех пятиэтажек. На самом деле, видимо, только тех, которые приглянулись инвестору. Нет инвестора – нет жилья. А инвестору подавай прибыль.

Для сноса, как и для строительства, правительство при-

влекает бизнес, рассчитывается за долю в жильё предоставлением строительной площадки, а бизнес диктует свои условия – энное количество элитного жилья – на коммерческий рынок. Почему элитного? Потому что благодаря такой схеме финансирования строительства в Москве даже самое простое жильё может стать по карману только элите. Стоимость тех квартир, которые передаются городу для расселения, вероятней всего, относится на затраты тех, которые поступают на коммерческий рынок. Вот так и исчезает социальное жильё. Там, где коммерческого застройщика не заинтересовали, дома будут стоять, пока сами не развалятся. Чиновники будут только разводить руками и утверждать, что жильё пригодно для проживания.

Такая же ситуация и с капитальным ремонтом – деньги диктуют условия. Не одно поколение москвичей выплачивало свои кровные за квадратные метры. Не говоря уже о том, что дома, как и заводы, до 1991 г. были общенародной собственностью, то есть оплаченные из общественных фондов потребления (куда делались отчисления предприятиями, поэтому и предоставлялись государством бесплатно). Своего рода, народного «акционерного общества», который был «прихватизирован» теми, кто якобы против того, чтобы отбирать и делить. Деньги копились поколениями, но на ремонт их всегда не хватало.

К вопросу о сборе всё время недостающих денег из кармана населения для ЖКХ через такую «незаметную» лазей-

ку, как капитальный ремонт, отнесёмся более внимательно.

Если нормативный срок эксплуатации «хрущёвки» 50 лет, и этот срок к моменту приватизации хотя бы наполовину истек, то логично предположить, что, даже следуя логике идеологов приватизации, «бесплатно» владельцу квартиры досталась лишь её половина, ведь перед приватизацией государство должно было сделать капитальный ремонт, но не сделало. А нам всё время говорят о налогах с полной коммерческой стоимости. На каком основании? Логика у государства простая – денег в казне на ремонт нет, значит, надо думать, что нет и износа. Итак, нам подарили то, что нам принадлежит, минимум за двойную стоимость. Ниже мы попытаемся убедить читателя, что и первая половина, и вторая, давно оплачены населением, только доверило население эти отчисления ненадежному партнеру – государству, у которого с 90-х годов всё бесследно исчезает – и документы и деньги.

В советские времена на капитальный ремонт делались амортизационные отчисления из бюджета, поскольку основные средства де-юре принадлежали государству. И куда они делись? Любое государство не любит отчитываться перед населением, а то, которое строим с 90-х годов – тем более. Наказывать, если государству потребитель не доплатил (иногда по праву, за не оказанные услуги), – правовые органы всегда готовы, а вот защитить – нет. Отчитаться за амортизационные фонды, накопленные за всю историю дома, за использование взносов населения из фонда капитального ремонта –

это извините.

Кроме амортизационных отчислений государства, хозяева квартир (тогда все были арендаторы, но как хозяева) оплачивали (хотя, может быть, и частично) все виды ремонта. Это была не просто квартплата.

Читаем Постановление Совета Министров РСФСР от 30 октября 1967 г. (с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением СМ РСФСР от 10.10.1985 № 445, № 6 1986 г. и № 145 от 14.04.1987): «В тех случаях, когда после покрытия всех расходов по эксплуатации жилищного фонда образуется свободный остаток средств, он направляется в установленном порядке на создание фондов стимулирования, на прирост собственных оборотных средств жилищно-эксплуатационных организаций и на капитальный ремонт основных фондов жилищного хозяйства. Финансирование капитального ремонта основных фондов жилищного хозяйства осуществляется в плановом порядке за счет отчислений от арендной платы за нежилые помещения, свободного остатка средств жилищных организаций, государственного бюджета, а также средств предприятий, организаций и учреждений, в ведении которых находятся жилые дома».

О том, что платежей, которые поступали в фонд, в том числе и от населения, было достаточно, чтобы накопить средства для капитального ремонта в установленные сроки, говорит и Жилищный кодекс РСФСР, который утвержден ВС РСФСР 24.06.1983 г. в ред. от 20.07.2004 г. Читаем его:

Статья 147: «Государственные жилищно-эксплуатационные и ремонтно-строительные службы осуществляют по договору техническое обслуживание и ремонт общественного жилищного фонда, домов жилищных и жилищно-строительных кооперативов, а также многоквартирных домов, находящихся в собственности граждан. Оплата расходов, связанных с техническим обслуживанием и ремонтом этих домов, производится по ставкам или на условиях, установленных для обслуживания и ремонта жилых домов государственно-го и муниципального жилищного фонда».

Статья 154: «Плата за жильё и коммунальные услуги для собственников в многоквартирном доме включает в себя в том числе и взнос на капитальный ремонт».

Часть 1 статьи 158: «Собственник помещения в многоквартирном доме обязан нести расходы на содержание принадлежащего ему помещения, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения платы за содержание и ремонт жилого помещения».

В 90-х годах платежи населения также включали и отчисления на капитальный ремонт.

Постановление Правительства РФ от 18.06.1996 № 707 «Об упорядочении системы оплаты жилья и коммунальных услуг» гласит:

П.1 «Структура платежей населения за жильё всех форм

собственности должна включать: первый платеж – за содержание и ремонт (включая капитальный ремонт) мест общего пользования в жилых зданиях, второй платеж – за коммунальные услуги».

Об этом же говорит Приказ Минстроя РФ от 02.12.1996 г. № 17–152 «Об утверждении «Методических указаний по расчету ставок платы за найм и отчислений на капитальный ремонт жилых помещений, включаемых в ставку платы за содержание и ремонт жилья (техническое обслуживание)».

Документ носит рекомендательный характер, но только в части методики расчета, т.к. много факторов, которые влияют на конечную сумму. Но то, что сумма взносов на капитальный ремонт была всегда заложена в платежный документ, сомнений приведенные выше документы не оставляют.

Вывод следует один – отчисления на капитальный ремонт из платежей населения должны были производиться и производились всегда. Такие отчисления предполагаются даже от тарифа тех, кто пользуется жильем по найму, т.е. из 2,50 рублей. Тем более из тарифа собственников – почти в 17–20 рублей за квадратный метр. Иначе как объяснить такой тариф? Когда для собственников устанавливали в 8 раз выше тариф, так и обосновывали – на капитальный ремонт. Теперь забыли?

Вот почему государство переносит сроки бесплатной приватизации, всячески идет навстречу, упрощает, почти умо-

ляет. Можно сделать вывод только один – это тоже вид бизнеса: чтобы не нести расходы на активы, которые давно превратились в пассивы, теперь эти пассивы государство умоляет взять на себя население, а себе оставить одни активы – платежные требования – поборы ведь увеличиваются существенно. И неважно, что это делает население еще более нищим. Государство палец о палец не ударило, чтобы отремонтировать крыши, канализацию в домах, которым по 50–60 лет. Как показал многолетний опыт, вся роль государства сводится к тому, чтобы выставить счета, при этом не беря на себя никаких обязательств, кроме обновления фасада, да устранения аварийных ситуаций. Суммы в счетах растут в геометрической прогрессии.

Галопирующая инфляция вроде закончилась в 90-х годах, а население получает жировки, цифры в которых скачут почти в традициях лихих 90-х годов. Например, за период с 1999 по 2009 г. платежи в Москве за содержание и ремонт хрущевской жилой площади для собственников жилья выросли с 0,24 рубля за 1 кв.м. до 6,66 рублей, а с 2009 г. по декабрь 2015 гг., соответственно, с 6,66 рублей за 1 кв. метр до 16,69 рублей за 1 кв.м. Рост в первом случае в 27,7 раза, а во втором – еще в 2,5 раза. Никаким дефлятором такой рост не объяснить. Это тариф за содержание и ремонт (включая капитальный ремонт), согласно вышеприведенным нормативным документам. Сомнений быть не должно.

Но и это еще не всё. Так росла расценка за жилую пло-

щадь, а ведь есть еще вторичное жильё: балкон, кладовки, коридоры, ванна с туалетом. Хотя в Методиках расчета стоимости жилплощади такого деления нет. Тем не менее, в жировках в соответствии с Постановлением правительства Москвы они есть, и здесь цена выросла за 6 лет с 16,8 рубля до 20,29 рубля за 1 кв.м. Дороже, чем жилые помещения. Раньше такого понятия не было, это придумали «мудрецы» от ЖКХ в нулевые годы. Не было в жировках раньше и такого понятия, как водоотведение, которое удваивает сумму за пользование водой. При этом тариф вырос с 9,1 рубля в 2007 г. до 20,69 рублей в 2015 г. Дальнейшие реформы привели к созданию еще одной, близкой к правительству Москвы структуры, которой надо зарабатывать – так называемой Управляющей компании. Зачем она? Чтобы управлять или собирать деньги? Правительство это не волнует, потому что содержание её повесили на население. Если надо выполнить какие-то работы, она, как правило, нанимает ещё кого-то. Вот почему растут тарифы: надо оплачивать уже не одну организацию, а две. Повторюсь, что плата за жилую площадь по найму составляет 2,5 рубля. Отсюда расчёт государства: чем меньше муниципального жилья, тем меньше субсидия. Впрочем, государство по-прежнему не торопится раскошелиться на качественный капитальный ремонт муниципального жилья – кто спросит с государства? Разница с платежом собственника – 16,69 руб. – очевидная. Собственник несёт расходы по содержанию квартиры самостоятельно,

т.е. платит за всё из своего кармана. Причем эта цифра почти каждый год растёт, а физический объем услуг не меняется, как и их качество. Иногда меняется в сторону сокращения: реже моют полы в подъезде, реже вывозят мусор, водоотвод или вентиляцию не смотрят вовсе – только в аварийных ситуациях. Надзор за сбором средств с населения есть, а объём предоставляемых услуг не контролируется. Например, обслуживание кодового замка обходится населению недёшево, а никто не припомнит, когда проводили хоть какую-нибудь профилактику с ним. В итоге платеж за содержание и ремонт квартиры в хрущевском доме (по всем нормативным документам «включая отчисления на капитальный ремонт») за 55 кв.метров в декабре 2015 г. составил 971 рубль, 95 копеек (без учета пользования холодной и горячей водой с водоотведением и электроэнергией и пр.) против 518, 4 руб. в январе 2009 г., и с 2015 г. отдельной строкой еще за капитальный ремонт 825 рублей. Суммарный темп роста относительно 2009 г. составил 346,6%. Хорошо, если бы государство объяснило такие манипуляции и с непостижимо галопирующими цифрами в едином платежном документе и с двойным отчислением на капитальный ремонт.

Однако вернёмся к капитальному ремонту.

Есть ещё один любопытный вопрос, который хотелось бы задать Мэру Москвы (не знаю, как в других регионах): деньги на капитальный ремонт собирают исправно каждый месяц и уже не один год. Но вот начали ремонт. Вы думаете,

используются все отчисления за 50 лет? Как бы не так. Согласно Постановлению правительства Москвы № 86-ПП от 27.02.2015 г. используются для капитального ремонта средства собственников квартир «в размере не более 90% от общего объема взносов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах на территории города Москвы, поступивших в фонд за предшествующий календарный год». Иначе говоря, средства собираются десятилетиями, а используются только те, что собраны за прошлый год. Куда же попадают средства, перечисленные в Фонд в предшествующие годы? Значит ли это, что в 2016 и последующие годы не будут брать этот дополнительный взнос? Ничего не значит, уже берут. Куда и на что пойдут собранные средства, спрашивать бесполезно. Об этом не знает никто из чиновников. Вот это и есть «Троянский конь», с помощью которого влезают в карман жильцов. Сборы идут, а на капитальный ремонт использоваться не будут. Возможно, пойдут на новое строительство "за счет бюджета"! Если нет – сомневаюсь, что 20–30 лет спустя об этих деньгах вспомнят.

И ещё один документ – Постановление Госстроя от 12 октября 2000 г. № 103, в котором говорится:

«Использование показателя «общей площади жилья» для расчета платы за содержание и ремонт жилья (включая капитальный ремонт) базируется на том, что указанный платеж устанавливается в размере, обеспечивающем возмещение издержек на содержание, капитальный и текущий ремон-

ты, мест общего пользования в жилых домах, к которым в том числе относятся межэтажные лестничные клетки, лестницы, крыши ...».

То есть, нет никакого раздвоения на первичное и вторичное жильё, за которое с нас взимали в повышенном размере. И опять – включая капитальный ремонт. Игнорировать собственные Постановления, методики и кодексы – это стало традицией власти государственной и городской. С 90-х годов население для государства стало дойной коровой. Но ведь если государство не обеспечивает своих граждан работой, нормальной зарплатой, нормальными условиями жизни, приглашая иностранные капиталы, иностранные фирмы, иностранную рабочую силу, то имеет ли право такое государство вообще брать платежи за жильё, ставшее, например, непригодным? Таких сюжетов по телевизору сколько угодно. И у так называемого «социального» государства совести хватает брать деньги за жильё, выработавшее свой ресурс на 100%, оплаченное населением на 200% (с учетом затрат на строительство из фондов, сформированных населением), вложив в него лишь копейки на покраску стен, вывоз мусора и содержание дворника с сантехником, а на копеечный капремонт – лишь взносы за один год!

Ну, хорошо, приняли Постановление о проведении капитального ремонта, установили сроки (возможно, с надеждой, что он дождётся ремонта). Установили объем работ, включенный в капитальный ремонт. Это:

- ремонт внутридомовых инженерных систем...;
- ремонт или замена лифтового оборудования...;
- ремонт крыши;
- ремонт подвальных помещений;
- ремонт фундамента многоквартирного дома;

Заметим, что тариф в Москве на все дома один – 15 рублей за квадратный метр, а дома, следовательно, объемы работ, сильно отличаются. На один дом потребуются затраты в 20–25 рублей на метр квадратный, в другом (отдалённом спальном) – 8–10. Нет, например, лифтового оборудования, нет подвала, нет фундамента (самых дорогостоящих позиций) – это заведомо минус из тарифа. Да ещё часть работ, подлежащих выполнению, не выполняют, сэкономят. Это значит, что население спальных районов оплатит ремонт домов престижного центра.

Всякий раз, когда сталкиваешься с чиновниками московского правительства или надзорными органами, поражаешься их некомпетентности и какой-то странной незаинтересованности в решении вопросов. Поэтому москвичи, которые поколениями живут в Москве, которых всё дальше отселяют от Садового кольца (благо, она расширяется, и скоро Москвой назовут еще какие-нибудь Нью-Васюки), не очень надеются на качественный ремонт, если он вообще состоится: слишком много отрицательных отзывов. Забота о москвичах пока проявляется только на словах. Мне представляется, что так обстоят дела не только в Москве. Москва в данном слу-

чае – лишь показательный пример. Капитальный ремонт на деле скорей всего обернётся имитацией за наши с вами деньги. Ведь к работам по ремонту привлекаются фирмы с ограниченной ответственностью размером в 10 тысяч рублей, работники плохо понимают по-русски. Иначе говоря, если что – претензии предъявлять некому. Рядовые граждане всегда остаются один на один с проблемами, от чиновников помощи нет никакой. Сужу по своему опыту.

Если у нас социальное государство, не справедливей ли было бы все эти вышеизложенные аспекты рассмотреть в интересах населения (дорогих москвичей, смолян, калужан и т.д.), ввести поправочный коэффициент в зависимости от категории дома? Конечно можно, но, как показала практика, когда на одной чаше весов справедливость, а на другой – деньги, то выбор всегда в пользу денежных знаков. Пусть даже из пустого кармана. К приватизации подталкивали ведь не случайно: поднатужатся, ужмутся в пояс, закредитуются, перекредитуются, в крайнем случае, отдадут квартиру...!

Это на Западе спонсоры – те, которые богатые. У нас, в социальном государстве, всё наоборот.

Февраль 2016 г.

Государство и бизнес. Общая цель или конфликт интересов?

Мы часто слышим от сторонников либеральных взглядов, что государства должно быть в экономике мало. Так же говорит и монетарная теория. Тут есть над чем подумать, потому что в государстве, как и в человеке, может быть много хорошего и плохого. Ведь государство, даже если под ним понимать не весь народ, а только правящую верхушку, может быть разным. Может быть строителем как в петровские или советские времена, а может быть разрушителем, как в 90-е годы. Государства, в котором сбалансированы интересы собственно государства, в лице его коренных народов, и бизнеса, должно быть достаточно, чтобы поддерживать баланс интересов всех слоев общества. Стремление к максимально рациональному использованию всех ресурсов (в том числе трудовых) должно быть главной регулирующей функцией государства. Только так возможно развитие. Если этой гармонии интересов нет, государства много быть не может. Пока интересы между различными слоями общества расходятся, государство свою роль не выполнило. Значит, его в экономике слишком мало. Только в воспалённом мозгу анархиста экономика сама собой отрегулируется: история таких примеров ещё не знает.

Те, кто убеждал нас, что рынок всё сбалансирует и создаст предпосылки для беспрецедентного роста экономики, откровенно ввали, потому что рынка в чистом виде нигде никогда не существовало. И нигде без участия государства мифический рынок ничего не сбалансировал. За образец преподносят США, где участие государства в производственном процессе невелико, но умалчивают о том, всегда ли так было? Не всегда и не везде. На определенном этапе развития государство, а не рынок, играло существенную роль. Вот сухая статистика:

Доля государственных расходов в ВВП за 1870-1998 гг., %								
Страна	1870		1913		1960		1998	
	I	II	I	II	I	II	I	II
США	7,3	0,3	7,5	0,6	27	7,3	32,8	16,3
Германия	-	0,5	14,8	-	32,4	18,1	46,9	21,2
Франция	12,6	0,5	17	0,8	34,6	13,4	54,3	27,8
Великобритания	9,4	0,9	12,7	1,4	32,2	10,2	40,2	16,8
Италия	11,9	0	11,1	0	30,1	13,1	49,1	24,5
Япония	-	0,1	8,3	0,2	17,5	4	36,9	16,1

I – все государственные расходы;

II – социальные трансферты без расходов на образование.

Источник: Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 1. – С. 11.

Использовали США и протекционистские способы защиты своего рынка, пока их экономика не стала самодостаточной и не вышла за пределы границ собственно США. Вспомним хотя бы торговые войны в 70-е годы с Европой,

с Японией. В чем роль государства не может быть подменена рынком? Трудно найти пример в мировой экономике, где на ранней стадии формирования рынка бизнес тратился бы на фундаментальную науку, без которой невозможно сориентироваться и в прикладной, на НИОКР, на создание инфраструктуры экономики, на дороги, на оборону. Вряд ли нарождающийся бизнес в условиях рухнувшей экономики, как у нас в 90-е годы, найдет в себе силы защитить себя даже на внутреннем рынке, если его открыть для притока алчных спекулятивных денежных мешков и залежалых стратегических запасов товарной массы, а тем более на внешнем рынке. Все эти функции должно взять на себя государство. Все страны на стадии развития использовали протекционизм для укрепления экономики. Вообразить, что экономика России уже стала высокоиндустриальной, может только больной. Для слаборазвитой страны открытая экономика – это тормоз. США, куда как развитое государство, и теперь не гнушаются использовать тарифное регулирование, отлично выполняют свою роль в интересах национального бизнеса, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Причем государство (помимо частного капитала) делает немалые и социальные отчисления, как, впрочем, и европейские страны, хотя они (в отличие от России) и не позиционируют себя как социальные государства:

Доля государственных расходов в ВВП за 1950–2015 гг.:

Могущество США росло особенно активно, когда Европа переживала трудные времена: в конце XIX века, во время Первой и Второй Мировых войн (промышленные группы активно сотрудничали с фашистской Германией, одновременно поставляя в долг оружие СССР). Экономическая мощь позволяла делать большие инвестиции и в социальную сферу. Напористой политике в интересах роста экономики способствовала навязанная миру зависимость от доллара, подкреплённая при необходимости всей военной мощью. Оппоненты могут обратить внимание на снижающиеся военные расходы, которые, тем не менее, номинально значительно превосходят российские. Однако надо понимать, что все страны НАТО вносят свою лепту в расходную статью, именуемую «оборона». При восстановлении разрушенного хозяйства, как в Европе после войны, как у нас после 1945 года и еще более разрушительных 90-х годов, экономике необходимы тепличные условия, как для саженца, прежде чем он пустит корни и станет крепким деревом. Плоды приносит только зрелое дерево. Рынок – инструмент, которым надо уметь пользоваться. И как всякий инструмент, он требует квалифицированного подхода. Для создания конкурентной среды надо в собственной стране взрастить то, что должно конкурировать. В 80-е годы прошлого столетия рынок при разумном его введении в хозяйственные отношения мог и должен был бы сделать нашу страну мощной. Ведь все предпосылки к тому были: богатейшая сырьевая база, научные кадры, ква-

лифицированная рабочая сила, капитал, сконцентрированный (особенно в результате денежной «павловской» реформы, реквизирующей у населения 300 млрд.рублей) в руках государства, который мог быть направлен на создание мощных промышленных групп со смешанным капиталом на базе существующих предприятий. Не сделал, потому что все усилия реформаторов, как показала практика, были направлены на разрушение, а не на созидание. Возможно, исключительно из-за своей некомпетентности. Впрочем, может быть и намеренно, потому что казна оказалась пуста, из государственной экономики, как и со счетов населения, деньги утекли в чьи-то карманы. Когда в дом (или государство) пришла беда, а в нём начинают хозяйничать посторонние, – это в нормальном обществе называется мародёрство. Если присмотреться, 90-е годы у нас имеют все признаки этого явления. Латание дыр в бюджете привело к галопирующей инфляции и развалу государства. Наиболее прибыльные, «рентабельные» сырьевые отрасли прямо или косвенно перешли в частную собственность, но дивидендами с населением и прибылью с государством делиться и по сей день не спешат: «Аргументы недели» сообщают, что в 90-е годы доходы от продажи газа были в два раза больше, чем от продажи нефти. Сейчас значительно меньше. При этом нефтянка отдает государству с каждого рубля 41 копейку, а Газпром – 17 копеек. Конечно, каждый год по-разному. Иностранные деньги, почему-то именуемые у нас инвестициями, скупая всё по копейке, играли,

за редким исключением, скорее деструктивную роль в экономике. Вспомним нападки на атомную промышленность и опустевшие цеха «Атоммаша», на космическую отрасль и затопленную станцию «Мир», на военно-промышленный комплекс, где иностранный капитал помогал, например, уничтожать труд многих поколений – станки, лаборатории, ракеты, танки и суда, отправляя их на металлолом, вспомним солдат, которым нечего было есть. Американцы в 1991 г. заявили, что берут на себя обязательство компенсировать оружие, уничтоженное в СССР сверх количества, предусмотренного международными соглашениями, бесплатными поставками из США зерна, мяса, масла. На это предложение министр Э.Шеварнадзе заявил: «По нему (этому предложению) будут вестись дальнейшие переговоры». Вот и рады были стараться – производство ракет практически остановилось, экспорт и выручка от экспорта военной продукции упали, рынки теряли, а много ли население получило бесплатного мяса и масла? Вспомним, как задушили отсутствием денег в реальном секторе экономики и у населения текстильную промышленность, которая только накануне, к 90-му году, была переоснащена новым оборудованием, а портфель заказов на 1992 г. составил только 20% от обычного объема, практически ликвидировали станкостроение...

Для экономики, лишившейся промышленного сектора, практика воплощения идей монетаристской теории была равносильна самоубийству. Но самое поразительное, что эта

политика (схема контроля экономики через банки), предложенная когда-то в том числе М. Ходорковским (тогда советником Председателя Совета Министров РСФСР), «работает» против развития производства до сих пор, а правящий класс этого продолжает не видеть. Не вдаваясь в теоретические измышления, обратим внимание на следующее наблюдение: денежная масса растет, как и номинальный ВВП, т.е. в текущих ценах, а в ценах 90 года экономика падала все годы реформ и лишь иногда топталась на месте. В реальном секторе экономики как в 90-х годах, так и сейчас денег стабильно недостает. «Регулирование» денег в промышленном секторе через коммерческие банки у нас приводит к тому, что именно в промышленный сектор деньги и не доходят. Объясняют это с точки зрения монетаристов сдерживанием инфляции и повторяют ошибки 90-х годов. Что такое инфляция? – самое простое – это баланс (вернее дисбаланс в пользу денег) между товарной и денежной массой в государстве. Т.е. как минимум есть два фактора, через которые можно влиять на денежный рынок в стране. Можно ограничить приток денег в реальный сектор экономики (как Правительство и действует, но почему-то денежные вливания в банковский и финансовый сектор его не беспокоят) и можно работать на прирост товарной массы, но не через импорт, а через производство. Одновременно это сыграло бы и на рост покупательной способности населения. Нет, чиновники, по существу, ограничивая производство (через банков-

ский «контроль»), слепо следуют по образцу стран, в которых есть проблема перепроизводства. Это же очевидно. Возможно, для экономики, в которой наметилось перенакопление основного капитала, монетаристские способы регулирования и помогают преодолеть кризис, но для экономики, где произошло сокращение основных средств на 70%, это губительно. Сокращение инвестиций в реальную экономику при попытке поддержания потребления на прежнем уровне (демагогические заявления о якобы росте заработной платы – еще одно свидетельство заблуждения Правительства), напротив, создает предпосылки для ускорения инфляции – растут цены (товары преимущественно импортные) и вынужденно растет средняя номинальная зарплата. При этом товарная масса сокращается, что раскручивает инфляцию.

Виновато ли в этом государство? Да. Лоббируя курс на поддержание банковского сектора, и бросив на произвол судьбы как базовые, так и вторичные отрасли (выделим из них в отдельную статью ВПК и космос), государство несет ответственность за отсутствие благоприятной среды для возрождения экономики. Частный капитал в России не готов делать долгосрочные вложения в станкостроение, возрождение строительной индустрии, нефтехимию, судостроение, авиастроение. Сдвиги небольшие в этом направлении наблюдаем: гордимся сборкой самолета МС-21, а много ли мы из него производим? На государстве лежит обязанность инициировать именно производство. Но оно пока озабочено пополне-

нием бюджета, из которого деньги непрерывным потоком текут в частный сектор и там бесследно теряются. Если денежно-кредитная политика – это кровеносная система экономики, то в российской кровеносной системе много ран, из которых вытекает вся живительная сила этих денежных потоков. В результате в стране число миллиардеров растет при одновременном обнищании населения. Эти факты государство не заботят, оно утешает себя байками о росте средней заработной платы (средней между миллиардером и сантехником) и ищет способы пополнения бюджета и намерено идти на новые попытки приватизации некоторых государственных активов, чаще по их балансовой стоимости (особенно после падения курса рубля) в долларовом исчислении. Это преступление идеологов реформ против самого государства опять же в духе 90-х годов. В целях приватизации разрозненных остатков основных средств рынок как бы становится не нужен. Ведь приватизируется чужое, в смысле государственное (народное). Население при этом не участвует из-за отсутствия денег. Получается «междусобойчик», поэтому фактически объявляется не рыночная стоимость, а почти балансовая (особенно при пересчете в доллары). Здесь взаимодействие государства и бизнеса сводится к перераспределению средств, собранных с миру по нитке (в смысле со всего населения), и передаче их в частные руки. В то же время налоги на недвижимость и движимость с собственного населения должна строиться почему-то по рыночной цене.

На сегодня соотношение доли государства и частного капитала в создании ВВП, если судить по численности занятой рабочей силы, дает соотношение – 25:75. При этом 25 – это то, что удалось возродить или построить опять в военной, космической отраслях, в атомной энергетике, т.е. то, что за последние 10–15 лет выросло, а 75 – это остатки машиностроения, металлургии, но главным образом это – нефть, газ, торговля, финансовые услуги. То, что в экономике называется базовыми отраслями, представлены немного металлургией, химическими удобрениями, нефте-газопереработкой, но в основе своей практически исчезли. В результате приватизации во многих отраслях не стало не только государства, но и частного бизнеса. Например, в станкостроении. Только вдумайтесь: почти все предприятия, от которых государство отказалось, и которые были приватизированы, в короткий срок были ликвидированы. На них сразу распродалось оборудование на металлолом. О какой эффективности частной собственности после этого может идти речь? Частная собственность в России началась с банкротств и продолжает демонстрировать свою неэффективность по сравнению с государственной. А нам говорят о неэффективности государственного управления. Возможно, да, если иметь в виду не производство, а армию чиновников, значительно превосходящую их численность в СССР. В общем-то, это понятно: денежные потоки из бюджета надо направлять в «правильные» русла. В реальном секторе такой произвол привёл к от-

сутствию роста и значительному сокращению рабочих мест. Вот что у нас значит «как можно меньше государства». И, тем не менее, вопрос дальнейшей приватизации всё время на повестке дня. Идеологам «свободного рынка» надо его еще меньше. Как и в случае с инфляцией, выбор падает на худший вариант. Вместо того чтобы наращивать частный капитал в экономике (добиваясь перевеса путём роста имущественного капитала), меняя соотношение в пользу «частного капитала и свободного рынка», и снижать пропорционально долю государства, нам опять предлагают приватизацию, т.е. не через рост пирога, а через перераспределение того, что исторически досталось нынешнему бизнес-поколению. Включается опробованный механизм: отобрать и поделить. Это – по-революционному. При этом частный капитал после приватизации долго в стране не задерживается и, перепродав или обанкротив приватизированный актив, утекает за границу. Доля государства опять становится заметной, хотя ужалась до минимума. И почему образцом для Правительства остаются Соединенные Штаты, где доля государственных расходов в ВВП не уступает доле государственного сектора в России? Почему, например, не Австрия, которая до второй половины 80-х годов прошлого века при значительной доле государства в экономике развивалась темпами, превышающими многие европейские страны? Страна, которая не имеет выхода к морю, но располагает торговыми судами. У нас частному сектору по-прежнему недостает

умения и желания увеличить свою долю в произведенном ВВП за счет наращивания производства. Санкции, ограничения в торговле, с которыми столкнулась Россия в последние годы – это шанс, хватило бы ума им воспользоваться и возродить недостающее разрушенное производство. Шанс такой же, как для Японии в 70-е годы. Там накануне нефтяного кризиса 1973 г. структурная перестройка уже назревала. Экс-председатель фирмы Кэйданрэн Т. Доко подчеркивал, что нефтяной кризис имел и положительное значение: без него «экономика страны продолжала бы упиваться счастливой мечтой о вечном быстром росте и очнулась лишь тогда, когда было бы слишком поздно». Использует ли шанс наша экономика? Вопреки утверждениям либерального крыла Правительства, этот рост невозможен без конструктивного участия государства. К сожалению, если оставить за скобкой то, что Правительством делается для обороны, для космоса, в целом оно пока играет не очень позитивную роль: всё «регулирование» сводится к наполнению бюджета, издавая множество законов и поправок к ним, ужесточая ответственность, а не поощряя развитие. При этом ответственность за свои порой некомпетентные действия законодательством не предусматриваются. Повышая налоги, штрафы, акцизы, которые косвенно влияют на затраты, на раскручивание инфляции, и в конечном счете в условиях низкой покупательной способности населения и производственного сектора, тормозят развитие бизнеса. Ведь крупное производство – это

долговременные капиталовложения, но только крупное производство может стимулировать мелкий и средний частный бизнес в производственной сфере. В интересах государства развивать частный сектор путём низких процентов на кредиты, путём прямого выхода производителей на финансовые ресурсы, а не через посредников, и в интересах мелкого и среднего бизнеса иметь в лице государства партнера там, где нужны крупные капиталовложения на длительный срок, чтобы быть ему партнером в текущих расходах. Однако государство не проявляет интереса к возрождению утраченных позиций в промышленном секторе. И хоть там нет конкурентов, частный бизнес тоже туда не идёт, т.к. предпочитает ускоренную оборачиваемость инвестиций. Отсутствие структуры, заинтересованной в долговременных промышленных капиталовложениях, реально сдерживает рост частного бизнеса в крупном производстве. Речь не идет, конечно, о сырьевом или банковском секторе, их государство, напротив, опекает. Иностранные инвестиции, на которые особенно надеется и рассчитывает нынешнее Правительство, на это не способны, т.к. предшествующие 30 лет убедительно показали их полную в этом незаинтересованность. Либо государство наше не сумело надлежащим образом обусловить (с выгодой для государства) его приток: например, цены на приватизируемый объект, который попал в поле зрения иностранного инвестора, должен (раз уж выходит на мировой рынок) соответствовать мировому уровню, либо не захоте-

ло. Для иллюстрации безалаберности в этом деле в 90-е годы за примерами далеко ходить не надо: одним из первых был приватизирован у нас насосный завод им. Калинина вместе с двумя его филиалами всего за 9 млн. рублей. Если основными совладельцами завода стали рабочие – это одно, если Siemens (или другой иностранный заинтересовавшийся инвестор) – совсем другое, и должны быть другие цены. И гараж Ленинградского обкома КПСС был приватизирован за 9199,6 тыс. рублей. Вести речь о балансовой стоимости при таком соотношении значимости объектов и цен просто некорректно. Практика приватизации по цене металлолома должна быть осуждена и забыта. Нам могут возразить, что отсталое производство никто не купит по мировой цене. Во-первых, отметим, что не везде оно было отсталым, во – вторых, даже отсталое производство – это производство, а не металлолом. Китайцы копируют наши станки, не считая их отсталыми. И цены должны быть сопоставимы с аналогом производства страны – «инвестора» с поправочным коэффициентом. Но, похоже, те, кто проводил приватизацию, с такими понятиями были совершенно не знакомы, либо в этом и состояла их задача. Практика показала: задёшево покупали, чтобы обанкротить. Если стоимость металлолома после сдачи станков в утиль перекрывает первоначальные вложения, никто не будет утруждать себя (тем более, если нет никакого опыта) организацией производственного процесса. Цена, грамотно рассчитанная с учетом морального и физиче-

ского износа должна быть привлекательной для инвестиций с последующей отдачей вложенных средств через технологическое обновление и рост производства, а не через свертывание производства и поставок продукции из-за границы. Только в том случае нелепо будет тратить деньги на приобретение актива, если вложенные средства не скоро окупятся через перепродажу в металлолом и последующие поставки продукции на освободившийся рынок. Бесплатное распределение акций предприятий среди работников было бы альтернативной формой приватизации экономически более выгодной для государства: предприятия продолжали бы работать и хозяйственные связи сохранились бы. Уповать на иностранные копеечные инвестиции, прибыль от вложения которых выводится за границу, а не реинвестируется в российскую экономику, значит рассчитывать максимум на стагнацию экономики, но не на развитие. Ведь опыт прошлых лет это показал. Приток и отток иностранного капитала дал понять, что рассчитывать на стабильность развития, опираясь только на иностранные инвестиции, даже если они российского происхождения, нельзя. Индия только тогда и начала развиваться, когда освободилась от колониальной зависимости. Россия наоборот поставила себя в зависимое положение от «партнёров» и их «консультантов», от доллара, от нефти, и вся постсоветская история превратилась в историю перетекания из кризиса в кризис. Представляется, что для преодоления кризиса государство должно усилить не контроли-

рующие и репрессивные рычаги (они разработаны уже в достаточной, если не в чрезмерной, степени), а стимулирующие. Контролирующие механизмы нужны, особенно в части, касающейся использования бюджетных средств и цен на потребительском рынке. Не будем забывать, что во Франции цены контролировались до 1986 г., а у нас наоборот, начали рыночные реформы со свободного роста цен и падения курса рубля. Практика показала, что крах экономики СССР и самого государства начался с разрушительной кредитно-денежной политики Павлова и продолжался все 90-е и нулевые годы.

Какие могут быть стимулирующие и регулирующие меры? Попробуем их обозначить.

Бизнес, преследуя экономическую выгоду, всегда будет стараться ущемить интересы наемной рабочей силы путем невыплаты, сокращения или задержки выплаты зарплаты. Чем дешевле бизнесу обходится рабочая сила, тем ему лучше. Мы имеем немало примеров, когда рабочая сила находилась в рабском положении. При значительной доле своего безработного населения иммигранты создают дополнительное давление на снижение среднего заработка. Только этим привлекательна иностранная нелегальная иммиграция. Одновременно крупный бизнес всегда будет вытеснять конкурента в лице мелкого или среднего предпринимателя, если он не является аффилированным членом крупной компании, чтобы занять монопольное положение. В нормаль-

ном государстве роль арбитра выполняет законодательная власть. Если в государстве законодательство работает как дышло, то регулирующая роль не исполняется. В стране царит анархия, в которой чиновник начинает играть ключевую роль. Если в законодательстве масса пробелов, если один закон противоречит другому, то это повод усомниться в компетентности законодательной власти.

Понятно, что когда товар производится или завозится по импорту, необходимо его кому-то продать. Но если население не будет работать, зарплату не будет получать, а вместо неё – мизерное пособие по безработице и такие же пенсии, – некому будет покупать. Это – путь к краху экономики: низкая покупательная способность – это отсутствие стимулов для роста производства. Это – прописная истина, но она игнорируется. Проиллюстрируем на маленьком примере:

В Москве заметно меняется структура бизнеса в пользу крупных торговых компаний, чаще с иностранным капиталом. Еще 10 лет назад в городе было множество мелких киосков и прочих торговых прилавков вблизи каждого дома. Теперь – торгово-развлекательные центры и комплексы с импортными товарами. Чисто стало, красиво, но целой армии мелких предпринимателей стало некуда деваться. И об этом власть города заранее должна была задуматься и для всех предпринимателей найти новую торговую площадку. Мэр утверждает, что есть масса свободных торговых мест, но умалчивает (не знает или делает вид, что не знает) сколько

запрашивают за метр площади владельцы или распорядители этих площадок. Все крупные торговые центры забиты товарами западных конкурентов из-за отсутствия российского производства. Беда в том, что покупателей мало. Вот к чему привела ликвидация мелких сетей.

Н. А. Гайнутдинов, председатель комитета правительства Москвы по реформированию городского хозяйства, приводит такие сравнительные данные по распределению экономически активного населения в экономике Москвы (%):

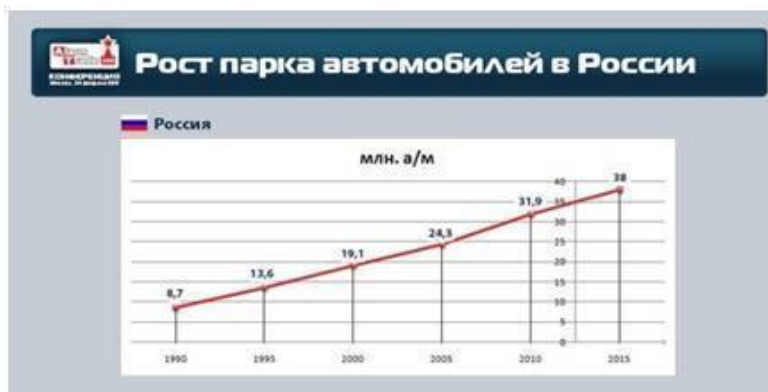
Секторы экономики	Распределение занятых по отраслям						
	Москва				Лондон	Нью-Йорк	Токио
	1990	1995	2000	2006	2002	2000	2001
Промышленность	22	17,8	13,3	9,9	6,1	6,4	15,2
Строительство	13,3	13,6	15,4	14,9	3,4	3,2	7,6
Транспорт и связь	7,6	7,2	8	7,4	7,8	5,5	6,5
Торговля, общественное питание	10,4	14,6	18,9	28	22,7	16,5	25,4
Финансы, страхование и операции с недвижимостью	0,6	2,6	2,7	5,4*	32,0**	12,9	6,6
Другие виды услуг	37	31,2	27,4		22,5	39,5	32,1
Аппарат органов управления	3,8	3,2	3,8		5,2	14,9	2,8
Другие отрасли	3,8	4,7	10,5	34,4	0,2	0	3,3

(Статья из сборника «Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н. А. Служи – М.: ООО «Аванглион», 2007.)

Статистика заканчивается 2006 годом, но тенденция очевидна: в промышленности число занятых сократилось почти вдвое, а выросло в каких-то «других отраслях». Труд-

но представить, чтобы рабочие из промышленности перешли в какие-то «другие отрасли» или вдруг стали поварами. Достаточно пройтись по рынкам, точкам общественного питания, чтобы понять, что рабочие с завода им. Лихачева, АЗЛК, цементного, приборостроительного или станкостроительного сюда торговать картошкой или готовить окрошку не пришли. За этими сухими цифрами не видно, куда они могли деться. Так же теперь и мелкие предприниматели остались у разбитого корыта. О людях кто-то должен был подумать. Но, очевидно, некому. Ведь позаботиться о ком-то – значит, проявить принцип справедливости, а это теперь не в чести. Приватизация высвободившейся от «балласта» строительной площадки для офисов, как и приватизация власти, по словам всё того же М.Ходорковского, «не является средством достижения справедливости». В этом мы продолжаем убеждаться. Между тем среди развитых стран доля социальных расходов в России почти самая низкая. По здравоохранению в 2013 г. – 7% против 17% в США, 12% в Молдавии и Франции, 11% в Швейцарии и Германии, на Кубе, в Словении, Великобритании, Испании, Италии и пр. – 9%. (<https://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-health/info>). При этом в России продолжают сокращать больничные койки, закрывают в сельских районах больницы и медпункты. Аналогичная «оптимизация» происходит и в других социальных сферах. Почему в России вся регуляция рынка сводится к закрытию и сокращению? Другой пример того,

как рынок должен был всё отрегулировать и не отрегулировал в пользу роста производства на примере такой отрасли, как переработка нефтяного сырья – в таблице ниже: парк автомобилей в России вырос почти в 4,4 раза, следовательно, должен также подскочить спрос на бензин и, соответственно, производство. А что происходит на самом деле?

Год	Мощность по сырью, млн. т.	Первичная переработка, млн.т.	Загрузка установок по первичной переработке нефти, %	Производство основных нефтепродуктов, млн. т.			Глубина переработки нефти, %	Доля от объема первичной переработки, %
				Авто-бензин	Диз-топливо	Мазут		
1990	351	300	85	41	75,6	95	67	70,53
2012	279	266	95	38,2	69,7	74,5	71,5	68,57

Бензина становится всё меньше. Где регулирующая роль

рынка или государства? Значит, всё это лишь пустые разговоры, и практика это показала!?! Приведенные выше данные являются официальными!

Занятость рынок тоже регулирует в сторону сокращения. Здесь – объективно: ведь сокращаются мощности, новые не строятся. Если государство по конституции «социальное», а относительное обнищание населения (относительно роста цен, тарифов, темпов инфляции и доходов верхних слоев общества) имеет тенденцию к росту, то это тоже значит, что государство лишь на словах проявляет заботу о населении, прикрывая эту мнимую заботу удобной статистикой. Как плохие ученики в школе, чтобы не портили показатели, получают оценки, не снижающие средний балл, так и рабочие ликвидированных заводов, предприниматели, закрывшие свое дело, а также завтрашние «пенсионеры», не доработавшие до пенсии год или два попадают в «другие отрасли», чтобы не омрачать «успехи реформ». Правительство Японии, например, регулирует фармрынок, сохраняя баланс интересов на рынке фарминдустрии, обеспечивает приемлемые для населения цены и одновременно стимулирует развитие отрасли: каждые два года снижает (!) цены на лекарства, тем самым сокращая прибыль компаний. В свою очередь это побуждает компании искать новые рынки, чтобы зарабатывать на обороте, а не на росте цен. Одновременно это стимулирует источники снижения затрат (Сидзи Хонда, вице-президент по корпоративной стратегии фирмы «Такэда»). Такие

жесткие ценовые меры повышают конкурентоспособность. У нас, наоборот, государство предпочитает устанавливать минимальные цены (чтоб не ниже..., если натуральное, то самое дорогое...), но при этом понижает экспортные таможенные пошлины на сырьё в пользу его иностранных потребителей. А на обороте, если и зарабатывают, то только на теневой стороне: примером может быть распространение малых нефтеперерабатывающих производств, которые обслуживают эту сферу. Непонятно, правда, какого качества там нефтепродукты, статистики нет и по количеству переработанной нефти. Не прослеживается и связь между крупными нефтегазовыми компаниями и этими малыми НПЗ. Однако нельзя исключать, что эти мини – НПЗ (если они – не фантом) и есть аффилированные малые предприятия при нефтяных гигантах (ведь откуда-то нефть к ним поступает), а результат их деятельности Росстат не учитывает. Хуже в других отраслях, где разрушено полностью производство. Там нет стимулирующего звена подобно нефтегазовым гигантам. Его надо создавать. Им могли бы стать предприятия со смешанным капиталом – государственным и частным. Убежден, что всякое крупное производство будет стимулировать мелкое и среднее производство комплектующих и других смежных производств. Инициатором здесь может выступить только государство (бизнес демонстрирует своё нежелание). Важен только контроль качества, особенно в жизнеобеспечивающих отраслях.

Если ресурсы в земле и добытые действительно являются народным достоянием (современная Конституция, правда, это не утверждает), было бы справедливым денежный эквивалент их стоимости направлять в первую очередь в фонд социального обеспечения. Это в нашем случае сделать трудно, потому что энергоресурсы обеспечивают львиную долю доходов в бюджет государства, но хотя бы пускать в дело, а не в частное владение, тем более иностранному «инвестору». Однако и здесь можно вспомнить мнение советника предсовмина РСФСР, приведенное выше, которому неукоснительно следует Правительство и сегодня. В переводе на русский: забудьте о социальной справедливости.

В конце 2014 г. резко вырос курс доллара и евро. Выросли цены. По существу это означает, что вновь залезло Правительство в карманы нищего населения под предлогом того, что это стимулирует российский экспорт. Было бы что стимулировать. Экономическая наука говорит, что таким образом (через инфляцию) государство размывает государственный долг перед населением. Набирают долг одни, а рассчитываются по счетам другие. Если социальное государство такой расклад устраивает, то возникает вопрос: кого в таком государстве понимают под социумом? Очевидно, тех, кто долги набирает. При этом они далеко не всегда являются производителями чего-либо. А это значит, что долги идут не в рост, а кем-то проедаются. Какова здесь роль Правительства и государства? Какова бы ни была – если ошибки

повторяются, а роста нет, – государство выступает союзником тех, кто разрушает среду обитания в стране. По этим результатам и судить о работе чиновников. Сначала следовало бы подумать о производстве, заполнении внутреннего рынка промышленной продукцией, о чем говорилось выше. Рост объёмов снижает затраты на единицу произведённой продукции, что позволяет конкурировать с импортом, а уж потом, в случае перепроизводства, можно подумать и об экспорте. Последовательность в нормальном государстве может быть только такая. Объём снижает себестоимость, повышает конкурентоспособность. Но чтобы нарастить объёмы, надо защитить собственный рынок пошлинами, квотами, налогами... Если в стране, наоборот, создаётся дефицит, стимулирующий инфляцию, это означает дискриминацию своего населения, за счёт которого товар подаётся инопотребителю, страхуя его от риска роста цен. Странным образом рост курса доллара и евро в конце 2014 г. совпало с заявлениями о предстоящей приватизации некоторых государственных активов. Значит цель – привлечь иностранные инвестиции через приватизацию активов опять, как и в 90-е годы за три копейки, в смысле цента. Опять те же грабли и те же механизмы: кто-то выгодно очистит площадку под импортные поставки или под частное иностранное владение с выводом активов и прибыли за границу. Так лечить застарелую болезнь через разгосударствление уже давно стало признаком некомпетентности врачей. Решение проблемы может быть

только через стимулирование роста производства, увеличение товарной массы и доходов населения путем вовлечения его в производственный процесс, а не подменяя его дешевой рабской силой из соседних республик. Можно использовать государственные резервные деньги для вложения в производство и одновременного привлечения на выгодных условиях частных партнеров с их капиталом в создание новых производственных структур, прежде всего в сфере сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности для увеличения производства товарной массы. Деньги, которые попадают в банковскую сферу, стимулируют что угодно, в т.ч. инфляцию, только не производство. А значит, кризис в экономике таким путем не разрешить.

Частный бизнес, занятый извлечением прибыли из всего, что только возможно, никогда не станет думать о росте зарплат рабочих, о повышении их квалификации, а тем более вкладывать средства в решение кадровой политики на перспективу. Но вот что интересно: у нас и государство в лице Министерства образования не решает эти вопросы, а делает бизнес на текущих интересах (следуя законам конъюнктуры, предлагает юристов, финансистов, бухгалтеров), не заглядывая в перспективу. А перспективы, если следовать этому курсу, представляются очень мрачными: с одной стороны пенсионный фонд плачется, что сокращаются поступления из-за изменения возрастной структуры населения (сокращение доли работоспособного населения), значит, наш ориентир

должен быть на интенсивный путь развития, но интенсивный путь предполагает квалифицированные кадры. А их из-за нескончаемых экспериментов готовить перестали (в школах на защиту от списывания тратятся огромные средства вместо незатратного живого общения с учителем). Но без квалифицированных кадров экономику не построишь, плод труда финансистов и биржевых маклеров на хлеб не намажешь. При такой неразумной политике избавления от старых квалифицированных кадров (в энергетике уже опасно много менеджеров вместо специалистов-энергетиков) и отсутствия подготовленных новых, государство неизбежно вскоре столкнётся с проблемами технического и технологического порядка. Избыточной армии экономистов и юристов, в подготовке которых государство дает удовлетворительную оценку министерству образования, уже некуда податься. В результате в стране не стало квалифицированных рабочих, инженеров. Менеджер не рассчитывает нагрузку на опоры моста и не оценит качество цемента, зато посчитает экономию на безопасности труда шахтёра. По этой причине то там, то здесь балконы, а то и стены домов рушатся, дома горят, шахты взрываются, в космическом аппарате прибор устанавливают вверх «ногами», какие-то изделия для Саяно-Шушенской ГЭС делают где-то в «шарашке», не ведающей, какие вибрации бывают на ГЭС... Где государственное вмешательство в образование? Ведь специалистов (ещё один – пока – конкурентоспособный ресурс) готовят не для анархии рын-

ка, а для государства, при этом ушлые "партнёры" самых талантливых ещё на студенческой скамье переманивают к себе. Где государственный контроль качества продукции, используемой в таких сферах, как пищевая, атомная промышленность, космос и ВПК? Из качества продуктов, реализуемых населению в магазинах и на рынках, сделали телевизионное шоу, вместо того, чтобы государству применить штрафные меры по отношению к мошенникам. Оказывается, у государства здесь тоже свой бизнес. Я позвонил в лабораторию НИИ молочной продукции, контролирующую качество, и задал вопрос – на рынке продается молочка, не знаю, качественная или нет, потому что вкус специфический, если прокиснет – становится горькой. Могу ли я передать для анализа образцы? Мне ответили: «можете, но заплатите деньги, мы вам скажем состав, а выводы, можно это пить или нет, вы сделаете сами». И ведь этот НИИ наверняка существует на бюджетные деньги, следовательно, на наши налоги, но государственные функции по контролю качества и недопущению на рынок некачественной продукции не выполняет. Зачем мне, как потребителю и плательщику налогов, этот НИИ, если его функция сводится только к выдаче поставщику или продавцу бумажки-разрешения. Уверен, что, предоставляя товар для сертификации, подают в лабораторию настоящий продукт, а потом под эти сертификаты продают всё что угодно. Потому что за стенами НИИ контролирующей функции государства не то что мало, её уже практически нет.

За исключением различных инспекций, проверки которых, как показывает практика, не всегда преследуют цель достичь положительных результатов. Да их, собственно, положительных результатов, никогда и не было – лишнее подтверждение того, что когда рынок регулируют денежные купюры, а не товар, то никакого проку от этого рынка не будет.

Читая новостные сводки и получая информацию из сюжетов по телевизору о неквалифицированных производителях и некачественных продуктах в виде шоу, невольно приходишь к мысли, что да, такого государства, которое не очень заботится о своих гражданах, в т.ч. предпринимателях, продолжает политику, ведущую к консервации неблагоприятной ситуации в экономике, действительно должно быть как можно меньше. Но нам очень не хватает государства, помогающего в возрождении утраченной промышленности, создании рабочих мест для своих, а не чужих граждан, регулирующего отношения между работниками и частным капиталом и защищающего ресурсы, которыми богата наша Родина. Особенно человека.

Июнь 2016 г.

Монетаризм в России – это альтернатива развитию!

Модель развития, навязанная нам в 90-е годы, именуемая «монетаризм», была порочна изначально, даже если не принимать во внимание примешавшийся к ней криминальный компонент. Не берусь вступать в дискуссию по поводу теоретических основ монетаризма (при этом я убежден, что как и всякая современная экономическая модель, она – инструмент для решения конкретной задачи в блоке экономических проблем, причем применительно к конкретной экономике в конкретной ситуации), из которых главными являются: 1. Управление экономикой через денежную массу; 2. Вмешательство государства недопустимо, т.к. создаёт хаос (?) и диспропорции в структуре хозяйства; 3. Рост денежной массы должно идти теми же темпами, что и рост экономики; 4. В современной экономике должны преобладать услуги. Последнее обязательное условие я приписал, используя «творческое развитие» теории нашей «элитой».

Вспомним 90-е годы : всё было именно так, как диктует теория, с обратным результатом – главной силой стали деньги. Только они сразу были выкачаны из экономики и сбережений населения и осели в чьих-то карманах. Не сработало. Государство отстранили от управления экономикой, и в

стране установился хаос. Рост денежной массы в результате гиперинфляции происходил ежеминутно, а экономика так же стремительно рушилась. Т.е. всё с точностью наоборот.

Возможно, где-то теория оправдала себя как регулятор экономики. Но ведь у нас не стало экономики, и регулировать стало нечего. Правящая «элита» кормит нас ожиданиями роста, которого нет и быть не может. Ведь чтобы регулировать, надо создать то, что впоследствии надо регулировать.

Если монетаризм привёл к обрушению экономики, которое продолжалось 25 лет, то давно надо было от теории отказаться, однако власть с завидным упорством продолжает этот курс в никуда, предлагая услуги на место экономики.

М. Фридман, разрабатывая свою теорию, исходил из практики перепроизводства с падением спроса из-за недостатка денег у потребителя и, как следствие, – падением производства, недостатком денег у производителя и кризисом. Лечение кризиса предлагалось путём сжатия денежной массы при перепроизводстве и её увеличения с целью повысить спрос и устранить кризисные явления. Практическое применение этой теории у нас породило такой кризис, из которого выходить приходится десятилетиями. Слепое подражание – признак непрофессионализма. Дефолт 1998 года ничему не научил. Возникает вопрос: почему с упорством маньяка правящий класс размахивает кувалдой в посудной лавке, наводя в ней свой «порядок», не обращая внимания на критику? Недолго работали механизмы, запущенные Правительством

Е.Примакова. Слишком быстро его отстранили от управления, побоявшись, что, включив механизмы регулирования рынка, он камня на камне не оставит от воплощения идей монетаризма.

Речь не о 90-х. Я о том, что теоретики доморощенного монетаризма по-прежнему считают, что производить нужно только то, что конкурентоспособно, а государство – неэффективный собственник. Таким образом, они сами нарушают основополагающий принцип монетаризма – не рынку предоставили «решать» что конкурентоспособно, а что нет, а за него приняли решение, отказав в финансировании. Причём убеждены, что у нас этим критериям отвечают: «фермерский» рынок (с импортным ширпотребом) и нефть с газом. Всё остальное, якобы, купим за деньги, вырученные от нефти. Ничему не научила практика приватизации 90-х, когда все крупные производства были приватизированы и многие тут же обанкрочены. Нерентабельной в 90-е годы стала даже золотодобывающая промышленность. Но вот что удивительно: Управление «Северовостокзолото», которое с 50-х годов занималось добычей золота на Колыме (в 90-е годы там звучала английская речь, как сегодня на "фермерских" рынках в Москве узбекская или азербайджанская, т.е. всюду), тогда же в 90-е отошло от дел – не рентабельно. Теперь сдает в аренду оборудование, недвижимость и пр. А добычей золота занимается ООО «Недра». Причем активы у этого ООО с американскими корнями – «собственность иностран-

ных юридических лиц». Значит, в американских руках затраты сокращаются, рентабельность растёт. Страна превратилась в рынок сбыта товаров, произведённых кем угодно, только не своими производителями. Добывающая отрасль успешно осваивается тоже иностранными компаниями, приглашенными участвовать в разработке наших сырьевых богатств (доля иностранного капитала в добывающих отраслях в 2011 г. – более 70%). В прочих секторах доля иностранцев тоже немалая. Это наводит на мысль, что в руках отечественных предпринимателей завод или даже отрасль могут быть убыточны, а в руках иностранцев – доходные. Значит, наши предприниматели умеют только оказывать услуги по сдаче в аренду всякого рода производств и недвижимости. И власть это устраивает: арендных платежей хватает на безбедное существование тех, кто распоряжается ресурсами. Только непонятно, почему баланс расчётов за услуги не в нашу пользу: в 2014 г. в строке «импорт услуг» мы видим цифру 121 млрд. \$, в 2015 г. – 88,6 млрд. \$. Выходит, Россия не только производство (значительную часть) отдала на милость Западу, но и услуги.

Мы привыкли к тому, что в пример образцовой экономики часто ставились Соединенные Штаты, где «львиную» долю в ВВП играют услуги. При этом умалчивали о тесной связи услуг с производством. Рост доли услуг на Западе обусловлен усложнением техники, разработкой и внедрением новых технологий, изменениями в структуре экономики. Т.

Пикетти в книге «Капитал в XXI веке» отмечает: «Соединённые Штаты на 98% всегда принадлежали американцам и на 2% – иностранцам». Т.е. весь производственный капитал всегда был национальным и промышленные мощности США никогда не останавливались, не сокращались в угоду преимущественного развития сферы услуг и продолжали развиваться:

Промышленные мощности и объемы производства

Шкала: Объем 2007 г. = 100

США пресытились производством, но наращивать мощности не перестают, чтобы поддержать малообеспеченное население, т.е. занятость. Вот – стимул роста. Какое же это ПОСТиндустриальное общество? Очень даже индустриальное. Ведь промышленный и технологический экспорт США составляет более 2 трлн.\$. На графике мы видим периодические спады производства. Возможно, они регулируются через механизмы монетарной политики. Только США развивают рынок услуг своих поставщиков, обслуживающих своё производство, а у нас – какие услуги? Ниже приведена сравнительная таблица производств, созданных в эпоху РСФСР и удивительным образом выживших в 90-е и нулевые годы (Использованы данные сайта:<http://infoabad.com/blogs/moi-blog/dostizhenija-rosi-po-stavneniyu-s-periodom-sr.html>):

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО в РФ в 2011 г. (по сравнению с РСФСР в 1990 г.)	% от объёма 1990 г.
Автомобусы	67,7
Газ	104,4
Грузовые автомобили	28,2
Железобетонные конструкции	28,8
Кирпич	39,1
Комбайны	9,4
Краны	3,6
Легковые автомобили	154,1
Машины стиральные	55,5
Минеральные удобрения	116,2
Нефть	98
Обувь	27,7
Пальто	40,8
Пищевые материалы	32,9
Прокат	92,9
Сталь	75,6
Станки	3,4
Телевизоры	100
Ткани х/б	21,8
Ткани шерстяные	3
Тракторы	5,7
Трикотажные изделия	16,6
Троллейбусы	10,2
Турбины	53,6
Уголь	84,6
Холодильники	107,1
Цемент	66,8
Экскаваторы	6,5
Электропылесосы	4,8
Электроэнергия	97

Там, где 100% и больше (исключая удобрения и газ) – это не производство, – сборка, где действительно возможно установлены автоматические линии. Продукцию, собранную автоматической линией, будет некому покупать из-за отсутствия денег. В среднем в 2011 г. загрузка мощностей составляла 51% от уровня 1990 г., по многим видам – близко к нулю, доля обрабатывающей промышленности в добавленной стоимости составила в 2014 г. всего 16%, что подтверждает версию преобладания сборки. В стране значится 56 «предприятий» станкостроения, а продукции нет – одни услуги. Можно ли назвать производство с загрузкой мощности в 3–10% производством? Быть может, это и есть то, что осталось от отечественного производства. Интересно, как может расти Национальный доход (по Росстату), иногда опережая ВВП (что совсем странно), если львиная доля затрат импортного происхождения. Так, с помощью монетарной политики Россия сделала скачок из доиндустриального общества 90-х годов в «постиндустриальное» общество ненужных услуг с долей в 57% от ВВП, оставив индустриальное в ненавистном социалистическом прошлом.

В США стимулируют инвестициями рост производства (очевидным признаком является рост потребления нефти), вместе с которым растёт ещё большими темпами рынок услуг. «Монетаристы» в России всё делают с точностью наоборот: при низком уровне товарного производства повы-

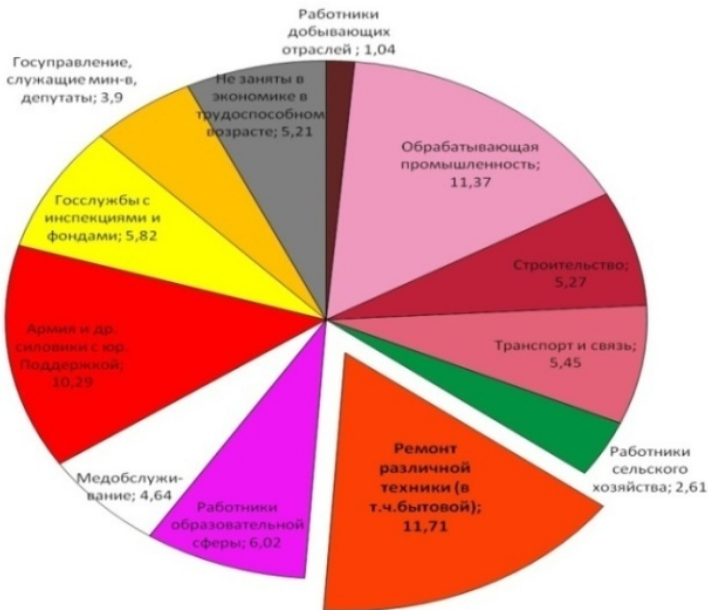
щают учетную ставку, снижая денежную массу, чтобы она сдерживала производство. Естественно, производство падает, освобождая на рынке место импорту. В текущих ценах – мы видим якобы рост производства:

Коды	Виды экономической деятельности	2014 (млрд.руб.)	Доля (%)	2015 (млрд.руб.)	Доля (%)	Изменения (%)
	Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	77893,1	100	80412,5	100	3,23
	в т.ч.					
	Валовая добавленная стоимость в основных ценах	67600,9	86,69	72371	90,1	7,06
	в т.ч.					
Раздел А	Сельское хоз-во, скота и лесное хоз-во	2709,7	3,48	3173,3	3,95	17,11
Раздел В	Рыболовство, рыбноводство	138,7	0,18	192,5	0,24	38,71
Раздел С	Добыча полезных ископаемых	6166,7	7,92	7065,6	8,79	14,58
Раздел Д	Обрабатывающие производства	9246,6	11,87	10238,4	12,73	10,73
Раздел Е	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1959,5	2,52	2019,4	2,51	3,06
Раздел F	Строительство	4419,3	5,57	4277,4	5,32	-3,21
Раздел G	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	10897,5	13,99	11403,5	14,18	4,64
Раздел H	Гостиницы и рестораны	618,5	0,79	647,8	0,81	4,74
Раздел I	Транспорт и связь	5034,6	6,46	5303,2	6,59	5,34
Раздел J	Финансовая деятельность	3307,1	4,25	3164,7	3,94	-4,31
Раздел K	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	11270,3	14,47	12376,5	15,39	9,82
Раздел L	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	5795,3	7,44	5914,6	7,36	2,06
Раздел M	Образование	1861	2,39	1970,7	2,45	5,89
Раздел N	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2640,8	3,39	2935,9	3,65	11,18
Раздел O	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1099,2	1,41	1190,3	1,48	8,29
Раздел P	Деятельность домашних хозяйств	4361	0,56	496,9	0,62	13,96
	Налоги на продукты	10530,8	13,55	8340,5	10,37	-20,95
	Субсидии на продукты	258,7	0,33	298,9	0,37	15,53
	Чистые налоги на продукты (налоги минус субсидии)	10292,1	13,21	8041,6	10	-21,87

А в действительности физический объем продолжает падать: в 2014 г. индекс 0,989 относительно 2010 г., если принять его уровень за единицу.

Отсюда делаем вывод – рост виртуальный: монетарное регулирование прежде всего заботится о денежной массе, не увязывая её с ростом экономики (что нарушает принцип монетаризма), зато не забывает отмечать «успех» в сдерживании инфляции (несмотря на рост цен и тарифов), отпечатав денег ровно столько, сколько нужно нефтегазовому сектору экономики с побочным отрицательным эффектом в реальном несырьевом материальном производстве. Это, правда, никого не беспокоит, т.к. ВВП вырос в результате обмена нефти и газа на оборудование, машины и потребительские товары – всё то, что при разумной экономической политике можно дешевле производить в стране из своих материалов (если их отпускать не по ценам LME). И никому в голову не приходит: а равноценный ли это обмен? В России формируется модель экономики, ведущая к её истощению – ведь выкачиваются ресурсы без соответствующей отдачи, без реального экономического эффекта. Финансовые – через иностранные компании. Квалифицированный рабочий исчезает: если мы посмотрим на структуру занятости населения, увидим, что в производстве у нас трудится всего 15 млн. человек (20,5%):

Структура занятости в России, млн. чел.

На рубеже 70–80-х годов рабочие и крестьяне составляли более 77% занятых. Это означает, что за последние 25 лет из производства были вынуждены уйти более 50% рабочих и крестьян. А без них невозможно провести реиндустриализацию экономики. Новые рабочие места для них так и не были созданы, если не считать прилавки на базарах, и те были отданы гастарбайтерам. Есть сайт «Сделано у нас», который сообщает, что нового произведено, запущено, разрабо-

тано, собрано и т.д. в России. Там показаны отдельные успехи, особенно в атомной энергетике, фермерстве, разработке софта, космической сфере, ВПК... Но это не меняет положение в структуре экономики, занятости. То, что создается, например, в авиации – это лишь первые шаги. Когда будем обходиться без импортной авионики и двигателей Pratt & Whitney, и всё делать на своих станках в количествах, удовлетворяющих рынок, можно будет надеяться, что российская авиация освобождается от импортной зависимости.

В 1990 г. в России производилось 16700 станков с программным управлением, а в 2000 г. – в 167 раз меньше, в 2010 г. – 129 станков, в 2012 г. – 166 станков. Опережающими темпами шло падение производства не устаревших, а наукоемких станков. Делаем вывод: реформы изначально были направлены именно на сворачивание высокотехнологичного производства. И прежде всего, была разрушена наукоёмкая отрасль, предназначенная для разработки и производства автоматических и полуавтоматических линий для металлообработки и машиностроения. Пока не предпринято никаких шагов по восстановлению отрасли. И гордиться тем, что в станкостроении иностранного капитала на 2014 г. лишь 2,99%, не приходится, т.к. это значит, что почти все отечественные инвестиции направлены структурам, занятым импортом станков. Им отечественные производители не нужны – конкуренты. Рынок контролируют как раз эти 3%, должно быть, обеспечивающие гарантийное обслужива-

ние импортной продукции.

Под предлогом создания конкурентной среды продолжается приватизация всего государственного все годы реформ вместо создания новых конкурирующих производств. С целью развития конкуренции дробились электросети, генерация отделялась от сетей, а эксплуатация отделялась от технического обслуживания, добыча от доставки. Все эти правила продолжают диктовать реформы – не рынок, порождая хаос, снижая надёжность и повышая затраты. Однако при поставках на экспорт «партнёры» ждут скидок и льгот. Наше государство с пониманием относится к требованию «партнёров», понижает таможенные платежи, обеспечивая выгоду компаниям (включая иностранных участников) на внешнем рынке. Сырьё устремляется за границу, оставляя для нужд своей экономики крохи. По этой причине независимо от цены на нефть, внутри России цена на топливо только растёт. Но государство этого не замечает. Его регулирующая роль на внутреннем рынке, как и требует монетарная теория, сводится к нулю. Таким образом, государство поощряет вывоз сырья в ущерб интересам национальной экономики.

В 2012 г. 76% поставок в Европу составляли энергоносители. При этом значительная доля в капитале, инвестированном в нефтегазодобычу, принадлежит иностранным компаниям, а, значит, и выгодополучатели – эти же компании. Кроме того, весь высокотехнологичный сервис обеспечивают тоже иностранные компании, а, значит, солидную

прибыль получают тоже они, а не российский производитель и поставщик услуг. Так кого стимулирует Правительство? Впечатление такое, что отечественные компании лишь обеспечивают иностранным доступ к месторождениям нефти и газа. Ведь даже глубина переработки нефти за все 25 лет не изменилась в лучшую сторону. Если Л.Брежнев когда-то объявил нефтедобычу высокотехнологичным производством, имея ввиду отечественные технологии, то теперь мы и это утратили: производим буровых установок так мало, что и эта отрасль целиком зависит от иностранных компаний и поставок, а расплачиваемся нефтью, даже когда доходы падают. В 2015 г. российские компании увеличили объем продаж нефти на 9,4% по сравнению с 2014 г. до 244,5 млн.т., а доходов получили 89,5 млрд. \$, на 41,7% меньше, чем в 2014 г. Увеличили поставки газа на 7,5% до 185,5 млрд.м3., доход получили на 23% меньше, чем в 2014 г. – 41,8 млрд.\$.

Государство демонстрирует нам, что по-прежнему намерено стимулировать экспорт нефти и газа в интересах добывающих компаний, снижая экспортную пошлину и ограничивая себя в таможенных поступлениях.

Аналогично обстоит дело и с прочими ресурсами: металлами, минералами, рыбой, химикатами... Россия вылавливает ежегодно более 4 млн.т. и экспортирует около 60% выловленной рыбы. При этом отечественный рынок заполняется импортом (например, из Норвегии). Что дает государству валюта, вырученная от экспорта рыбной промышленно-

сти? Ничего, т.к. баланс отрицательный. Такой вот бизнес, который губит отечественный рынок и истощает ресурсы. По данным ФТС за январь-апрель 2016 г. было экспортировано рыбы 483,5 тыс. т. на сумму 799,9 млн.\$ (в среднем по цене 1654,4 доллара США за тонну), а импортировано 131,37 тыс.т. на сумму 352,6 млн.\$ (в среднем по цене 2684 доллара США за тонну). Странная логика – условия торговли рыбой на внутреннем рынке выгодней (цены-то выше), а российские рыбаки с упорством маньяка везут её на внешний рынок. Себе в убыток? И так во всё. Очевидный сигнал Правительству – что-то здесь не то. При этом по одним данным экспорт растет, по другим – снижается. Ясно одно: экспортные пошлины в России как бы отсутствуют, либо не взимаются. Или это – тоже льготы во имя стимулирования экспорта за полцены в интересах норвежских, японских и китайских переработчиков, процветающих на нашей рыбе? А кто подумает о российских перерабатывающих заводах? О том, что происходит с российским лесом можно лишь упомянуть: привычный вывоз кругляка и ввоз готовых изделий из дерева (опустим пожары в местах нелегальной вырубки) – давно уже притча во языцех.

Все позитивные новости на сайте «Сделано у нас» не меняют картину стагнации. Точнее, стабильного падения производства (если смотреть физический объем, а не денежное выражение), т.к. в почти безденежной стране покупать некому. При этом растут запасы в оптовой торговле – совершен-

но конкретный признак кризиса рынка:

Наименование	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Лишние продукты, включая напитки и табачные изделия, тыс. т.							
Мясо, включая дичь	12,6	46,3	57,6	65,4	92,7	105	123
Изделия колбасные	2,8	4,1	4,8	6,1	5,1	5,4	5,8
Консервы из мяса животных и птицы (млн усл.банок)	6,7	6,7	14,8	8,9	12	14,9	14,4
Кондитерские изд., вкл.шоколад	35,1	52,1	68,6	75,7	97,7	92,5	92,4
Мука	55,8	58,5	44	48	52,8	38,1	2,7
Крупы	23	36,8	51,7	28,8	60,1	49,1	49,4
Макаронные изделия	43,3	15,8	10,9	9,6	13,3	17,7	20,8
Рыба и продукты рыбные	15,7	41,8	36,2	55,3	65,8	57,6	55,9
Рыбные консервы (млн усл.банок)	...	8,9	18	11,4	23	16,6	19,4
Непродовольственные потребительские товары							
Ткани для одежды, ты. пог.м.	2,9	13,7	994	1364	4367	3543	
Электропылесосы, тыс. шт.	2,9	71,9	101	148	133	179	

Список большой, его можно посмотреть на сайте Росстата: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/wholesale/. Сокращаются запасы по макаронным изделиям и муке. И это – явный признак снижения денежных доходов населения. Рост запасов некоторые хитрые охарактеризуют, как кризис перепроизводства. И такие у нас нашлись. Журнал «Стратегия» от 06 апреля 2016 г. сообщал: «В 2013 г. – до введения санкций – свинины в стране производилось на 74% от потребности, говядины – на 70%, свекловичного сахара – на 82%. Импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственной продукции с 2000 по 2013 г. в стране вырос примерно в 6 раз – с 7 до 43 млрд. долларов». Если производилось на 70–80% потребностей, то почему импорт вырос в 6 раз? Как Россия могла произвести

говядины на 70% объёма рынка, если поголовье скота в РФ сократилось с 57043 тыс. голов в 1990 г. до 19,32 млн. на 01.07.2016 г. (тенденция понятна), из которых половина под вопросом (сельское население сокращается, и многие уже давно не держат коров). При этом в 1990 г. страна не была обеспечена мясом в соответствии с нормами потребления, и в начале 90-х нам объявили, что спасают нас от голода. Следовательно, обеспеченность отечественной говядиной на 70% вызывает большие сомнения, тем более на фоне роста импорта. Нет у населения денег, поэтому не только растут запасы, но и стабильно снижаются и без того скудные объёмы производства:

Продукция. Вид товарного пр-ва	2010	2011	2012	2013	2014
Лесозаготовки					
Производство древесины необработанной, млн. спл. м ³	117	123	122	120	119
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, млн. т					
Уголь	322	336	357	351	356
Торф неагломерированный	1,3	1,5	1,2	1,5	1,1
Нефть добытая, вкл. газовый конденсат	506	512	519	522	525
Газ природный и попутный, млрд. м ³	651	671	655	668	639
Производство пищ. продуктов					
Мясо и субпродукты убойных животных, тыс. т	1184	1222	1342	1711	1930
Мясо домашней птицы, парное	1669	1777	2097	2230	2417
Мясо домашней птицы, глуб. заморозки, тыс. т	1061	1240	1293	1368	1441
Мебельное производство					
стулья млн. шт.	4,2	3,9	4,2	4,6	3,8
диваны креселки, софы, тыс. шт.	441	471	557	537	532
кресла-кровати, тыс. шт.	58,9	49,8	53,1	68	91,7
диваны-кровати, тыс. шт.	619	694	672	990	1206
столы, тыс. шт.	4038	4385	4629	3890	3861
шкафы, тыс. шт.	6603	6892	7162	6293	6350
кровати деревянные, тыс. шт.	1542	1560	1666	1615	1515
Металлургическое пр-во					
Чугун	48	48	50,5	49,9	51,4
Сталь	66,8	68,1	70,4	68,9	70,3
Готовый прокат черн. мет.	55	56,5	60	59,2	61,2
Трубы стальные	9,2	10	9,7	10,1	11,5
Промышленные изд.					
Турбины, тыс. кВт., всего:	6273	6766	5268	4221	2148
Комбайны зерноуборочные, шт.	4295	6515	5798	5848	5675
Станки металлорежущие, шт.	2832	3280	3467	2945	2739
Станки токарные с ЧПУ, шт.	129	195	166	137	214
Станки деревообрабатывающие, шт.	3909	5323	5105	5561	4869
Машины кузнечно-прессовые, шт.	2218	2492	2098	2162	1349
Экскаваторы, шт.	2121	2158	1915	1819	1952
Холодильники и морозильники бытовые, тыс. шт.	3557	4100	4302	4128	3723
Сумма всех произведенных продуктов, Усл. единиц	44330,4	50949,8	49439,1	47378,2	43851
Индекс ф.о. производства по сумме усл. единиц отн. предыдущего года:	1	1,14932	1,11524	1,06875	0,98919
Среднеарифм. индекс ф.о. производства по построчным индексам отн. предыдущего года:	1	1,1006	1,0020	1,0240	0,9985

(Статистики за 2015 г. на момент написания статьи нет).

Индекс показывает снижение производства, а не рост. Это всегда сопровождается ростом безработицы. Темп снижения

занятости в обрабатывающих отраслях впечатляет: 2011 г. – 11370 тыс.чел., 2012 г. – 10170 тыс.чел., 2013 г. – 9995 тыс.чел. За два года 13%.

При таких темпах снижения занятости, при соблюдении государством правил, установленных монетарной теорией, экономике подняться не дадут. Мечта «элиты» о росте среднего класса не сбудется, если продолжать «регулировать» скудными иностранными инвестициями то, чего почти нет. Повторюсь, только занятость всего работоспособного населения и достойная зарплата обеспечат оживление и рост рынка. Только производство способствует развитию малого и среднего бизнеса. К сожалению, российские «рулевые» экономики с их лавочным мышлением за 25 лет лидерства это не поняли. Рабочие места и рост уровня зарплаты без риска роста инфляции, может обеспечить только индустриализация. Только обрабатывающая промышленность может создать рабочие места для работников со средним и высоким уровнем квалификации (пока они есть) и только на базе обрабатывающей промышленности может сформироваться средний класс. Средний класс соответствующий индустриальному обществу возникает и существует только в индустриальной экономике. А в России сегодня доходы большинства населения даже по методике МОТ не являются нормальными. Следовательно, искать средний класс в нём бесполезно. Его доля – бесконечно малая величина. Бесполезно сотрясать воздух мерами поддержки среднего биз-

неса, когда происходит сокращение промышленного производства. Ведь именно мелкий и средний бизнес освобождает крупные промышленные предприятия от малорентабельного мелкосерийного и вспомогательного производства отдельных изделий, комплектующих и запчастей, разработки программ, проектов и технологий. В «Газпроме» – это, например, ООО «Газпром комплектация», «Газпром газораспределение», «Газпром инвестпроект» и т.д. Очевидно, что входной контроль должен обеспечивать нужный уровень качества продукции всех этих мелких производств, чтобы не случилось еще одной Саяно-Шушенской. Средний бизнес не может возникнуть на пустом месте. Для создания условий его развития требуется две вещи: либо крупному бизнесу поделиться со средним в части имущества, либо путём создания преференциальных, т.е. особых условий и выделением средств. В Швеции, например, средний бизнес располагает сейчас 30% национального имущества, при этом крупный сократился с 70% в 1910 г. до 25–30% в начале 2010 г. Что происходит у нас? Крупное производство в результате либеральных реформ сведено к минимуму – всего 600 промышленных групп, которые производят 85% ВВП. Советское наследство (там, где интересы с "рыночной" экономикой не совпали) ликвидировано. На его месте ничего не создаётся, т.к. узкий круг представителей крупного бизнеса не может (или не хочет?) поднимать с нуля новые производства. Он получил часть национального имущества при рас-

пределении советского наследства и извлекает из него максимум прибыли почти без обновления парка оборудования, а среднему бизнесу предлагается подниматься с нуля. Крупный бизнес у нас не расширяется путём строительства новых производственных цехов (сборка иностранных машин не в счёт), но при этом ещё больше укрупняется за счет объединения производства, логистики и прочих вспомогательных непроизводительных структур под надзором приставленных к ним Управляющих компаний. Только вдумайтесь: 600 промышленных групп на всю страну, а в конце XIX века только в Москве было 600 заводов и фабрик. Где когда-то успешное производство кондитерских изделий в Москве? Где «Большевик», «Красный октябрь», «Бабаевский»? Названия сохранились, но их нет. На территории «Бабаевской» фабрики теплится производство, но продукция уже не та.

Среднему бизнесу подняться без поддержки крупного производителя невозможно, а тем, кому удалось, трудно удержаться на плаву. Это показала практика сноса в Москве не только палаток, но и некоторых капитальных строений. Такая "поддержка" малого бизнеса не оставляет никаких надежд на его рост в перспективе.

Какие отсюда можно сделать выводы и предложения?

В целях оживления внутреннего рынка государству следует использовать резервы не только на поддержание банковского сектора и уж точно не на покупку облигаций США, а на создание производств совместно с частным бизнесом, с теми

же банками. Впоследствии госпакеты могут быть выкуплены участниками производства. Только так можно создать конкурентную среду, а не приватизацией.

Государству следует обеспечить для почти уже номинально существующих предприятий, условия, благоприятные для загрузки мощностей. А для этого необходимо стимулировать размещение заказов на отечественных предприятиях. Каким образом? – объявить все предприятия, близкие к искусственному банкротству, чем-то вроде оффшорной зоны: вложения в производство и заказы, размещенные на отечественном оборудовании, должны иметь льготы по отношению к импорту. При этом финансовый рынок и крупный (особенно нефтегазовой отрасли) бизнес через налоговую систему должны компенсировать потери бюджета. Станки, аналоги которых могут произвести российские предприятия, не ввозить (установить запретительные импортные пошлины), на остальные установить квоты и выдать связанные кредиты – средства должны идти в пользу модернизации и запуска станкостроительных и обрабатывающих производств. К сожалению, Президент придерживается политики открытой экономики, которая не защищает собственного производителя. Наоборот, отечественный производитель, выживший вопреки антинациональным реформам, в открытой экономике проигрывает, поскольку не имеет портфеля заказов, обеспечивающего конкурентоспособную себестоимость продукции. С такой политикой производства не воз-

родить.

Установить экспортные пошлины не льготные, как это делается сейчас в соответствии с рекомендациями «западных консультантов», а обеспечивающие выгодные для государства условия торговли: продавать на внешнем рынке, например, рыбу дороже (установив пошлины и квоты, обеспечивающие наполнение внутреннего рынка), а ввозить дешево. Иначе зачем существует граница и таможня? Пока существует государство, оградительные меры на границе должны быть. Только это обеспечит снижение цен на рынке и его оживление.

Закрывать границу нелегальному вывозу ресурсов, в частности, леса. Тогда он перестанет гореть во все времена года.

По мере оживления внутреннего рынка установить справедливые (для государства) экспортные пошлины на нефть с тем, чтобы обеспечить в полной мере внутренний рынок и растущее реальное материальное производство нефтепродуктами. Установить квоты на экспорт, обеспечивающие наполнение внутреннего рынка.

Отменить льготные таможенные тарифы и режимы наибольшего благоприятствования при товарообмене с любым государством, занимающем антироссийскую позицию в международных делах и не предоставившем России аналогичные условия. Иначе принцип взаимности не работает. Сегодня рынок России (в т.ч. трудовой) – как проходной двор. Что, например, на российском рынке делают товары из Польши и

Прибалтики? Почему мы пропускаем через границу вереницы грузовиков из Грузии, а в Грузию отпускаем электроэнергию по льготным ценам? «Интер РАО», сообщает «Коммерсант» (28.11.2012 г.), зафиксировал тариф на электроэнергию компании «Теласи» до 2025 г. на уровне 0,03\$ за кВт/ч (в РФ для промышленности цена – 0,07–0,08\$, для населения – 0,08\$). Это – очевидная дискриминация собственного производителя и населения. Оплачивая их товары, Россия финансирует недружественный нам режим. Можно сказать, что «Интер РАО» – наша национальная компания? Разумеется, нет, это скорее иностранная компания, чем наша. Установить квоты (как в Евросоюзе) и запретительные пошлины на то, что способны производить сами. В противном случае получается диктат, причем диктат часто наших недругов. Зачем закупать, например, яблоки в Польше или Турции в разгар сезона, если в садах России яблоки осыпаются и на рынок почти не попадают? Можно организовать сбор по дачным участкам.

Рынок услуг важен именно тогда, когда развито производство. Никакие услуги рынку не нужны, где нет покупательного спроса. А платёжеспособный покупательный спрос обеспечивают занятость и достойная зарплата. Олигархи, при всей их ненасытности, не могут обеспечить 100% спроса ни на услуги, ни на импортные товары. Если деньги – к деньгам, значит эти самые богатые 10% населения, у которых 89% российских богатств, и есть причина инфляции, с которой

безуспешно борется власть. А бремя этой заразы приходится нести оставшимся 90% населения. Не пора ли об этом задуматься?

Государство не должно уподобляться неумелому предпринимателю, который привык зарабатывать, примитивно увеличивая торговую наценку, не понимая, что при низкой цене на обороте (при должном покупательском спросе) можно заработать значительно больше. Государство не должно повышать налоги для наполнения казны, уподобляясь неумелому предпринимателю, зарабатывающему на инфляции, т.к. это неизбежно ведёт к росту цен (инфляции) и сужению базы налогообложения. Выход только в расширении базы сбора налогов: создании производственных рабочих мест, в росте зарплаты. Это обеспечит и рост налоговых сборов, и потребительский спрос, а, следовательно, и рост материального производства и услуг.

Подводя итог, можно сказать, что без принятия этих мер не наступит рост экономики, сколько бы о нем ни говорили, и вряд ли будет выполнена Концепция долгосрочного социально-экономического развития, принятая 17 ноября 2008 г. с её амбициозными задачами.

Ноябрь 2016 г.

Налог на самозанятых в «бездомных домохозяйствах»

Введение налога на «тунеядство» – прямое свидетельство того, что бюджет находится в поиске новых источников пополнения своих фондов. При этом задачу старается решить так, чтобы не ущемить интересы своих «партнёров» по использованию этих фондов. Такой подход к налнению бюджета – ярчайшая иллюстрация анекдота, в котором ключи ищут не там, где потеряли, а под фонарём, где светлее, т.е. пытаются изыскать ресурсы не на границе, через которую они утекают миллиардами, а там, где их легче взять – в карманах населения.

Ввести налог на сверхдоходы или на богатство – это для государства непосильная задача. Понятно, облагать себя или своих соплеменников – бенефициаров всех форм рентных доходов или ресурсов, выкачиваемых из страны, – это «партнёры» по бизнесу не поймут. А население стерпит. И в этом подходе – абсолютное сходство сегодняшнего руководства с тем, которое начинало реформы в начале 90-х годов. И методы управления (*laisser faire, laisser passer*), и способы «инвестирования» (преимущественно из-за океана или оффшоров и не в промышленность), и способы финансирования реального сектора (в долг под высокие проценты через банки,

которым ипотека и валютная биржа предпочтительней производства), и способы контроля (чем меньше государства, тем лучше), и лица у штурвала экономики (почти всё те же или их преемники). Поэтому все льготы и режимы наибольшего благоприятствования – тем, кто ближе по духу, а не по государственной выгоде, – соответственно рейтингу доходов. Микробизнесу (индивидуалам) – что останется. А населению? Ничего! Начиная с Павловских реформ, все усилия Правительства направлялись на то, чтобы отобрать (перераспределить через налоги) и поделить «согласно таблице о рангах».

Теперь заполнили самую нижнюю строчку в этом «табеле» – обнаружили «самозанятых» в «бездомных домохозяйствах». В экономике Правительство многих не досчитывается, а ведь они на что-то живут, значит, чем-то занимаются. И не платят налогов. Так в 90-е годы рэкет облагал данью всех, кто работал на территории того или иного «хозяйина» территории. В отличие от государства, рэкет обирал всех без разбору. А государству надо найти только своих, резидентов. Т.е. резидентов не разведки, а своих граждан отделить от иностранных, потому что иностранные, сколько их не ищи, всё равно платить не будут. Своих можно обязать. Вот только где они, сколько их и чем занимаются? Если исключить фрилансеров, работающих по договорам (работа по договорам предполагает уплату всех налогов и взносов), то все остальные «самозанятые», работающие без надлежаще-

го оформления, – это реально или потенциально безработные, которых привлекает работодатель потому, что ему так выгодней: отчисления делает он. При этом именно государство низкими выплатами пенсий, зарплат и пособий, сокращением рабочих мест и привлечением мигрантов стимулирует схему расчётов по серым и чёрным схемам. И вместо того, чтобы исправить свои ошибки, государство решило найти тех, кто подчинился правилам, фактически установленным государством. Никому и в голову не приходило, что даже муравьи поступают умнее: сначала расселяют по кустам тлю, оберегают её, а потом уже начинают доить. В капиталистической системе координат всегда существуют два источника извлечения дохода: трудовые доходы (в виде зарплаты) и доходы с капитала (владение акциями, недвижимостью...). «Консультанты» из США, которые помогали строить рыночные отношения без участия населения, очевидно, забыли поделиться опытом насчет того, что у них за океаном 52% граждан имеют доходы в виде приличных дивидендов по акциям, значит, есть на что жить, а в России акциями владеет меньше 10% населения, крупными пакетами – около 1%. Причина не только в финансовой безграмотности – российское Правительство в 90-е годы приложило максимум усилий к тому, чтобы отбить у населения всякую охоту владеть акциями. Кроме того, в США бизнес – это, прежде всего, 70 тысяч крупных промышленных объектов, а в России крупные промышленные объекты (исключая те, кото-

рые государство оберегло от реформ) в руинах, там же в завалах оказались пресловутые ваучеры, вложенные в отечественные предприятия. И российский бизнес не прилагает никаких усилий для восстановления отечественного материального производства. Чьи акции покупать? – выбор весьма ограниченный. На какие средства? – вопрос ставит совсем в тупик. «Консультанты» умолчали также о том, что из доходов американцев вычитается 2450 \$ на каждого члена общества, т.к. минимальный прожиточный уровень не облагается налогом. В России облагается каждая копейка, даже которую не всегда выплачивают. Там, в США, есть индексация шкалы личного подоходного налога, которая обеспечивает рост доходов на процент инфляции без перехода на предельную ставку налога. Это позволяет через прогрессивную шкалу налогообложения сглаживать расслоение общества. В России налогообложение, как и всякая система, ведёт к перераспределению доходов, но только в одну сторону – преимущественно в пользу богатых.

Российские чиновники никаких усилий для создания равных условий не приложили: ни льготными кредитами, ни субсидиями для поддержания производства, ни преференциями в пользу отечественных производителей. Об этом свидетельствует и рейтинг лёгкости ведения бизнеса: Россия в этом рейтинге на 90–120 местах из 185. При этом составители рейтинга вряд ли учитывали разницу между крупной компанией и рядовым предпринимателем. Если бы учитыва-

ли, то Россия оказалась бы чуть не в самом хвосте рейтинга. На природных ресурсах России процветают фирмы, близкие к распорядителям природной ренты, в т.ч. иностранные, в столице – к московскому правительству. В Москве – это кипрские, турецкие и другие фирмы с иностранным участием в строительстве, в энергетике – это группа «Ташир» из ближнего зарубежья (в 2015 г. собрала с арендаторов торговых площадей по данным «Forbes» 610 млн. \$, т.е. 41,7 млрд. рублей – это в среднем по 16680 рублей/м²/год. Странно, но арендаторы торговых мест, как прозвучало с экранов ТВ когда их сносили, обычно платили в МЕСЯЦ гораздо больше) и аффилированная с ней компания «Каскад-энерго» с сотрудниками не самой высокой квалификации (которая умудрилась выиграть 60 тендеров в Москве – какой-то непобедимый соперник) вытеснили московские фирмы с квалифицированными специалистами, знающими московские сети досконально (которым приходилось помогать «варягам»). Среди врачей, учителей, продавцов и директоров Управляющих компаний масса приглашенных «специалистов» из соседних стран, которым Мэр обещает квартиры в Москве. При этом коренных «дорогих москвичей», отселяют всё дальше и дальше от центра и Садового кольца.

Потенциально самый успешный в стране и в Москве бизнесмен, как показала борьба с мелкими киосками, – любая администрация, её административный ресурс и те, кому дозволено этим ресурсом пользоваться. А бизнес – строитель-

ство и торговля: деньгами и недвижимостью. Еще где-то работают учреждения, предприятия, но администрация их не замечает, пока местонахождением этого предприятия или учреждения не заинтересовался инвестор по строительству элитных домов и офисов. Как только заметил – это предприятие или учреждение рискует стать банкротом. Банкротит, разумеется, не администрация – инвесторы. Покупая акции, они вступают в права собственности, после чего постепенно доводят до банкротства. Так банкротили станкостроительные заводы. Так «Роснефть», точнее, её дочка, «спасала» старейший завод «Красный пролетарий». Не получилось. Заказы на новые станки (станочный парк в стране стареет) уплывают к импортёрам, портфель заказов сводится на нет, доступных кредитов тоже нет. Результат – завод банкрот. Список таких заводов, «спасённых» до состояния банкротства через приватизацию, в Москве довольно обширен. Московская администрация просто этому не мешает, т.к. экономика всё больше строится на торговле недвижимостью (теперь главное не производство, а ипотека) и здесь интересы администрации и не очень добросовестного инвестора часто совпадают: город всегда имеет долю в таких стройках. Площадка готова, в долях начинается строительство офисов. Разве может быть непричастна администрация к ликвидации миллионов рабочих мест? Доля города – не только инвестиции, это расчищенная площадка под строительство и, возможно, обязательство по устранению конкурентов

с более демократичными ценами: сразу вблизи начинается зачистка территории от мелких магазинчиков, киосков. Дизайн киосков в Москве за последние 5–7 лет меняли трижды, а чего не менять? – платить всё равно мелким предпринимателям, чтобы отбить охоту что-либо предпринимать. Были киоски по цене 420 тыс., – оплатили. Но вскоре эти киоски снесли вместе с предпринимателями. Поставили новые по 1,5 млн. – опять оплатили? Конечно, и в первую очередь те, кто тешил себя надеждой: он в плане размещения торговых площадок. А их опять снесли. Планы у Департаментов московского правительства в отношении мелких предпринимателей всё время меняются. Тенденция понятна – рано или поздно всё снесут под благовидным предлогом благоустройства территории. Оставят только то, что принадлежит иностранным розничным сетям. Красиво? Конечно. Улицы преобразились. Вот только судьба людей, уволенных или разорившихся на непомерных арендных платежах и киосках, никого не волнует. Вольно или невольно, но это выглядит как бизнес городской администрации, разумеется, из лучших побуждений. Очевидно, с иностранных компаний город получает больше отчислений от перепродаж недвижимости. И никакая сила сдержать этот бизнес на ликвидации рабочих мест в угоду ипотечному бизнесу и сдаче торговых мест в аренду не может. Однако, кому в стране безработных нужны офисы? Владельцам крупных розничных сетей можно управлять денежными потоками успешно из Стамбула, Берлина

или Парижа.

А кому в Москве принадлежит самый прибыльный сегодня бизнес – финансы и торговля? РБК провело исследование, отсылаем интересующихся к нему: (<http://www.rbc.ru/investigation/business/14/02/2016/56c06b819a79475dec4229d6>). Комментарии, как говорится, излишни.

Итак, вдруг вспомнили про население. Почему? Рэкет, например, он никаких возможностей не упускает. Очевидно, и государственный чиновник задумался над этим. Заставить делиться доходами, получаемыми из неведомых государству источников, это не государственный подход, – это обложение данью последней копейки податного населения, которую ему удастся заработать вопреки усилиям государства по вытеснению своих граждан из экономики.

Если посмотреть ежегодник РФ, оказывается, в современной статистике есть такое понятие, как «Население коллективных домохозяйств и домохозяйств бездомных» (только вдумайтесь: колхозы разогнали, но появились коллективные домохозяйства, а сочетание слов – бездомные домохозяйства – это вообще диагноз). В оценке трудовых ресурсов люди есть, а в числе занятых в экономике их нет. Ещё меньше в статистике списочного состава (это кто получает по ведомости). Работают в домохозяйствах? Каких, если из сел и деревень люди уезжают? У нас что, домохозяйства типа ранчо в США с загоном для скота на четырёх или шести сот-

ках? Особенно в Москве здорово – «бездомные домохозяйства»! Очевидно, под этой категорией понимаются БОМЖи. Численность населения в городе растёт как за счет приезжих из Подмосковья, так и из дальнего зарубежья. Москва просто пухнет от рабочей силы (официально – 10,137 млн.), а официальных рабочих мест только 6,2 млн., как сообщала «Вечерняя Москва». Как ни считай, а около 4 млн. человек непонятно чем здесь занимаются: то ли это самозанятые в «бездомных домохозяйствах» в смысле безработные (которых официально не ставят на учет), то ли это просто бездомные. В этой ситуации подходит только один термин – «самозанятые безработные», которые «уклоняются» от уплаты налогов с того, чего не имеют. Или имеют? Для пополнения городского бюджета эта сумма была бы самая малозначительная, но и она сгодится: курочка по зёрнышку...

Гораздо больше городская администрация собирает с населения через службы ЖКХ. Приведу один жизненный пример: по закону, если в доме есть подвал и есть государственное учреждение, то при расчетах за отпущенное тепло, за эти помещения (по потреблению ресурсов) расплачивается Москомимущество. У нас есть и подвал, и государственное учреждение (налоговая служба). Запросил я отчеты от Управляющей компании, убедился, что тепло, отпущенное нашему дому, распределяется только между жилыми помещениями. Написал в Префектуру, в Департамент ЖКХ правительства Москвы. Получил ответ: «Начисление за тепло-

вую энергию по услуге «отопление» произведено согласно фактическим счетам, выставленным ПАО «МОЭК». Странно, люди, занимающие высокие должности не способны понять, о чем написано в письме? Или просто игнорируют вопрос? Новое обращение я направил уже в Прокуратуру округа, которая мой вопрос перенаправила в Мосжилинспекцию. Инспекция около шести месяцев благодарила за ожидание, но по существу вопрос так и не рассмотрела. Моё повторное письмо уже в городскую Прокуратуру было тоже перенаправлено в правительство Москвы, которое спустило его решение до Мосжилинспекции, которая, видимо, и давала проект ответа. Круг замкнулся. Вопрос о площади, занимаемой городской структурой, которой, судя по расчетам, тепло не отпускается, остался без ответа. Жильцы дома оплачивают тепло, отпущенное государственному учреждению. И что это, если не круговая порука городской администрации? Именно Мосжилинспекция прислала мне бессодержательное письмо, подписанное 1-м заместителем Департамента ЖКХ московского правительства, в котором о помещениях Налоговой инспекции и подвале ни слова. Я пишу об этих нежилых помещениях, а мне в ответ о жилых. Делают вид, что не понимают о чем письмо? Нет, скорее игнорируют. Мне представляется, что коррупция не обязательно связана со взяткой. Если чиновник занимает кресло, но не исполняет должностные обязанности (а в Положении о Госжилинспекции сказано в п.1.2 «Главной задачей является контроль за

обеспечением прав и законных интересов граждан») как этого требуют интересы государства и законодательство, значит, он получает заработную плату, которая равносильна взятке за то, чтобы он не исполнял обязанности надлежащим образом. Ибо это неисполнение, когда бесконтрольно, фактически поощряется, а за подписью вышестоящего руководства – санкционируется. Расчеты за тепло – это не единственный мой вопрос, который проходит все инстанции сверху донизу без решения. Решить проблему рядовому гражданину сегодня стало нереально, если она ущемляет финансовый интерес города. И никого не волнует, что этот финансовый интерес удовлетворяется через нарушение законодательства. При этом никто никого за нарушение законодательства наказывать не будет. Это – экономия на затратах. А желательно ещё и получить доход, чтобы повысить оклады чиновникам. Видимо, поэтому кинулись искать самозанятых, пытающихся найти минимальный заработок, чтобы не только выжить, но и суметь оплатить бесконечные поборы за ресурсы ЖКХ, в т.ч. в интересах государственных структур.

В то же время для юридических лиц налоговые отчисления у нас в стране оптимизированы так, что в пору олигархам приплачивать из государственной казны. «Газпром», например, (государственная (?) компания), часто обращается за субсидиями. «Роснефть» просит помощь из бюджета (т.е. вернуть налог бедному нефтяному гиганту). А вот люди, которые ни в чем не могут положиться на государство, вынуж-

дены искать возможность обеспечить себя сами, ничего не требуя от государства, лишь бы не мешало. Я допускаю, что Ваня попросил Петю отремонтировать ему машину, тот сделал, Ваня заплатил. Допускаю, что Петя Ване построил дом или отвез на дачу. Тот, соответственно, возместил ему расходы и порекомендовал другу. Теперь нельзя помогать другу, если не зарегистрировался в налоговой инспекции предпринимателем или не купил патент? Государство начинает торговать воздухом: жив, курилка, – плати налоги. Пример Соединённых Штатов – освобождать МРОТ от уплаты налога – не указ. Плати и всё. А на каком основании? Любой налог – это плата государству за услугу. Допускаю, что Петя или Ваня занимается подработкой на регулярной основе, нарушая законодательство о предпринимательской деятельности. Правильно это? Конечно, неправильно. Но, Отечество, ты сначала обеспечь справедливые отчисления в казну от тех, кого облагодетельствовало близостью к себе, ресурсами, инфраструктурой и всем прочим, созданным этим самым позабытым народом, а потом принимайся за «самозанятых», сначала создай им рабочие места, создай благоприятные условия для работы, обеспечь доступ к рынку, защити от рэкета и недобросовестных конкурентов. Монетарная теория не велит вмешиваться? Крупные сырьевые компании опекать можно, а здесь не велит? Но тогда какие основания для сбора налога? Сегодня, если предприниматель заплатит всё сполна, в т.ч. за доступ на полки магазинов или

рынков, он останется без штанов. Всегда легче оказать услугу «другу-клиенту». Если в сетевых «строй... и пр.маркетах» будет дешевле, друг конечно обратится туда. Но ведь там всё дороже. И процветают они благодаря монопольному или административному ресурсу: группа «Ташир», которая выросла в гиганта за какие-то 4–5 лет, благодаря близким отношениям с городской администрацией и с «Газпромом», который рассчитывается с холдингом бюджетными деньгами, будет всегда обеспечена и объёмом работ и своевременными платежами. Холдингу «Ташир» удалось даже на тарифах на электроэнергию зарабатывать путем создания «Каскад Энергосбыт», который является посредником на оптовом рынке электроэнергии. На объеме, на обороте, на закупках материалов по более низкой цене крупные фирмы должны быть для клиента предпочтительней при равных условиях. Но этого нет, потому что у них денежные клиенты – город, «Газпром»... Клиенты Пети и Вани – это малоодоходные клиенты или состоятельные люди, пригласившие помочь по дому. Цены на все услуги, при наличии конкурентов (если бы на рынке действительно было под 30 млн. самозанятых) с более демократичными ценами, должны идти вниз, а они ползут вверх. Значит, Пети и Вани, даже если они занимаются подработкой на регулярной основе, всё равно «погоды не делают», рынок не создают, на рынок не влияют, большие деньги не получают и своими отчислениями казну существенно не пополняют. К ним очереди не выстраиваются.

А значит, и социальные фонды особо не вырастут. Из 30–35 млн. незанятых в экономике Пети и Вани составляют едва более 1–2%, остальные «самозанятые» – преимущественно мигранты и иммигранты, которые являются временными работниками, за которых пособия, страховые и пенсионные отчисления не делаются. Таково законодательство, которое жестко регулирует внутренний денежный оборот, но не препятствует почти бесконтрольному оттоку денег за рубеж. Иммигрантам делать отчисления в социальные фонды не обязательно (хотя социальными услугами они каким-то образом тоже пользуются), а своим гражданам надо платить налог, хотя они может быть, своё отработали, и от уплаты налогов качество социальных услуг или их пенсии уже не вырастут. Упрёки в том, что Пети и Вани не платят социальные взносы, но являются нагрузкой на социальный сектор – это детский лепет и слышать это от Правительства – смешно. Что сегодня Пети и Вани получают из социальных фондов бесплатно? Медицинские услуги? Так их даже дети 3–5 лет не могут получить бесплатно (тоже не заработали?), и позор тому государству, которое через телевидение призывает к милосердию и сбору средств на лечение очередного ребенка. Это иллюстрация бесплатной медицины, которая означает, что государство готово отобрать у людей последнее и не готово оказать помощь своим людям даже в самой критической ситуации. Пенсию? Но разве социальную пенсию уволенного шахтёра можно назвать пенсией, если сравнить

её с пенсией чиновника из мэрии или депутатского корпуса с его персональными надбавками? Может труд чиновника тяжелее труда шахтёра? Тогда почему всё законодательство у нас в «заплатках» от «дыр»? И пробелы в законодательстве – это очевидное несовершенство законодательной власти. Может быть, за образование? Но сегодняшнее образование не даёт ни должных знаний (где США опять побеждают в Мировой войне!?, а Отечественной войны как будто и не было. Абсурд!), ни гарантий трудоустройства, ни достойной зарплаты. Вместо того чтобы прежде гарантировать занятость (ключевое слово – «гарантировать», не путать с «продекларировать») Пете и Ване, создав для них (квотами, льготами, налогами) выгодные конкурентные условия, обеспечив рабочим местом, потеснив «акул» рынка, вынудив их зарабатывать на обороте, а не на росте цен и сверхприбыли, Правительство, напротив, намерено устранять отечественных конкурентов, предоставляя режим наибольшего благоприятствования иностранным компаниям. Делается это просто: зачищается от мелких предпринимателей территория вокруг сетевой компании или объявляется цена, ниже которой нельзя торговать. Всё это – не считаясь с доходами населения. Как с вином – установили же минимальную цену, чтобы свои производители не имели преимуществ перед импортом. Если «самозанятые» подрабатывают горничными или сиделками в богатых семьях (к сожалению, часто это «не местные»), они, во-первых, снижают давление на рынок

труда (это когда местные), что уже хорошо для власти. Во-вторых, результат их труда не имеет общественного признания на рынке, т.е. по факту они не создают никакой добавленной общественно значимой стоимости, а только добавленная стоимость в нормальной экономике облагается налогом. Поэтому с этих позиций налог представляется внеэкономическим принуждением к вторичной уплате налога с чистого в этом отношении дохода «работодателя», который в действительности не является работодателем, а потребителем частной разовой услуги. А государство уже не регулирует рынок услуг, а влезает в карман потребителя услуг (а не работодателя) и требует делиться суммой исполнителя разовой услуги, не снятой с расчетного счета, а извлечённой из кармана. Адам Смит делил труд на производительный и непроизводительный. Непроизводительным он считался потому, что оплачивался из уже созданного дохода. К непроизводительному труду он относил труд слуг, духовенства и военных. Смит считал необходимым сокращать непроизводительный труд, вовлекая этих людей в сферу производительного труда. Иначе говоря, путём создания для них рабочих мест. Наши авторы реформ посчитали себя умнее Адама Смита и решили, что производительным является труд только на nive услуг, спекуляций и перепродаж, а, следовательно, труд домработниц тоже производительный. Что ж, за неимением других рабочих мест и источников пополнения бюджета, можно и с домработниц организовать сбор на-

логов. Только это значит приравнять труд, например, сиделок к промышленному сектору, т.е. довести некоторые экономические категории до абсурда и маразма. В – третьих, вряд ли доходы самозанятых превышают МРОТ на человека в семье, а в цивилизованных странах всегда есть минимальная сумма дохода, которая не облагается налогом. У нас минимальный размер – это насмешка над теми, кто получает этот МРОТ, но и он облагается налогом. И, наконец, в – четвертых, организация учета «дохода» «самозанятых» наверняка не покроет государству затраты из-за его незначительности. Самые прибыльные иностранцы сидят у нас в стране на природной ренте: кто-то получил льготный доступ к нефтяной скважине, кто-то к газовой трубе, кто-то, имея прямой выход или через отечественного посредника на региональное или федеральное Правительство, получает участок или торговую площадку, где начинает стричь купоны – зарабатывать. Российскому юридическому лицу, не имеющему никакого административного ресурса, почему-то всегда трудно (вернее, невозможно) выиграть какой-нибудь значимый тендер. А некоторым это удаётся, имея всего лишь письменный стол и компьютер. Рентные преимущества близости к власти играют важнейшую роль во всех сферах хозяйствования. Власти ни региональные, ни федеральные не думают об интересах отечественных производителей, не то что о «самозанятых». Но, вот беда, налоговые сборы дают как раз они, не получающие от властей должной поддержки. Если кому-то

покажется, что я искажаю регулирующую роль рынка и городской администрации, призываю опросить тех, кто пытается вырастить овощи – фрукты в Подмосковье и ищет способ их продать. Уверяю вас, дальше МКАДа им пути нет. Тех, кто пытался торговать вдоль федеральных трасс, зачистили. Не потому, что фрукты плохие, это как раз наоборот, а потому, что в казну ничего не попадает. Таковы реалии: если к созданию таких невыгодных условий для отечественного производителя и наёмного работника городская администрация непричастна, то кто? Ведь условия работы «рынка» – это не стихия конкуренции (в ней всегда есть правила), это всегда отсутствие регулирующей роли государства и городской администрации, что равносильно покровительству монополистов. Причем зачастую с иностранными корнями.

Разве государство потратилось хоть чуть-чуть, чтобы обеспечить инфраструктурой дачные домики? Нет, но за недвижимое надо платить, решила власть, хотя затраты по освоению пустующих земель оплачивал владелец участка из своего кармана. Зато миллионы гектар в прошлом колхозных земель былём поросли, и государству – хоть бы хны. Палец о палец не ударив, государственный чиновник намерен получать платежи от всякого, кто еще дышит, не умея организовать его труд.

Государство не обеспечивает условия работы российскому производителю овощей и фруктов, зато снижает таможенные барьеры на импорт из Турции и завышает минималь-

ные цены там, где импорт не может конкурировать с отечественным продуктом. Государство не выполняет свои социальные обязательства перед гражданами: от кого постсоветское государство защитило своего гражданина и предпринимателя? Может быть, от мошенников, опутавших все сферы жизни или от рэкетиров? – Совсем нет. Может быть, перекрыло границы от иммигрантов из ближнего зарубежья, с удовольствием принимаемых на временную работу вместо соотечественников в компании, выполняющие госзаказы? Тоже нет. Может быть, от чиновников с их равнодушием к простому гражданину, его нуждам, и всё растущим аппетитом на тарифы? – тоже нет. Может быть, от продуктов на полках магазинов, созданных по рецептам, не предусматривающим качество? Нет. Может, пособие по безработице у нас достойное социального государства (чтоб министру труда пожить на такое пособие)? Нет. Почему у нас мало безработных в статистическом справочнике? Потому что кому нужна головная боль с регистрацией для получения пособия в 800 рублей? Да ещё попробуй зарегистрироваться. Может быть, государство платит достойную пенсию? Кстати, самозанятые пенсионеры (если они есть) – разве они уже не оплатили сполна, когда работали, тот мизер социальных услуг, которые получают? Оплатили и ничего сверх того, что получают, они уже не получают никогда, сколько бы патенты не стоили. И то, что они получают от государства – лишь доля того, что должны получать. Что может предложить им в

ответ государство? – видимо, только рост тарифов. Во всём цивилизованном мире, пенсия составляет около 60% от зарплаты, с которой шли отчисления. Стимул был получать всегда «белую» и хорошую зарплату. Сегодня это значения не имеет, потому что и сегодня вычитают из зарплаты процент в пенсионный фонд не меньше, чем и 50 лет назад, что позволяло платить пенсию, равную 50–60% заработка, только сегодня «под соусом» нехватки средств, возвращают рядовым гражданам, вышедшим на пенсию, в виде несчастных 10–15%. Это – от нормальной зарплаты в 80–100–120 тысяч рублей, с которых платились налоги. Пенсия в 10–11 тысяч – потолок. Разумом понять можно – тем, кого реформы выбросили за борт экономической жизни, тоже откуда-то надо брать деньги, чтобы гарантировать социальную пенсию. Пенсия у тех, кто имеет маленький стаж на низкооплачиваемой должности сегодня почти такая же, как у человека с большим стажем и хорошей зарплатой. И это понятно – всем надо жить. Но ведь это и есть пресловутая уравниловка – признак неблагополучной экономики. Или это плохо только при социализме, а при «капитализме» – благо? Зато чиновникам высокого ранга (как при "застое"), установлены надбавки к пенсии согласно табелю о рангах в виде коэффициентов от 100 до 800... Видимо, заслуги перед государством и народом нельзя переоценить. Только многим непонятно, в чем они выражаются.

Правительство не волнует и то, что коренных жителей ста-

ло на 12794,6 тыс. человек меньше. Анонсированный прирост населения в 2016 г. в 8200 человек на фоне сокращения по 200–300 тысяч в год – это свидетельство того, что положение хуже, чем застой, это вымирание и замещение коренного населения на иммигрантов. Потому что «прирост» за счет роста смертности – это реальная убыль населения: в 2016 г. число детей от 0 до 4 лет выросло на 250 тысяч человек относительно 2015 г., зато в категории от 70 и старше стало на 291 тысячу меньше (Росстат). МЕНЬШЕ! Но это Правительство не беспокоит, оно наоборот говорит о росте социальной нагрузки пенсионеров. По его данным меньше стало рабочей силы (а, может, занятых в экономике?). Для него – самое время задуматься о повышении пенсионного возраста. Его волнует простой, не охваченный статистикой безработный гражданин, с которого еще что-то можно взять, раз он живой. Правительство, видимо, подзабыло историю. А история знает примеры, когда налоги разоряли народ, и он начинал бунтовать. Сегодня самый очевидный результат сбора налогов – это рост богатства у небольшого процента людей (за счет чего, если физический объём ВВП не растёт? – за счет населения) и обнищание большинства населения, включая мелких предпринимателей, которые тоже стремятся, что называется, оптимизировать налоговые платежи. Почему? По той же самой причине – чтобы выжить.

Вот тогда, когда предприниматель увидит, что средства, уплаченные в бюджет, идут на пользу не только государству,

но и ему в виде поддержки в конкурентной борьбе с засильем импорта, а не в отдельные карманы «удачливых» предпринимателей, сам станет законопослушным плательщиком в социальные фонды, не дожидаясь специальных постановлений. Когда климат для предпринимательской деятельности будет благоприятным, Россия сместится со 120 места хотя бы на 20–40-е, когда начнут появляться рабочие места, тогда и самозанятых в целях выживания станет меньше. Будут просто занятые. Причем в экономике, а не в «бездомном» мифическом «домохозяйстве».

Ноябрь 2016 г.

Когда слово изреченное есть ложь?

Когда мы смотрим или слушаем выступления представителей структур, облечённых властью, а равно, когда смотрим статистику, мы невольно удивляемся тому, как много, оказывается, уделяется внимания и отеческой заботы рядовым гражданам родного отечества. Поскольку мы знаем по себе, а равно и по многим, кто нас окружает, что это внимание никак не сказывается на нашем благосостоянии, мы сознаём, что за красивыми словами часто ничего не следует (особенно, если посмотреть на любое живое или эпистолярное общение с чиновниками). Значит, нас обманывают. Потому что всё это говорится, как о самопожертвовании в условиях дефицитного бюджета и облекается в красивые цифры. Но мы понимаем, что это – слова. Потому что цифры – это всегда к определённой категории граждан, которым особенно тяжело выжить в сложившихся условиях. Если суммы поделить на всех нуждающихся, они превращаются в призрак. Особенно на фоне сокращения зарплаты, ликвидации рабочих мест, снижения планки образования и здравоохранения, совершенно бессовестного роста тарифов на платные услуги, в т.ч. ЖКХ. Это – реальные дела, которые всегда касаются всего населения. И мы понимаем, что красивые цифры бла-

годеяния, – на самом деле лишь часть того, что было собрано со всего населения. Поэтому помощь части населения за счет всего населения, никогда не покажет рост благосостояния граждан.

Если сложить зарплату миллиона рабочих и 3–4 тысяч топ менеджеров полугосударственных компаний, например, «Газпрома», «Роснефти», «Транснефти» и других корпораций, то получится неплохая среднемесячная заработная плата – возможно, среднестатистическая 30–32 тысячи рублей. На словах власть декларирует рост номинальной среднемесячной зарплаты, забывая, что средняя температура по больнице не дает никакого представления о больных. Правительство говорит, что фонд зарплаты наемного рабочего (включая скрытую! в т.ч. топ менеджеров?) в 2015 г. составил 36547 млрд.р., что составляет 45,4% ВВП, а по другой статистике 10% населения принадлежит почти 90% фонда благосостояния. По оценке Credit Suisse совокупное благосостояние россиян оценивается в 1,3 трлн. \$, что в переводе на рубли по курсу составляет 80,6 трлн. рублей. И хотя благосостояние – это не совсем ВВП, прикинем, сколько составит 45,4%: $80,6 \times 45,4\% = 36\,592,4$ млрд. руб. Цифра удивительным образом практически совпала. Но это – «средняя по больнице». Попробуем разобраться с конкретным больным, в смысле средним простым наемным рабочим: если на 10% населения приходится 72,54 трлн. рублей богатства страны, то на оставшееся население приходится 8,060 трлн. рублей.

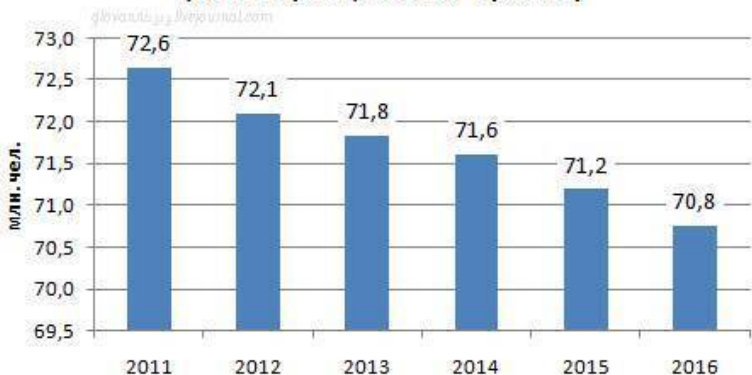
Разделим эти крохи «благополучия» (не на оставшееся население, а) только на рабочих, занятых в экономике (приблизительно 71 млн.) и получим среднемесячный доход – 9 460 рублей. 152\$ в месяц!!! Это – среднестатистическая, очищенная от зарплаты высоких начальников и топ менеджеров. Это ниже порога бедности. Чего стоит после этого телевизионная пропаганда по поводу безденежья населения Украины? Не лучше ли обратить внимание на доходы своих людей? Бизнес при попустительстве Правительства (например, в ЖКХ, строительстве, энергетике) с удовольствием вымывает коренное население из сферы производства, используя законно и не очень законно иммигрантов. Статистика умалчивает, за счет чего происходит этот номинальный «рост»: действительно ли у рабочих она растет или только у топ менеджеров, сокращающих рабочие места, «чтобы не нарушать (продекларированную) парадную отчетность»? Президент склонен верить Росстату. Но народ, в отличие от Президента, точно знает, что верить этой статистике – значит глубоко заблуждаться. Потому что каждый в отдельности он и есть эта статистическая единица. И он на себе знает, что у него нет ни зарплаты, озвученной Президенту, ни работы достойной, несмотря на наличие якобы миллионов «свободных рабочих мест». Власти Москвы провозгласили, что на месте бывшего завода Лихачева будет создано офисов на 48 тысяч рабочих мест. Вопрос Мэру – кому нужны эти офисы? Безработным?

Попробую проиллюстрировать еще кое-что на конкретных примерах.

Найти работу после 40 лет практически нереально (если нет хороших знакомых в структурах власти или крупного бизнеса), а в предпенсионном возрасте – и подавно. Будучи в пенсионном возрасте я, имея два высших образования и стаж 40 лет, поместил резюме в интернете, отозвался на множество вакансий – ни одного приглашения на собеседование. Все резюме в архиве. Это понятно – у молодых нет работы. У студентов тоже перспективы мало, если они, конечно, не из «золотой» молодёжи. Против этих на улицах Москвы государство со всем судебно-правовым аппаратом бессильно.

Вытеснение российских граждан из экономики способствует росту накопления богатства у 10% населения, это же естественно: капитал растет, когда он в обороте, а в обороте он только у этих 10%, остальные свой "капитал" в прямом смысле проедают – хватает только на питание. И ведь это произошло не в беспредельные 90-е годы, это происходит все годы торжества либеральной модели якобы капитализма в стране, включая 2016 г. При этом логично нагнетается тревога по поводу наполнения пенсионного фонда и налоговых поступлений. А с кого начислять налоги? Обратимся к статистике (официальной):

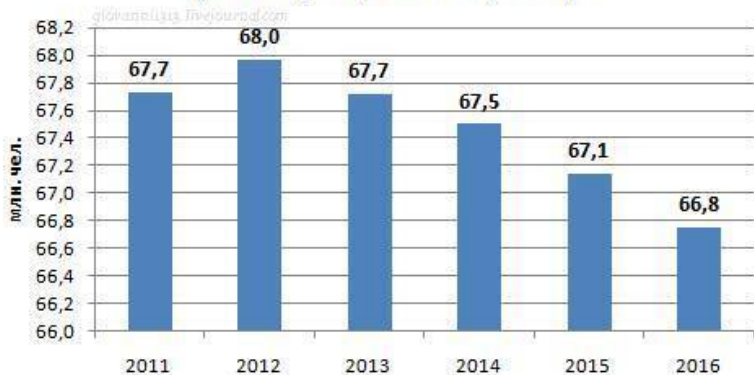
Численность рабочей силы в РФ (2013 - оценка, 2014-16 - прогноз)

Налицо прогноз сокращения численности рабочей силы, при этом понятно, что сокращение происходит за счет тех, кто не пережил 90-е (вспомним, сколько свежих могил появилось на кладбищах в эти годы, в этом легко убедиться) и кто не родился в 90-е и 2000-е годы. От этого страдает разбалансированная экономика, но не бизнес: он вполне удовлетворяется притоком иммигрантов, усугубляя тем самым проблему.

Теперь посмотрим прогнозируемое число занятых, которые, заметим, вместе с иностранной наемной рабочей силой произвели значительную часть ВВП, но при этом им принадлежит (в виде полученных доходов) только 10%:

Число занятых в РФ (2013 - оценка, 2014-16 - прогноз)

Как видим, здесь тоже в 2013 г. прогнозировалось сокращение. Т.е. даже тех, кто готов работать, Минэкономразвития в 2013 г. запланировал недоиспользовать, обосновывая этим необходимость привлечения иностранных рабочих. Напомним, коренному населению почему-то работу найти крайне трудно, а некоторым категориям – и невозможно. Между тем занятых в 2016 г., как показывает Росстат, оказалось 72 393 тыс. человек. Вот как делаются прогнозы в экономике. Они служат, повторюсь, незаконному обоснованию привлечения к работе иммигрантов из соседних государств, которые социальные взносы не платят.

Правительство говорит, что минимальная продовольственная(!) корзина на одного человека составляет 3677,6

руб. (попробовал бы кто-нибудь из чиновников прожить на эту корзину). В Москве её стоимость составила 4396 руб. Корреспонденты изучили рынок и увидели, что набор из 33 продуктов в сети «Пятерочка» составил в 2016 г. 4652 руб. Это – дешевая сеть. При этом, где гарантия, что набирая корзину, ты не купишь продукт с истекающим сроком хранения? Впрочем, если судить по многочисленным телевизионным передачам, – этим грешат все торговые сети. Следовательно, с учетом отходов стоимость набора увеличивается. Так на кого ориентируется Правительство, утверждая стоимость корзины? – на «бездомные домохозяйства»? Выходит, на тех, кто копается в помойке. Если верить официальной статистике, то оказывается, что цены на многие продукты за последние 6 лет не меняются:

	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.	2016г.
Индекс потреб. цен в % к предыдущему периоду (данные Росстат)	100	97,5	100,5	99,9	104,6	101,3	105,37

(Ист: [http://www.gks.ru/free doc/new site/ prices/potr/tab-potr1.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ prices/potr/tab-potr1.htm))

Если всё ТАК хорошо, тогда почему в марте 2016 г. О. Голодец озвучила информацию Росстата о том, что число людей с доходами ниже прожиточного минимума выросло с 16,1 до 19,2 млн. человек? Рост – 19%. Значит, доходы падают независимо от инфляции, опережая инфляцию! Биз-

нес сокращает людей в интересах прибыли, сокращает оклады. Правительство молчит, оно озабочено сбором налогов, поэтому само придумывает и ищет «бездомные домохозяйства», чтобы повесить сборы. Как бы потом не пришлось «над вымыслом слезами...».

Индексы, приведённые выше – это на момент написания статьи. Сегодня, при подготовке к изданию сборника статей индексы все неожиданно выросли:

	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.	2016г.
Индекс потреб.цен в % к предыдущему периоду (данные Росстат)	108,78	106,10	106,58	106,45	111,36	112,91	105,38

([http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat / ru/statistics/tariffs/#](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#))

Это – ещё один повод усомниться в достоверности официальной статистики. А ведь людям надо не только есть, но и лечиться. Правительство говорит, что инфляция в 2016 г. составит не более 5%. В Кремле и Белом доме может быть, – там свои цены.

А вот цены на некоторые лекарства в аптеках на самом деле для народа (руб.):

Наименование лекарства	2003 г.	2015 г.	2016 г.
Арбидол 100 мг. № 10	136,5	180	233,9
Креон 10000 150 мг	255	277	274
Бифиформ № 30	289	383	408
Энап таб. 10 мг	104	127	193
Альмагель	105	173	200

Соответственно индекс цен в процентах относительно предыдущего периода:

Наименование лекарства	2003 г.	2015 г.	2016 г.
Арбидол 100 мг. № 10	100	131,9	129,9
Креон 10000 150 мг	100	108,6	98,9
Бифиформ № 30	100	132,5	106,5
Энап таб. 10 мг	100	122,1	152
Альмагель	100	164,8	115,6
Средний % по 5 наименованиям		132	120,6

Цены на лекарства, которые рекомендует врач, не подчиняются официальной статистике и растут как на дрожжах, особенно последний год. Если у Росстата цены выросли на 2–5%, подсказал бы, где покупать лекарства.

Другая болезненная тема для любого жителя страны – это ЖКХ. Недавно было объявлено в Москве, что в середине

следующего, 2017 г., тарифы ЖКХ в Москве поднимут на 7%! исходя из прогноза инфляции в 7,9%! Значит, вырастет тариф (прогноз) на 13,3%.

Странная, но всем понятная логика: при расчете стоимости питания власти исходят из темпа инфляции не более 5% (о чем с гордостью говорят каждый день), а при расчете тарифов за услуги ЖКХ темпы инфляции прогнозируются почти вдвое больше.

Что мы имеем в действительности? Посмотрим платежи на примере трехкомнатной хрущевской квартиры в спальном районе Москвы (цифры реальные):

	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.	2016г.
Ед. платежный документ. По итогу содержание и т/о за год (руб.)	18982,2	21837,2	23027,8	25811,4	27206,9	31359,6	35776,3
% роста к предыдущему году	100	115	105,5	112	105,4	115,26	114,08
% роста к 2010 году	100	115,04	121,31	135,98	143,33	165,21	188,47

А Департамент ЖКХ и думцы Москвы нам говорили в декабре 2015 г. о том, что тарифы вырастут в 2016 г. на 7,4%, что на 4,8%, заверяли нас, ниже уровня прогнозируемой инфляции. Инфляция подвела – оказалась ниже – всего 5%, зато реальные платежи (уже собранные) выше инфляции (ну не возвращать же их обратно населению). Прибавьте взносы на капитальный ремонт (825 руб./мес.), получим рост платежей почти в 26%, а сумма платежа за 2016 г. – 45676,25 р. (против 36309,62 р. в 2015 г.). Таким образом, для человека

с расчетным доходом, как показано выше, нужно не есть почти 5 месяцев в году (!), чтобы расплатиться с Управляющей компанией за ЖКХ. Что мы получаем взамен? Неужели растёт качество обслуживания? Едва ли найдется процент населения, который без затруднения скажет, что Управляющая компания делает в доме, обслуживая его.

Вот, например, типичная картина: в подъезде демонтировали внутреннюю старую, практически фанерную дверь, едва прикрывающую выход в тамбур, чтобы повесить новую. Это произошло 30 декабря 2016 г. В процессе работ дым стоял коромыслом, выйти на лестницу было небезопасно. Отчего дым – загадка. Открыли окно, чтобы сквозняком проветрить подъезд. К вечеру работу закончили: если раньше фанерная дверь открывалась вправо, освобождая проход через тамбур, то теперь открывается влево, перекрывая движение к наружной металлической двери, нарушая требования пожарной безопасности. Впрочем, открывается – это не совсем точно: она не закрывается, всё время открыта, задевает за пол. Очевидно, висит не совсем вертикально или пол с наклоном. В наружной металлической уже проржавевшей двери щели, через которые во время снегопада заметает снег в подъезд. Вот такой ремонт, который обходится в миллионы рублей, собранных с населения. Вынести-внести что-либо в подъезд стало затруднительно (дверь перекрывает путь), въехать с детской коляской – тоже.

Шпингалеты на окне не входят в ответную часть, форточ-

ка плохо закрывается – запоры погнулись. Диспетчерской заявки передаем регулярно, также регулярно нам говорят, что слесарь приходил, всё сделал. Однако ничего с годами не меняется. Кого власти призывают беречь тепло? Очевидно нас, чтобы мы сами всё ремонтировали и перекладывали. Вода в кранах не дотягивает до 550, батареи порой чуть теплые, некоторые квартиры в доме не прогреваются. Обслуживание инженерных систем не соответствует нормативным рекомендациям. Вот такое качество обслуживания. В Жилинспекцию писать бесполезно – она на стороне московских чиновников и служб ЖКХ.

И это – в Москве, где мэр «печется» о «дорогих москвичках». (Прим.: Справедливости ради, отмечу: спустя года полтора после неоднократных моих письменных обращений дверь заменили и перевесили).

Вот так жизнь рядового гражданина страны отличается от представлений, бытующих среди чиновников, о ней. Это – как раз тот случай, когда статистика – нечто большее, чем ложь. Важно, что правящая «элита» слова принимает за истину и официальную «статистику» за достоверную информацию, не считаясь с тем, что происходит на деле.

Январь 2017 г.

Кому государство, а кому «пирог с начинкой»

*Кто с пользой Отечеству трудится
Тот с ним легко не разлучится;
А кто полезным быть способности лишен,
Чужая сторона тому всегда приятна...*

И. А. Крылов

Любому школьнику известно, как делаются открытия: через знания, которые накапливаются в голове ученого, насыщаются информацией из множества источников, как яблоки соками земли, на которых вырастают райские яблоки. А когда созревают, падают на голову или сняты в виде химической таблицы. Но не всем. Только тем, кто созрел умом, кто накопил достаточно знаний, которые стали ключом к пониманию накопленных фактов, кто знает какие средства или методы использовать, чтобы достичь нужного результата. Кто знает, что между фактами, полученными из статистики, и их пониманием, большая разница.

Точно так же и в управлении экономикой страны – можно и школьнику (только, если он свой человек) доверить принятие директивных решений, никого ничему не обязывающих. А в случае неудачи в реализации свалить на внешние факто-

ры. Успешно управлять государством, и в особенности экономикой, – значит предвидеть результат своих действий. А у нас самым востребованным стало Министерство по чрезвычайным ситуациям, потому что всё время что-то случается непредвиденное: обваливаются подъезды, рушатся стены домов, горят или их смывает наводнением, горят леса, взрывы в шахтах, пожары... Правительство принимает меры, но, сдаётся мне, во многих случаях его приоритетной задачей является не ликвидировать последствия, а предусмотреть и предотвратить. Убеждён, государству это обходилось бы дешевле, чем бороться с последствиями. То же и с прогнозированием роста экономики. Если прогноз не реализуется, значит, неверные были использованы исходные данные или приняты ошибочные решения. Значит, те, кто прогнозировал рост при отсутствии всяких предпосылок, не дотягивает до специалиста в этой области. Тогда они – всего лишь манипуляторы общественным мнением.

Для управления экономикой страны недостаточно уметь считать деньги и пользоваться гаджетами, глоссом и вездесущим Wi-Fi-ем.

Прогноз развития экономики – это тест на профнепригодность российского чиновника.

Вспомним, сколько раз с 2014 года прогнозировали стабилизацию: «достигли дна, дальше некуда...», «вот-вот начнется рост». А экономика падает всё дальше в минус. В 2014 г. Минэкономразвития прогнозировал отток капитала из Рос-

сии на уровне 25 млрд. \$, а выведено было более 151 млрд. \$. Не угадали. Если из страны неконтролируемо и непредсказуемо выводят капитал, значит, в экономике преобладают ловкачи и спекулянты. Если свободно из страны выводятся такие суммы, значит, значительная часть испечённого национального пирога (Дохода) на самом деле нам не принадлежит. Кто-то другой лакомится?! Но тогда они (штурманы и рулевые экономики) ведут страну на рифы, оставляют страну без будущего. Правительство завышает прогноз инфляции (в обоснование роста тарифов на ЖКХ в 7%), мол, ожидаем 14%, а в результате всё наоборот: поборы с населения выросли на 14%, а инфляция, как оказалось, – только на 5,4%. Власть взалхлеб обсуждает рост доходов населения, но каждый год растёт доля тех, кто на грани обнищания. И это тоже по официальным данным. Почему чиновники во власти не способны ни управлять надлежащим образом экономикой, ни обеспечить положительные результаты в развитии и всё время путают плюс с минусом? Системной ошибкой являются: сам подход к анализу ситуации и способ достижения результата. Если ключи к прогнозу – цены на нефть, ставка Резервного фонда США и ожидание спекулятивных иностранных инвестиций, то это вообще не про экономику. Это – игра на виртуальной бирже под комментарий дилеров-консультантов. Причем, судя по Платежному балансу, может быть за «ошибочные» консультационные услуги Россия платит немаленькие деньги. Своих финансо-

вых и управленческих ресурсов за 30 лет так и не приобрели. Это значит, что все рычаги управления экономикой находятся на лондонской бирже или в Вашингтоне. По сути, похоже, – это схема управления зависимой экономикой, для которой как раз характерно: дешевое сырьё из страны, продукты и товары в объеме наличных денег, выданных в виде мизерной зарплаты – в страну. Главная забота власти (с подачи ВТО, МВФ, ВБ и прочих консультантов) – борьба с инфляцией. При этом единственно возможный и доступный пониманию власти способ борьбы – максимально сократить наличные деньги в обороте, разумеется, у рядовых граждан, т.е. лишая их средств к существованию. Почему именно у рядовых граждан, а не вообще в стране? Да потому, что вообще в стране денег достаточно. Просто их много тогда, когда на рынок с деньгами приходит 70 млн. человек. Это – спрос, а производства нет. Импорт тоже надо ограничивать – экономить валюту, вырученную за нефть. Соответственно, цены растут. А когда деньгами располагают 3–5 млн. избранных, инфляция не грозит: они не могут есть за десятерых. Следуя этой логике, чем меньше рабочих мест, тем успешнее реформы.

Есть, конечно, отдельные реальные успехи: там строится завод по сборке тракторов, там возобновили производство ламп, в Саратове троллейбусы..., но это всё – локальные успехи, часто с использованием импортных компонентов, создающие иллюзию роста производства. От этих «успе-

хов» кардинально ничего не меняется: внедряются разработки академических институтов (в ВПК, в Космосе), но щедро финансируется «Сколково», назначение которого непонятно. Фондов, Центров и Ассоциаций в стране не счесть, но их назначение – загадка. Может быть, управлять бизнесом за рубежом? Не потому ли время от времени и бывшие чиновники туда устремляются? Только потом становится понятно, что некоторые из них остались Родине должны. А причина в том, что слишком легко выводятся деньги из нашей экономики. Очевидно, потому, что не капитализируются. Схема, по которой происходит финансирование промышленности, это позволяет: из банков (преимущественно иностранных и неизменно в валюте) через отечественные банки (с другими процентами), а потом через некие управляющие компании (УК) и валютную биржу. Правительство не заботит тот факт, что такая четырёхступенчатая схема управления экономикой ведет к незаинтересованности владельцев финансовых ресурсов в конечном продукте, произведённом в стране (себе они всё покупают за рубежом). Зато позволяет контролировать все ступени производства, чтобы снять «сливки». Если посмотрим на статистику присутствия иностранного капитала, то трудно избавиться от впечатления, что иностранный капитал и контролирует всю нашу экономику Вот данные за 2015 г.:

Наименование	Количество предприятий с ин. участием	Уст. кап-л (УК) фирм с ин. участием, млн. руб.	в том числе		УК всех предприятий, млн. руб.	Доля ин. кап. от сумм.УК фирм с ин.участием и всех предпр., %
			взносы иностр. юр. и физ. лиц в УК, млн. руб.	юр. и физ. лиц в УК, млн. руб.		
Всего	17565	4963360	2792705		9767750,8	56,27/ 28,59
в т. ч.: с/х, охота и лесное хоз-во	463	56352	35347		284446,782	62,73/ 12,43
рыболовство, рыбоводство	21	643	360		6019,8912	55,98/ 5,98
добыча полезных ископаемых	428	197908	82760		699247,79	41,82/ 11,84
обрабатывающие производства	3268	1272732	789648		2327566,29	62,04/ 33,93
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	239	1287108	254294		1685082,3	19,76/ 15,09
строительство	999	27724	25951		190278,15	93,61/ 13,64
опт. и розн.торг., ремонт трансп. ср-в, быт. изд. и предм. личн. потребл.	5039	932293	808194		1236770,2	86,69/ 65,35
гостиницы и рестораны	475	34811	26458		83538,101	76,00/ 31,67
транспорт и связь	1241	268432	230003		954991,01	85,68/ 23,47
операции с недвиж. имуществом, аренда и предоставление услуг	4936	851206	513235		2187194,5	60,30/ 23,47
образование	29	247	247		1258,4274	99,77/ 19,61
здравоохранение и предоставление социальных услуг	197	10983	7233		46133,99	65,85/ 15,68
предоставление пр. коммун., соц. и персон. услуг	227	22920	18976		65223,282	82,79/ 29,09

Доля иностранного капитала в консолидированном Уставном фонде всех предприятий с иностранным капиталом составляет 56,27%. Разве это признак суверенитета над экономикой? В США доля иностранного капитала за всю историю никогда не превышала 2–5%. Доля предприятий с иностранным капиталом в совокупном Уставном фонде всех предприятий РФ (исключая органы власти и некоммерческие организации) составляет 50,81%, доля иностранного капитала в совокупном Уставном фонде предприятий РФ (исключая госструктуры, органы местного самоуправления и некоммерческие организации) составляет, как видно из таблицы, – 28,59%. Логично предположить, что более чем на 28% национальный доход, произведённый в стране (если

предположить, что доходы, поступающие из-за границы, составляют ничтожно малую величину), меньше, чем нам сообщает статистика. Он никак не может быть близким к значениям ВВП, как это обнаруживается в статистике. Количество предприятий с иностранным участием выросло с 2009 г. незначительно с 17,37 до 17,57 тысяч, списочный состав работников на уровне 3,1–3,3 млн. человек, но оборот вырос с 19,7 трлн. до 51,078 трлн. рублей. Произведённый ВВП по последним сведениям Росстат в России в 2015 г. составил 62 445,4 млрд.руб. в ценах 2011 г. Таким образом, можно предположить, что около половины произведённого ВВП в стране контролируется предприятиями с иностранным капиталом. Такая зависимость вполне внятно объясняет ускоренную приватизацию в России через банкротства и чьи при этом преследовались интересы.

И еще один парадоксальный вывод: на оставшихся 49,2% предприятий якобы трудится 72,7 млн. человек (против 3,3 млн. человек на 50,8%) и производится всего 18,2% ВВП. Или что-то в экономике не так, или статистика кривая. Напрашивается вывод, что «работает» в России экономика преимущественно только там, где есть иностранный капитал. Прибыль, зарплата, дивиденды – всё (учитывая проценты за кредиты) в карман иностранному владельцу. В России остаются МРОТ и чуть-чуть налогов. Среднесписочный состав – это постоянно занятые, остальные – временные, сезонные, совместители и прочие (включая гастарбайтеров) ра-

ботники не на постоянном окладе. По сути – потенциальные безработные. Расчеты безработных я приводил, например, в статье «Кризис экономики – условие процветания элиты». Используя эту статистику, приходишь к заключению, что в стране сложилась вполне неокOLONиальная система эксплуатации людей и ресурсов. Во всяком случае, с 90-х годов четко обозначилось стремление либеральных кругов добиться внешнего управления. Платой являются ресурсы. Цифры это подтверждают.

Мы видим, что при неизменных параметрах по количеству занятых на предприятиях с иностранным капиталом оборот вырос почти в три раза. Следовательно, «инвестиции», которые фигурируют в статистике, всего лишь увеличивают оборотный капитал.

Таким образом, очень немного остаётся компаний, которые пытаются привлекать инвестиции через продажу своих акций. Но и здесь со спросом как-то всё неоднозначно.

Возьмём, к примеру, «Роснефть»: при приватизации в 2006 г. акции торговались по цене 203,24 рубля за акцию, что соответствовало 7,5\$ по среднегодовому курсу. Сегодня акции стоят приблизительно 320 рублей, что по курсу составляет уже всего 5,3\$. Все, кто приобрёл акции – проиграл при пересчёте в доллары США. Дивиденды проигрыш никак не компенсируют: они составляют 5,98 руб. на акцию (0,09\$). Доходность акции – 1,87% (5,98 руб. от 320 рублей). А на банковском депозите под 7% было бы получено 14 руб-

лей (от вложенной суммы – 203,24 руб.). Для сравнения, например, у американской компании Phillips 66 (переработка, транспортировка нефти) акции в 2017 г. торгуются по 78–80 \$, дивиденды за 2016 г. – около 0,9\$. На порядок больше, чем у «Роснефти». Доходность – 1,14%. Это наводит на мысль, что дивидендная политика Роснефти сориентирована на то, чтобы быть привлекательной по доходности для иностранного инвестора. Это при том, что капитализация «Роснефти» почти в 1,5 раза выше, чем у американской компании, численность занятых – в 2 раза больше, прибыль тоже в 2,5 раза больше. А вот стоимость активов ниже, чем у американской компании.

Акции «Газпрома» хоть и росли в цене вслед за курсом доллара, но в итоге в долларовом исчислении на российском рынке упали ниже уровня 2005 г.:

Покупка по 1000 акций ПАО "Газпром" по годам	2005		2006		2008		2017	
	руб.	\$	руб.	\$	руб.	\$	руб.	\$
Цена: руб./\$	80,00	2,83	294,00	10,82	140,00	5,63	140,00	2,40
Затраты на 1000	80000,00	2826,86	294000,00	10820,76	140000,00	5631,54	140000,00	2401,78

Мы видим всплеск цен в 2006 году (к концу года – до 380 рублей) – результат выхода на международный рынок. 28 октября 2008 г. был зафиксирован минимум – 92 рубля за акцию. При таком обрушении инвесторы должны кинуться их

скупать. Не тут-то было. Очевидно, иностранные инвесторы знают, что могут проиграть на дивидендах (или сами управляли процессом?), поэтому не скупали. В долларовом исчислении акции в 2017 г. дешевле, чем в 2005 г., однако стали они от падения в цене более привлекательными? Конечно, нет, инвестиции как не шли, так и не идут. Иначе стали бы расти в цене акции и дивиденды. Цифры показывают, что акции западных компаний, подобных «Газпрому» и «Роснефти» в других странах ценятся выше. Отмечу, что санкции наших нефтегазовых компаний касаются скорее косвенно, чем напрямую, в силу привлекательности энергоресурсов для западного рынка. Акции в цене растут слабо, потому что для российского инвестора они не очень привлекательны – банковский вклад выгодней. А для иностранного спекулятивного капитала, как показала практика 90-х годов, выгодно совсем бесплатно, чтобы сразу перепродать, не дожидаясь дивидендов. наших «партнёров» устраивает уже то, что российские компании максимально работают на западный рынок и находятся в постоянной зависимости от кредитов. При этом всё время рассчитывают на бюджетные субсидии (налоговые сборы, в т.ч. с населения). Между тем долги «Роснефти» – 60 млрд.\$ (что сопоставимо с долгом всего СССР), «Газпрома» – 37 млрд. \$. Не слишком ли дорого обходятся эти компании российскому государству? Политика западных банковских структур понятна: ссудами и кредитами привязать компанию легче, чем владением мало доходными акци-

ями. Реальный доход по итогам года получают только члены Совета директоров. Таким образом, не только обрабатывающая промышленность у нас не в состоянии справиться со своевременным погашением кредитов, но и нефтегазовая.

Ссудный процент в России стал инструментом доведения реального сектора до банкротства. Б.Клинтон сказал в 1995 г.: «Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили не разрушенное атомными ударами государство, а полноценную сырьевую базу». Вспомним историю с холдингом «Мечел». Это – хозяин угольных, коксовых и металлургических производств, который совместно с банковскими структурами («Deutsche Bank», как сособственник, и «Сбербанк») и покупателями продукции (через логистические схемы «Мечела») всё время подводит под банкротство реальное производство. И сам в результате экономической политики фактически давно банкрот (на июнь 2015 г. долг – 7 млрд. \$). В 2008 г. менеджмент холдинга подвергся критике со стороны тогдашнего председателя Правительства Путина В. В. за поставки сырья за рубеж по ценам в 2 раза ниже(!) внутренних. Своим структурам! Зато перепродавал за границей по ценам в 4 раза выше. И он разве такой один? Ясно, что отсутствие надлежащего контроля на таможне за уровнем цен, по которым сбывается сырьё за границу, не остановит вывоз сырья за бесценок. Ведь это абсурд: физическим лицам

таможня даёт «добро» после оценки рыночной стоимости, а когда холдинги вывозят миллионами тонн, цена для государства уже не имеет значения. В итоге российская рыба из открытого моря идет на экспорт по средней цене 1654,4 \$ за тонну, а импортируется из закрытых искусственных водоёмов на искусственном корме с красителями и антибиотиками – по цене 2684 доллара за тонну. Такая же история с дизтопливом: западным «партнерам» поставляется по ценам 0,39–0,42\$ за тонну, а на внутреннем рынке цена – 0,66–0,67\$. Вилка внутренних цен и цен внешнеторговых на службе у ТАКИХ «коммерсантов» работает на перераспределение ВВП в ущерб экономике России. Добавьте к посредникам, стригущим доходы с реального сектора, наживающихся на нём, растущие обороты виртуальной экономики на бирже, отвлекающие средства из прямых инвестиций, завышенные внутренние цены на сырьё и периодические скачки курса рубля – получаем все факторы, негативно влияющие на бюджетно-финансовую систему, стимулирующие рост стоимости жизни и рост инфляции, с которой якобы борется Правительство. Как борется, уже знаем – сокращением реальных доходов населения через повышение тарифов, косвенных налогов и акцизов, а, следовательно, и всех цен. При этом эта сторона ценовой политики, направленной на удушение собственной экономики и сокращение производственного и бытового потребления почему-то Правительство не очень беспокоит. Вероятно, потому что с одной стороны мы

наблюдаем рост обнищания населения, а с другой стороны средний оклад у чиновников в Правительстве – 228,48 тысяч рублей плюс надбавки независимо от провалов в экономике. Думские чиновники, утверждающие это Правительство, тоже не могут пожаловаться. И, заметим, могут быть еще и премии. Вознаграждения топ менеджеров государственных компаний – сотни тысяч долларов. Судя по некоторым заявлениям чиновников, в их представлении такое расслоение на «сливки» общества и плебс, назначение которого лишь обслуживать крупный бизнес и «слуг народа», это – нормальное явление для «социального» государства. Правящий класс не видит ничего парадоксального в том, что, с одной стороны, Правительство в связи с дефицитом бюджета озабочено, как бы охватить дополнительными налогами БЕЗДОМНЫЕ (!?) домохозяйства, с другой стороны не замечает, как некоторые деятели, неведомо(?) каким образом нажившие себе баснословные капиталы, с миллиардами долларов спокойно покидают страну, вдруг ставшую им чужой. Не в чемодане же везут?! Видимо, там капает на счет за «мелкие услуги» здесь. И никакой финансовой разведке, контрольной, ревизионной комиссии или Счетной палате в голову не приходило проверить депутата, чиновника или банкира задолго до пересечения им границы. И получается порой, как при дедушке:

Иной при месте так вздыхает,

Как будто рубль последний доживает...

...А смотришь, помаленьку,

То домик выстроит, то купит деревеньку.

И. А. Крылов

Минфин РФ планирует выпуск облигаций федерального займа, ориентированный на физических лиц, но ведь экономика явно катится вниз, и кто поверит такому государству? Многим лицам еще памятны облигации 1992 г., которые фактически стали очередным инструментом изъятия денег у населения (случалось, выигрыш облигации в 500 советских рублей составлял сумму, эквивалентную стоимости бутылки пива). Судя по всему, цель та же. Сограждане, плательщики налогов, остаются в собственной стране людьми третьего сорта – их и обобрать не грех: инфляция с тарифами ЖКХ точно съест начисленные хоть и повышенные проценты. Впрочем, у большинства населения на новые облигации всё равно денег нет, как нет и работы. Не только потому, что рабочих мест нет – сегодня бизнесу нужна даровая рабочая сила. Правда, в этом случае неизбежны проблемы у государства с налоговыми сборами, с пополнением пенсионного фонда, которые, правда, вполне компенсируются экономией на пособиях по безработице и выплате достойной пенсии. Вот такая экономика.

Просто слёзы наворачиваются на глаза, когда Правительство беспокоится о подаче тепла в Европу, как они там без

российского газа? С другой стороны, есть много мест в самой России, лишенных этих благ цивилизации и никого это не волнует: в поселке Какузеве Раменского района Московской области нет газа. Что уж говорить о Карелии или Востоке страны? На Украину дизельное топливо из России и Белоруссии поставляется по льготным ценам... Чтобы на ходу были танки?

Давно ясно: все эти перекосы надо устранять. Как можно переломить ситуацию и добиться роста? Очевидно, что решение проблем возрождения экономики с узкомонетаристским мышлением не сочетается. Нужен гибкий, жесткий и национально ориентированный подход. И прежде всего необходимы кардинальные перемены в:

- денежно-кредитной политике;
- структуре экономики и
- бюджетно-налоговой системе.

Как раз там, где Правительством предпринимаются шаги чрезвычайно осторожные, почти незаметные. Поэтому у чиновника остаётся один способ достичь «успеха» в отчетах перед выборами – манипуляция статистикой. Вот пример:

Объемы производства				
	2000	2005	2010	2015
Индекс базовых отраслей (промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт, розничная торговля)				
<i>% к пред. периоду</i>	109.0	106.4		
Объем промышленной продукции				
<i>% к пред. периоду</i>	108.7	105.1	107.3	96.6
Производство сельского хозяйства				
<i>% к пред. периоду</i>	107.7	102.3	88.7	103.0
Строительство				
<i>% к пред. периоду</i>	108.7	105.1	108.2	93.0
Грузооборот транспорта				
<i>% к пред. периоду</i>	105.1	102.6	106.9	100.2
Оборот розничной торговли				
<i>% к пред. периоду</i>	109.0	112.8	106.4	90.0
Объем платных услуг населению				
<i>% к пред. периоду</i>	105.1	102.6	106.9	97.9

Источники: Федеральная служба государственной статистики

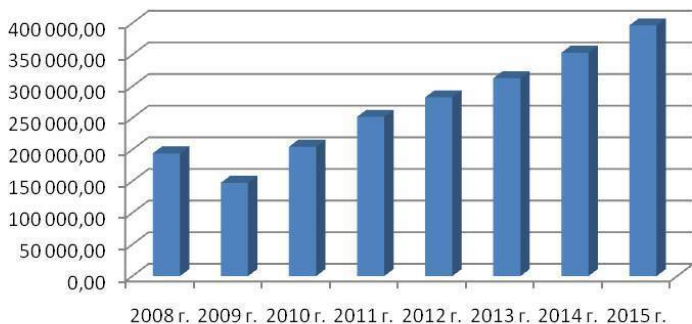
Какие выводы о состоянии экономики можно сделать исходя из этих сведений? Никаких. Потому что статистика умалчивает: это индексы объема в денежном выражении или индексы физического объема? У монетаристов главное – деньги. Если в денежном, значит, информации никакой, потому что количество денег в обращении сегодня регулируется чем угодно, только не объемом производства. У кого

угодно, только не там где работают станки, строят, варят, добывают. Следовательно, в таблице № 1 скорее сведения (точнее, намек) о деньгах, которые обращаются якобы в сфере производства, но не о самом производстве. Причем в реальном секторе их становится скорее меньше, чем больше. Растут цены на его продукцию, но при этом падает прибыль. У кого в кармане оседает разница? У тех, кто управляет. Аппетиты у Управляющих компаний отменные: взять УК в ЖКХ – предложения по росту тарифов такие, что оторопь берёт, но платить нельзя отказаться, потому что везде царит диктат монополий Управляющих компаний при законодательной поддержке государства.

Возьмем отдельно другую статистику обрабатывающей промышленности. По одной официальной версии – всё замечательно:

Диаграмма № 1

Объемы производства обрабатывающей промышленности, млн. руб.

Видим бурный рост с 2009 по 2015 г. «производства». На самом деле это – оборот денег между УК и потребителем: ведь индекс производства (даже в рублях) по другой официальной версии упал (см. таблицу выше). Значит, диаграмма показывает рост не производства, а объемы выкачивания денег из карманов потребителей в карманы (даже не производителей) – посредников в лице различных ООО «Управление и Логистика», фондов, банков и внешних управляющих.

Посмотрим внимательно на обрабатывающую промышленность через физические объемы. Прежде всего, отметим следующее:

В статистике за 2010 г. есть такая позиция, как турбины гидравлические и колеса водяные (произвели 2996 тыс.

кВт.), а с 2011 г. этой позиции уже нет – прикрылось производство. Это что – стратегия на отказ от гидроэлектростанций или всё для них необходимое (например, запчасти) изготовят умельцы в гаражах? Или зачистили рынок для импорта?

В 2010 г. было произведено 88 печей хлебопекарных промышленных неэлектрических туннельных. В последующие годы они из статистики исчезли. При этом производство печей не туннельных резко стало сокращаться с 549 в 2010 г. до 177 в 2014 г. Это что, в стране резко сокращается промышленная выпечка хлеба? Возможно, из-за экспорта зерна. Или опять зачистили рынок для импорта.

В 2010 г. произвели последние 3 (!) ткацких станка. Это потому, что импортные станки более качественные или кому-то импортировать ткани более выгодно? Аналитики отрасли говорят о сокращении производства тканей в РФ с 1,60 млрд.м² в 2011 г. до 1,45 млрд.м² в 2015 г. Это – 45% от уровня 1990 г. Попутно заметим, что в СССР ткани всегда производили качественные, вспомним, сколько было магазинов заваленных собственной продукцией. А в 1990 г. планировалось переоснастить отрасль новым оборудованием. Оборудование завезли, да так оно и осталось ржаветь. Курс был взят на уничтожение лёгкой промышленности в стране. Министерство промышленности и торговли РФ в 2015 г. спохватилось и разработало программу поддержки промышленности путем субсидирования процентной став-

ки и льготного финансирования. Но кого намерено стимулировать Министерство? Производителей станков? Их уже практически нет. Ткацкие фабрики или импортёров станков и тканей? С большой долей вероятности можно предположить, что кредиты пойдут опять «Управляющим» компаниям, которые занимаются импортом и станков и тканей. Поэтому результат по стимулированию производства будет нулевой. Низкий платежеспособный спрос в России играет на руку импортерам ЧЕГО УГОДНО. Ибо производство в небольшом количестве нерентабельно, а импортировать выгодно: чем меньше товара – тем выше цены, лишь бы покупали. В 2016 г. прогнозировалось дальнейшее снижение производства на 2,3%. Доля импорта составляла 70% от внутреннего рынка, будет еще выше. Чтобы отвоевать эту долю, мало стимулировать кого-то процентной ставкой. Для возрождения производства (как и экономики в целом) нужен комплексный – прямые инвестиции в производство оборудования и стимулирование всего цикла от производства потребительских товаров до обеспечения сбыта. В этих условиях роль государства в лице профильного министерства заключается в правильной политике защиты и поощрения своего производителя и стимулирования спроса. Но Правительство вероятней всего по традиции поддержит импорт. Государство подчинилось меньшинству, тем, кто взялся строить «рыночную» экономику, пренебрегая интересами страны (это декларировалось еще гайдаровским Правитель-

ством). Изменить что-либо, повлиять на власть народ может только через государственные структуры, институты власти, которые стоят как истуканы на позиции невмешательства в экономику. Либеральная «элита» требует, чтобы было как можно меньше государства, чтобы разорвать связь между населением и властью. Что, собственно, и происходит: уже бесполезно обращаться в госорганы – они ничего не решают. Если такая политика приведет к возмущению населения, – так, того и ждёт Запад – майдана, чтобы радикалы вернули страну в хаос 90-х годов. Вспомним, как развалился Советский Союз – начало было положено отделением государства от КПСС, демонтажем всех институтов власти и структур управления ресурсами, обесценением рубля и переплавкой части промышленной базы в металлолом. Затем в России через расстрел Парламента, в какой-то мере еще представлявшего интересы народа, стала формироваться диктатура «демократии». Сегодня мы пожинаем плоды.

Россия прекратила с 2010 г. производить фотоаппараты и прочую видеоаппаратуру. Статистика дает последние сведения только за 2010 г., когда произвели последние 2582 изделия. «Производство» (читай, сборку импортных изделий) телеаппаратуры Россия наращивает все эти годы в отличие от фотоаппаратуры. На слуху информация о том, что в России налаживается производство элементной базы, особенно в сфере, подведомственной ВПК. Значит, производство и бытовой техники может быть отлажено. Была бы на то воля.

А чтобы это не произошло, продолжается процесс уничтожения производственной базы.

В том же 2010 г. произвели последние 33 тепловоза магистральных. Очевидно, вышло время тепловозов. В Центральной России. А на Дальнем Востоке? Там где железнодорожные магистрали есть, а контактных электросетей нет или не станет в случае конфликта? На чём перевозить стратегические грузы? На паровозах? Их мы тоже не производим. Будем закупать, как в начале XX века в Англии? Вот Англии точно производить тепловозы не обязательно: контактными сетями можно охватить всю страну. Однако, как это ни удивительно, в Англии не только продолжают производство экологически чистых паровозов, но и разрабатывают новые серии с использованием в качестве топлива биомассу. Например, паровоз серии The CSR Project 130. Т.е. развивающий скорость до 130 миль в час. Очевидно, Правительство России готовит рынок сбыта (вместо того, чтобы модернизировать и создавать своё) для паровозов Англии. Если так, то – вот образец трогательной заботы об экономических интересах «партнёра».

Вернёмся к физическому объёму промышленного производства и посмотрим на общую тенденцию развития. Данные Росстата я построчно по каждой номенклатуре проиндексировал и вывел средний индекс по сектору относительно предыдущего периода:

Табл.1

Сектор производства	2010	2011	2012	2013	2014
Производство машин и оборудования	1	1,09	1,1	0,96	0,9
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	1	1,06	1,02	0,99	1,05
Производство транспортных средств и оборудования	1	1,13	1,27	1,98	1,61

В секторе электрооборудования рост обеспечен за счет сборки в большом объеме аппаратуры телевизионной, видеомониторов и видеопроекторов:

Табл.2

Аппаратура приемная TV, в т. ч. видеомониторы и видеопроекторы, шт.	11972767	14713753	16169695	14713875	16255300
---	----------	----------	----------	----------	----------

Если эту строку убрать, то индекс опустится до 0,98 в 2014 г.

В секторе транспортных средств «рост» за счет трех позиций:

Табл.3

Прицепы к легковым автомобилям, штук	21484	32264	44163	79000	88898
Гражданские самолеты, штук	12	22	18	102	97
Мотоциклы, штук	10409	11723	26823	81330	46773

Без них индекс падает до 0,82. Самый большой рост среднего индекса обеспечивает индекс роста «производства» гражданских самолётов. Почему в кавычках?

Объединенная авиастроительная корпорация (ОАК) дает другие, более скромные сведения по объему производства и парку авиатехники:

Табл. 4

Компания	2015	2014	2013	2012	2011	2010
ОАК	32	37	29	18	7	6
Airbus		626	588	534	510	498
Boeing		648	601	477	462	481
Bombardier		238	233	245	244	302
Embraer		209	205	204	246	244

Как видим, по данным ОАК нет таких объемов, которые декларирует официальная статистика. Вместо 97–37, вместо 102–29. Совпал только 2012 г. Отсюда можно предположить, что склонность приукрасить статистику, причем в 3 раза, касается не только авиации и не только в денежном выражении. Другой информированный сайт нам сообщает, что доля иностранных самолетов и вертолетов зарубежного изготовления составляет 63%. Причем эти 63% парка обеспечивают

93% всего пассажирооборота. Значит ли это, что 37% отечественных самолетов обеспечивают только 7 % пассажирооборота? Нет, т.е. проще говоря, большинство из них работают где-то вдалеке от центра или стоят в ангарах, ржавеют (если не значатся только в статистике).

Надо отметить, что большинство самолетов зарубежного производства переданы российским авиакомпаниям в лизинг, причем в 2015 г. лизинг и ремонт импортной авиатехники России обошелся в 225 млрд. рублей, а точно также они могли взять в лизинг машины и у отечественных предприятий. Приобретено было отечественными авиапредприятиями в 2012 г. только 133 самолета, из которых 114 – зарубежного производства. Но даже то, что произвели в России, пока не очень впечатляет, потому, что в основном это – сборка, т.е. импорт затрат труда чужого производства:

Суперджет 100 (SSJ-100): авионика, топливная система, шасси – Франция, система управления и системы жизнеобеспечения – Германия, двигатели, гидравлическая система, система электроснабжения, кислородная система, интерьер – США. Наше – в основном железо. Но нельзя исключать и Китай. Случись что – "к пуговицам претензии есть? – нет, пришиты намертво".

МС-21 – авионика – совместного производства РФ с США и Францией (уже хорошо), двигатели – США (в перспективе двигатели /ПД-14/ начнут делать в России). Планер, крыло и хвостовое оперение, шасси – уже отечественного произ-

водства. Сдвиг есть, но впечатление такое, что много времени упущено и сейчас начинает ощущаться голод в квалифицированных специалистах. Производить, когда отсутствует спрос, мелкими партиями невыгодно никакой экономике. А заказов нет, потому что в авиаперевозке хозяева Эйрбасы и Боинги. Задача – сохранить кадры в авиастроении и обеспечить переориентацию на отечественные самолеты и вертолеты в авиаперевозках. В 90-е США руками наших реформаторов почти полностью развалили в России эту отрасль, особенно производство. Единственную отрасль, где старые кадры (в возрасте даже за 70 лет) уговаривают еще поработать в попытке её сохранить. Поэтому приветствуются специалисты соседей. На рынок не пускают – время уходит.

Ил-96 и Ил-114 – намечается возрождение производства. Для этого в 2014 г. по оценкам требовалось около 55 млрд. рублей, но теперь – значительно больше. И главное, – для серийного производства необходимо обеспечить портфелем заказов, а это значит, уже сегодня необходимо ограничить поступление на рынок Боингов и Эйрбасов. Тем более старых. Решить это можно только путем лимитов, квот (на своем рынке имеем право) и запретов.

Итак, производство неуклонно падает, сокращается численность занятых. Но при этом странным образом число организаций во всех секторах, в т.ч. в обрабатывающей промышленности, по данным Росстат растёт, ед.:

Число действующих организаций по видам экономической деятельности, (на конец года):	Период				
	2005	2010	2011	2012	2013
до быча полезных ископаемых	7040	10116	10539	11584	12023
обрабатывающие производства	212644	226491	237443	256700	260216
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	39076	40384	40043	40163	39808

Эту загадку можно объяснить только присутствием на рынке иностранных компаний, где российские структуры выполняют роль ширмы иностранного капитала и неподконтрольной иностранной рабочей силы. Похоже, страна тихим сапом сдается по частям в концессию. Электроэнергию в Грузию по льготным ценам (своё население возместит), сырьё в Европу и Китай в обход таможенных пошлин, рыбу, крабов в Норвегию, Китай и Японию... Благо – число посредников в виде "предприятий"-перепродавцов, обеспечивающих на таможне низкие экспортные цены, растёт. Или это опять – лукавая цифра?

Положение в сельском хозяйстве, судя по статистике, ничем не лучше:

	2012	2013	2014
Крупный рогатый скот (тыс. голов)	19930	19564	19293
Молоко (млн.т.)	31,8	30,5	30,8
Яйца (млрд.шт.)	42	41,3	41,8
Птица сельскохозяйственная (млн. голов)	495	495	529
Зерно (млн. т.)	55,6	59,3	73,6
Сахарная свекла (млн.т.)	40,3	34,6	30,6

Обращаю внимание на то, что рост поголовья птицы никак не отразился на сборе яиц! Либо птица мясного направления (не несет яйца), либо опять что-то со статистикой (очевидно, подмес импорта). Еще одна особенность: скот (крупный рогатый), свиньи, козы, птица в статистике Росстата поделены на поголовье в сельскохозяйственных организациях и в хозяйствах населения почти пополам. Любопытно, что это за организации (фермерские хозяйства?) и что понимается под хозяйствами населения? Где и когда делали перепись скота и птицы у населения? В селах население стареет и редет, а поголовье скота (по статистике) растёт. Похоже, и здесь статистика лукавит.

Посмотрим на другие сведения по ресурсам мяса и мясопродуктов:

Ресурсы мяса и мясопродуктов (тыс.т.)			
	2012	2013	2014
Ресурсы (на начало года)			
Запасы на начало года	791	838	864
Производство	8090	8545	8911
Импорт	2710	2480	1902
Итого ресурсов	11591	11863	11677

Обращаем внимание на то, что поголовье скота снижается, а ресурсы, т.е. запасы, растут, хотя снижается и импорт. Такое может происходить в одном случае: кризис испытыва-

ет реализация, а импорт меняет графу на якобы отечественные запасы. Кроме того, употреблять мяса стали меньше. В статье «Монетаризм в России – альтернатива развитию» я привожу статистику Росстата с другими цифрами. Какая из них более правдивая, не узнаем никогда.

Такая же негативная тенденция и в области занятости коренного населения в реальном секторе. Специалисты отмечают снижение общего числа занятых в промышленности с 15,3 млн. человек в 2000 г. до 12,9 млн. человек в 2014 г. Причем наиболее серьёзные потери в квалифицированных специалистах были в обрабатывающей промышленности – на 20% (с 12,3 млн. человек до 9,9 млн. чел.). Представьте, во всей обрабатывающей промышленности страны занято меньше, чем сегодня населения в Москве. Причем специалисты отмечают, что дефицит рабочей силы связан не столько с физическим отсутствием работников на местном рынке труда, сколько вследствие низкой заработной платы. Об этом же свидетельствует высокий коэффициент оборота рабочей силы. Проще говоря, наличествует высокая текучесть кадров. Причем коэффициент найма существенно ниже, чем коэффициент выбытия. Т.е. чаще люди уходят или их увольняют. В результате растёт средняя номинальная заработная плата. Можно ли считать это достижением?

Чтобы ощутить масштабы катастрофы (результат строгого соблюдения дефляционной политики Правительства, в точности следующей требованиям Западных консультантов

при ожидании «льготных» кредитов) для сравнения привожу статистику численности рабочих в РСФСР в 1985 г. – 46674 тыс. человек. Мне скажут: тогда было устаревшее оборудование, чтобы занять людей. Это не так. Во-первых, далеко не всё оборудование было устаревшим; Во-вторых, благодаря этому много производили сами, добывали ресурсы и зарабатывали валюту; В-третьих, люди были заняты, получали зарплату и не очень богатые полки магазинов объяснялись не столько низким уровнем производства, сколько высокой покупательной способностью. Это было общество потребления. Но потребления того, что производили. Сейчас островки сохранившегося автоматизированного производства не преследуют цель дать людям заработать, чтобы потом тратить. Сейчас в стране порядок установился такой: часть общества работает на то, чтобы немного заполнить рынок отечественной продукцией, недостающее закупить по импорту, а продажей энергосырья пополнить валютную копилку с тем, чтобы обеспечить комфортное существование небольшого процента «избранных». Правящий класс сегодня не нацелен на то, чтобы обеспечить всё население работой.

Этот процесс деградации экономики особенно ярко характеризует следующая таблица:

1992	2002	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
2754,1	2200	1535	1406	1289	1188	1067	953	850	760

Хочу обратить внимание, что сокращение парка происходило на фоне роста импортных закупок. Это значит, что собственное производство скатывалось к нулю. Удивительным образом коэффициент убытия рабочих из производства ($46,674/12,9=3,62$) совпадает с коэффициентом сокращения парка станков ($2754,1/760=3,62$), что, как в школьной задачке, подтверждает грустные выводы.

Позволю себе попутно заметить, что «достижения» по производству электроэнергии тоже обесцениваются, потому что качественно другой потребитель: раньше установленные на заводах станки были основным потребителем, а теперь – реклама, торговые сети и шоу. Теперь население через рост тарифов вынуждено оплачивать содержание сетей, изначально предназначавшихся для электроснабжения производства. Раньше это был актив (работали станки – доход), теперь пассив – затраты, правда, отнесённые не на нерадивого чиновника-виновника роста затрат вместо доходов, а на население.

Если Правительство своим индифферентным отношением фактически сворачивает промышленное производство, что ж оно намерено делать дальше?

Описанное выше не внушает оптимизма, но власть вновь прогнозирует рост ВВП в 2%. Это значит, что надо ждать роста скрытой инфляции!!! Т.е. правящая "элита" будет пытаться обеспечить показатель как всегда за счет населения, потому что Правительство не хочет (не собирается) решать

проблемы за счет не всегда честного крупного бизнеса путем валютных ограничений, таможенных пошлин, потому что это усиливает позиции государства. Не хочет (и не умеет) путем стимулирования реального производства, наращивания товарной массы и фонда заработной платы, потому что для этого потребуются урезать обороты виртуальной спекулятивной экономики. Правящая «элита» всем демонстрирует, что видит свою роль в оправдании тех способов и методов перераспределения ВВП в свою (т.е. крупного бизнеса) пользу, которые утвердились в 90-е годы.

Складывается устойчивое впечатление, что страна разделена на два лагеря. Один – это виртуальная экономика, крупный бизнес (в основном на производственной базе, созданной в советские годы, не разрушенной в 90-е и частично модернизированной позднее), где у владельцев бизнеса, по данным журнала *Forbs*, несмотря на кризис, состояние выросло на 29 млрд. \$ сразу после избрания (?) Трампа Президентом США и армия чиновников. Другой – весь остальной наёмный и безработный народ (80–90%), чьи доходы даже по официальной версии статистики сокращаются. Эти два лагеря разделены крепостной стеной. Первые считают, что получили пожизненную и, судя по «золотой молодёжи», наследуемую ренту, и пользуются её по полной Правительственной программе. Они в условиях недееспособной модели развития обеспечивают себя за счет тех, кто остался по другую сторону этой крепостной стены. Государственные посты в та-

ких случаях обычно нужны для близости к бюджету и обеспечения стабильности в стране, т.е. чтобы сложившийся порядок не нарушался. В этой связи вспоминается изречение Салтыкова-Щедрина: «есть легионы сорванцов, у которых на языке «государство», а в мыслях – пирог с казенной начинкою».

Общенародный референдум по доверию этим «легионам», уверен, показал бы полный отрыв властной "элиты" и чиновников от народа и интересов государства. Но при одном условии: если будет обеспечена возможность проголосовать не только тем, кто заинтересован в стабильности, но и тем в «бездомных домохозяйствах», кто давно разочаровался в насаждаемой у нас однобокой «демократии».

Март 2017 г.

«Эффективный» курс и неэффективное управление

Часть 1

Однажды в интернете меня заинтересовала статья в журнале «Вопросы экономики», № 10 за 2006 г. известного чиновника, в недавнем прошлом министра финансов и кандидата экономических наук (специалиста по экономическому соревнованию). Прочитав её, я решил поделиться своим мнением, поскольку автор – из тех, кто небезуспешно пытается влиять на курс развития экономики. Общий вывод такой: автор (назовём его для краткости экспертом) писал статью с намерением произвести на читателя впечатление специфической монетарной терминологией, не утруждая себя хоть сколько-нибудь глубоким анализом реальных проблем в экономике, «возникающих» в результате «роста» эффективного курса рубля.

Начну с того, что даже цифры, которые приводит автор, вызывают сомнения. Он пишет: «темпы повышения реального эффективного курса рубля за период с 2003 по 2006 г. составили 29,7%», чуть дальше: «за рассматриваемый период (с 2002) в целом реальный эффективный курс повысился

на 26,7%». Так какой же это «Рассматриваемый период» – с 2002 г. по 2006 г. или 2003–2006? На 3 п.п. разница – это из-за низкого старта в 2002 г. – 0,97%. Расчеты в подтверждение своих цифр автор не приводит. При этом отсылает нас к официальным темпам прироста реального эффективного курса рубля (РЭКР) относительно корзины иностранных валют (% к предыдущему году):

Страна	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Россия	4,1	4,7	10,5

Автор сетует на темп прироста РЭКР в 2005 году на 10,5%, что и дало скачок за три года почти на 29,7% по версии автора. Но при темпах, приведенных в таблице, рост РЭКР может быть чуть больше 15% ($1,105 \cdot 1,047 = 115,69$ относительно 2003 г. и 120,4% относительно 2002 г.). Либо иной расчет, либо у него другие темпы прироста. Но тогда зачем он ссылается на эту таблицу? Если в нашем экспорте преобладают нефть и газ, а расчёты – в евро и долларах США, логично было использовать не общий индекс, а именно к доллару. Согласно официальным данным, в 2005 г. РЭКР упал относительно 2004 г. и по отношению к доллару – с 114% (2004) – до 103,9% (2005), и по отношению к бивалютной корзине (доллар-евро) – с 111,9% – до 107,3%

соответственно. К корзине валют семёрки стран-основных партнёров (Германия, Белоруссия, Украина, Китай, Италия, Нидерланды и, почему-то, США), на которых приходилось 43% всего внешнеторгового оборота (201,8 млрд.\$), РЭКР якобы вырос особенно сильно (по версии автора статьи), – на 32,4%. Он пишет: «Так, за рассматриваемый период в целом реальный эффективный курс повысился на 26,7%, в то время как по отношению к валютам семи основных торговых партнеров России – на 32,4%. Следовательно, в последние годы российские товары в еще большей степени, чем отражает реальный эффективный курс, утрачивали свои ценовые преимущества относительно товаров, произведенных в этих странах». Во-первых, в 2006 г. место США на самом деле оспаривала Турция с оборотом в 17 млрд.\$. Во-вторых, последняя фраза в цитате – фактически признание, что при расчете реального эффективного курса рубля недооценена была инфляция в России по отношению к этим валютам (темпы инфляции Росстата – величина переменная), особенно по отношению к бивалютной корзине – там эффективный курс и вовсе понизился, как показано выше, и, следовательно, РЭКР был рассчитан неверно. Тем не менее, на базе этих неверно заложенных исходных данных автор статьи продолжает делать выводы. В-третьих, расчеты были сделаны с использованием общего индекса к иностранным валютам, а у нас преимущественно один товар–поставщик валюты – нефть. Цена на нефть котируется в долларах и, зна-

чит, расчеты со всеми велись преимущественно (или путем пересчета) в долларах. Значит, гривны и юани в корзине – лишние. Кроме того, рост эффективного курса – это не болезнь экономики, а один из инструментов для постановки диагноза, это чисто теоретическое понятие, внешний признак каких-то перемен в экономике или политическом курсе, не обязательно в худшую сторону: ведь рост, например, курса юаня руководство Китая не беспокоит. Далее он пишет: «Так, цены на нефть в соответствующих бюджетах прогнозировались на 2005 г. на уровне 28 долл. США/барр., фактическая же цена составила 50,6 долл./барр.; на 2006 г. – соответственно 40 и 62 (за восемь месяцев) долл./барр. В 2005 г. при цене на нефть 28 долл./барр. сальдо счета текущих операций прогнозировалось в размере 38 млрд долл.США, а прирост валютных резервов как результирующая платежного баланса планировался в размере 19 млрд долл. Фактически они составили соответственно 83,6 млрд и 61,5 млрд долларов». Вот – цена прогнозов. Если быть точнее – это показатель того, что экономические процессы в стране никем не отслеживаются и не контролируются, а прогнозы – игра в угадайку.

Фактически цена на нефть марки Urals составляла (\$ за баррель):

1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
17,1	26,7	23	23,9	27,3	34,2	50	61,1

Отсюда видим: за 2004–2005 год она выросла в 1,46 раза (50/34,2), т.е. несколько меньше, чем фактическое значение ожидаемого – 1,78 (50/28). Это потому, что автор (возглавляемое им министерство) ошибся с «прогнозом» цены на нефть на 2005 г. При этом оба коэффициента (1,46 и 1,78) много меньше коэффициента фактического значения прироста валютных резервов против ожидаемых – 3,24 (61,5/19). Это значит, что помимо цены есть еще ряд факторов, повлиявших на прирост резервов, на которые наш эксперт не обращает никакого внимания, т.к. логическая цепочка им выстраивается от курса рубля к росту импорта (так в теории): «Одной из причин торможения экономического роста являются высокие темпы прироста импорта, вызванные повышением курса рубля». Посмотрим на темпы:

Наименование		2001/2000	2002/2001	2003/2002	2004/2003	2005/2004	2006/2005
Коэффициент роста импорта		1,19	1,13	1,24	1,27	1,29	1,31
Коэффициент роста экспорта		0,97	1,05	1,27	1,35	1,33	1,24
Коэффициент роста цены на нефть		0,86	1,04	1,14	1,25	1,46	1,22

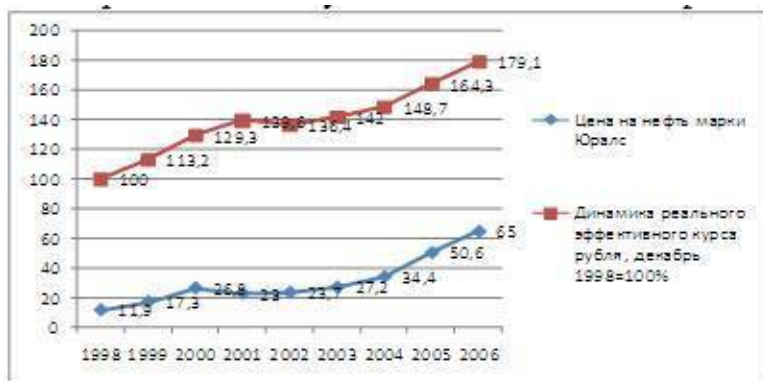
Отмечу: данные взяты из официальной статистики. У автора статьи темпы роста импорта тоже другие (% к предыдущему году):

Наименование	2001/2000	2002/2001	2003/2002	2004/2003	2005/2004	2006/2005
Темп роста импорта	17,9	16,3	18,6	21,1	17,6	21,3

Исключая 2001 г., в действительности темпы роста импорта были даже выше, чем у автора статьи (впрочем, эта претензия может быть адресована статистике). Но и экспорт не отставал, несмотря на рост эффективного курса рубля. При этом доля нефти в экспорте выросла в 1,5 раза с 44% в 2000 г. до 66,2% в 2006 г., а темп роста цены на нефть, исключая 2005 г. отставал и от экспорта и от импорта. Наш эксперт потому не заметил этой тенденции, что она противоречит его концепции, согласно которой в эти годы рос импорт вследствие роста курса рубля. Цена на нефть (по мнению эксперта) дала приток избыточных валютных резервов, хотя на глазах автора и подконтрольно ему еще больше рос физический объем экспорта нефти, что и явилось причиной роста резервов. И ничего не стоило чуть поднять экспортные пошлины, чтобы скорректировать негативную тенденцию. Пошлины, напротив, чаще понижали, чтобы не терять нишу на рынке и отгружать нефти еще больше. Что касается роста импорта, то мы понимаем, что в целях импорта обычно происходит покупка валюты и, следовательно, на рост курса рубля его продажа не влияет, а совсем наоборот. Просто при сильной национальной валюте импортный товар становится дешевле для импортёра и немного дороже обходятся иностранцам основные фонды и недвижимость в России. Ду-

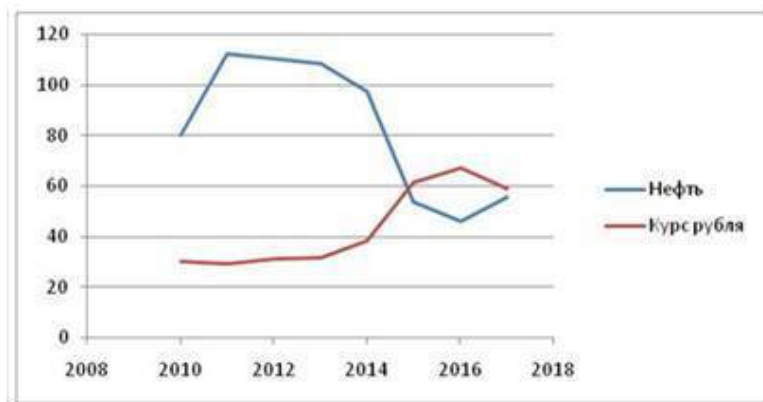
маю, это и вызвало беспокойство эксперта. «Повышение курса национальной валюты такими высокими темпами опасно для любой экономики...», пишет он. И далее: «Страны – экспортеры нефти в период высоких цен на сырье, несмотря на значительные профициты счета текущих операций, стремятся не допускать повышения эффективных курсов своих валют; более того, они часто прибегают к их ослаблению».

В разделе, где автор рассматривает взаимозависимость эффективного курса рубля и цен на нефть, он справедливо отмечает, что динамика эффективного курса рубля (который рассчитан скорей всего неверно, т.к. в расчете ошибка и в инфляции, и неточности в оценке др. факторов) почти повторяет динамику изменения цен на нефть:

Номинальный курс рубля также демонстрирует некото-

рую (обратную) зависимость от цены на нефть. Не всегда совпадает, но влияние очевидно:

При этом на курс оказывают влияние ещё такие факторы как: темп инфляции, состояние платежного баланса, процентные ставки, валютные рынки и спекулятивные валютные операции, доверие к валюте... Однако превалирующее влияние цены на нефть очевидно. И надо понять, – почему. Очевидно, потому, что нефть – основной поставщик валюты. И только диверсификация экспорта позволит разорвать эту зависимость. Вот основная причина, а не РЭКР. Не углубляясь в причины, оставляя эту проблему без ответа, эксперт считает достаточным констатировать: из-за высокой цены рынок перенасыщается денежной массой – это для авто-

ра главное. «Вместе с тем дополнительный приток капитала в страну при избыточной ликвидности обостряет проблему инфляции», – пишет он. И далее: «Период с 1998 по настоящий момент характеризуется высокой инфляцией, которая в результате финансового кризиса резко возросла с 11% в 1997 г. до 84,4% в 1998 г.». Хочу обратить внимание, что «настоящий момент» – это 2006 г. А где данные «по настоящий момент»? Заметим также, что про курс рубля в 1998 г. автор ничего не говорит. Видимо, скачок курса доллара в 1998 г. при серьёзной зависимости рынка от импорта, не был опасным для экономики, потому что РЭКР был низким из-за высокой инфляции. Трудно уловить логику его рассуждений, особенно когда скачут то цифры, то периоды: то 2002–2006, то 2003–2006, то с 1998 г. по настоящий момент (на самом деле – 1997 и 1998г.). Часто в его суждениях нет ни связи, ни логики, ни учета всех факторов. Разумеется, после скачка в 84,4% должна произойти стабилизация и снижение (относительно 1998 г., раз уж он сослался на этот год) РЭКР вслед за инфляцией. Других данных не приводит.

Эксперт вводит такое понятие, как «базовая инфляция», не объясняя, что понимает под этим термином: «Усиление базовой инфляции в 2006 обусловлено значительным ускорением (за счет существенного роста валютных резервов) темпов прироста денежной массы, которые начиная с мая стали превышать уровень 2005 г.... Чтобы изъять избыточную ликвидность из экономики (!!!) ЦБ РФ активно ис-

пользует процентную политику». И далее: «В целях снижения инфляции Банк России предпринял более решительные действия по повышению номинального курса рубля, что в сложившейся ситуации является необходимой мерой для уменьшения эмиссии денег в обмен на нефтедоллары». Итак, в 2006 г. ЦБ повышает курс рубля только для того, чтобы выкупить нефтедоллары, не печатая деньги. И еще одно откровенное признание: «... основная нагрузка в этой области (т.е. стерилизации, изъятия из оборота избыточного денежного предложения) легла на правительство. За первые восемь месяцев 2006 г. расширенное правительство изъяло из экономики 1095,9 млрд.руб., в то время как Банк России – только 212,9 млрд.руб.» Выясняется, что страна гонит нефть и газ за рубеж, обеспечивая себе приток избыточной (видимо, не нужной стране) валюты с риском раскрутить инфляцию (резервы ускоряют инфляцию!?), после чего предпринимает «решительные действия» – повышает номинальный курс, поднимает депозитные ставки, изымает «излишки» путем вложения в американские ценные бумаги, т.е. не инвестирует в экономику, а «стерилизует», отправляет полученную валюту работать на экономику США, с одной целью – понизить РЭКР. Т.е. борется с "излишками" валюты вместо регулирования объёма поставок сырья. Разумное объяснение целесообразности такого денежного обращения в стране дать невозможно: нефть, газ нужны стране, а их выкачивают из страны, и вырученные деньги – туда же. Автору ста-

тьи, похоже, нет до этого никакого дела. Эффективный курс рубля по его версии – это панацея от всех проблем экономики. Напрашивается вывод: Правительство само придумывает проблемы с эффективным курсом рубля, копируя расчеты ФРС США, у которых внешнеторговая номенклатура на несколько порядков отличается от российской, только для того, чтобы их успешно решать. В теории. Потому что для страны, живущей в основном за счет импорта, эффективный курс национальной валюты большого значения не имеет, т.к. почти ничего (кроме нефти, газа и оружия) не экспортирует. При этом он заявляет, что это «опасно для любой экономики». Попутно заметим: резиденты от нефти инвестируют за рубеж прибыль, а нерезиденты, работающие в России, тоже «заработанную» прибыль выводят за рубеж. По логике, если с притоком нефтяных денег печатаются рубли («лишние» стерилизуются), то с оттоком должны печататься. Однако, после эмиссии рублёвой массы при дефиците валюты возникнет ажиотажный спрос на валюту (сначала для импортных закупок). Курс рубля рухнет. Поэтому, заслав валюту на чужой рынок, рубли не печатают. По оценке профессора университета управления В.Волоха, иностранные мигранты «обеспечивают 7–8% ВВП России». Это – 101,36 млрд. \$ от сегодняшнего ВВП России = всего 1,267 трлн. \$. Если в 2014 г. отток капитала из страны составил 151,5 млрд. \$, то можно представить что остаётся стране от такой монетарной политики – дырка от бублика ($101,36 - 151,5 = -50,14$),

т.е. сверхстерилизация. Более того, эти 7–8% ВВП оседают на складах, потому что денежный эквивалент не поступил на рынок, чтобы купить эти товары и услуги, а был переведён в другие страны. И зачем нам нужна такая иностранная рабочая сила и приглашенные иностранные компании? Так мы получаем еще один аргумент, подтверждающий политику деиндустриализации страны Центральным Банком и Правительством путём «стерилизации» средств, предназначенных промышленному сектору для того, чтобы производить то, что страна приобретает по импорту, и политику создания затратной экономики, «работающей» на пополнение складских запасов, но никак не общества потребления. И это не фигура речи, это факт, отраженный в официальной статистике (2014 г. млн.р):

	Основной капитал	в т.ч. Машины и оборудование
Запасы основного капитала по текущей рыночной стоимости на начало года	275,961,739	25,872,342
Валовое накопление основного капитала	16,134,250	3,633,025
Потребление основного капитала	8,724,350	1,788,681
Чистое накопление основного капитала	7,409,900	1,844,344
Счет переоценки	16,428,343	3,182,298
Счет других изменений в объеме основного капитала	2,999,459	-1,938,157
Запасы основного капитала по текущей рыночной стоимости на конец года	302,799,441	28,960,827
Запасы на конец года по стоимости на начало года	286,371,098	25,778,529

Сокращение промышленной базы на 93,8 млрд. р. за 2014 год.

Читаем дальше: «Наиболее сильно отрицательное влияние быстрого повышения курса рубля ощущает бизнес, поскольку внутренние издержки начинают превышать издержки при производстве аналогичных товаров в других странах». Каких товаров? Нефти и газа, которые преобладают в экспорте или потребительских товаров, скудные остатки которых ещё страна производила и на экспорт не поставляла? Для автора статьи внутренние издержки зависят от курса рубля: чем крепче рубль, тем дороже обходится бизнесу, например, рабочая сила по сравнению с рабочим в США. И это неважно, что в действительности рабочая сила в России по сравнению с рынком труда в США почти ничего не стоила. Много в этой связи говорят о производительности труда, демонстрируя неосведомлённость и в этом вопросе: производительность труда зависит не только от того, сколько рабочий выдаёт продукции в единицу времени, но и от структуры капитала, т.е. чем выше оснащённость труда, тем выше производительность. Таблица выше показывает: истинного капитала в виде оборудования, становится всё меньше. Бизнес (как в средневековье) предпочитает работать по принципу: два солдата из стройбата (читай, гастарбайтера из Азии) заменяют экскаватор. Экскаватор с экскаваторщиком становятся не нужны, но об этом ниже.

По версии автора статьи в росте эффективного курса есть и положительные моменты:

«...повышение курса рубля оказывает и положительное влияние на экономику. В частности, происходит вытеснение из внутреннего обращения иностранной валюты: увеличивается объем её продаж как банками и предприятиями реального сектора экономики, так и населением». Спорное заявление. А то, что «рост курса рубля приводит к снижению инфляции, сдерживая (!) рост цен на товарных рынках с высокой долей импорта», опровергает сама жизнь. Не цены сдерживают рост курса, а валюта дешевле обходится импортёру при её покупке. Т.е. для импортёра цены ниже, но не для потребителя. При отсутствии собственного производства, поставщики импорта в цену закладывают риски падения курса рубля и рост курса покупки валюты. Производство внутри страны, не зависимое от обменного курса, должно быть по логике дешевле. По этой причине всякое поползновение возрождения производства в России тормозится. А несмотря на «вытеснение иностранной валюты из внутреннего обращения» она опосредованно будет всегда, пока в стране будет господствовать импорт. Даже продукция сельского хозяйства отечественных производителей не может пробиться на полки магазинов и рынков. Здесь работают другие правила: цена должна быть не ниже..., иначе их не пустят на рынок, разорят. Вспомним, как государство назначает минимальные цены на вино. Это – чтобы импорт был конкурен-

тоспособным. Так в реальной жизни.

Кроме того: «В результате растёт спрос на российские деньги, что способствует замедлению скорости их обращения и снижению инфляции». Насколько известно, во внутреннем обращении (кроме обменников и биржи) иностранная валюта давно уже под запретом, а предприятия, которые держат деньги в валюте на депозите и меняют их на рубли при выгодном курсе и высоком банковском проценте, – это не производственные предприятия реального сектора. Это – искусственно созданные управляющие компании для хранения и выгодного вложения частных денег. Вот эти структуры и называет автор статьи предприятиями реального сектора, очевидно, полагая, где деньги, там и реальный сектор. Реальный сектор – это где станки, а их в стране всё меньше: около 800 тыс. против 6 млн. в советское время. Бывшему министру станкостроения Н. А.Паничеву в 1992 г. на предложение сохранить отрасль Е.Гайдар сказал: «Да кому нужны ваши станки?! Понадобится – мы всё за рубежом купим». По словам бывшего министра, для завода «Форд» под Питером до сих пор всё, вплоть до гаек, поставляется из-за рубежа. Выручка, соответственно, вся уходит тоже за рубеж. Вот такое у нас импортозамещение, денежное обращение и «реальное» производство, которое не зависит от эффективного курса рубля, а только от конкретных решений Правительства, не всегда квалифицированных. Когда экономическая политика строится по принципу «всё за рубежом купим»,

импорт не может не расти. А вслед за ним – безработица. У автора статьи явно прослеживается линия на то, чтобы и «невинность» перед отечественной экономикой соблюсти и курсу на дефицитное (недостаточное) финансирование производственного сектора не изменить, а всю ответственность возложить на эффективный курс рубля, в основе которого затраты (в т.ч. на зарплату), которые надо сокращать. Для этого подходят гастарбайтеры: они помогают стерилизации «лишних» валютных поступлений, полученных в результате безрассудной поставки излишков российской нефти за рубеж.

Спрос на российские деньги способствует замедлению скорости их обращения? А зачем это нужно? Для снижения темпов инфляции? Получается, замедление скорости обращения денег – благо? Но ведь спрос (в том числе на деньги) растёт при их отсутствии! Напрашивается вывод – в идеале, когда нет денег в экономике – нет проблем и с инфляцией. Остаётся добавить: при этом нет и экономики. Как известно, простейшая формула расчета количества денег в обращении выглядит так: $D = P / C$, где D – количество денег в обращении, P – сумма цен товарной массы, C – скорость обращения денег. Таким образом, важно сохранить баланс в уравнении: $C \times D = P$, а не стремиться к замедлению скорости обращения. Замедление скорости обращения (спрос на российские деньги растёт из-за низкой монетизации) неизбежно влечет за собой сокращение товарной массы (не раскупается) во из-

бежание инфляции предложения (уравнение стихийно будет выравниваться), т.е. сокращения производства, что у нас в России и происходит все 27 лет безраздельного господства монетарной политики, ныне которую воплощает в жизнь автор статьи. Инфляция предложения в данном случае – это когда сокращается физический объем, но растёт цена в силу необходимости покрыть затраты, растущие на единицу продукции. Эту проблему проще решить увеличением производства, сохраняя баланс равенства, что ведет к росту производительности и сокращению затрат на единицу произведённого продукта, а предложения эксперта, наоборот, фактически ведут к сокращению производства, хотя на словах замедление темпов его якобы «беспокоит». «Спрос на российские деньги» обеспечивает рост курса рубля и, отмечая это как положительный фактор, автор статьи противоречит сам себе, т.к. до этого писал, что рост курса национальной валюты опасен для экономики. Что беспокоит автора в росте импорта? Товарная масса? По его версии импорт составил в 2004 г. 131,1 млрд.\$, а в 2005 г. – 164,7 млрд.\$. Официальная статистика дает данные значительно ниже: 97,4 млрд.\$ и 125,4 млрд.\$ соответственно. Опять ошибся? Учёл поставки по «серым» схемам? Может, у Правительства и здесь двойная бухгалтерия? Скорее, официальная статистика у нас слишком изменчива? Пугают объёмы? А как может быть иначе, если всё подчинено курсу, выбранному в 1992 г. – «всё купим за рубежом». Попутно замечу, что на мировом рынке

нефти цены колеблются, иногда и существенно снижаются, а на внутреннем – только растут, т.к. нефть преимущественно идёт за рубеж, в т.ч. на переработку. И вот это является реальным источником инфляции. Если все эти вопросы экономист не принимает во внимание, – он не экономист. Экономист с шаблонным мышлением – это аналог бухгалтера, где всё регламентировано стандартными проводками. Если он исследует экономику только в части рынка, причем его узкого сегмента – рынка обмена валют, – это маркетолог узкого профиля, которому опасно вверять управление экономикой и финансами страны.

Подведём итоги, вытекающие из статьи: повышение курса – это «необходимая мера», но она «опасна для экономики», реальные темпы инфляции (по признанию автора) оказались выше, чем те, которые прогнозировались (и заложены были в расчет РЭКР) Правительством, снижение обращения денег ведет к снижению деловой активности и производства и, как результат, к фактической деиндустриализации страны, что не стыкуется с озабоченностью эксперта о низких темпах производства, данные по импорту экспертом сильно завышены против реальных объемов, хотя темпы в более поздней статистике оказались ниже, рост экспорта (несмотря на неблагоприятный для него рост эффективного курса рубля) остался незамеченным, эффективный курс (учитывая неверные исходные данные по инфляции и объему импорта) рассчитан неверно, США вместо Турции оказались в семёрке

главных партнеров... Что же достоверного и полезного в статье? Выходит, ничего, пустое теоретизирование.

Я думаю, всем дочитавшим до конца мои заметки, ясно, что цитируемый эксперт – это А. Кудрин. Только боюсь, что таких «экспертов» в нашем Правительстве – большинство.

Часть 2

Дополню впечатление о руководителе Центра стратегических разработок А. Кудрине некоторыми более поздними цитатами. Какие вопросы к нему остались открытыми?

В интервью каналу "Россия-24" 03.04.13 он объявил ошибочным заявление первого вице-премьера Игоря Шувалова о возможности наращивания расходов российского бюджета на модернизацию экономики. "В преддверии тяжелейшего экономического кризиса расходы бюджета надо не увеличивать, а сокращать. При этом хорошо бы увеличить внешние заимствования, пока для этого есть возможность". Т.е. в экономику вкладывать не надо (правильней «стерилизовать» ликвидность, вырученную за проданное сырьё), а внешние кредиты брать надо. Его даже не смущает то, что его теоретизирование противоречит настоящим теоретикам рыночной экономики: Дж. Кейнс считал, что во время подъёма надо проводить ограничительную кредитно-финансовую политику, а во время кризиса надо увеличивать предложение денег. Наши монетаристы всё в экономике ставят вверх тормашками. При этом обязательно советуют усугублять кризис внешними заимствованиями. Зачем, если внутренними кредитными средствами пользоваться нельзя? Внешние заимствования (в отличие от внутренних) не включают печатный станок? Но включать или не включать, решает не рынок,

а конкретные люди из Правительства, включающие (или не включающие) голову. Внешние заимствования, как показала практика последних 30 лет, в основном проедались и кроме зависимости, как от наркотика или от нефти, ничего развития не дали. Способ обойтись имеющейся денежной массой, известен: надо увеличить скорость обращения. Кудрин предлагает сделать ровно наоборот: замедлить обращение и взять займы. Как известно, кредиты бесплатно не дают. Перед развалом СССР внешний долг составлял около 55,7 млрд.\$ на весь Союз, а сейчас он вырос на порядок – до 590 млрд. \$ только для РФ, при этом практически все основные фонды экономики были созданы в советские, догорбачёвские, в том числе "застойные" (!!!), годы. Так куда пошли кредиты и зачем нужны новые? В условиях либеральной экономики количество денег значительно опережает количество введенных в строй новых основных фондов в натуральном выражении (хотя в денежном – рост фантастический). Как мы видели выше, Кудрин ставит нас перед выбором: либо бороться с инфляцией, сдерживая рост экономики с целью получать дешевые кредиты (жизнь на кредиты – как зеркало «рыночной» экономики) для обслуживания иностранных компаний-поставщиков (следуя завету О.Бендера: «Запад нам поможет»), а также компаний, работающих в стране, и специалистов (гастарбайтеров), либо крах. Ни слова о стимулировании роста отечественного производства. Нигде и никогда я не видел что-то вроде ТЭО (экономического обоснова-

ния) привлечения иностранных фирм, рабочих и капиталов. И хотелось бы узнать, как эффективно были использованы 540–590 млрд.\$, полученных ранее. Скорей всего ушли туда же за рубеж в оплату поставщикам пальмового масла. Т.е. их безрассудно проели. Долг повис на будущем поколении.

Вот еще важное заявление:

"Я, в принципе, за уменьшение доли государства в перспективном плане. Но в краткосрочном плане, пока самые низкие цены, я боюсь, что такая приватизация может привести к приватизации, скажем так, в нужные руки или опять же за счет государственных ресурсов".

Т.е. основные фонды России по-прежнему недооценены, и по-прежнему, даже по низким ценам, отечественный бизнес не готов осуществлять приватизацию за свой счет – избалован бесплатной приватизацией. По – прежнему возможны два варианта: либо в нужные руки (по опыту 90-х), когда иностранные компании путем скупки и ликвидации отечественных компаний расчистили себе рынок сбыта и (ликвидировав советские, например, геолого-разведочные учреждения) сейчас предметно изучают стратегические ресурсы России, либо (тоже как в 90-е) свои, но за счет государства. Где были тогда ГОСУДАРСТВЕННЫЕ (как пишут на памятных досках) деятели, и где они сейчас? Не может быть человек ГОСУДАРСТВЕННЫМ деятелем, если его усилия направлены на ослабление государства!

Рыночник Кудрин настаивает на ослаблении роли госу-

дарства в экономике, потому что считает, что "Когда государство руководит, то оно старается свою компанию продвигать на рынки в ущерб конкурентным правилам. Поэтому сегодня прямо надо сказать: многие наши госкомпании пользуются административным ресурсом для увеличения своей доли на рынке. Что является плохим для развития рынков, конкуренции, повышения качества".

Вот так – препятствует конкуренции (приглашать иностранные компании можно, не остерегаясь конкуренции с их стороны, а с собственным государственным сектором, хоть он и «неэффективный», конкурировать А.Кудрин не берётся). А с кем конкурировать государству, которое четверть века ожидало, когда частный сектор начнет созидать, а не банкротить? Кому государственный сектор перешёл дорогу, если на этом пути никого не было, и нет? Советник Президента утверждает, что государство не стимулирует качество (можно подумать, что новые системы вооружения или новые космические аппараты разработаны частными предпринимателями). Видимо, он также забыл результат "качественного" изготовления непрофильным производителем агрегата для Саяно-Шушенской ГЭС и ремонтных работ другой частной компанией, и что из этого вышло. Опыт минувших 27 лет свидетельствует: частный капитал может быть куда менее эффективным, чем государственный: с 1991 г. в частном секторе России эффективность растёт только в рублях, а в пересчете в доллары США (тоже дешевеющие) – эффектив-

ность стабильно имеет знак минус. Причем эффективность уступает государственным компаниям. Касается не только количества, но и качества.

Вот еще позиция Советника Президента относительно государственных проектов:

Государство "не может себя остановить в необходимости повлиять на продвижение отдельных проектов". Причем это происходит в разных сферах, где отдельные министерства видят свои интересы". О чём это он? Думаю, о возрождении авиастроения. Ведь вот парадокс: есть крупный рынок, есть спрос на авиалайнеры, но нет производства самолётов (в 90-е годы камня на камне не оставили сторонники рынка: в результате расчистили площадку под старые Боинги). Не было конкурентов и не было желающих занять эту нишу, начать производство отечественных самолётов. Пример «борьбы» с отечественным конкурентом – Тушинский машиностроительный завод. В 90-е гг. в результате конверсии после выпуска авиационной и ракетной техники стал производить одноразовые шприцы и лёгкие самолёты. Результат: как нередко бывает – сначала подозрения Генерального директора в хищении, потом пожар (декабрь 2015 г.), прекращение производства и увольнение людей. Такое у нас либеральное управление. Где она конкуренция, с кем конкурировать? Или, например, буровое оборудование, которое на высоком уровне качества производил СССР, а после либеральных реформ рынок так отрегулировал производство, что ни-

чего производить не стали, хотя потребность была и есть. Нефть добывать не перестали, а оборудование пошло в ход преимущественно импортного производства. И отечественные капиталовложения сюда не идут, и желающих занять эту нишу, тоже нет. "Рынок" регулируется теми, кто против отечественного авиастроения, производства специального оборудования и станкостроения, кто призывал в 1992 г. всё купить за границей. И А. Кудрин, судя по его заявлениям, в их числе.

Его предложения пенсионной реформы: «надо сокращать не пенсии, а пенсионеров», не критикует только ленивый или глухонемой. Почему? Да потому, что либеральная политика «стерилизации ликвидности» ведет к сокращению и производства – это аксиома. Предложение повысить возраст выхода на пенсию – свидетельство того, что экономика находится в глубоком кризисе: вместо того, чтобы расширять базу сбора налогов и социальных отчислений, главный советник Президента делает всё, чтобы эта база сжималась, как шагреновая кожа. Стерилизация загоняет бизнес в серые схемы использования рабочей силы: легче всего стерилизуются налоговые отчисления. Маниакальная идея Кудрина повысить пенсионный возраст оправдывается снижением доли трудоспособного населения. Дно будет достигнуто, якобы, к 2030 г. Расчеты, как всегда, Центр стратегических разработок во главе с А.Кудриным не приводит. Огромную армию безработных ЦСР во внимание не принимает. При современных

размерах пенсии немало пенсионеров согласились бы продолжить работу, но где? Есть ли им место в экономике? Этот вопрос задавать Кудрину бесполезно, похоже, он мало что в этом понимает. Попробуем прикинуть сами: официальная государственная статистика на сайте <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> даёт среднесписочную численность работников на 2016 г., занятых на предприятиях российской собственности (без совместителей и работников несписочного состава), всего по Российской Федерации – 41 677 403 человека. Кроме того, 25155 действующих организаций с участием иностранного капитала занимают 3111,2 тыс. человек, в числе которых часть – иностранцы. Объективно – это ВСЕ рабочие места в России -44 788,6 тыс. По выборочному обследованию Росстат, численность рабочей силы в России в июле 2017 г. – 76,4 млн. человек, из которых, якобы 72,5 млн. были заняты в экономике, остальные – в поиске работы. Заняты где? 31,6 млн. (76,4–44,79) граждан РОССИИ в работоспособном состоянии плюс их семьи непонятно, на что живут. А Кудрин – о дефиците рабочей силы. Положение катастрофическое, и оно продолжает усугубляться: бизнес-омбудсмен Б.Титов заявляет, что «Россия с 2012 по 2015 г. потеряла 6,8 млн. рабочих мест, в июле 2017 г. по официальной статистике было принято на работу 2 225,8 тыс. человек, а выбыло (уволены гл. образом по инициативе работодателя) – 2 407,2 тыс. человек. Таким образом, в июле 2017 г. 181400 человек потеряли работу за один месяц, это

больше 2-х млн. в год. А нас пытаются уверить в росте экономики. Кудрин всё время говорит о дефиците рабочей силы, но никогда не говорит о количестве рабочих мест, которыми необходимо (для перехода к пенсионной реформе) обеспечить, в том числе 4 млн. намеченных им к сокращению пенсионеров. Предположим, Росстат по среднесписочному составу учёл не всех занятых работников. Попробуем посчитать иначе: по оценке ВШЭ в секторе крупного и среднего бизнеса за год создавалось 3–4 млн. рабочих мест и столько же ликвидировалось (10% от численного состава), что говорит о неустойчивости экономики. В промышленности создавалось 600–700 тысяч рабочих мест, а ликвидировалось от 1,5 млн. в 2009 г. до 720 тыс. рабочих мест в 2011–2012 гг. От 15,3 млн. человек там осталось к 2015 г. 12,9 млн. занятых. Т.е. тенденция опять на убыль. Русская служба ВВС сообщает, что с 2008 по 2015 г. средние и крупные предприятия в России сократили количество рабочих мест с 39,3 млн. до 34,7 млн. Если экстраполировать тенденцию, то в 2017 г. здесь осталось не более 33,25 млн. рабочих мест. На малых предприятиях (согласно справочнику «Социально-экономическое положение России») в 2016 г. было занято 5354,8 тыс. работников (на 21,5% меньше, чем в 2013 г.), значит, в 2017 г. – их стало меньше 5-ти млн. человек. Микропредприятий (индивидуальных предпринимателей с нанятыми работниками) в стране не более 3,5 млн. человек. В государственном и муниципальном секторе – около 12–14

млн. Итого, получается, что в России не более 55 млн. рабочих мест. Таким образом, российская экономика уже давно столкнулась не с дефицитом трудовых ресурсов, а с дефицитом рабочих мест. 2,5% из числа занятых – это частично занятые, т.е. не полный рабочий день. Они – кандидаты в безработные в ближайшее время. При этом по официальной статистике на российском рынке труда якобы присутствует 132 тыс. иностранных граждан с действующим разрешением на работу, плюс 1582,5 тыс. человек (Украина, Таджикистан, Узбекистан) – работающие по патенту. В то же время эксперты постоянно твердят, что в России работает постоянно около 4 млн. человек только с Украины. На всех рынках страны, в магазинах и киосках, строительстве, в структурах ЖКХ, а теперь и в медицине, как мы знаем, огромное число мигрантов из Средней Азии и с Кавказа. Скорей всего именно выходцы оттуда, а это – 8–10 млн. человек, вытеснили еще такое же количество с рабочих мест российских граждан. Поэтому, прежде чем говорить о повышении пенсионного возраста, чтобы эта реформа не начала пожирать людей, надо СОЗДАТЬ 25–30 млн. рабочих мест, ибо на них уже есть невостребованная рабочая сила. Предложения Кудрина по пенсионной реформе ведут к увеличению армии безработных, а в перспективе – к замещению коренного населения иммигрантами из соседних и дальних стран.

Те, кто молится на рынок, ошибочно полагая, что он всё отрегулирует, никогда не смогут сделать ни правильный

прогноз, ни принять правильное управленческое решение, убеждает нас история. К сожалению, это пагубно сказывается на российской экономике. Вот, например, прогноз А.Кудрина по нефти: "Развитие добычи сланцевой нефти в США в 2015–2016 гг. изменило рынок, и цена на нефть в ближайшие 5–10 лет будет колебаться в диапазоне \$40–50 за баррель". Как всегда ошибся. Говорить можно всё что заблагорассудится, когда не несёшь ответственности. В суждении своём он исходит из того, что увеличится предложение за счет сланца, и цена будет держаться на этом уровне. На самом деле, если увеличится предложение сланца, цена, согласно закону стоимости, подрастёт, т.к. сланцевая нефть стоит дороже. Доля сланца на мировом рынке невелика, поэтому в ближайшие годы этот сценарий (значительного роста цены за счёт влияния сланца) маловероятен. Однако интерес США этим не ограничивается, поэтому нельзя исключать внерыночные факторы влияния на цену (особенно для Европы). Правда, для этого США надо приложить немало усилий (понадобится политическое, а может и военное давление, с целью поднять цену на нефть, при этом США заинтересованы в импорте для своей промышленности дешёвой нефти), чтобы обеспечить сбыт сланцевой, менее рентабельной, чем ближневосточная, нефти. Советник Президента, как плохой маркетолог, не учитывает массу факторов, в частности, издержки производства сланцевой нефти и политические факторы (не имеющие к рынку, который «всё отрегулирует», ни-

какого отношения). История сланцевой нефти не нова. Еще во время нефтяного кризиса 1970–1973 г., разъясняет нам французский аналитик Ж.-М.Шевалье, крупнейшие нефтяные компании начали вкладываться в разработку месторождений сланцевой нефти. Расчеты Горного бюро показали: нефть из сланцев должна иметь цену 3,74\$ за баррель (тогда стоимость добычи и доставки в порт лёгкой алжирской нефти составляла 47 центов) при производительности завода, равной 100 тыс.баррелей нефти в сутки (т.е. 5 млн.т в год) и норме прибыли на вложенный капитал в 12%. Тогда (в начале 70-х годов) наряду с такими факторами, как сокращение объема предложения нефти в результате целой серии мер: отказ Сирии разрешить восстановление нефтепровода "ТЭПЛАЙН", сокращение добычи нефти в Ливии, нехватка тоннажа, требования повысить справочные цены на ближневосточную нефть... сыграло на руку не только арабским странам, но и США – там начали вкладываться в месторождения угля и сланца. Проблемой на пути стояли: сравнительно высокая себестоимость и отсутствие рынка сбыта (сейчас цены выросли, но и затраты тоже). В конце 1967 г. из 704552 скважин, пробуренных на нефть во всём мире, 566869 были пробурены в США, и средняя производительность одной американской скважины составляла всего 1,9 т. нефти в сутки против 546 т. в сутки для скважин на Ближнем Востоке. Доля импорта в США более дешевой нефти возрастала, хотя внутреннее производство составляло 80% объема потре-

ния. Средняя цена в США составляла 2,17\$ за баррель. В этот же период Западная Европа и Япония импортировали 100% нефти по цене 2\$ за баррель, получая конкурентные преимущества. Поэтому по стратегическим причинам США поддержали (а может и инициировали) рост справочных цен на ближневосточную нефть. В 1973 г. баррель нефти стоил от 3 до 4\$. Считалось, что при цене в 5–6\$ за баррель спрос на природную нефть всё еще будет значительным, но при цене в 6–7\$ станет экономически рентабельной перегонка в жидкое топливо углей. Сейчас условия стали жестче. Можно экстраполировать ситуацию исходя из сегодняшних цен, но наши «эксперты» это делать не умеют. Соотношение затрат сохраняется актуальным и для сегодняшних США, так же как попытка взвинтить цены на ближневосточную нефть. Я думаю, по этой причине США взялись наводить свой "порядок" в Ливии, Ираке, Сирии, накладывая санкции на Иран. И не случайным был визит в Саудовскую Аравию, после чего была инициирована договорённость о сокращении добычи нефти странами ОПЕК. Так что горючие сланцы могут только подтолкнуть на рост нефтяные цены по причине своей высокой себестоимости. Плюс это «сыграет» на снижение конкурентоспособности европейских товаров. Замечу, США при этом добычу не сокращают. Неоправданному росту цен сопротивляется арабский мир (не случайно цены упали со 100\$ до 35–40\$), да и европейские страны (когда подходят к этому разумно). При этом США заинтересованы в импорте

дешёвой нефти при сохранении рентабельности сравнительно дорогой сланцевой. А эксперты, которые делают прогнозы только по наполнению рынка, не принимая во внимание затраты (т.е. производство) или политическое давление, в т.ч. с применением военной силы, ничего в современном рынке не понимают и едва ли являются экспертами и по рынку. По всем программам TV слышатся прогнозы: у одних цена ожидается на уровне 80\$, у других может доходить до 30\$ в зависимости от ангажированности экспертов. В общем, гадание на кофейной гуще и ни одного детального расчета. Такие же прогнозы (чаще просто словоблудие) – по всем сферам экономической жизни. Вот, например, А.Кудрин дает информацию по курсу рубля (его конёк): "Курс рубля подошел к точке равновесия, происходит дооценка факторов, отражающихся на нем".

Интересно, о чем это он? Да как всегда ни о чем. Ничего конкретного о факторах, влияющих как на колебания курса рубля (их еще не дооценили, а уже делают выводы; впрочем, не уверен, что А.Кудрин вообще знает что-нибудь об этих факторах, судя по его статье), так и на перспективы роста экономики.

Октябрь 2017 г.

Доля государства и судьба человека (о мнимой эффективности частного капитала)

Преодолевая разруху 90-х годов через до сих пор не отрегулированные рыночные отношения, российское государство делает робкие попытки влиться в семью развитых государств. А ему вслед шлют упреки, мол, сначала займись своей отсталой экономикой. Отбиваясь от этих нападков, российская власть уже, кажется, осознала ошибки внешней политики двадцатипятилетней давности и скорректировала свой курс на самостоятельность. Однако проблема России заключается в том, что те, кто с либеральных позиций упрекает её в отсталости, с одной стороны правы: сырьевую экономику нельзя относить к развитой, а с другой стороны, именно они или их предшественники в 90-е годы во многом содействовали тому, чтобы Россию отбросить на 50–80 лет назад и через финансовые рычаги препятствуют подъему её промышленного потенциала сейчас. Почему? Потому что те, кто активно способствовал банкротству промышленного сектора экономики (об этом свидетельствуют объективные и субъективные данные, которые можно выразить в цифрах, откро-

вениях некоторых «лидеров» и законодательных актах, противоречащих даже принципам рыночной системы), не заинтересованы в развитии России. Опять зададимся вопросом – почему? Потому что они (идеологи либеральных реформ), если судить по результатам их усилий, представляют интересы западных корпораций (свидетельством тому массовое банкротство российских производств, по существу, зачистка рынка под приток иностранных компаний и товаров) и, разумеется, им промышленное развитие России невыгодно. Разве Сорос или иные западные «Фонды», оплачивающие неформальную оппозицию, могут быть заинтересованы в росте экономики России? Разве те, кто захватил не без помощи западных «партнёров» монополию на импорт и торговую сеть, будут заинтересованы в возрождении производства? Реальные практические шаги либерального подхода мы наблюдаем везде: геологоразведка (стратегическая отрасль) у нас отдана иностранным специалистам (ранее закрытая информация теперь им доступна), в нефтяной отрасли занято множество иностранных фирм с их ноу-хау, технологиями и оборудованием (а ведь производили всё сами). Иностранные инвестиции предполагают импорт оборудования западного производства (для этого и надо было банкротить российское производство), с тем, чтобы затем выводить капиталы и дивиденды за границу. Оплачивать всё это приходится России углеводородами и прочим сырьём, в котором нуждается западная экономика. Посмотрим на улицы Москвы: во многих

ключевых направлениях утвердились фирмы из дальнего и ближнего зарубежья, ресторанов и закусочных с кавказской и азиатской кухней больше, чем в Тбилиси или Душанбе, отечественные автомобильные заводы исчезли, на смену им пришла сборка иностранных моделей, отечественные знаменитые кондитерские марки куда-то исчезают, зато на рынке хозяйничают «Данон», «Марс» и прочие суррогаты натуральных продуктов, вместо завода «Кристалл» развёртывается Арт-кластер, строительством занимаются турецкие, кипрские фирмы, активно привлекается иностранная рабочая сила, на фасадах магазинов и крупных торговых центров вывески, отражающие их принадлежность или ориентированность, преимущественно на латинице, режиссёры приглашаются из Прибалтики (видно, в России не только сварщиков и токарей не стало, но и режиссёров; или они недостаточно освоили новаторство?), полы моют «клининговые» фирмы, наблюдатели птиц превратились в бёдуотчеров, даже в московском метро некоторые названия остановок проносят на иностранный манер, «тшорт побъери»... Это такой суверенитет с постепенным отказом от русского языка или элементарное пресмыкательство перед теми, кого готовы облизывать за то, что они пришли в отличие от коренного населения с деньгами, чтобы зарабатывать на нас и на нашем сырье? Сколько старинных особняков в стране разрушено под видом реставрации, чтобы на их месте возвести столбы из стекла и бетона для офисов многочисленных фирм, зара-

батывающих на спекуляциях и перепродажах за границу по одной цене, обратно в Россию – с двойной наценкой. Скоро совсем не останется никаких (кроме Кремля) внешних признаков того, что Москва – многонациональный, но русский город, столица России. В советское время часто звучала песня, в которой звучали слова: «Всё смогу, я всё на свете смогу, если ты со мною, страна!». А сегодня, хочется спросить, ты со мною, страна?

Заявления, которые либеральные критики делают по поводу проблем в экономике, формально во многом правильные, но для них – это всего лишь пропагандистский ход, чтобы вернуться (а некоторые и не уходили) и утвердиться во власти и быть более полезными западным корпорациям – это из опыта прошлых лет. Государство делает робкие попытки уйти от сырьевой зависимости. Но чиновник, как двуликий Янус, с одной стороны много говорит об импортозамещении, с другой – прислушивается к советам тех, кому импортозамещение поперёк горла (доверенное лицо одного из претендентов на пост Президента открыто об этом заявила – не нужно), т.к. они ратуют за открытую экономику с сырьевым уклоном и недоразвитой промышленностью. «Надо просто торговать», – заявила она, не оставляя России выбора, потому что их предшественники оставили для торговли после своих реформ только нефть и газ. Только этим можно объяснить то, что нефтяные доходы фактически работают на американскую экономику (вырученная валюта вкладывает-

ся в различные фонды, в облигации США, выводится обратно за границу). Или вспомним, хотя бы, «РусАл», экспортирующий (до санкций) из России сырьё для переработки в США. Раньше переработка была в нашей стране. Сегодня в новостных программах приятно слышать о локальных успехах российской экономики: вот новые самолёты (хотя много импортных комплектующих), завод «Стан» увеличил объём заказов (но произведённой им продукции на рынке пока не видно), введена в строй новая нефтяная вышка, построенная почти (!) на своём оборудовании, создали новый животноводческий комплекс, растут поставки на экспорт зерна (отчасти потому, что хранить и перерабатывать его негде, а своё население недоедает из-за нехватки средств; коров, потребляющих фуражное зерно, и вовсе стало мало, зато вместо них хлеб из фуражного зерна стали есть люди), успехи демонстрирует военно-промышленный комплекс и т.д. И вообще, нефтяные доходы уже якобы дают в копилку государства больше 60%, что само по себе сомнительно, учитывая колебания цен на сырую нефть и маниакальное стремление финансовых идеологов нефтяные доходы «стерилизовать», т.е. выводить из экономики. Если и говорить о локальных успехах, то надо обязательно отметить, что они связаны с государством, а не частным бизнесом. Еще чаще мы слышим об исключительных успехах в борьбе с инфляцией. Эти два независимых типа «успехов» соперничают друг с другом. Поэтому успехами в промышленном секторе с участием

государства не удаётся убедить непримиримых сторонников «чистого» рынка (а даже теория говорит о том, что чистого рынка быть не может), в неоспоримом (пока?) конкурентном преимуществе государственного сектора перед рыночной анархией. Ближайшие советники Президента настойчиво выступают за «уменьшение доли государства в перспективном плане». А некоторые посчитали, что «вклад госкомпаний в ВВП вырос до 70% в 2015 г. с 35% в 2005 г.». Все эти разговоры ведут к тому, чтобы подтолкнуть власть к всеобщей распродаже того, что сохранило или оживило государство (хотя своих средств для участия в приватизации у частного бизнеса по-прежнему нет). Воистину, история никого не учит, даже на своих ошибках, но наказывает за это государство и его граждан. Учитывая, что весь крупный бизнес и сегодня на 80% вращается в сфере административной и природной ренты, бюджетных или околобюджетных денег (экономическая суть такого бизнеса – всего лишь перераспределение налоговых поступлений от населения через государство в частные руки), не трудно представить, как после приватизации будут чувствовать себя приватизированные предприятия: с большой долей вероятности (опять из опыта 90-х и нулевых) их ждёт банкротство. Не могу привести ни одного примера, когда бы промышленное предприятие в результате приватизации резко улучшило все показатели, стало создавать филиалы и, модернизируясь, стало наращивать обороты производства, сокращало затраты и увеличивало объёмы.

Кое-что поменялось в металлургии и в нефтегазовой отрасли. МОЭК в Москве всегда был прибыльной организацией, а после приватизации стал балансировать на грани банкротства. Куда исчезают деньги, которые собираются с населения через тарифы ЖКХ, которые растут, в разы опережая инфляцию? То, что бизнес крутится вокруг бюджетных денег, говорит о том, что свои деньги вкладывать в развитие производства и расширение бизнеса частный владелец не очень расположен. Такое впечатление складывается опять из опыта прошедших 25 лет. По-моему, на фоне очевидных неудач рыночной экономики, за решительное влияние на неё в стране состязаются две либеральные тенденции: одна, осуществляемая Правительством, пытается оправдаться за отсутствие успехов и убедить нас (и себя) в том, что есть успехи частного бизнеса (без участия государства), другая утверждает, что «диктат» государства (как? неужели через субсидирование?) тормозит развитие рынка, конкуренцию, а, следовательно, и рост экономики. Так ли это? Посмотрим на растущее расслоение общества и убедимся, что и те, и другие скрывают истину. Свидетельством ошибочности взглядов одних является опыт приватизации 90-х годов ("успехи" выразились в том, что целые отрасли исчезли с карты страны, а "рост" заключается в увеличении объёма экспорта углеводородов и эмиссии денег), лукавые утверждения других попробуем разоблачить через официальную статистику.

Чтобы ВВП начал расти не за счет эмиссии денег и не за

счет роста добычи нефти, для начала надо признать реальность: прибыль делается не наращением производства, а за счет роста цен, опережающим покупательную способность населения. Даже когда Президент или кто-нибудь из экспертов заостряет на этом внимание, за решение проблемы роста производства, заработной платы и выручки за счет наращения товарного оборота, а не цен, никто браться не собирается. Если так, то почему претензии предъявляются государству по поводу роста его доли в ВВП? Какие могут быть претензии, если оно вынуждено подменять частный сектор там, где экономика испытывает трудности? Свободная ниша не заполняется.

Что это, если не сигнал государственному сектору – не надо развиваться! С одной стороны крокодиловы слёзы по поводу обнищания населения, а с другой стороны саморазоблачение – «не надо импортозамещения, надо просто торговать».

Вот в реальности что беспокоит сторонников либеральных реформ, – потенциальная для них угроза наращивать темпы, восстанавливать производство авиации, станкостроения, а не положение народа, не низкие темпы. Им предпочтительнее имитация наличия производства (как со станками), не мешающая импорту.

Посмотрим, как «растёт» доля государства в объёме товаров и услуг:

Доля государственного сектора в экономике по видам экономической деятельности, %				
Показатели	2007	2010	2012	2015
Объем отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг				
добыча полезных ископаемых	12,8	9,8	16,5	21,6
добыча топливно-энергетических пол.ископаемых	11,8	9	16,6	22,1
обрабатывающие производства	8,4	8,7	9,8	12
производство и распр.ЭЭ, газа и вод	11,4	17,8	25,7	25
Среднее значение:	11,1	11,325	17,15	20,175

Как видим, доля государства – чуть больше 20%, выросла в 1,8 раза с 2007 года. По основным фондам с 2011 г. доля государства держится на уровне 18% (см. Росстат). Если эти 18% обеспечивают контроль 70% ВВП (как об этом заявляют некоторые «эксперты»), то это означает, что эффективность активов частного бизнеса (оставшихся 82%) чрезвычайно мала. Разве это не говорит о слабости частного бизнеса? Какой же смысл проводить приватизацию с заведомо известным результатом: либо будет обанкрочено приватизированное производство, либо будет малорентабельно. Такой рост вклада государства в ВВП, при доле в основных средствах=18%, можно объяснить только тем, что из 82% слишком много «национального» дохода уходит за границу. За период с 1999 по 2014 г. негосударственные основные фонды выросли более чем в 11,6 раза, а государственные – только в 6,75. А где рост фондоотдачи в той же пропорции? Она снизилась у негосударственного сектора с 89 до 80% (если

судить по средним значениям отгруженных товаров и услуг). Значит фонды, переходя в частные руки, перестают эффективно работать? Это ли не подтверждение того, что частный бизнес в России отличается более низкой эффективностью, чем государственный? Это при том, что значительная доля во многих отраслях давно принадлежит иностранному «партнёру». Значит, либо иностранные «партнёры» не столь уж успешные, либо на внутреннем российском рынке они не собираются быть эффективными. Если Россия намерена развиваться, то какой смысл делать ставку на неэффективного управленца независимо от того, является он резидентом или нет?

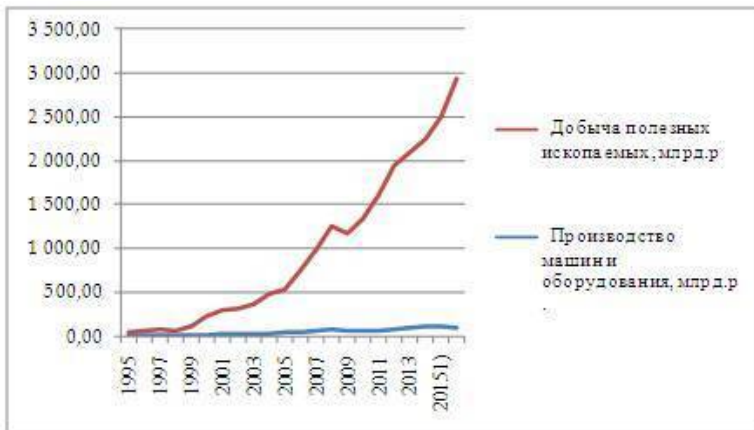
Примечательно, что в США государственный капитал в 1850 г., равно как и в 2010 г. составлял 20% национального дохода в то время как частный капитал подрос с примерно 320 до 400% (Т.Пикетти "Капитал в XXI веке"). Т.е. частный капитал прирастал самостоятельно, а не за счёт того, что принадлежит государству. Попробуем разобраться, почему 18 может оказаться больше 82 по вкладу в основные фонды (помимо того, что значительная часть ВВП принадлежит «партнёрам»):

Годы	Млн. руб.			В процентах к итогу		
	все основные фонды	в том числе по формам		все основные фонды	в том числе по формам собственности	
		государственная	негосударственная		государственная	негосударственная
1999	14334783	3927730	10407053	100	27	73
2014*	147429656	26537338	120892318	100	18	82

Мы понимаем, что доход обеспечивает активная часть основных фондов, т.е. машины, оборудование и транспорт. Очевидно, в 27% и 18% государственных фондов активной части больше, поэтому и преимущества такие. Как только они приватизируются и попадают в 73% и 82%, фондоотдача сразу снижается, потому что часть из них перестаёт работать. Понимаем также, что есть прямая зависимость между инвестициями в реальный сектор и ВВП, в реальном росте которого нас пытаются уверить. Обратим внимание, какие инвестиции направляются в добывающий сектор экономики и в обрабатывающую промышленность:

	2010	2011	2012	2013	2014	2015(1)	2016
Производство машин и оборудования, млрд. р.	62,00	60,50	76,20	92,90	103,20	111,70	99,00
Добыча полезных ископаемых, млрд. р.	1 264,00	1 534,30	1 858,40	2 004,00	2 144,80	2 385,20	2 830,40

Для наглядности переведем цифры в графическое изображение:

Как видим, все надежды на рост экономики, как и было провозглашено в 90-х, по-прежнему возлагаются на добывающий сектор. Что бы ни говорили, а инвестиции плюс льготы, плюс различные меры стимулирования, о которых проговаривается министр энергетики, всё ярко свидетельствует о приоритете нефти над станками. При этом удивительно, что доля убыточных организаций как раз в добывающих отраслях больше, чем в обрабатывающем секторе:

	Прибыльные организации			Убыточные организации			Доля убыточных организаций (%)		
	I полугодие			I полугодие			I полугодие		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2014	2015	2016
ВСЕГО:	4515	6170	6681	-927	-901	-992	32,4	31,2	30,8
Добыча полезных ископаемых	1108	1258	1202	-94	-89	-206	42,8	40,4	36,8
Обрабатывающие производства	1072	1853	1857	-241	-206	-258	31,9	28,8	28

(Источник: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/10337.pdf>.

Бюллетень Аналитического центра при Правительстве РФ)

Убыточные – это значит, получают субсидии, льготы по налогам на добычу, по таможенным и прочим взносам, меньше платежи по налогу на прибыль. Т.е. приносят доход, а затем вытягивают из казны не принадлежащее им. Более того, через либерализацию экспортных пошлин и рост НДС все эти льготы и субсидии ложатся на плечи населения. Между тем добывающий сектор – это даже не сырьё для отечественной промышленности, например, химической (производство многих полимерных материалов после приватизации производить перестали), а в значительной мере – всего лишь источник валютных поступлений. Но и они не идут стране впрок, т.к., судя по откровенному признанию тех, кто борется с инфляцией, например признанием: «За первые восемь месяцев 2006 г. расширенное правительство изъяло из экономики 1095,9 млрд.руб., в то время как Банк России – только 212,9 млрд.руб.»(А,Кудрин). По-существу, сумма, как раз необходимая обрабатывающей промышленности, а Министерство финансов устроило соцсоревнование с ЦБ по изъятию этих денег и как будто перед кем-то отчитывается о своих «успехах». ЦБ хвалили, а как же Минфин, он же больше изъяс, не позволил слить в родную экономику?! На графике четко видно, что из так называемых «избыточных» нефтяных доходов «стерилизуется», т.е. выводится из эконо-

мики (но зачем, спрашивается, надо было добывать нефть, которой скоро станет мало, и вывозить за границу, если доходы от неё экономике не нужны?) средств по объёму ровно столько, сколько требуется для обрабатывающего производства. Делается это всё якобы с одной целью – устранить угрозу роста инфляции. И аргумент: зарплата, выданная на руки, может «спровоцировать» рост цен. Вот почему у нас падает покупательная способность населения. При этом совершенно не принимается в расчет, что зарплата, выданная в производственном секторе, составляет лишь часть цены от созданной материальной ценности, а вот рост зарплаты в финансовом секторе или сфере услуг действительно создаёт угрозу инфляции, потому что не обеспечен товаром. Сбалансирован импортом? Да, но это значит, что значительная часть населения страны просто не нужна, потому что не добывает нефть, а, значит, не получает зарплату, на которую можно было бы купить товары, завезённые по импорту. Из литературы мы знаем, что в XIX веке были «лишние» люди, а теперь «лишней» оказывается значительная часть населения страны. А как же может быть государство без населения? Возможно ли снижение риска инфляции путем сокращения покупательной способности населения без сокращения розничного товарооборота, т.е. свёртывания рынка?

Как известно, простейшая формула расчета количества денег в обращении выглядит так: $D=P/C$, где D – количество денег в обращении, P – сумма цен товарной массы, C

– скорость обращения денег. Таким образом, важно сохранить баланс в уравнении: $C \times D = P$. Что происходит, если сокращать, снижая покупательную способность населения, левую сторону уравнения, т.е. денежную массу? Чем больше C , тем меньше надо печатать денег. Чем меньше D , тем меньше $C \times D$. Недостающие деньги приходится восполнять печатным станком. Из-за отсутствия покупателей снижается значение и правой стороны, сдерживается производство, сокращается товарная масса, в т.ч. и завезённая по импорту. Растут запасы. Происходит сворачивание рынка. Это – то, к чему ведёт неразумная денежная политика. Только реальный сектор (а не финансовый и не нефть с газом) может оживить экономику. 90-е годы показали, что частный капитал не намерен вкладывать средства туда, где надо работать долго и зарабатывать не на ценах (т.е. инфляции), а на обороте товарной продукции, произведённой в стране. Тем более, когда конкурентная промышленность в стране лишается средств, т.е. банкротится в интересах импорта. К этому ведут все заявления А.Кудрина о необходимости «стерилизации избыточных финансовых средств». С точки зрения монетаристов масса денег в экономике должна соответствовать сумме обязательств без процентов. Поскольку из-за высоких процентов реальный сектор кредиты получить не может, а получив их, не может по ним расплатиться в связи с тем, что ставки превышают уровень рентабельности, это становится основной причиной банкротств. Долги по процен-

там (тем более высоким), выходит, сознательно не обеспечиваются денежной массой. По существу – это отработанный механизм банкротства отечественной экономики. Сужается рынок обязательств, при этом процентная нагрузка продолжает расти. Замкнутый круг, ведущий к постоянному кризису экономики.

В США уровень монетизации значительно выше, чем в России, а уровень инфляции – значительно ниже (млрд. руб. и млрд. \$ соответственно):

Официальные данные США	2010		2014		2016	
	Нац. стат.	Монетиз.	Нац. стат.	Монетиз.	Нац. стат.	Монетиз.
Денежная масса M2	8595100	58,14	11319500	70,69	12467600	74,58
ВВП США	14783800		16013300		16716200	

Сравните с уровнем монетизации в России:

Данные Росстат	2009		2014		2016/2017	
	Росстат	Монетиз.	Росстат	Монетиз.	Росстат	Монетиз.
Денежная масса M2	15267,6	39,34	32110,5	45,24	38555,2	44,81
ВВП РФ	38807,2		70975,6		86043,6	

При этом парк реального оборудования в США растёт, а не снижается, как у нас:

Промышленные мощности и объемы производства

Заявления о мировых тенденциях роста рынка услуг, во все не отрицает необходимость роста промышленного производства. В России число предприятий сократилось с начала процесса приватизации с 205 тысяч заводов и фабрик, подлежащих приватизации, до 3321 промышленного предприятия. При этом, например, 56 новых станкостроительных «заводов», которые значатся в интернете, «производят» мизерное количество станков, не делающее погоды на рынке. В США – 70 тысяч заводов и фабрик. Такая вот переориентация России с производства на услуги. Рынок услуг лишь дополняет производство в связи с изменением техники. У нас это понимают ровно наоборот. Если в 2016 г. инвести-

ции в обрабатывающий сектор даже снизились (выбывшее станочное оборудование не замещалось новым), то на чем базируются ожидания роста реального ВВП? На демагогии и на печатном станке. Но его чудесные возможности уже очень ограничены.

При расчете необходимой суммы капитализации нефтяных (или иных) доходов в активную часть основных фондов (машины, оборудование и транспорт) нужно исходить из того, что сумма инвестиций должна как минимум превышать сумму использованных основных фондов (на которые начислена амортизация). Новое оборудование должно обеспечивать замещение не только по качеству выбывшие основные фонды, но и по фондоотдаче, т.е. выпуску валовой продукции. Иначе, несомненно, будет происходить сокращение общего объема производства. Что касается количества установленных станков, общее число станочного парка, вследствие активного замещения производства импортом в 90-е и нулевые годы, по данным Минпромторга РФ, неуклонно снижается (тыс.шт.):

1992	2002	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
2754,1	2200	1535	1406	1289	1188	1067	953	850	760

В 2016 г. произвели 2900 металлорежущих станков и около 250 автоматизированных, а в целом – едва больше 20 тысяч станков. Во всяком случае, лучшей статистики по про-

изводству станков в России я не нашёл. И даже если их произвели на порядок больше, это всё равно на порядок меньше, чем было в 1992 г. Импорт станков также сокращается. А это – явные признаки старения установленного оборудования.

Происходит ли компенсация убывающему парку станков (путём инвестиций, обеспеченных денежной массой, оставшейся в обороте после усилий Минфина и ЦБ по стерилизации) внедрением новой технологии и соответствующим ростом товарной продукции? Судя по цифрам, приведённым выше, нет. Это видно также из соотношения ВВП и денежной массы (агрегат М2, млрд. руб.) на начало соответствующего года:

	2000	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП (млрд. руб.)	7305,6	60282,5	68163,9	73133,9	79199,7	83232,6	86043,6
Денежная масса (М2)	1144,3	20011,9	24543,4	27405,4	31404,7	32110,5	35809,2
Коэф. ВВП/М2	6,38	3,01	2,78	2,67	2,52	2,59	2,40

Коэффициент капиталоотдачи всё меньше. Правда, собирая статистику, лишний раз убеждаешься в непредсказуемости отчетов Росстата.

Вот официальные данные по номинальному ВВП за разные годы:

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП РФ, данные Росстат от 22.04.2015 (млрд.руб.):	55967,2	62147	66193,7	70975,8		
ВВП РФ, данные от 16.08.2016 (млрд. руб.):	55799,6	62599,1	71016,7	77945,1	80804,3	
ВВП РФ, данные Росстат от 2017 г.	60282,5	68163,9	73133,9	79199,7	83232,6	86043,6

В 2016 г. значение ВВП 2011 выросло значительно. Поэтому приведённые выше коэффициенты явно завышены, т.к. рассчитаны по последней строке. Очевидно, сказывается «скрытая» инфляция и рост денежной массы, которая до населения и производства не доходит. Население чувствует рост инфляции на своём кошельке сразу (например, расходы на ЖКХ), статистика обнаруживает только несколько лет спустя.

Итак, обеспечивают ли инвестиции в новые машины и оборудование возмещение списанного оборудования? Делаем небольшой расчет по амортизации машин и оборудования, приблизительно соответствующей по доле машин и оборудования в основных фондах (ОФ):

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Инвестиции в пр-во машин и оборудования, (млрд.р)	62,00	60,50	76,20	92,90	103,20	111,70	99,00
Сумма амортизации в ОФ, всего, млрд.р	2668,813	3148,249	3665,29	4179,492	4751,927	5297,692	5860,652
Доля машин и оборудования в ОФ	8,60%	8,20%	8,10%	8,50%	9,20%	9,40%	9,00%
Расчетная сумма амортизации машин и оборудования, соотв. доле в ОФ, млрд.р.	229,5179	258,1564	296,8885	355,2568	437,1773	497,983	527,4587

Расчеты, пусть даже ориентировочные, отражают катастрофическое положение явно нездоровой экономики. Сумма, инвестированная в «машины и оборудование», стабильно мизерная, сопоставима с суммой рискованных инвестиций России в активы Украины в 2016 г. Новое оборудование не восполняет потери (инвестиции в новое оборудование не возмещают даже изношенного основного капитала, т.е. выбывает значительно больше, чем устанавливается). А это – признаки хронически больной экономики (производственный сектор устаревает), несмотря на отдельные «успехи». Чтобы этот процесс остановить и обеспечить рост экономики, обрабатывающий сектор нуждается в резком увеличении ежегодных инвестиций более чем в 5 раз (527/99), чтобы хотя бы возместить потери в связи с выбытием отработавшего оборудования. Уровень Основных фондов поддерживается тем, что не списывается старое оборудование (коэффициент выбытия 0,8), а продолжает эксплуатироваться. А между тем Центральный банк и Министерство финансов, повторюсь, озабочены одной проблемой – борьбой с инфляцией

путём изъятия из оборота «излишков» оборотных средств.

Однако давайте проверим (как в школе) решение задачи? Экономист Григорий Ханин, например, считает, что экономика нуждается в инвестициях в размере 25,8 трлн. рублей (включая оборотные средства и вложения в человеческий капитал). Попробуем убедиться.

Обратимся опять к статистике. Если:

– остаточная стоимость основных средств России в 2015 г. = 55,3 трлн.рублей;

– оборотные активы = 85,13 трлн.рублей;

– собственный капитал, участвующий в обороте, = 12,56 трлн.рублей, то мы видим, что в экономике собственные средства не покрывают даже оборотные активы, необходимые для нормального функционирования экономики. И только благодаря долгосрочным финансовым вложениям (47,57 трлн. руб.) формирование оборотных активов за счет собственного капитала составляет 5,64%: $(12,55+47,57-55,32)/85,13*100=5,64$.

Это чрезвычайно мало, и для предприятия означало бы близкое банкротство. Долгосрочные и краткосрочные обязательства рано или поздно надо погашать (а краткосрочные заёмные средства (14,66 трлн. руб.) превышают собственные оборотные), следовательно, экономика строится всё время на перекредитовании с накоплением процентов. Расчеты показывают, что при таких объемах заёмных средств, для нормального функционирования собственные оборотные сред-

ства необходимо повысить до 25 трлн. рублей, что обеспечит покрытие оборотных активов за счет собственного капитала до 20%. Это без оценки вложения в человеческий капитал, о котором говорит Г.Ханин. На это требуются дополнительные средства. Из статистики же мы видим, что частный владелец к этому не готов – он предпочитает выводить прибыль с процентами за границу, т.к. опирается преимущественно на иностранные источники средств (они дешевле). Чтобы освоить такие (в 5 раз больше) инвестиции, нужна квалифицированная рабочая сила, а не гастарбайтеры. А для этого требуется еще около 10–12 трлн. рублей. Её становится всё меньше, риски растут, государство, видимо, этого не замечает (послушно не вмешивается в частный сектор) и не реагирует. Так реальный сектор неизбежно подводится к балансированию на грани банкротства.

И, наконец, об упреках в адрес государства, которое якобы лоббирует свои компании, из-за чего и растёт доля государства в экономике. Задумаемся – лоббирование это государственного сектора в ущерб частному капиталу или честные конкурентные преимущества?

Сравним прибыль Топ-100 самых крупных предприятий (включая 28 государственных) и посмотрим, за счет чего эта прибыль получена.

Отраслевая структура компаний госсектора, вошедших в топ-100 рейтинга. Данные «Эксперт-РА»:

Наименование отраслей	Выручка госкомпаний в соответствующей отрасли, млрд. руб.		Доля выручки госкомпаний в выручке всех компаний отрасли, вошедших в рейтинг топ-100, %	
	2009	2014	2009	2014
Банки	1788	3557	80	86
ЖКХ	62	нет	100	нет
Машиностроение	465	2064	72	77
Нефтяная и нефтегазовая пр-ть	4565	10391	55	61
Оптовая торговля	80	нет	14	нет
Прм-ть даг. металлов и алмазов	78	207	100	100
Страхование	нет	нет	нет	нет
Терекommуникации и связь	355	451	44	26
Транспорт	1579	2890	97	96
Угольная пром-ть	нет	нет	нет	нет
Хим. и нефтехимическая промть	68	137	11	14
Цветная металлургия	нет	нет	нет	нет
Черная металлургия	нет	нет	нет	нет
Электроэнергетика	1019	1342	76	86
Энергосбытовая деят-ть	нет	741	нет	72
Итого:	10059	21780	61	67

(Ист.: Аналитический Центр при Правительстве РФ, выпуск № 13, март 2016 г. Рейтинг составлен компанией «Эксперт РА»).

Теперь для понимания за счет чего росла выручка компаний из Топ-100, используем коэффициент роста потребительских цен:

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Индекс потребительских цен	1,088	1,088	1,061	1,066	1,065	1,114

Пуём перемножения индексов устанавливаем, что за этот

период потребительские цены выросли в 1,4599 раза.

Составим таблицу изменения выручки, исходя из того, что доля выручки госкомпаний в 2009 г. составила 61%, а в 2014 г. – 67% в суммарной выручке Топ-100. Применив коэффициент, установим выручку 2014 г. в ценах 2009 г.:

Показатели	2009	2014	Выручка 2014 г. в ценах 2009 г.	в т.ч. рост за счет физического объема	в т.ч. рост за счет изменения цен
Выручка госкомпаний (из рейтинга топ-100), млрд.руб.	10059	21780	14919	4860	6861
Выручка частных компаний (из рейтинга топ-100), млрд.руб.	6431	10727	7348	917	3379

Из расчетов мы видим, что выручка 28 госкомпаний увеличилась на 11721 млрд. руб., в т.ч. на 41,5% за счет физического объема и на 58,53% за счет роста цен. При этом на госкомпании приходилось только 6,1% всех занятых в экономике. А у частных компаний выручка выросла на 4296 млрд.р., в т.ч. на 21,3% за счет увеличения физического объема и на 78,66% за счет роста цен. Ранее я приводил статистику "роста" в штуках, тоннах и т.д., убеждающую в том, что если рост и был, то в основном отрицательный. Вывод: все преимущественно зарабатывают на инфляции (росте цен). Это если верить статистике по росту потребительских цен, но госкомпании и по объему (скорее на обороте) и по ценам в рассматриваемый период имели именно конкурентные пре-

имущества – цены не так росли. Частные компании (числом много больше) выручку имели меньше и предпочитали зарабатывать на ценах. Возникает вопрос: почему частному капиталу удаётся взвинчивать цены до потолка, позволяющего реализовывать продукцию с рентабельностью на минимуме оборота? Ответ может быть только один – отсутствие конкуренции. Но не потому, что государство всё монополизировало и препятствует развитию конкуренции, а потому, что отечественные частные бизнесмены, «оседлавшие» импорт, устраняют отечественных конкурентов-производственников при участии чиновников разного уровня сразу по возникновении или после приватизации или не допускают на рынок при формировании портфеля заказов. Хочу заметить, что вышеприведённые стоимостные расчеты не привязаны к массе произведённых товаров. Реально, если взять за базу 1991 г., нет роста физического объема вообще. Об этом подробнее в другой статье. Здесь отметим лишь рост прибыли. При этом большая часть населения нищает, покупательная способность снижается. Это отмечает и официальная статистика. Государственные компании за счет более низких цен выигрывали на обороте товарной массы в промышленном секторе (преимущественно оборонно-промышленный комплекс) и на высоких ценах в социалке, например, в ЖКХ, которые вынуждено население оплачивать, какие бы не были цены. В тарифы по обслуживанию наших квартир уже заложены взносы на капитальный ремонт, но думцы сочли,

что этого мало и ввели еще грабительский платёж отдельной строкой для собственников. О ЖКХ подробнее – в другой статье.

И, наконец, о человеческом факторе. Вывод экономики из тупика невозможен без участия основного активного ресурса – отечественной рабочей силы. Здесь официальная статистика тоже имеет двойное дно: с одной стороны заявляет о дефиците рабочей силы (и необходимости привлечения иммигрантов), с другой – относит десятки миллионов своих граждан к разряду незанятых (не путать с безработными) или «самозанятых». Вызывает недоумение следующая статистика: статистический справочник даёт среднесписочный состав работающих в России на начало 2016 г. – 41677 тыс. человек. При этом занятых в экономике якобы 76 млн. человек, а трудовые ресурсы насчитывают более 80 млн. человек. Из списка выпали 34–40 млн. человек. Причисление такого количества людей к «самозанятым», даже если часть из них являются сезонными или временными работниками, во-первых, абсурдно для безденежной страны (наличных денег в стране меньше 19 тысяч в месяц на человека в среднем), во-вторых, не снимает ответственности с государства за судьбу этих людей – существуют ли на самом деле эти «бойцы» невидимого трудового фронта? Где теперь бывшие инженеры, техники, профессиональные токари, фрезеровщики, сварщики? Посмотрите на карту России: от заводов и фабрик остались руины, от колхозных и совхозных земель

пустыри и коттеджи. Прибавьте к этому числу еще 22 млн. человек, работающих, но получающих зарплату ниже прожиточного минимума (об этом известила нас Счетная палата весной 2017 г.), и мы получим лишь 20 млн. человек занятых, получающих приемлемую зарплату, обеспечивающую их основные потребности. Между тем у ряда ТОП менеджеров государственного уровня, отвечающих за состояние экономики, по информации СМИ, зарплата с надбавками составляет от 2 до 5 млн. рублей. Это морально оправдывает такой же подход к распределению доходов на всех уровнях между руководителями и рядовыми сотрудниками. Это провоцирует расслоение общества, сравнимое разве только с концом XIX века, вскоре после освобождения неимущих крестьян от крепостной зависимости. Сравните актуальную и официальную статистику в границах России 1897 г.:

Имущественное расслоение населения России в 1897 г.		
Категории	Млн.чел.	Доля
Крупная буржуазия, помещики, высшие чины	3	2,39
Зажиточные мелкие хозяева	23,1	18,39
Беднейшие мелкие хозяйства	35,8	28,50
Крестьянство и рабочие	63,7	50,72
ИТОГО:	125,6	100,00

Именно в 90-е годы XX века и последующие годы Россия сократилась и по территории, и по населению, и по числу

занятых в экономике относительно 1990 г. Вот официальные данные учета населения в сегодняшних границах:

Показатель	1897	1939	1990	2018
Численность населения России	67473000	108377000	147665081	146880000
Темп роста к предыдущему периоду	100	160,6	136,25	99,47

В 1990 г. рост в 2,19 раза относительно 1897 г. Все учтены статистикой, т.к. это – реальные рабочие места. Как и в 1897 г. самых состоятельных сегодня немного больше 2% от населения, а вот зажиточных мелких хозяйств пока значительно меньше. Сегодня мы бы отнесли к ним малый и средний бизнес:

	Всего	в нк:							
		Юридических лиц					Индивидуальных предпринимателей		
		всего	в нк:			всего	в нк:		
			Микро	Малое	Среднее		Микро	Малое	Среднее
Российская Федерация	5 523 765	2 594 355	2 335 579	238 796	19 980	2 929 410	2 900 085	28 953	372

Если предположить, что владельцев малых и средних предприятий, зарегистрированных как юридические лица, в среднем по 3–4 человека на каждое предприятие, то суммарное их число вместе с индивидуальными предпринимателями составит не более 9–10% от численности населения против 18% в 1897 г. И это понятно: реформам ещё немного лет, а условия для развития не самые благоприятные. Кате-

гория рабочих и крестьян в современной статистике вообще отсутствует. Статистический справочник за 2016 г. распределение населения в сельской местности уже не даёт (последние данные – за 2010 г.). А нас как раз интересуют эти люди, исчезнувшие из статистики вместе с рабочими местами – 47%. Их не заменили машины, они просто исчезли. Обезземеленные крестьяне и безработные рабочие с лёгкой руки власти стали «самозанятыми» или просто незанятыми (но не безработными) только ввиду отсутствия информации о них. Лукавят те, кто говорит, что демографический провал не обеспечивает страну в рабочей силе, нужны иммигранты. Так могут говорить те, кто пренебрежительно относится к соотечественникам. На земле стало трудно выживать (колхозы и совхозы ликвидированы, приусадебные участки, как и небольшие наделы в конце XIX века, не приносят дохода). Даже относительно успешным российским фермерам трудно пробиться к прилавкам российских магазинов, минуя посредников. Импорт почти не оставляет места на полках. В результате цена молока вырастает с 20 рублей до 70, рыба с 60 до 300. В посёлках городского типа осталась лишь половина жителей (с 13,5 млн. человек на начало реформ сократилось до 7 млн.). Для отечественного «бизнеса» земля, оставленная бывшим колхозником, стала не кормилицей, а предметом торговли. Бывшие колхозники подались в город на заработки. Но и здесь их не ждут. Проиллюстрируем это на примере Москвы, где уже в конце XIX века было 600 за-

водов и фабрик (где они сейчас?). А теперь на их земле «кластеры» и никому не нужные офисы. Населения на 600 предприятий было около 1 млн., а сейчас в московской агломерации (вместе с областью) по некоторым оценкам – около 40 млн. человек. Число трудовых ресурсов в Москве растёт при одновременном сокращении рабочих мест:

Официальная статистика трудовых ресурсов Москвы			
Показатель	2014	2015	2016
Всего трудовых ресурсов, тыс.чел.	9989	10123	10137
Из общей числ. трудовых ресурсов			
трудоспособное нас.в трудоспвозрасте	8432	8369	8300
лица старших возрастов и подростки	608	667	700
иностраные трудовые мигранты	949	1087	1137

Сопоставим с данными на 1991 г.:

Источник: Московская правда 29 октября 1991 г. № 44

Округ	Числ-ть насел. (тыс.чел)	Территория (га)	Количество работающих (тыс.чел)
Центральный	789,9	6420	1477,6
Восточный	1219,4	15230	518,6
Юго-Восточный	813,4	11800	425
Западный	980,9	14250	359,1
Северо-Западный	612,3	9260	204,4
Зеленоградский	165,3	3600	83
Южный	1365,4	13050	451,1
Юго-Западный	961,1	11050	315,3
Северный	947,8	10460	565,9
Северо-Восточный	1070,2	10060	318,4
ИТОГО:			4718,4

Рабочих мест (квалифицированных) в 1991 г. было (если не считать рынков, торговых точек и ресторанов) значительно больше (заводы, фабрики, различные НИИ, учреждения), а работников значительно меньше. Учитывая демографический «провал» в 90-е годы, никак рабочая сила не могла естественным путем вырасти в 2 раза, поэтому предположительно рост – за счет приезжих. Ясно, что в Москве минимум 5 млн. трудовых мигрантов, из которых не менее половины – иностранцы. Это – не считая нелегальной рабочей силы. И эти незарегистрированные иностранцы тоже часто «самозанятые». Убедиться в этом можно без статистических наблюдений. Все чем-нибудь торгуют, строят офисы, ТРЦ,

Плазы, кого-нибудь кормят и ничего не производят, в отличие от 1897 г.

При этом производственные конкурентные преимущества (в квалификации) – на стороне россиян (и москвичей, в частности). Просто все рабочие места, требующие квалификации, ликвидированы, или оказались заняты не специалистами, а менеджерами после краткосрочных курсов. К сожалению, при ликвидации многочисленных НИИ, заводов и фабрик не учитывались судьбы людей, которые отдали этим предприятиям свои жизни. Сохранились в основном неквалифицированные рабочие места, на которые частный бизнес нанимает ДЕШЕВУЮ рабочую силу, у которой на родине зарплата значительно ниже и продуктовая корзина дешевле. Уже заметна миграция из Африки. Правительство, ссылаясь на демографические проблемы, возникшие в 90-е годы (по темпам рождаемости сопоставимые с послевоенными сороковыми прошлого века), заявляет о мерах по стимулированию семьи выдачей материнского капитала. Но разве долговременный процесс снижения популяции происходит по причине отсутствия небольшой разовой помощи? Причина в том, что меняется социальная среда в худшую сторону: нет рабочих мест, заработка, жилья, качественного образования и здравоохранения. Разве может всё это заместить «материнский капитал» или ипотека под непосильный процент при отсутствии постоянного достойного заработка?

Теперь о зарплате тех, кому повезло сохранить своё рабо-

чее место. На декабрь 2014 г. среднемесячная зарплата выросла до 41985 рублей, потом снижалась до 32 тысяч и снова возрастала к декабрю 2015 г. до 42684 рублей. Похоже на жонглирование цифрами: объективно она не может так резко меняться по стране. Эта зарплата – абстрактная цифра. Что может означать средняя температура по больнице, включая морг? Ничего. Так и средняя зарплата. Статистические ведомства, которым нечего скрывать, которые реально отслеживают ситуацию на рынке труда, обязательно разобьют всю рабочую силу по категориям (разнорабочие, квалифицированные кадры, АУП, менеджеры, ТОПы) и тогда станет немного более понятно про среднюю зарплату. Учитывая разноголосицу в статистических данных и отсутствие точного учета, скорей всего эти среднестатистические данные – тоже расчетные. А всплески связаны с разовыми выплатами ТОПам премий. Поэтому попробуем и здесь немного поразмышлять. Считать ведь и мы умеем. Принято думать, что в России низкая производительность труда, а по ней и зарплата. Это совсем не так. Посмотрим на ВВП (учитывая его непредсказуемость – см. таблицу выше) и число занятых (и вовсе Terra incognita). В первом случае отметим безусловный рост в цифрах, а во втором, напротив, бросается в глаза рост числа безработных. Два разнонаправленных вектора не могут свидетельствовать о реальном росте экономики и ВВП в частности. Официальная статистика утверждает, что постоянно создаются рабочие места, но разные цифры, которые

должны подводить нас к одним и тем же выводам, говорят об обратном. Нам навязывают мысль о низкой безработице, а между тем в 1999 г. численность безработных по официальным данным составляла 9094 тыс. человек. Из развитых и развивающихся стран Россия по показателю числа безработных – рекордсмен. Близко к ней в 1999 г. была только Бразилия – 7639 тыс. человек.

В последующие годы число безработных только росло:

Год	Численность принятых работников (тыс. чел.)	численность уволенных работников (тыс. чел.)	Разница	Год	Численность принятых работников (тыс. чел.)	Численность уволенных работников (тыс. чел.)	Разница
2000	11235,9	11616,2	380,3	2009	9378,1	10900,7	1522,6
2001	11953,5	12373,7	420,2	2010	9486,8	9844,5	357,7
2002	12041,5	12407,8	366,3	2011	9810,8	10018,2	207,4
2003	11534,9	12358,1	823,2	2012	9710,4	9859	148,6
2004	11343,2	12129,6	786,4	2013	10114,5	10328,3	213,8
2005	11214,8	11935	720,2	2014	9763,8	10205,2	441,4
2006	11644,7	11797,7	153	2015	9109,3	10047,9	938,6
2007	11923,5	12033,8	110,3	2016	9143,2	9624,6	481,4
2008	11380,1	12209,4	829,3	2017	8976,9	9398,6	421,7
				ИТОГО:	189765,9	199088,3	9322,4

Таким образом, к концу 2017 года число безработных никак не может быть меньше 18,5 млн. человек (9094+9322,4). И это – по официальным данным. Правда, по официальным же данным в 2000 году число безработных сократилось бо-

лее чем на 2 млн. человек:

	ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ БЕЗРАБОТНЫХ (в среднем за год; тысяч человек)						
	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Россия	-	6712	6732	8058	8902	9094	6999

Как так могло внезапно произойти, если уволенных больше, чем принятых? Когда лукавят на цифрах, то приходится делать вывод, что на самом деле всё может быть ещё хуже. В открытом доступе оставили то, что не смогли скрыть.

При росте ВВП логично предположить, что должна расти добавленная стоимость и зарплата. Она и росла, якобы: за счет сокращения низкооплачиваемых работников их доля в фонде оплаты труда также сокращалась. Это создавало иллюзию роста доходов у всех.

Попробуем уточнить реальную зарплату. Начнём с Москвы.

Москва привлекательна тем, что здесь уровень зарплаты несколько выше, чем по России, исключая нефтегазодобывающие районы. Выстроим ряд, используя показатель плотности занятых на диапазон заработной платы. За единицу примем МРОТ – уровень в 7500 рублей: в интервал от 7500 до 15400 вписывается только один группировочный признак ($K=1,05$), в интервале от 15400 до 21800 – меньше одного ($0,85$), в последнем интервале их 66,67 ($500 \text{ тысяч} = 7500 \times 66,67$). Т.е. на 0,49% обследуемых, имеющих до-

ход от 500 тысяч до 1 млн. рублей, приходится больше всего (66,67) вариантов по уровню зарплаты с интервалом в 7500 рублей. Соответственно, плотность (можно назвать это и вероятностью) определяется путём деления доли обследуемых на вариативность. Получаем (не обязательно точную, но ориентировочную) оценку доли получающих среднюю зарплату в интервале:

Зарплата в Москве (Ист. Москва 24. 09.04.2017):				
Уровень зарплаты (руб.)	Доля по уровню з/пл, %	Вариативность з/пл	Плотность распределения	Доля по плотности, %
1	2	3	4	5
7500-15400	4,75	1,05	4,51	10,21
15400-21800	6,35	0,85	7,44	16,84
21800-30000	11,46	1,09	10,48	23,72
30000-50000	30,05	2,67	11,27	25,51
50000-75000	20,78	3,33	6,23	14,11
75000-100000	12,01	3,33	3,60	8,15
100000-250000	10,9	20,00	0,55	1,23
250000-500000	3,05	33,33	0,09	0,21
500000-1000000	0,49	66,67	0,01	0,02

Соответственно, если бы на первый уровень (7500–15400) приходилось 100% обследуемых, то вариативность также равнялась бы 1,05, а плотность – уже 94,9, т.к. вариативность – это коэффициент, а главный показатель – доля обладателей того или иного уровня зарплаты. Отсюда с вероятностью в 94,9% доход исчислялся бы около средней данного интервала – 11450. В моих расчетах главный признак (доля работни-

ков) представлен официальной программой. Я только углубил анализ.

В таблице мы видим, что плотность распределения обследуемых (в колонке №2, представленной программой "Москва 24", среди обследуемых оказалось больше с зарплатой от 30 до 50 тысяч рублей, что не является фактом, который можно распространить на всё работающее население) корректирует уровень зарплаты в сторону понижения. И мы видим, что больше половины занятых получает меньше 30 тысяч рублей.

Мы понимаем, что выборочную статистику можно собрать среди обладателей высокой зарплаты и делать выводы о росте благосостояния. Можно собрать статистику среди безработных, и будет другая картина уровня обеспеченности. А нужна объективная. К сожалению, за отсутствием данных, приходится объективную картину вычислять математическим путём.

Если мы возьмём выборочную статистику Росстата по России и так же скорректируем по плотности распределения, то получим следующую картину:

Распределение численности работников по размерам начисленной заработной платы по видам экономической деятельности за апрель 2017 г.

Диапазон зарплаты (руб.)	Численность работников в группе (чел.)	Доля %	Вариативность з/пл	Плотность распределения	Доля по плотности, %
7500- 15400	5 132 812	19,00	1,05	18,0378	26,3472
15400-21800	4 377 900	16,21	0,85	18,9907	27,7391
21800-30000	4 931 115	18,25	1,09	16,6950	24,3858
30000-50000	6 920 109	25,62	2,67	9,6059	14,0310
50000-75000	3 261 486	12,07	3,33	3,6219	5,2903
75000-100000	1 167 447	4,32	3,33	1,2964	1,8937
100000-250000	1 084 116	4,01	20,00	0,2007	0,2931
250000-500000	111 263	0,41	33,33	0,0124	0,0180
500000-1000000	21 837	0,08	66,67	0,0012	0,0018
Более 1000000 (до 5 млн.)	6 988	0,03	533,33	0,0000	0,0001
Всего по выбор. анализу.	27 015 073				

54% работающего населения получает заработную плату в пределах 21800 рублей (средняя – 14650), 45,6% – в интервале от 21800 до 100 тысяч рублей (средняя 60900) и лишь 0,31% – более 100 тысяч рублей (средняя – 2550000).

Попробуем проверить, как эти вероятностные расчеты корреспондируются со среднемесячной заработной платой по России. Составим из вышеприведённых расчётных данных таблицу:

Показатель	7500-21800	21800-100000	100000-5000000
Средняя зарплата в интервале	14650	60 900,00	2550000
Доля в %	54,09	45,6	0,31

И рассчитаем среднеемесячную взвешенную (по доле в %) зарплату по Рос-

сии: $((14650 \times 54,09) + (60900 \times 45,6) + (2550000 * 0,31)) / 100 = 43599,58$ руб.

Как видим, цифра очень близкая к официальной среднемесячной зарплате на пике роста. Стоит нам диапазон 21800–30000 рублей включить в первую группу, тогда её доля возрастает до 78,47%, и среднемесячная становится равной 36408 рублей. Практически совпадает с официальной, что косвенно подтверждает логику рассуждений и расчетов, а также возможность манипулирования собранными данными. Так, средняя зависит от того, что в какую группу внесли: при одном и том же наборе исходных данных можно получить 43 тыс. и 36 тыс. А то, что полученные расчётные данные по зарплате чуть превосходят цифры Росстата, говорит о том, что доля первой группы в реальности ещё больше – не менее 80%.

Исходя из группировки доходов, приведённой выше, медианная зарплата – где-то между 50 и 75 тысячами, т.е. 62,5 тысяч рублей. Отсюда, исходя из критерия МОТ, у 80% занятых заработную плату нельзя признать нормальной. Она не соответствует 2/3 медианной.

Теперь можно поговорить о покупательной способности заработной платы. У нас много говорят о паритете покупательной способности рубля и доллара. Однако когда начинается обсуждение тарифов на ЖКХ или стоимости литра бензина, все забывают о паритете и говорят, что у нас цены и тарифы сильно отстают от европейских. Поэтому, дескать,

надо смириться и ждать повышения. О тарифах ЖКХ у меня есть отдельная статья. Здесь же хочу обратить внимание на следующее: 1. Среднемесячная зарплата в течение года колеблется то повышаясь, то снижаясь, а цены и тарифы имеют устойчивый рост. 2. Среднемесячная зарплата в долларовом исчислении пика достигла в июне 2014 г., после чего упала почти вдвое. И, следовательно, покупательная способность на импортный товар снизилась. Впрочем, не только на импортный. Внутренние цены на многие продукты питания соответствуют ценам в США или отличаются не очень существенно: мясо говяжье без костей в США – 9\$ за кг., что соответствует 585 рублям, как у нас (вырезка у нас дороже), молоко свежее в США – 1\$, у нас – 70 рублей (дороже, чем в США) и так далее. Какая часть наших граждан при таких ценах по своему доходу и паритету покупательной способности рубля живёт почти как в Германии, можно догадаться. Здесь скорее можно говорить о паритете цен, а не высокой покупательной способности рубля. Все рассуждения о покупательной способности рубля без учета того, сколько этих рублей в кармане потребителя – демагогия. Сближение по ценам на розничном рынке вынуждает нас говорить не о паритете покупательной способности рубля, а о соотношении доходов, учитывая почти паритет цен. Средний годовой доход семьи в США в 2015 г. – 53482\$ (4456\$ в месяц). В России: $225,4\$ \times 2 = 450\$$ на семью (29300 рублей) против 4450\$. Даже если половина суммы американской семьи уходит на

оплату жилья и коммунальных услуг, а у российской семьи доход вдвое больше, всё равно разница в доходах слишком заметная. Предлагаю читателю оценить продовольственную корзину.

Основные виды продуктов питания	ед.изм.	Объем потребления (в ср. на одного человека в год)			Рекомендовано Минздравом Приказом № 614 от 19.08.2016	Ср.цена прод. (2016 руб.)	Стоим-ть корзины 1960 (цены 2016)	Стоим-ть корзины 2015 (цены 2016)
		1960 г.	2013 г.	2015				
		Трудосп.нас.						
Хлеб и хлебобродуцты	кг	183	126,5	95	96	46	8418	4370
Картофель	кг	114	100,4	58	90	40	4560	2320
Овощи и бахчевые	кг	141	114,6	100	140	100	14100	10000
Фрукты и ягоды	кг		60	71	100	200	0	14200
Сахар и кондитерские изд. В пересчете на сахар	кг	31	23,8	31		41	1271	1271
Мясо и мясодуцты	кг	63	58,6	85	73	500	31500	42500
Рыба и рыбодуцты	кг	21	18,5	21	22	500	10500	10500
Молоко и молокодуцты в пересчете на молоко	кг	365	290	266	325	70	25550	18620
Яйца, шт.	шт	350	210	218	260	60	21000	13080
Масло растительное, маргарин и др. жиры	кг	6	11			100	600	0
Итого (в мес.):							9 791,58	9738,42

Обращаю внимание, что Всемирная организация здравоохранения рекомендует рабочим России потреблять в среднем не менее 3000 калорий. А это примерно то количество, которое указано в колонке за 1960 г., рассчитанное Академиком И.Струмилиным; При высокой физической нагрузке – до 4000–4500 калорий. 2013 г. – это утвержденная продуктовая корзина для трудоспособного населения, а 2015 г. – потребление по данным Института им. Е.Гайдара на базе данных Росстата. Таким образом, сейчас среднестатистический

российский человек: а) потребляет много меньше, чем требуется для поддержания жизни – не хватает денег; б) продуктовая корзина не восполняет в полной мере затраченные силы в 3000 калорий, зато платить приходится, как за 3000; в) по стоимости эта ущербная продуктовая корзина (за 2015 г.) соответствует не корзине, а уровню прожиточного минимума в России, который должен включать непродовольственные товары и различные услуги, включая коммунальные платежи. Т.е. средняя заработная плата для 54% работников (и даже 80%, при наличии в семье одного иждивенца) удовлетворяет потребности лишь в питании, и то не очень полноценном.

Низкие доходы населения сегодня определяют всё в экономике. Инфляцию «приостановили» (через 2–3 года посмотрим, как вырастет оценка ВВП 2016–2017г.), но какой ценой? – Не позволили на ней и дальше паразитировать за счет снижения покупательной способности (уже некуда), сползания экономики к рубежу, за которым рост нереализованного импортного товара на складах (рост запасов налицо) при почти полном отсутствии покупателей в магазинах.

Государство начало воссоздавать рабочие места, сокращение которых неизменно сопровождало всякую приватизацию, но беда в том, что доля государства в экономике слишком мала для того чтобы играть заметную роль в судьбе каждого отдельного гражданина. Если эта доля растёт, то только потому, что алчный частный бизнес сдаёт свои позиции го-

сударству, не умея составить ему честную конкуренцию, поэтому и молится на иностранные корпорации и инвестиции под гарантии государства.

Декабрь 2017 г.

Наёмный труд и quasi-капитал (к юбилею либеральных реформ)

Прошло немало лет с начала либеральных реформ. Можно подводить промежуточные итоги работы «бескорыстных любителей денег». С начала 90-х годов реформы проводятся в русле идей «монетаризма». Трудно назвать эти идеи теорией – скорее это quasi-теория. Невозможность задать или угадать направление развития, куда пойдёт «рост» – в плюс или в минус, подтверждает мысль, что это – не теория. В действительности это лишь один из инструментов регулирования темпов развития, главным образом, предназначенный тормозить рост, сдерживая монетизацию реального сектора экономики, во избежание кризиса ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА в индустриально развитой стране. А России, начиная с горбачевских экспериментов (и пустые полки в конце 80-х – начале 90-х годов – тому показатель), это не грозит. Кроме того, горизонт прогноза эффекта от манипулирования денежной массой – лишь несколько ближайших месяцев (и то с погрешностью). Поэтому сделать прогноз на год или более долгосрочный, пользуясь монетаристской «теорией», нельзя. Всё дело в том, что неустойчивую экономику, базирующуюся на добыче углеводородов, лихорадит в зависимости от цен на нефть и газ, экспортируя которые, власть была намерена

решать все проблемы. И для определённого круга избранных она их действительно решила. Для этого оказалось достаточно не изыскивать возможности роста экономики в самой экономике, а всё считать исходя из некоей ориентировочной заниженной (чтоб не ошибиться) цены на нефть. Исходя из этой простой арифметики, оказалось достаточным считать вероятностные проекты и «достижения», которые позволяют сохранять «завоевания» для тех, кто имеет подходы к бюджету и другим рентным преимуществам. Представим на минуту, что наши нефть и газ никому не нужны или закончились. Ведь это вполне возможно! И что, «экономика» совсем встала? Потому что сразу непонятно финансистам, сколько денег требуется экономике. Что же делать? Всем собирать чемоданы и отправляться туда, где по-настоящему работает промышленность, а не нефтяная скважина? Те, кто отложил на этот случай доходы, полученные от экспорта нашего общего достояния (как в других цивилизованных странах) действительно могут собрать чемоданы и улететь. А что делать остальным? В этой куцей экономике о народе, точнее, о значительной его части, как всегда забыли. Ещё в 90-е годы высказывалась версия о "лишних" 40 миллионах людей. Впрочем, Ходорковский так и говорил: забудьте о справедливости. Вместе с тем забыли и о том, что независимо от нефтяных доходов люди, которых не согнали с земли, независимо от дебита нефтяных скважин продолжают вспахивать землю, производить электроэнергию и кое-где работать на

неотправленных в металлолом станках. Это и есть настоящая экономика для людей. Она ушла из памяти младореформаторов, хотя о народе, кинутым вместе с экономикой, стали иногда вспоминать. Как правило, перед выборами, когда выстраивается очередь из партий, желающих приобщиться к выпечке бюджетного пирога. «Голосуй, а то проиграешь», – звучало чуть не каждый день. Народ всё равно проиграл. У несистемной оппозиции есть какие-то свои источники, но что они по сравнению с бюджетом? Как известно, экономика – это искусство ведения хозяйства. Вот только этим искусством владеет не каждый. Особенно те чиновники лишены таких способностей, для кого путеводной звездой является принцип невмешательства государства в рыночные отношения. И ведь верно – какое ж это искусство – не вмешиваться. Есть мнение, что сегодня властные структуры испытывают трудности в управлении экономикой, а жизнь заставляет. В поисках ключа к решению «хозяйственных» проблем призвали опять испытанного либерала с его денежным регулированием. Удивительно, но этот очевидный и неэффективный (если рассматривать его независимо от производства, массы товара и занятости населения) способ манипулирования денежной массой у нас практикуется уже больше чем четверть века. И всё не впрок. Сколько же можно наступать на одни и те же грабли? Напрашивается вывод: пока власть обеспечивает доступ к большим бюджетным деньгам преимущественно тем компаниям, которые считает своими,

т.е. лояльными теории денежного регулирования и интересам чиновников, и только тем банкам, через которые пытается регулировать экономику, инакомыслие в правительственных кругах немислимо. По этой причине не принимаются действующей властью реально действенные меры по регулированию экономики, хоть на шаг отклоняющиеся от «единственно верного пути» – контроля за денежной массой и финансовыми потоками. На корню пресекаются отнюдь не радикальные предложения С. Глазьева и других рационально мыслящих политиков раздвинуть горизонт планирования и более эффективно воздействовать на экономику.

Теория лишь тогда теория (а в экономике тем более), когда с её помощью можно сделать правильный расчет и прогноз. Если это не срабатывает, то как к такой теории относиться? Получив опыт 90-х годов, к сожалению, он не стал для нас прививкой.

Наша страна в 90-е годы была поставлена в такие условия, что производить стало не только невозможно, но и невыгодно. Было нарушено денежное обращение, изменен масштаб цен, стало невозможно использовать деньги, бартер вопрос не решал, зато спровоцировал рост условных цен, по которым обменивались товары, поэтому все участники «рынка» искали партнеров за рубежом (по принципу «спасайся, кто как может»), благо, что была отменена монополия на внешнюю торговлю. Прежде всего, ЭТОТ бардак в экономике и привел страну к развалу. К нему подвели не случайно

– разбалансировав экономику. Ведь всякие реформы рукотворны. В республиках стали печатать свои деньги, а у нас даже на Урале. Сибирь и Урал уже собирались отделяться от России. В результате всё, что удавалось продать, шло по бросовым ценам, включая заводы. В кратчайший срок долги «братских, социалистических» стран перед СССР обернулись долгами России перед ними. Там где выплачивали зарплату, а таких мест становилось всё меньше, носили её в сумках, потому что в кошелек не вмещалась. Бумажек всё больше, а доходов всё меньше. Экономика продолжала рушиться, пока не грянул 1998 г. Кто виноват? Уж точно не народ, который в 90-е годы обвинялся в неготовности к реформам. К таким – точно он не был готов. Его, собственно, никто и не спрашивал (очень демократично). После всего пережитого кто согласится с её основным принципом, что «количество денег в обращении является определяющим фактором развития экономики»? НИКТО, кроме фанатов либеральных идей.

С тех пор во многих отраслях упало производство в разы, например, станков, комбайнов, тракторов, турбин... Стоимость их резко подскочила, что естественно.

Посмотрим на формулу безубыточности производства:

$$BEP=FC/(P-AVC)$$

где:

Постоянные затраты на объем (FC– fixedcost);

Цена единицы товара (услуги, работы) (P– price);

Переменные затраты на единицу продукции (AVC– averagevariablecost).

(Источник: <https://delatdelo.com/spravochnik/osnovy-biznesa/rentabelnost/tochka-bezubytochnosti-kak-rasschitat.html>)

Чем больше FC, тем больше товара надо произвести, чтобы не быть в убытке. Не будем углубляться в расчеты. Отметим, что постоянные затраты – это: управленческий аппарат, стоимость аренды земли, зданий, а также посредники, чиновники. Посредники с чиновниками, конечно, условно, но без них и вовсе сегодня не дадут ничего не только производить, но и продавать. Вспомним, как сносили мелкотоварную торговлю в Москве, да и по всей стране. Причем, этот класс крупных торговых площадок в стране растет независимо от кризиса и падения производства. Вопрос: как повысить рентабельность, если числитель (тех, кто с ложкой) постоянно растёт, а портфель заказов – 2–3 станка вместо 1000? Когда материального производства всё меньше, а денег хочется всё больше, происходит подмена настоящего капитала (машин и оборудования) на суррогат – бумажки, именуемые деньгами. Если потребность в деньгах числителя растёт, нужно, чтобы рос и знаменатель, ведь выручка сложит-

ся из того, что и сколько будет реализовано из знаменателя. Чем меньше сумма на среднесуточном чеке (спрос падает из-за низкой покупательной способности), тем больше надо продать (значит, увеличить объём, снизив цену), чтобы не быть в убытке. Но на обороте у нас зарабатывать не умеют. Практика такова, что как только поднимут среднюю заработную плату и пенсии, что является стимулом для возрастания оборота, как тут же повышаются тарифы и цены, причем в большей пропорции относительно прибавки населению, и на обороте уже ничего не заработаешь. Поэтому цены вопреки экономическим законам растут всё время, а объемы производства падают. В целях сохранения рентабельности 3 станка должны стоить, как 300. Понятно, что покупатель предпочтет импортный. Он дешевле, ибо производство имеет массовый характер. Импорт автоматом увеличивает объем заказов у иностранного производителя, что является стимулом к снижению его цены, соответственно снижению себестоимости. Зато цены на товары 1-й необходимости (без них не выжить) и тарифы на услуги ЖКХ (попробуй не заплати) могут расти теоретически до бесконечности.

Такую картину снижения объема отечественного производства и роста цен мы наблюдаем все годы реформ. Никак и никогда наши монетаристы не решат эту проблему баланса денежной массы и произведенной в стране товарной продукции, потому что «ФС» (т.е. в числителе их собственное потребление) для них – «священная корова».

В 90-е годы наша страна лишилась и продолжает терять квалифицированные технические кадры. Истреблены, должно быть, все структуры подготовки технических специалистов. А из теории известно, что чем выше квалификация, чем выше оснащение передовой технологией, тем меньше труда затрачивается на данное количество продукта и, следовательно, тем меньше стоимость продукта. Доморощенные теоретики «монетаризма» лишили нас такой возможности. Сиюминутная экономия на затратах привела к ещё большим проблемам в перспективе. И это, как снежный ком, будет нарастать.

Существенным фактором снижения себестоимости (помимо крупномасштабного производства) является концентрация капитала (что было реальным инструментом развития СССР и совершенно невозможным в России сейчас) и система разделения труда. Материнские и управляющие компании холдингов (FC в формуле) при каждом промышленном предприятии (которые не заменяют управленческий аппарат на самом производстве) стали барьером на пути движения инвестиций в промышленность. Концентрация денежной массы происходит не там где станки, а в надстроечных структурах, превращаясь в quasi-капитал. Все 25 лет производство на голодном пайке, тогда как основная сфера приложения «капитала» – спекуляции на рынке бумаг (см. оборот на Московской бирже). Поэтому заявления о том, что низкая зарплата рабочих обусловлена низкой произво-

дительностью труда – демагогия. Это – единственное, чем успешно занимается официальная статистика и некоторые из правительственных чиновников, кстати, получающих одну из самых высоких зарплат в стране. За что? Ведь результат их работы налицо: падение производства, т.к. их главный принцип – невмешательство. Несбывающиеся прогнозы – это тоже результат их труда.

Рассмотрим ситуацию на примере Выксунского металлургического завода. Вот некоторые данные из его бухгалтерской отчетности:

Показатель (млн. руб.)	2017	2016	2015
Долгосрочные обязательства	17304	25 975	39 999
Краткосрочные обязательства	45838	46 189	40 066
Управленческие расходы	-7295	-6 266	-6 130
Коммерческие расходы	-12061	-9 921	-10 772
Оплата труда работников	-7064	-5 513	-5 146
Поступления от продажи продукции, товаров, работ и услуг	137401	121 740	140 600
Доля оплаты труда от суммы поступлений, (%)	5,14	4,53	3,66

Из отчета мы видим:

а) заметно растёт доля краткосрочных обязательств, доля долгосрочных, напротив, сокращается, а это значит усиление кредиторской зависимости и рост ежегодных (ежемесячных) платежей – это всё в числитель формулы – FC;

б) управленческие расходы (ФС) превышают расходы на оплату труда;

в) коммерческие расходы (а это в том числе платежи Управляющей компании, покрывающие её расходы по продвижению товаров и услуг на рынке) – больше, чем оплата труда работников; Это тоже ФС.

г) доля оплаты труда в поступлениях от продажи продукции, товаров и услуг (в текущих операциях) – всего 4–5%. Поэтому те, кто говорит, что доля ФОТ в ВВП России более 50%, лукавят.

Таким образом, можно отметить, что цена на продукцию завода высокая потому, что у комбината значительные постоянные затраты: коммерческие и управленческие расходы. То, что забирает Управляющая компания, превосходит затраты на оплату труда работников почти в 3 раза. Об этом подробнее ниже.

Следует отметить, что сальдо денежных потоков от инвестиционных и финансовых операций стабильно отрицательное (исключая 2014 г.).

Выксунский завод (1757 год основания, в конце XX века был на грани банкротства) – это один из основных поставщиков труб большого диаметра. Производственная мощность трубного производства – около 2 млн. тонн труб в год. В годы реформ при росте спроса на прокладку транснациональных трубопроводов производство сократилось:

1990 г.	2000 г.	2016 г.	2017 г.
1 556 700	761 900	875 000	1 020 000

Посмотрим, как «росла» среднемесячная заработная плата на этом флагмане отечественной металлургии:

Показатель	2011 г.	2017 г.
Среднесписочная численность, чел.	11903	23035
Среднесписочная зарплата, руб./чел*мес	27622	22223
Ист. Бухгалтерская отчетность ВМЗ		

За эти годы коммерческие расходы выросли в 1,51 раза (с 7947 млн. руб. до 12061 млн. руб.), управленческие – в 1,6 раза (с 4549 млн. руб. до 7295 млн. руб.), а зарплата рабочих упала. Иначе быть не может, т.к. при росте постоянных затрат в 1,5 раза автоматически (чтобы «отбить» рост этих затрат), необходимо увеличить в 1,5 раза объём производства (растёт точка безубыточности), чтобы не потерять в прибыли. Но если портфель заказов наполовину пуст, урезать себя (FC) никто не станет, следовательно, компенсировать можно только сократив переменные затраты т.е. урезав заработную плату рабочих (Ист.:https://www.audit-it.ru/buh_otchet/5247004695_ao-vyksunskiy-metallurgicheskiy-zavod) и задрать цены на продукцию ещё выше. Конкретный пример затрат-

ной экономики, характерный для всех сфер деятельности в РФ.

Вышеприведённые цифры – характерный показатель расхождений между среднестатистической заработной платой и реальной на предприятиях, а также показатель роста реальной заработной платы, сильно контрастирующий с данными Росстата.

Как уже было сказано выше, чем больше объём производства, тем ниже расходы на единицу продукции. Загрузка мощностей на заводе – 40–50%. Отсюда производительность труда при сопоставимых расходах на оплату труда в 1990 году была в 1,5 раза выше, чем в 2017 г. А если учесть неоправданный рост (без малейших признаков роста объёмов производства в соответствующей пропорции) управленческих и коммерческих расходов, то производительность в 2017 г. ниже 1990 г. более чем вдвое. Если причина низкой заработной платы в низкой производительности (как заявляют некоторые чиновники и «эксперты» от ВШЭ), то при описанной выше ситуации с загрузкой мощностей, аппетитами управленцев (FC) и уровнем оплаты труда рабочих, «теоретиков» нашей доморощенной рыночной экономики удовлетворить может только труд рабский. Поэтому неслучайно на нашем рынке рабочей силы слишком много нелегальных иммигрантов. Не было бы спроса – не было бы и нелегалов.

Теперь о роли Управляющих компаний. По бухгалтерской отчетности Выксунского завода можно сделать следующие

заклучения:

а) управленческие и коммерческие расходы, которые несёт в первую очередь управляющая компания, составляют сумму, существенно, превышающую прямые расходы на производство добавленной стоимости (созданной трудом рабочих). Завод осуществляет производство, испытывая постоянный дефицит в оборотных средствах. И эти средства поступают на счет завода через управляющую компанию. В отчете о движении денежных средств есть статья: платежи по распределению прибыли в пользу собственников (участников) в связи с погашением (выкупом) векселей и других долговых ценных бумаг, возврат кредитов и займов. Таким образом, львиная доля от выручки уходит «в пользу собственников», т.е. тех, кто через себя пропускает в том числе кредитные средства.

б) когда ПАО «Газпром» стал требовать понизить цены на трубы большого диаметра на 20%, на следующий тендер большинство поставщиков заявки не подали. Объяснили так: на сделку не пошли по причине возможных валютных потерь из-за курса рубля к доллару. Из этого объяснения следует, что средства в Управляющей компании либо есть, но хранятся в иностранной валюте, либо кредиты берутся исключительно в иностранной валюте. А это в свою очередь означает, что при падении курса рубля к валюте расчетов по кредитам завод несёт дополнительные потери в рублях, т.к. для «Газпрома» – это внутренние поставки, не на экспорт,

что повышает риски и расходы.

в) ПАО «Газпром» прокомментировал ситуацию вокруг сорванного тендера по размещению заказа на поставку труб необходимостью воспитывать производителей. Если быть точнее – не производителей, а Управляющие компании, для которых загрузка производственных мощностей не является приоритетной, если возможны потери при обмене рубля на доллары. Иными словами, выручка для них тогда настоящая выручка, когда она растёт в долларовом выражении. И это – уже область компетенции Правительства. Если к подключению доллара во внутрироссийские расчеты толкает денежно-кредитная политика государства, вернее, если отсутствует отлаженная система кредитования реального сектора экономики без посреднической роли доллара, а в заимствованиях предпочтительней иностранная валюта, то это очевидный признак регулирования рынка не рублём, а долларом. Таким образом, регулирование экономики через денежную (рублёвую) массу – концепция даже в этом несостоятельная. Производство стало сферой влияния дефицитного рубля, а надстроечные структуры в виде управляющих компаний, обеспечивающих производство кредитными деньгами, – в сфере влияния доллара. При этом, отмечу, речь идёт не об экспортно-импортных операциях, речь идёт о внутренних поставках. Законодательно у нас запрещён оборот иностранных валют для расчетов по торговым и договорным операциям, но он явно присутствует опосредованно. В чём может быть при-

чина? Вариантов мало: государство поддерживает посреднические структуры, паразитирующие на реальном производстве. Когда в 2013 г. у группы «Мечел» рыночная капитализация упала с 24 млрд.\$ до 830 млн.\$ (почти в 34 раза !), а долги составили 9,5 млрд. \$, расплачиваться с этими долгами материнская фирма «Мечел» заставила соответствующие реальные структуры производства, в т.ч. Челябинский металлургический завод. Как не парадоксально, но государство взялось спасать именно «материнскую» компанию, а не завод. Потому что завод, когда ему активно не мешают и при грамотном руководстве, способен выстоять и в сложных рыночных условиях. Если реально ставить цель развития, то задача государства в том, чтобы обеспечить активную роль производителя на рынке, а не пассивную.

Если мы посмотрим, как меняется номинальный ВВП России с годами, мы увидим, что в долларовом выражении он держится на уровне 1990 г. или чуть больше. При этом внешние долги устойчиво колеблются на уровне «подушки» безопасности. Если экономика так и будет ориентироваться не на реальные затраты непосредственных участников процесса производства, не на кредиты отечественных банков под приемлемый процент, а на иностранные кредиты и аппетиты управленческих структур, скорректированные на курс рубля к доллару, из этого болота трудно будет выбраться. Убеждён, уже сейчас «выгодные» иностранные кредиты с низким процентом слишком дорого обходятся заводам –

производителям: при пересчёте выручки в доллары (как в случае с ВВП) шансов на рост загрузки производственных мощностей будет мало, зарплата будет топтаться на месте или понижаться, а оборотных средств будет становиться всё меньше. Я не случайно провёл параллель конкретного производителя с ВВП. Производственные связи производителя с «материнской» или управляющей компанией, а управление в свою очередь – с денежным рынком, чем-то напоминают микромодель всей нашей экономики. Когда главным станет производитель, а финансовый рынок его обслуживать вне зависимости от текущего курса, тогда и произойдёт возрождение экономики. Пока у нас телега пытается тянуть лошадь.

Управленцы трубных заводов не пошли на сделку с «Газпромом», принуждая его щедрее делиться доходами, в то время как «Газпром» сам несёт большие убытки из-за прокладки труб, не обеспеченных контрактами с надлежащими условиями по возмещению убытков и санкциями в случае одностороннего расторжения. Ветка на Болгарию обошлась России в десятки миллиардов рублей (по словам В. Путина – 800 млн. \$) и, если допустить, что контракты были составлены грамотно, то почему-то не слышно ни о каких компенсационных выплатах со стороны западных «партнёров», которые не горят желанием наращивать поставки газа из России. Очевидно, контракты были более лояльные к зарубежным потребителям, чем к отечественным производителям. Зато Россия непременно хочет оставаться самым надёжным

поставщиком газа, несмотря на потери, именно на Запад, хотя в самой России с газоснабжением далеко не всё в порядке.

Управляющие компании, которые как раз на том и зарабатывают, что владеют активом, приносящем реальные дивиденды, которым не умеют правильно распорядиться (рублёвые платежи «Газпрома» за трубы приходится всё время соотносить с курсом доллара, чтобы расплатиться с валютными кредитами), но при этом не несут никакой ответственности за недогрузку производственных мощностей. Каждый из нас сталкивался с Управляющими компаниями, например, в ЖКХ (полно сюжетов в новостях). Результат: никто не может (скорее, не хочет) на них воздействовать, ни Инспекция, ни прокуратура, ни власть. Потому что у них общая задача, поставленная государством: как можно меньше затратить и как можно больше собрать с населения – рост тарифов тому показательный пример. По статистике зарплата (AVC в формуле безубыточности) растёт. Значит это должно отразиться в росте доходов бюджета. На самом деле мы видели на примере рабочих Выксунского завода, в какую сторону «растёт» зарплата. Но государство ориентируется не на живых людей, а на виртуальную среднемесячную статистическую зарплату и ждёт роста сборов.

И опять, как в 90-е, народ оказался неподходящим – неплатёжеспособным: долги за ЖКХ растут. Впрочем, это, по мнению чиновников, уже проблема населения (а не управления; разве может власть в чём-то обвинить себя?),

которую никто за него пока решать не собирается. И тому всё больше свидетельств: один чиновник убеждён, что на 3 тысячи рублей в месяц можно вполне комфортно жить (народу, но не чиновнику), другой утверждает, что государство никому ничего не должно (очевидно, он не в курсе, для чего обкладывается налогами население, и, кроме того, его слова надо понимать так, что чиновник на должности работает только сам на себя, а не на государство; а нужен он такой?), третий заявляет, что безработные в стране – это «белоручки», которые с двумя высшими образованиями не хотят переквалифицироваться в уборщики (не зная, что даже в уборщики в нашей стране не всех берут). Четвёртый заявляет, что "рожать никого не заставляют" и т.д. Вот таких «управленцев» себе выбрал народ в начальники (впрочем, ему в этом помогли). Но неужели настал момент истины и маски «блюстителей интересов народа» стали непопулярными? Или демонстрация превосходства над «плебсом» становится естественным приложением к должности, и скрывать его стало невыгодно? Много вопросов к Управляющим компаниям всех уровней, ответы на которые можно получить только на честных выборах. Но это может случиться только тогда, когда народ перестанет верить словам о выгоде цифровой экономики (читай, виртуальной, потому что чтобы оцифровать производство, надо его иметь; ТРЦ, Плазы и личные коттеджи – ещё не экономика, а исправно работающая канализация в доме рядовому гражданину важнее цифровой эконо-

мики, в которой ему места нет). Построенный у нас восточный базар (исключаем, конечно, госсектор и крупные производства – наследие СССР), сколько его ни цифровизируй, останется базаром, пока рядовой избиратель не поймёт, что ставку надо делать на реальных производителей, а не игроманов.

Низкая заработная плата и низкая покупательная способность – это факторы торможения развития рынка, замедления роста экономики и раскручивания инфляции. Низкие заработные платы и падение нормы прибыли в реальном секторе производства предметов потребления обеспечивают спрос только на предметы первой необходимости. А это в свою очередь ведет к снижению рентабельности в отраслях, не связанных с их производством. Государство устанавливает МРОТ (без этого предприниматели платили бы сущие копейки), чтобы обеспечить прожиточный минимум. Как показывает практика, в среднем по отрасли выплаты наемным рабочим сводятся как раз к сумме, близкой к прожиточному минимуму. По словам Ольги Голодец: «На сегодня 4,9 млн. граждан в России работают за зарплату в 1 МРОТ». Напомню, что с 01.01.2017 г. это – 7500 руб. Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что зарплата часто выплачивается не из тех денег, которые еще не получены за только что произведенный товар, а из денег, полученных за ранее реализованный товар. А если он не реализован, значит, и в банк не поступили деньги. Товар мог быть реализован,

но деньги задержала «Управляющая компания» (расчёты по кредитам, например). Еще деньги от реализации могли уйти по схеме «оптимизации» налогов. Во всех этих случаях не только не платятся налоги в полной мере, но и не выплачиваются заработные платы. И приходится рабочим прибегать к крайним мерам – объявлять голодовку. Надо понимать, что даже когда зарплата выплачена в размере МРОТ или средней по отрасли, она в том же размере через торговую сеть и банк возвращается в производство. За минусом того, что владельцы розничных сетей конвертировали и вывели за границу. Но это – лишь маленькая доля инвестиций, требуемых для возобновления цикла. Чем выше доля заработной платы (не предпринимателя, а основной массы рабочих), тем более оживлен рынок. Предпринимателями же основная денежная масса тезаврируется (особенно в крупном производственном бизнесе), т.е. превращается в валюту и часто выводится за рубеж. Под заработной платой мы понимаем также средства, уплаченные за труд, затраченный на оборудование, инструменты, машины и здания (амортизация). Голодный денежный паек в реальном производстве восполняется кредитом, но кредит хорош тогда, когда процент ниже рентабельности. Если средняя рентабельность по России – 8,97%, а банковский процент – 10–15%, то разницу откуда-то надо взять? Значит, страна работает на банки? Но разве они, т.е. деньги, создают добавленную стоимость, с которой предприятия и организации платят налог? Денеж-

ная масса ничего не создает без взаимодействия с трудом нанятых работников. Если хочешь получить урожай фруктов, недостаточно обильно поливать землю, сначала надо из саженца вырастить дерево, ухаживать за ним... Закон, открытый Д. Рикардо, о том, что «только труд рабочего лежит в основе доходов различных классов», никто не отменял. Так вот эта добавленная стоимость в структуре ВВП имеет очень незначительный процент. Какой следует из этого экономический вывод? Низкая доля заработной платы в конечной стоимости товара и изъятие бизнесом из сверхприбыли «излишка» денег замедляют их оборот и, таким образом, согласно закону о денежном обращении, создают дефицит денежной массы и потребность в печатании новых купюр. Т.е. низкая заработная плата создает предпосылки для инфляции. В формуле безубыточности: чем меньше занято рабочих (с целью оптимизации фонда заработной платы), чем менее производительные станки (экономия на затратах), чем ниже зарплата, тем ниже стимул для производительности, тем ниже производительность, тем выше растут цены, чтобы снизить точку безубыточности. Чем выше P и ниже AVC , тем меньше покупательная способность, тем ниже объём реализованной продукции. А причина всего – рост FC , т.е. аппетиты управленцев на высокие доходы.

Всё возрастающий разрыв в доходах между 10% наиболее богатых и 10% (применительно к России правильной соотносить с 40%) с самым низким доходом усиливает кри-

зис в экономике. Т. Пикетти в своём "Капитале в XXI веке" отмечает, что именно этот разрыв в США усугубил кризис 1928 г. В числе мер по преодолению кризиса Рузвельт поднял подоходный налог выше 80% для самых высоких доходов с 25%. Помогло! Пикетти считает, что «ещё более подходящим инструментом был бы прогрессивный налог на капитал». В этом смысле налог в России не сработал бы, т.к. под капиталом Т.Пикетти понимал расширенное производство (самовозрастающую стоимость) – рост числа и производительность станков, а не денежные средства (для наших «теоретиков» капитал – фантики).

Капиталистический способ производства, это – вездесущая конкуренция. Что у нас с этим? В электроэнергетике разбили единую сеть на фрагменты, полагая, что создали конкуренцию, и ждут, когда будут падать цены. Как участок кабеля будет конкурировать со своим продолжением? Ещё больше абсурда в ЖКХ: труба под многоквартирным домом до стены – зона ответственности одной организации, а от стены до колодца – другой организации. Если эту водоотводящую трубу надо поменять, то, уверяю вас, организацию, которая обязана этим заняться, не найти. Это – пример вопиющей безграмотности и глупости. Причем как в области энергетики, ЖКХ, так и вообще в области рыночных отношений. Нельзя создать конкуренцию, разбив целое на части – получится бардак. Это всё равно, что взять предприятие, перегородить цеха стенами и сказать – конкурируйте. Единая

энергосистема – это единый организм. В целях конкуренции должно построить новую сеть в местах, где существует дефицит, в параллель, предложив более низкие цены, тогда это будет конкуренция. Можно вместо одной аптеки поставить 100 аптек, но и тогда это будет ограниченная конкуренция, если поставщик у них будет один. Поставщиков должно быть тоже 10 или 20. Ликвидируя отечественное производство, намеренно создавали предпосылки для господства иностранных крупных поставщиков – монополистов. Точно так же был разбит народно-хозяйственный комплекс страны: государственные предприятия прибрали к рукам, полагая, что этим уже создали конкурентную среду. Не создали. Потому что это был самоДОСТАТОЧНЫЙ единый комплекс. Он не мог сам с собой конкурировать. Помог рукотворный кризис, сильно сокративший спрос, т.е. путем развала экономики. В экономике создавать что-либо, в т.ч. конкурентную среду, надо с умом. Приватизация в России вела и ведет лишь к перераспределению доходов: были государственные – стали частные. Если бы предприятия не отбирали у государства, а строили новые, современные, даже с участием государства, и их бы приватизировали – была бы конкуренция. Управлять предприятием и конкурировать с государством никто не решался, а управлять государством охотников сразу нашлось много. Российский «бизнес» выгодно для себя создал конкуренцию только в одной сфере – в сфере рынка труда. Квалифицированный труд в стране максимально сокращен

(причем во всех сферах – от цехов предприятий до Академии наук) и упрощен (инженеров всё меньше, менеджеров всё больше, в академики пошли люди без открытий, научных трудов и практически с нулевым коэффициентом цитирования). На рынке труда преобладает производительная сила низкой квалификации, доступная для всех (что само по себе создает конкуренцию), которая еще больше обостряется притоком работников из стран ближнего зарубежья. Как самая невзыскательная к оценке своего труда эта неквалифицированная рабочая сила теперь повсюду, включая чиновников. Сюжетов по ТВ полно: некоторые из них мало что понимают в экономике, но они управляют, другие мало что понимают в архитектуре, но реставрируют и т.д. Откуда в таком случае ожидания роста производительности труда? Цель у бизнеса одна – повысить норму рентабельности, и предпринимателя не заботит то, что иностранец склонен не к потреблению товарной продукции, произведенной в стране, а к накоплению, чтобы перевести доходы в свою страну. И гастарбайтер фактом присутствия на рынке труда тормозит реализацию товара того же предпринимателя, а в рамках страны тормозит оборот и розничной торговли, и денег. Что также создает предпосылки для инфляции. Но предпринимателя «греет» одно – не надо платить взносы в различные социальные фонды. Его ПОКА не волнует пополнение пенсионного фонда.

Низкий курс рубля отвечает интересам экспортеров, и

прежде всего топлива. Но вместе с тем снижающийся курс рубля не дает розничному продавцу с той же легкостью реализовать импортные товары, как было при высоком курсе национальной валюты. Если предполагать гипотетически, что дешевый импорт станет конкурировать между собой (что маловероятно, поскольку цены на импортные товары устанавливаются не условно многочисленными поставщиками оттуда, а незначительное число доморощенных «купцов» здесь, часто нероссийского происхождения), значит, быть наивным до глупости. Тем более, что внутрироссийская политика хорошо подготовила им почву для получения сверхдоходов: цены на исходное сырьё (например, топливо) выше, чем на мировом рынке. При необходимости (в случае возникновения конкурента) всегда можно цены обрушить вдвое, чтобы конкурента разорить. По этой причине начинать производство в России без наведения порядка в ценообразовании, без поддержки государства, дело очень рискованное. Высокие цены в России обусловлены: а) высокими ценами на исходное отечественное сырьё, включая топливо; б) мелкотоварным производством с высоким уровнем непроизводительных затрат; и в) высокими налогами. Сегодня у нас любое материальное производство характеризуется преимущественным ростом долгов, опережающим рост доходов, ростом цен на продукцию и сокращением объёмов производства вместо сокращения непроизводительных затрат (коммерческих и управляющих расходов). Поэтому возрождение

производства в стране (разве это рынок?) возможно только при двух условиях: если будут обеспечены предпосылки для массового производства (для этого государство должно помочь завоевать рынок в собственной стране путем трансформации «обменной лавки», какой стала у нас «рыночная» экономика, в государственный капитализм), и сбалансированные средние издержки. Как их можно сбалансировать с импортом? Путём выявления сверхдоходов между таможенной стоимостью импорта и стоимостью при продаже конечному потребителю и налогообложением по повышенной ставке сверхдоходов, полученных от продажи такого товара. Вот только этим государство заниматься не хочет и не будет, т.к. сориентировано на импорт вместо производства. Правящий класс, черпающий ложной из котла, изолированного от национальной кухни, – это сегодня и есть «ФС», т.е. сплошные накладные расходы, которые себя сокращать не будут. Чтобы сбалансировать средние издержки с импортом, «ФС» должно стремиться к минимуму, а знаменатель (рабочие, станки и товарная масса) расти. Ускорить этот процесс государство может путем установления импортных пошлин или квот, которые успешно использует Запад, защищаясь от желающих попасть на их рынок. Возвращаясь к забытым теориям, можно сказать, что реформаторы России подтвердили теорию Маркса: деньги, минуя производственные отношения, порождают только деньги, но не богатство государства. И никогда, сколько бы их ни было, эти деньги не потекут по соб-

ственной воле в производство с более низкой рентабельностью, чем на спекуляциях ценными бумагами и недвижимостью. Экономика России с начала 90-х годов находится под санкциями собственного Правительства и в этом её проблема. Денежная масса на российском рынке растет (хотя в реальном секторе её не хватает) обратнопропорционально реальному физическому промышленному производству. Пример тому (повторюсь) – парк установленных станков России (данные представлены в статье «Доля государства и Судьба человека») и падение физ.объёма производства (в статье про «Монетаризм»).

Мне представляется необязательным доказывать, что 4 станка производят больше, чем 1 станок, тем более что в 90-е годы списывались в металлолом в первую очередь станки с ЧПУ. При этом станки, которые списывались в России, активно использовались в Китае. В настоящее время доля современных станков с ЧПУ как будто не превышает долю, которую они имели на заре реформ, однако, закупки по импорту не удовлетворяют потребности экономики: есть рост, но отдача от них (производительность) продолжает падать:

На дату	ВВП РФ	Курс доллара	ВВП РФ	Денежная масса РФ (М2)	Отношение ВВП РФ к М2
	(млрд.рублей)	(рублей)	(Млрд.\$ США)	(млрд.рублей)	
01.01.2000	4 823,20р.	27	\$178,64	714,60р.	6,75
01.01.2001	7 305,60р.	28,16	\$259,43	1 150,60р.	6,35
01.01.2002	8 943,60р.	30,1372	\$296,76	1 609,40р.	5,56
01.01.2003	10 830,50р.	31,7844	\$340,75	2 130,50р.	5,08
01.01.2004	13 208,20р.	29,4545	\$448,43	3 205,20р.	4,12
01.01.2005	17 027,20р.	27,7487	\$613,62	4 353,90р.	3,91
01.01.2006	21 609,80р.	28,7825	\$750,80	6 032,10р.	3,58
01.01.2007	26 917,20р.	26,3311	\$1 022,26	8 970,70р.	3,00
01.01.2008	33 247,50р.	24,5462	\$1 354,49	12 869,00р.	2,58
01.01.2009	41 276,80р.	29,3916	\$1 404,37	12 975,90р.	3,18
01.01.2010	38 807,20р.	30,1851	\$1 285,64	15 267,60р.	2,54
01.01.2011	46 321,80р.	30,3505	\$1 526,23	20 011,90р.	2,31
01.01.2012	55 798,70р.	32,1961	\$1 733,09	24 543,40р.	2,27
01.01.2013	62 356,90р.	30,3727	\$2 053,06	27 405,40р.	2,28
01.01.2014	66 689,10р.	32,6587	\$2 042,00	31 404,70р.	2,12
01.01.2015	70 975,80р.	56,2376	\$1 262,07	32 110,50р.	2,21
01.01.2016	67 569,00р.	72,9299	\$926,49	35 809,20р.	1,89

<http://www.rcit.su/inform-dm.html>

Правительство, которое с одной стороны деньги рассматривает, как «определяющий фактор развития экономики» и, значит, чем больше денег – тем выше темпы, с другой стороны беспокоится, что много денег в обращении (хотя процент к ВВП ниже, чем в Китае) грозит инфляцией. И борется с инфляцией, мы знаем как – путем создания благоприятных для неё условий. А еще путем исполнения «рекомендаций» западных консультантов: урезает социальные обязательства, выплачивая куцые пенсии на уровне продо-

вольственной корзины (и то не всем), сходясь в этом отношении интересами с бизнесом, выплачивающим минимальные заработные платы. Власть предрешающим давно пора понять, что при таком расслоении общества по доходам, при таком соотношении основных средств (82/18) в пользу частного сектора государство может декларировать социальные обязательства, но исполнить их в полной мере будет очень затруднительно. Теперь «придумали» еще один способ «борьбы» с коррупцией и инфляцией – сократить наличные деньги в обороте (как в промышленно развитых странах). Очевидно, недопонимая, что переведя всех работников на безналичные расчеты, изменить в производстве ничего нельзя, т.к. реальный сектор как жил на безналичных расчетах, так и будет продолжать работать в ожидании безналичных инвестиций. При этом денежный агрегат M2 составляет 46% от ВВП (42440,5/92081,9), в США – 74%, агрегат M0 (наличные деньги) – 8,8%, а в США – 21,5%. Ведь это не рынок ограничивает экономику и население в ресурсах – Правительство. Что будет, если M0 будет =0? Это не наполнит рынок товарами, а одарив малоимущих картами «МИР», вряд ли ускорит обращение денег, т.к. денег на их картах не прибавится. Это чуть расширит возможности банков по выдаче кредитов, тем самым как бы увеличив денежную массу. Т.е. прибавится некая сумма виртуальных денег – и всё. Но кредиты давать некому! В борьбе с коррупцией всё равно победит коррупция, которая раньше выражалась в реальных

деньгах, будет выражаться в виртуальных купюрах, что более подходит для экономики, тоже по преимуществу виртуальной.

Из таблицы мы видим также, что отдача на каждый инвестированный рубль с каждым годом всё меньше. Отсюда еще раз можно убедиться, что регулирование деньгами может привести к обратному эффекту – сокращению производства. Спад производства неизбежно ведёт к сокращению и без того низкой занятости, а это, безусловно, сказывается и на реальном приросте ВВП и на росте экономики в целом. Колебания ВВП в долларовом исчислении в диапазоне от 1 до 2 трлн. долларов США – это реальный признак зависимости его показателей от внешней торговли (прежде всего углеводородами, где колебания зависят от количества и цены) и отсутствия признаков роста внутреннего производства и потребления. Несмотря на рост денежной массы M2, доходы в долларовом исчислении у всех от частных лиц до юридических также колеблются и не растут. Отсюда понятно стремление всех держать свои резервы в иностранной валюте, в т.ч. производственникам. Девальвация рубля играет роль своеобразного регулятора рублёвой денежной массы, чтобы колебалась в заданном диапазоне. Следовательно, игра в монетаризм с привязкой к доллару – плохой управляющий в экономике. Денежная масса в нормальной экономике должна материализоваться в производственные мощности (а не доллары) и приносить дивиденды больше, чем валютные

операции. Мне могут возразить, что денежная масса идет на покупку более совершенной технологии за рубежом. Приведенная выше таблица опровергает такое возможное утверждение: как было сказано выше, новая технология повышает производительность труда и понижает стоимость товарной продукции. Отдача, т.е. товарная масса (физ.об. реального ВВП) на инвестированный рубль, должна расти. Этого нет. Печальный вывод приходится делать, что все усилия по строительству рыночной экономики увенчались полным провалом: ВВП в долларовом исчислении на 2016 г. выражается в сумме, которая существенно ниже уровня развального 1990 года (на 18,9%, правда, если не принимать во внимание всё время меняющуюся оценку ВВП), который любят нам демонстрировать с пустыми полками. Рынок в неумелых руках оказался недееспособным для роста экономики. Преимущества рыночной системы перед плановой у нас оказались иллюзорны. Однако стране по-прежнему навязывают приватизацию госсобственности (назло маме отморожу уши?), вверяя судьбу производства частнику, для которого деньги – всё, производство и трудовые отношения – ничто.

Но что имеет общего эта формула с бизнесом? Ничего. Значит, то, что у нас называют бизнесом, совсем не бизнес – банальная спекуляция на перепродажах.

Декабрь 2017 г.

Эффективность экономики – проблема государства или частного сектора?

Давно назрела необходимость обсудить эффективность реформ – туда ли мы идём? Пропаганда навязывает своё мнение – вот-вот начнется рост, а свет в конце тоннеля по-прежнему не виден – население нищает. Казалось бы, с эффективностью всё ясно. И перед нами опять встают злободневные вопросы: кто виноват и что делать? Либеральные источники вину сваливают на государство, считая его управление не эффективным. А что, частный капитал у нас эффективный? Действительно, чья социальная ответственность перед обществом больше – государства или частного капитала? Государство обязано обеспечить социальную защиту населения, прежде всего, оптимальным распределением ресурсов между обществом и капиталом, сводом законов и механизмами их реализации, предоставив экономическую составляющую (особенно в сфере производства потребительских товаров) свободному предпринимательству и частному капиталу. В жизни всё иначе: государство предоставило «свободу» предпринимательству, обложив его налогами, и всё стало совсем плохо, если оценивать положение дел не по тому, что мы видим по телевизору, а по реальной

жизни. Проблемы экономики замалчиваются, а если и обсуждаются, то дискуссии сводятся к изложению уже принятых правительственных мер, которые якобы должны привести к успеху. Только успехов нет, и это остаётся за рамками обсуждений. Да что мнение – записки Ю.Болдырева в бытность Главным инспектором в адрес Президента с 90-х годов (за что и был уволен) и отчеты аналитиков Счетной палаты по сей день, похоже, Правительством игнорируются. За исключением отдельных «мелких» бухгалтерских недочетов и «оприходованных» миллиардов отдельных чиновников-"рыночников". Вместе с тем частный сектор, получивший без особых затрат в собственность 82% основных фондов казалось бы должен кинуться производить и производить – ведь выгодно. А он не торопится. Значит, выгоду не видит? Значит, там, где частный капитал не видит выгоды (как во всех цивилизованных странах) должно брать на себя ответственность за производство социально значимых товаров государство. Поэтому странно слышать, что государства в экономике должно быть как можно меньше. Если государственный чиновник настаивает на приватизации, он должен нести ответственность за результат: не только за деньги, поступившие в казну, но и за результат смены собственника, т.е. за повышение производства и его эффективности. Пока при приватизации мы не получаем ни того, ни другого. Если законодатели уклоняются от ответственности за последствия, значит, они не должны быть во власти, если, конечно, для госу-

дарства важнее люди, а не деньги. Призывать к совестливости бизнес бесполезно. Социальную ответственность перед гражданским обществом должны нести те, кто осуществляет реформы приватизации якобы в интересах бизнеса. Того самого бизнеса, который опирается на население, а не на иностранного потребителя с евродолларами. Практика показала, что об интересах населения часто говорят только в пропагандистских целях. Из всего населения вниманием чиновники не обделяют разве что женщин, детей (про них даже с избытком, иногда безрассудно разрушая семьи через институт ювенальной юстиции) и инвалидов. Считается, что здоровые, выкинутые с работы, найдут себе применение в бизнесе. В то время как даже существующий мелкий бизнес в наших реалиях низкой покупательной способности населения не процветает, а с трудом выживает. От них, от здоровых, часто зависело благополучие и стариков, и женщин, и детей с инвалидами. О них, о здоровых, нужно было думать ещё раньше – тогда, когда сворачивали производство в угоду разорительному ипотечному бизнесу. Если промышленный объект попадал частному владельцу по программе приватизации, а он интереса в этом не находил, объект чаще всего ждало банкротство. Примеров тому полно: так в 2006г. «Роснефть» дочкой вошла в капитал старейшего станкостроительного завода «Красный пролетарий» и в результате на месте завода возникла строительная площадка под бесполезные офисы. Теперь это называется "создавать рабо-

чие места". Возникает вопрос, с какой целью проводилась приватизация, для повышения эффективности? Социальная ответственность бизнеса заключается в привлечении к работе соотечественников, а не иностранцев, в выплате достойной заработной платы и уплате налогов, поэтому она тесно переплетается с умением государственных чиновников выстроить правильно взаимодействие между населением и бизнесом. В стране, конечно, есть честные предприниматели, я не о них. Я о тех, кто определяет экономическую политику и влияет на решения Правительства. Когда частный капитал, владеющий всеми производственными фондами гражданского производства, не выполняет социальных функций – производит всё меньше, при этом отказывает государству в праве на его участие в экономике, что ведёт к сворачиванию рыночных отношений, то начинаешь сомневаться в эффективности капитализма вообще.

Отсюда вопрос: капитализм мы строим или что-то ещё? Ведь первым признаком капитализма является **ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО**. Товарное производство без платёжеспособного населения невозможно. Наш внутренний рынок начинает всё больше напоминать натуральное хозяйство: одна часть населения занимается добычей и экспортом ресурсов, на вырученную валюту взамен осуществляются поставки импортных товаров. Добытчики сероводородов, мелкие предприниматели и чиновники тратят свою зарплату на приобретение импортных товаров и круг замкнулся. На что жи-

вут остальные, их (как и государство) не заботит. Товарное производство – это расширенное воспроизводство, это когда есть излишки, которые раскупаются всем населением с нарастающим объемом. Товарное производство – это прежде всего ПРОИЗВОДСТВО, которое строится на росте объемов товарной продукции и снижении постоянных затрат, это рост капитализации и покупательной способности населения. Капитализм – это кризисы ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА и борьба за рынки сбыта. Что же у нас, если основные признаки в экономике – банкротства, сворачивание производства, рост затрат на непроизводительные (в т.ч. управляющие и финансовые) структуры, рост армии чиновников и безработных? Государство не признаёт их безработными, раз не пришли для регистрации на Биржу труда (для этого надо занимать очередь с ночи, при этом не факт, что что-нибудь получишь). Но от этого ведь безработный не сделался занятым. А главное: у нас (в отличие от «образцового» Запада) армия безработных растёт не потому, что не нужно перепроизводство, т.е. сверх того, что нужно рынку, а потому, что нам (по мнению либеральных теоретиков) не нужно производство вообще. В этом кардинальное отличие положения коренного населения в России от жителей США и других «образцов» для подражания. И когда я соглашаюсь с тем, что где-то строят, производят, собирают нечто на современном уровне, я прежде всего думаю – а для кого это? Для потребителя на том же Западе? Тогда какое это имеет отношение

к жителям России? Поэтому для анализа ситуации в российской экономике нужно понимание не локальных успехов в возведении цехов, никак не отразившихся на благополучии населения, а таких показателей, которые ведут к смещению отрицательного эффекта (например, сокращение рабочих) в положительную сторону – росту занятости. Это – как лакмусовая бумажка.

Официальная статистика изменчива, но это та статистика, на базе которой принимаются управленческие решения. Когда подтасовываются данные по росту доходов и низким расходам, это никак не отражается на реальном благополучии населения. Сколько ни говори «халва» – слаще не станет. Соприкасаясь со статистикой, любого из нас будут шокировать «розовые» очки, через которые видится Росстату положение населения. Чтобы придать очкам многоцветности, давайте с пристрастием посмотрим на цифры. Начнем, как водится, с хлеба насущного, с продовольственной корзины, рассчитанной профсоюзами в 1991 г. на взрослого работающего мужчину:

(Источник: 1991 год. Газета Труд № 105–106 от 09.09.1991 г.)

Наименование продукта	Мин.норматив, кг в год	Цена по прейскуранту	Наименование продукта	Мин.норматив, кг в год	Цена по прейскуранту
Ржаной хлеб и мука	35	0,78	Молоко обезжиренное	16,4	0,33
Пшеничный хлеб и мука	64	0,94	Масло животное	4,5	8,8
Пшеничный хлеб в/с и мука	7	1,4	Творог	10	2
Макаронные изд.	7	1,3	Сметана	4	2,5
Рис	3	2,2	Сыр	4	6,4
Манная	0,8	1,5	Яйцо-шт.	250	0,18
Пшениная	1,6	1,1	Картофель	110	0,5
Гречневая	2,6	1,68	Овощи и бахчевые	135	1,17
Овсяная	0,8	0,98	Капуста	35	0,28
Бобовые	3	0,9	Помидоры	20	2,5
Прочие крупы	0,9	1	Морковь	10	0,5
Сахар	26	2	Огурцы	8	3,3
Масло растительное	5	3	Свекла	10	0,3
Маргарин	9	3	Лук	10	0,7
Мясо, птица, мясопрод. (в пересчете)	64	6,67	Прочие овощи	22	1,2
Рыба и рыбопрод.	22	2,33	Бахчевые	20	1,5
Молоко и мол.прод.(в пересч.)	136,4		Фрукты и ягоды	52,6	2,83
Молоко цельное	120	0,5	Прочие продукты		
ИТОГО в год на сумму 1304,29 руб., в месяц - 108,69					

Если пересчитать эту корзину в современных ценах, сумма выльется минимум в 9900 рублей. Проследим, как рост её стоимости смотрится на фоне экономики в целом. Для этого:

Во-первых, фиксируем факт отсутствия государства, как конкурента частному сектору в производстве абсолютного большинства товарной продукции, производимой и продаваемой в стране. Доля государства в основных фондах составляет 18% и концентрируется преимущественно в ВПК, космической отрасли и общегосударственных нуждах, где, как мы знаем, есть некоторые успехи, базирующиеся на разработках ещё советского периода. В остальном (государство обвиняют в контроле 70% экономики) регулирование стро-

ится если не на законной налоговой основе, то на коррупционной составляющей (наследие тех же 90-х годов). Между тем, освобождая от государства все сектора экономики, частный сектор не торопился занять эту нишу, последовательно уступая её иностранным компаниям. В среднем уже к 2014 г. около 42% экономики России (точнее, того, что от неё осталось после 1991г.) контролировалось иностранным капиталом. (Сайт: Исторические материалы. Общий обзор иностранного капитала в промышленности России).

Если посмотреть процентное соотношение иностранного и отечественного частного капитала в различных сферах экономики, мы обнаружим, что даже небольшой процент иностранного капитала сегодня решает в отрасли всё: в электроэнергетике – немногим больше 3%, а какие разительные изменения не в лучшую сторону, то же и в образовании.

Во-вторых, обратим внимание на рост ВВП с 1398,5 млрд.рублей в 1991 г. до 92091,9 млрд.рублей в 2017 г. Судя по цифрам, темпы роста внушительные, но что стоит за этим ростом в натуральном выражении?

Подводя итоги приватизации, сотрудник Института им. Гайдара приводит такие данные: на 01.01.1993 г. в России значилось 204998 крупных госпредприятий на самостоятельном балансе, которые планировалось привлечь к приватизации. К 01.01.1995 из них осталось 126846 (т.е. 61,8%; а по числу занятых, по данным Росстат, – 42%) , загрузка их мощностей составляла 40–50% от установленной. Порт-

фель заказов текстильной промышленности рухнул до 20%. К 1998 г. крупных производств осталось уже 88246. А на 01.01.2017 г. крупных и средних предприятий в России всего насчитывалось 51986 единиц, 25% от того, с чего началась приватизация. По некоторым данным сейчас у нас действительно крупных предприятий в материальном производстве – не больше 3,5 тысяч. Предлагаю читателю сравнить с КОЛОССАЛЬНЫМ ущербом, понесённом страной в годы Великой Отечественной войны, когда разрушено было 32 тысячи промышленных предприятий. Приватизация нанесла в 6,5 раз существенней урон экономике, чем война. От промышленного потенциала остались слёзы. И те работают воплсилы. Это совсем не вяжется с законом самовозрастания капитала, скорее с убыванием. Капитализм – это перелив капитала в отрасли, где возникает дефицит (а мы с дефицита начинали, следовательно, число производств должно было расти), с целью постепенного обновления, а не ликвидации старых производств. Между прочим, хочу обратить внимание, что по численности крупных и средних предприятий мы скоро уступим (если действительно уже не упали до 3,5 тысяч заводов и фабрик) тому, чем Россия располагала в 1897 г. Тогда насчитывалось 40504 предприятия (в границах империи), которые в ту эпоху можно было отнести к крупным и средним. Изменилось оснащение предприятий, выработка продукции, но вместе с тем выросли и потребности. Уничтожение 75% производственных площадей

не могло не отразиться на физических объемах произведённой на территории России товарной продукции. Показательно производство тракторов: во времена СССР их производили 656 тыс. единиц в год, сейчас производится только 7 тысяч. Это – показатель, отражающий падение не только промышленного производства, но и сельскохозяйственного. Изменились и потребности в тракторах: страна имеет огромные пространства заброшенных земель. Где выращиваются зерновые и овощи, эксплуатируются на грани истощения путём бесконтрольного использования удобрений – продукты питания дорожают также бесконтрольно. Если измерить ВВП (значит, включая импорт) в натуральном выражении, например, количеством произведённых продуктовых пайков, потребляемых за месяц, получим следующее:

	ВВП в действ. ценах, руб.	Продуктовый паёк, руб.	Кол-во пайков в ВВП (2/3), ед.
1991	1 398 500 000 000	108,7	12 865 685 373
2017	92 091 900 000 000	9900	9 302 212 121
Козф. Роста (2017/1991)	65	91	0,71

Итак, мы видим, что несмотря на рост ВВП в 65 раз, эквивалент продуктовых пайков производится и завозится по импорту в 2017 г. на 38% меньше, чем производилось и завозилось в 1991 г., когда был дефицит. Стоимость жизни в

стране росла в 1,4 раза (91/65) быстрее, чем ВВП, что неизбежно вело и ведёт к обнищанию населения. Таким образом, весь «рост» ВВП за 26 лет – ничто иное, как мыльный финансово-деривативный пузырь. А если посчитать на душу населения, то картина станет совсем удручающей. Это говорят голые цифры официальной статистики, если оценивать объективно.

В-третьих, как результат, Россия имеет чудовищную безработицу, открытую и скрытую. И это понятно, т.к. отказ внутреннего рынка (читай, правящего политического класса) от производства и потребления готового продукта, произведённого в России, лишает работы целой цепочки производств (срабатывает мультипликационный эффект), начиная от переработки сырья до продажи готового продукта или изделия конечному потребителю, включая логистику. Закупки по импорту стимулируют рост безработицы в стране-импортёре и рассасывание безработицы, падение себестоимости и снижение инфляции в стране – экспортёре, т.е. не у нас. Минимум производства обязательно сопровождается максимумом безработицы. Это покажет статистика по любой стране. Росстат и Правительство руководствуются методикой МОТ, которая считает безработными только тех, кто зарегистрировался как безработный и получает пособие. Если государство сделает размер пособия равным хотя бы прожиточному минимуму и более лояльно отнесётся к регистрации, оно обнаружит, сколько в действительности в стране

безработных. Пока пособие будет ничтожно малым, а число рабочих мест будет продолжать сокращаться, безработица будет расти, а государство будет делать вид, что такого явления как безработица, в стране почти нет. Разве не может вызвать недоумение статистика Росстата на 2016 г. по таким позициям, как: трудовые ресурсы России (82 млн. человек); численность рабочей силы (76 636 100 человек); среднегодовая численность занятых (72 065 000 человек) и списочный состав занятых (41 677 403 человека)? От первой цифры к последней «растеряли» ровно половину работоспособного населения – 41 млн. человек. А у нас говорят о кризисе рождаемости, дефиците рабочих рук и необходимости привлечения иностранцев. В списочном составе не значится 34 958 697 человек (от численности «занятой» в экономике рабочей силы), не нужных ни частному, ни государственному секторам экономики. Кроме того, по данным Счетной палаты из числа занятых 22 млн. человек живут ниже черты бедности. Эта статистика свидетельствует: а) о том, что сокращение производственных площадей не прошло даром – рынок неиспользуемой рабочей силы стал самым значительным в экономике за всю историю России (если не в мире); б) неконтролируемый рост численности незанятой рабочей силы – неопровержимый факт неэффективности частного капитала, который не только не стремится к расширенному воспроизводству, но и удовлетворяется четвертью того, что было ему даровано в 90-е годы, с тенденцией со-

кращения, а не расширения; в) государство терпит огромные потенциальные убытки вследствие неиспользования армии безработных: если считать 250 рабочих дней в году \times 34 млн. чел. = 8,5 млрд. рабочих человеко-дней потерянного труда в год. Значит, людям не дали заработать 10,2 трлн. рублей (исходя из средней зарплаты в 36 тысяч), что оживило бы потребительский рынок и пополнило бы казну налоговыми отчислениями. Если заработная плата составляет 30% от конечного продукта (предположим), следовательно, рынок недополучил продукции на 34 трлн. руб. Вот что значит не использовать рационально человеческий ресурс. Можно посчитать иначе, картина станет ещё более удручающей. Вот ещё независимое мнение: Дадыка Н. Н. и Шахбазова О. П. в своём «Анализе безработицы и ВВП в РФ» (см. <https://e-koncept.ru/2016/46265.htm>) пишут: «...наблюдаемое уменьшение ВВП на 2349 млрд. руб. привело к увеличению уровня безработицы с 2014 г. по 2015 г. на 0,37 %». Здесь явно надо поменять местами причину и следствие: увольнение рабочих (рост уровня безработицы) привело к падению ВВП. Из приведенных авторами данных следует, что каждый процент безработных лишает страну прироста ВВП на сумму 6348 млрд. руб. А у нас 44% рабочей силы не используется в экономике или используется частично (и даже больше: $82 - 41,6 = 40,4 =$ почти 50%). Значит, экономика недополучает ВВП на сумму уже более 279 трлн. рублей в год. Безработный – это неиспользованный ресурс, актив, который в нашем слу-

чае стал пассивом и не участвует в товарообмене. И процент «потерянной» Росстатом рабочей силы растёт из года в год, начиная с 90-х годов. Правительство с завидным упорством делает выводы ровно наоборот – о необходимости привлечения иностранной рабочей силы. В действительности стране крайне недостаёт рабочих мест. Частный бизнес (а он несёт ответственность за долю в 82% экономики, в Китае – только 60%, зато как эффективно управляют!) не создаёт, а сокращает рабочие места, как мы выяснили выше; г) сокращение рабочих мест неизбежно влечёт сокращение покупательной способности и расходов населения (один из факторов, формирующих ВВП) с 12910,9 млрд. рублей в 2006 г. до 11904 млрд. в 2017 г., а, следовательно, и физического объема ВВП, если считать его по расходам. Выросли валовые инвестиции с 5415,8 млрд. до 14639,8 млрд. рублей, но в капитализацию не вылились. Поэтому отдача ВВП на вложенный рубль продолжает сокращаться, как и количество «пайков» в нём. Сокращая рабочие места, минимизируя выплаты в виде зарплаты и пенсий, «капитализм» в России ограничивает кредитно-финансовые отношения, сокращая не только потребительский рынок, но и сужая налогооблагаемую базу, низводя товарно-денежные отношения к минимуму. Для капитализма характерны рыночные отношения, когда растёт число продавцов и покупателей. Реформы в России изначально имеют тенденцию к сворачиванию рынка даже там, где он был: были колхозные поля, теперь это – пустующие

земли. Были колхозные рынки, где продавалась отечественная продукция, теперь это «фермерские» рынки преимущественно со всем импортным. В командной экономике был свободный выбор профессии и такой же свободный труд, а теперь выбор не свободный, потому что список профессий сильно ограничен, и труд за низкую оплату – это труд принудительный, потому что альтернативой может быть только лишение работы и заработка. Единственно, где рыночные отношения победили – это рынок рабочей силы. Когда нет рынка, а есть «монополии» и миллионы безработных, легче принуждать к труду за низкую зарплату, чем стимулировать производство. Принудительный труд (под угрозой стать одним из миллионов безработных) намного дешевле свободного труда (а это то, к чему стремится так называемый российский «капитализм»), поэтому в стране так много гастарбайтеров. Свободный труд с достойной заработной платой много производительнее принудительного. Но свободный квалифицированный труд дороже стоит. Внедрение современных технологий требует больших затрат и рабочих с высокой квалификацией, а это всё то, за что российский частный бизнес не готов платить. Поэтому российское государство и российский предприниматель выбрали именно принудительный труд за МРОТ. И кто-то из чиновников ждёт роста производительности труда? Откуда этому росту взяться, если помимо растущих непроизводительных расходов во всех коммерческих сферах материального производства, влияние

оказывают, по крайней мере, ещё 3 фактора: 1. Физическое здоровье и качество (уровень образования) рабочего. Если рабочий недополучает калории (зарплата позволяет потреблять только 2500 калорий вместо 3500, при этом физиологическая потребность, т.е. калории, необходимые для поддержания жизни, должны быть на уровне 2300), его производительная способность составляет 0,71; 2. Парк станочного оборудования в среднем изношен на 50% (в действительности больше), следовательно, коэффициент производительности – 0,5; 3. Сырьё, предположим, достаточно хорошего качества, – коэффициент 0,9. Получаем среднюю производительность для среднестатистического отдельного рабочего места: $0,71 \times 0,5 \times 0,9 = 0,32$ нормы. Подставьте в расчёт коэффициент реальной оплаты труда, которая составляет едва треть от нормы, и мы получим очень низкий уровень стимуляции. Добавьте не лучшего качества импортные материалы (металл из Китая, цемент из Турции или Китая...), морально устаревающее оборудование, не выработавшее свой ресурс, технологическое отставание и высокую долю непродуцированных управленческих и коммерческих расходов, и мы получаем все составляющие низкой производительности. Отсюда: для роста производительности необходимо повысить заработную плату так, чтобы хватало не только на обеспечение семьи полноценным питанием и прочими потребностями, но и оставалось на производительный труд, убрать лишних «управленцев», повысить оснащённость рабочего места

высокопродуктивным оборудованием (а не метлой и лопатой) и обеспечить качественным сырьём. Как? Гибкой налоговой системой!

В-четвёртых, если не убеждают приведённые выше цифры, – вот еще показатель нарастающей технологической отсталости (не в отдельных производствах, а по России в целом). Рост основных производственных фондов (ОФ) отстает от роста ВВП, органическое строение меняется в пользу ручного труда, а не машин. Отсюда ещё один показатель причины падения производительности труда:

Год	ОФ, млн.р.	ВВП, млн.р.	Коэф. ОФ/ВВП
2000	17 464 172	4 823 200	3,62
2016	183 450 221	86 043 600	2,13
Коэф.2016/2000	10,5	17,84	0,59

Рост ВВП в денежном выражении опережает рост Основных фондов (ОФ) в 1,7 раза, но свидетельствует ли это о росте эффективности? Снижение доли ОФ свидетельствует о снижении их эффективности. Темп роста экономики значительно уступает темпам роста доходов самых богатых предпринимателей. Это – показатель того, что:

Не капитализируется в достаточной степени часть доходов, не амортизируется надлежащим порядком устаревшее оборудование;

В стране установлены низкие налоги на сверхдоходы и на капитал;

Бизнес предпочитает выплачивать неадекватно физическим затратам заработные платы.

Это очевидный признак застоя: основной капитал в активной части не меняется, отдача основных фондов сократилась на 40%. Капитализм – это когда растёт капитал, т.е. производственные площади и установленное оборудование. А когда ставка делается на вывоз сырья, дешевые рабочие руки и прилавки для торговых центров европейских фирм – это всё признаки экономики, зависимой от некоей метрополии: так было в Индии до её освобождения. По информации Росстата данные по Основным фондам не везде одинаково переоценивались, они содержат лишь показатели, отражаемые в бухгалтерском учете. «Основные фонды по полной учетной, как и по остаточной балансовой стоимости, действительно учтены в ценах разных лет. По этой причине рассматриваемые показатели не предназначены для анализа динамики основных фондов», – разъясняет Росстат (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/otv_og.pdf).

Поэтому не будем углубляться в анализ. Ограничимся простым выводом: продолжается процесс декапитализации экономики.

В-пятых, рассмотрим, насколько частный сектор эффективнее государственного. Об этом я писал в статье «Доля государства и Судьба человека». Здесь замечу, что в таблицу

Топ-100 попали только 28 государственных компаний, которые превосходят 72 частные компании по объёму выручки. Возникает вопрос: требования «как можно меньше государства» – это попытка устранить более успешного конкурента? Логика подсказывает, что это именно так. Но за этим стоит и другое: напрашивается вывод, что намеренно не восполняется износ устаревающего оборудования частным бизнесом, намеренно не прилагается усилий, чтобы повысить качество, намеренно не расширяется производство, намеренно отстраняется государство от влияния на ситуацию в экономике, чтобы сделать её бесконтрольной. При этом надежды возлагаются на иностранные инвестиции (как будто они могут быть заинтересованы в росте производства в нашей стране), иностранные технологии (как будто отечественные технологии в военной отрасли не демонстрируют наши преимущества) и иностранных специалистов (при этом обрекая своих на поиск заработков за границей).

Инфляция – питательная среда российского бизнеса, особенно когда он ориентирован на иностранную валюту, иностранные технологии с привлечением иностранцев в бизнес без определённого намерения вкладываться в разработку своих технологий, не умея оценить качество конечного продукта: например, качество китайского металла и импортного цемента ниже отечественного. Следовательно, всё, что произведено с использованием этих материалов, может существенно уступать по долговечности. И несмотря ни на что,

свои производства часто сворачиваются, уступая рынок иностранным материалам. Например, при огромных масштабах строительства в стране (дома, офисы, дороги) с привлечением иностранных фирм и дешёвой рабочей силы из Азии, коегде (в Москве, например) ликвидированы цементные заводы – турецкий цемент на 250–300 рублей за тонну дешевле, иранский, китайский еще дешевле. Правда, импортный цемент по качеству уступает отечественному, но кто на это обращает внимание? Теперь ОТК – прибыль. Может быть, поэтому к нему (иностранцу) применялась упрощенная система сертификации. Когда ликвидируются свои заводы (потому что конкурент, хотя в соотношении «цена-качество» у нас преимущество) и не проводится сертификация импортного товара на соответствие, то, что это, если не лоббирование западных строительных фирм и материалов на российский рынок?

В-шестых, заблуждается тот, кто считает, что в России частный бизнес более эффективен, чем государственный, потому что считает каждую копейку. Расчеты, приведённые в предыдущей статье, уже показали, что это не так. Вот ещё аргумент из жизни: Россия зарабатывает преимущественно на нефти, но именно нефтяная отрасль («Роснефть») просит государственных субсидий в 145 млрд. рублей в год, а в сырьевом секторе экономики (куда преимущественно – помимо финансового и торгового – направляются инвестиции) убыточных предприятий больше, чем в обрабатываю-

щей промышленности. Может быть потому, что в нефтяной отрасли у нас работает огромное число иностранных фирм? Тогда о какой эффективности частника может идти речь? Не слишком ли дорого обходится населению частный крупный бизнес? Мы слышим заявления по телевизору о всё новых рекордах ПАО «Газпром» в поставках газа в Европу. С другой стороны, в России растёт число регионов, переходящих на использование угля.

Вот, например, хорошая иллюстрация того, как государство самоустранилось от регулирования частнохозяйственных отношений, в то время как частный бизнес делает эти отношения крайне запутанными и нерентабельными. Алексей Михайлов, корреспондент «Российской газеты» пишет: «Мурманская область остаётся единственным регионом в России, в котором более 80% тепла для отопления жилфонда вырабатывается на основе мазута. Из-за дороговизны этого вида топлива в Заполярье самые высокие тарифы на тепловую энергию для населения среди всех регионов Северо-Запада». А ведь это – северный край. Зададимся в этой связи вопросом:

а) почему цена российского мазута в Европе ниже, чем для потребителей в России? К ноябрю 2016 г. цена в этом регионе составила 11,18 тысяч рублей за тонну, эквивалент 180 \$. Для Мурманска поставка (2 млн.т. в год) осуществляется по железной дороге, везут за 3 тысячи километров. Поставки мазута в Роттердам (в т.ч. из Арктического бассейна

– более 7 млн.т.) осуществляются, в том числе, путем пере-валки в Мурманском порту, и для Европы мазут идёт по цене 150\$ за тонну и меньше (если цену очистить от таможенной пошлины, которую платит иностранный потребитель, НДС возвращается поставщику). «Рынок» у нас по цене не рабо-тает.

б) способствует ли частный сектор в логистике опера-тивной доставке товаров? Дробление сети железных дорог, также как сети электроснабжения, ни к чему хорошему не могло привести. Линия электропередач, железнодорожная ветка служат жизнеобеспечению населённого пункта, и это – зона ответственности государства перед социальным и про-мышленным сектором (для того в том числе и собираются налоги). Параллельно создавать более современные сети мо-жет бизнес, но ни в коем случае нельзя допускать дробле-ние единственной, в прошлом государственной, сети, кото-рая была отлажена как ЕДИНАЯ СИСТЕМА. Нельзя, порвав на части целое, создать конкурентную среду и, как «след-ствие», – привести к снижению тарифов. Эта выдумка пошла во вред экономике. В результате микрорайон Жилстрой в Мурманске, а вместе с ним рыбный порт стали заложниками компании «Первый мурманский терминал», которая арендо-вала (!) часть ж/д путей, и был период – не пропускала (без-грамотный договор аренды?) цистерны с мазутом.

в) при наличии спроса на мазут, растёт ли предложение, как полагается на рынке? Оказывается, наоборот. Нефтя-

ные компании снижают последнее время производство мазута и, кроме того, предпочитают поставлять нефтепродукты за рубеж, искусственно создавая на отечественном рынке (несмотря на спрос и отсутствие конкуренции) дефицит топочного мазута.

В результате чехарды с ценами и способами доставки мазута в регионе принято решение на перевод котельных с мазута на уголь. По расчетам (пишет Алексей Михайлов) «мазутная» гигакалория стоит около 3,1–3,2 тысячи рублей, а «угольная» обойдётся в 2,5–2,7 тысячи.

Экономический эффект составляет примерно 20%. Но при этом надо учитывать затраты по перепрофилированию котельных, строительству новых «угольных» котельных, по увеличению затрат на доставку угля, погрузку-разгрузку (плюс те же выше упомянутые проблемы на железной дороге), затраты на экологию (уголь – более грязное топливо, чем мазут, и стоит напомнить проблемы экологии в Красноярске, где стоят угольные котельные), проценты по кредитам, отчисления партнерам и инвесторам. Не вырастут ли суммарные расходы, если учесть первоначальные инвестиции? «Одна из главных сложностей проекта, – читаем мы в РГ, – это его финансирование. Стоимость КИП составляет около 22 миллиардов рублей». Расчет строится на субсидиях из Центра. Вот ещё один показатель исключительно затратной экономики. Но не проще ли принять в Центре некоторые управленческие решения по снабжению региона газом, по реше-

нию вопроса волюнтаристского ценообразования при осуществлении госзакупок для социального сектора (ведь всё выльется в возрастание суммы субсидий), по арендаторам в логистике, которые чинят препятствия при осуществлении государством его социальных функций? И как здесь не вмешиваться государственному регулятору, если частный капитал всё сводит к росту затрат? Вместе с тем государство выделяет региону субсидии, не вникая в суть проблем. Расточительность, а не эффективность, стала знаком времени.

Далее Алексей Михайлов пишет: «Мурманская область является энергоизбыточным регионом – здесь остаются невостребованными 250–300 мегаватт электрической мощности ... Предполагается реализовать и давние планы по строительству в Мурманской области ветропарка... По предварительным данным, совокупная мощность ветроисточников электроэнергии составит более 200 мегаватт». Итак, уже есть избыток электроэнергии и невостребованные (!) 250–300 мегаватт электрической мощности, а руководство региона намерено установить еще 200 мегаватт. Причем ветряков, срок окупаемости которых в лучшем случае – 10–15 лет (реально – гораздо больше, если учесть «невостребованность» электроэнергии; в некоторых местах ветряки не окупаются совсем). Но они могут быть и убыточными. Для чего их строить? Чтобы и дальше пользоваться субсидиями из Москвы? Восполнить мифический дефицит энергии? Для того чтобы запитать котельные? Насколько разумные эти предложения

и отвечают ли они государственным интересам? Добавьте стоимость запчастей, эксплуатации ветряков в валюте. И это происходит (перевод котельных на уголь) по всем удалённым уголкам страны, в то время как Москва проявляет отеческую заботу о бесперебойном снабжении Европы и Азии газом по доступной им цене даже когда те сопротивляются.

И последнее. Упрёки в адрес государства, что, мол, тратит большие средства в оборонную отрасль, а не в гражданскую экономику, меня удивляют. Ведь, начиная с 90-х годов по сегодняшний день, некоторые сторонники реформ ведут дело к тому, чтобы как можно меньше было государства в экономике. Государство заняло свою нишу – ВПК, космос, общегосударственные нужды, в т.ч. в некоторых отраслях, перечисленных в таблице выше. Повторюсь, его доля в основных фондах – 18%, государство занимается тем, чем обязательно заниматься. А экономическим развитием по правилам игры, установленным капитализмом, должен заниматься частный сектор экономики, который сам ратовал за свою монополию в этой сфере. Что показала практика? Там, где государство уступило и освободило рынок, отечественные частные компании не пришли, чтобы занять эту нишу. Это не отдельные производства – целые отрасли. Что же делать государству, когда его упрекают? Заниматься экономикой или уйти из экономики? Невольно приходит мысль: разговоры на эту тему – спекуляция, базирующаяся на желании частного бизнеса паразитировать на бюджетных деньгах – что-

бы государство не занималось своим делом, а инвестировало в экономику, т.е. отдавало бюджетные (народные) деньги в частные руки и при этом ослабило контроль, т.е. не обращало бы внимание на то, как эти деньги расходуются. Если государство доверит и оборонную сферу частному капиталу, то, можно не сомневаться, всё будет разрушено, как во всех гражданских отраслях. Так было все годы реформ. Об этом свидетельствуют голые цифры: собственные средства всех организаций, участвующие в обороте бизнеса, насчитывают 13–16 трлн. рублей, а чистая прибыль Топ-600 крупнейших компаний в 2014 г. составила, 2,115 трлн. рублей. Т.е. собственные средства всех организаций составляют частную прибыль только 600 крупнейших корпораций всего за 7–8 лет. Объемы экспорта нефти, металла и газа, производства химических удобрений, руды и леса не снижаются десятилетиями. Плюс современные производства и услуги... Куда же уходила прибыль? Обычно при нормальном капитализме она инвестируется в новые корпуса заводов, в модернизацию оборудования (в капитализацию), но мы этого не наблюдаем. И выше об этом уже много сказано. Расширения производства нет даже в прибыльной нефтепереработке: новые нефтеперерабатывающие заводы не строятся, глубина переработки значительно ниже, чем в развитых странах, объем производства бензина сохраняется приблизительно на уровне 1991 г. (так, по крайней мере, по статистике). При увеличении автомобильного парка в разы – как не расти це-

нам? Ответ в таблице ниже: предприятия, которые занимаются материальным производством, как не имели, так и не имеют средств для наращивания производства:

Показатель (в млн. руб.)	Нефинансовые	Нефинансовые
	корпорации	корпорации
	01.01.2012 г.	01.01.2016 г.
Финансовые активы	98 720 501	193 727 542
Обязательства	134 107 934	245 260 630
Финансовые активы минус обязательства	-35 387 433	-51 533 088

Что мы видим? Уверенно растёт задолженность в среднем по 4 трлн. рублей в год, т.е. прибыль реального сектора экономики (2 трлн. руб. у Топ-600) покрывает лишь половину годовой задолженности. Значит, стоимость машин и оборудования в основных фондах (около 37 трлн. рублей) уже перезаложена. Кому? Иностранным кредиторам? Задача исследовать денежные потоки в этой статье не ставилась. Приходится констатировать еще одно свидетельство неэффективности экономики, ответственность за которую несёт частный сектор и государство, как регулятор финансово-кредитной и товарно-денежной политики.

Так на что же направлены российские реформы? Через отчуждение всех средств производства с последующей ликвидацией значительной их части мы ушли от социализма. Вместе с тем признаков капитализма при анализе статистики мы тоже не обнаружили – нет накопления капитала. Доля им-

порта в ВВП колеблется от 19 до 21%, в то время как сумма выросла со 109,4 млрд.\$ в постоянных ценах 1990 г. до 599,8 млрд.\$ в 2016 г.(263,8 млрд.\$ в текущих ценах; см. <http://be5.biz/makroekonomika/import/ru.html#main>). Что это, если не ещё один показатель того, что рост ВВП обеспечивается больше за счет импорта, чем производства? При этом импортные товары обходятся государству (выкачиванием невозобновляемых ресурсов – нефти и газа) примерно в 5 раз дороже (599,8/109,4 при условно равном физическом объеме в 20% относительно ВВП, равном 1102 млрд. \$ в 1990 г. и 1271 млрд. \$ в 2016 г.). Хотя доллар обесценился за этот период едва ли больше чем в 1,7 раза. Что это за эффективность, когда бизнес готов переплачивать в 5 раз поставщику из-за рубежа, чем производить самому. Следует добавить, что нефти с газом надо экспортировать больше еще и потому, что валютой, вырученной за наши ресурсы, мы вынуждены покрывать не только стоимость импорта, но и выкачиваемые иностранным капиталом проценты и дивиденды за их вложения в российское производство (нужное им, как было в царские времена), торговлю, образование, добывающую отрасль и строительство.

И хотелось бы не верить этой статистике, надеяться, что Россия укрепляется, или хотя бы «сосредотачивается». Но ведь это – официальная статистика, как ей не верить? Кто ж виноват, что внимательный взгляд на отчеты Росстата, особенно если цифры правильно "сложить", разочаровывает –

не получается разглядеть признаки роста. Нет даже оснований предполагать оживление экономики. Наоборот, изложенное приводит к мысли, что после того, как рухнула значительная часть материального производства, доставшаяся по наследству от СССР, страну законсервировали на полуразваленном уровне с сырьевыми отраслями. Да и те погрязли в долгах перед финансовыми структурами. Государство пытается что-то оживить (ВПК, авиацию, машиностроение), а частный сектор, не занимая эту нишу сам (цитаты можно найти в интернете), как собака на сене, отвечает, что это – лоббирование государственных интересов и государству нет нужды вкладывать туда деньги. Всё потому, что предпочитает Боинги отечественным самолётам.

Приходится констатировать: ситуация меняется, кое-где кое-что порой строится, темпы разрушения экономики в духе 90-х годов снизились, и период полураспада стал именоваться стабильностью. Иначе говоря, застоём. Этот застой устраивает 10% нашедших себя в том или ином прибыльном деле. Ещё примерно 30% удовлетворяются заработками, которые может себе позволить весьма прижимистый бизнес. Ещё процентов 20 живут за счёт пособий и мизерных пенсий. Оставшиеся 40% населения, выкинутые реформами из экономической жизни, выживают кто как может.

Конвертация государственной собственности на средства производства в частную собственность обернулась превращением экономики производящей (пусть даже с дефицитом,

что является стимулом для частного наращивать производство, а не наоборот) преимущественно в экономику спекулятивной торговли, – на перепродажах. Там, где частный собственник сохранил производство, пока не убедил население в своём преимуществе перед государством в умении эффективно развиваться.

Маргарет Тэтчер так откликнулась на вопрос об «Искусстве управления государством»: «Государство отличается от общества; оно в конечном счете – слуга, а не хозяин людей».

В России государство преданно служит не очень эффективному бизнесу, оставляя рядовым гражданам роль прислуги. Может быть, в этом и кроется секрет низкой эффективности – слишком много слуг, поклонников мамоны и мало настоящих хозяев. Впрочем, очевидно, главный хозяин тот, кто распределил эти роли и пользуется ресурсами без риска стать банкротом, потому что всё под его контролем. Только это как-то не очень вяжется с истинным суверенитетом.

Март 2018 г.

Открытое письмо

Депутату Государственной Думы

Хованской Г. П.

Уважаемая Галина Петровна!

В феврале 2018 г. я отправил на Ваше имя в Государственную Думу письмо по проблемам ЖКХ и капитального ремонта жилого фонда. От Вас какой-либо реакции не последовало. В начале мая я получил письмо от Министерства строительства и ЖКХ РФ, в котором Министерство разъясняет, что собственники квартир должны платить и всё (кто возражает? – вопрос был – не двойную же цену?), больше никакого конкретного ответа ни на один из поставленных вопросов. Вопросы остались открытыми.

Считаю себя вправе озвучить публично проблемы, на которые профильный комитет Госдумы оказался не готов дать квалифицированный ответ.

Государственная Дума отличается (должна отличаться) от Боярской тем, что должна решать вопросы не в интересах бояр, а в интересах ГОСУДАРСТВА, т.е. НАРОДА, потому что без народа нет и не может быть государства. Ваш комитет находится ближе всех к нуждам населения. Между тем мы видим, что именно Вы, представитель «Справедливой» России, инициировали новые выборы с населения в целях «капитального» ремонта. Хотели как лучше? А получилось

как? Нужны ли деньги для проведения ремонта? Конечно, нужны. Но посмотрите, что происходит с деньгами: старый жилой фонд в большинстве своём изношен на 80% и более (по сроку эксплуатации), но столько же лет с нас собирают деньги на ремонт.

Начиная с далёких советских времён платёжки включали взносы на капитальный ремонт. Например, Жилищный кодекс РСФСР, который утвержден ВС РСФСР 24.06.1983 г. в ред. от 20.07.2004 г.:

Ст.149 и Статья 154: «Плата за жильё и коммунальные услуги для собственников в многоквартирном доме включает в себя в том числе и взнос на капитальный ремонт». До 2004 г. собственники, разумеется, не упоминались, но взносы на капитальный ремонт входили в плату за жильё уже тогда. В более ранних документах говорилось, что капитальный ремонт выполняется в счет взносов населения, хранящихся на счетах ДЭЗ. О том же Закон № 188-ФЗ от 29.12.2004 (п.154).

Отсюда следует, что в амортизационный фонд было перечислено всё, и еще сверху, достаточно для того, чтобы дома не только отремонтировать, но и построить новые. Но их не ремонтировали, поэтому бюджет получил плюс сэкономленные средства на не проведённых своевременно капремонтах.

В 90-е годы платежи тоже включали капитальный ремонт: Постановление Правительства РФ от 18.06.1996 № 707 «Об упорядочении системы оплаты жилья и коммуналь-

ных услуг» гласит:

П.1 «Структура платежей населения за жильё всех форм собственности должна включать: первый платеж – за содержание и ремонт (включая капитальный ремонт) мест общего пользования в жилых зданиях, второй платеж – за коммунальные услуги».

Об этом же говорит Приказ Минстроя РФ от 02.12.1996 г. № 17–152 «Об утверждении «Методических указаний по расчету ставок платы за найм и отчислений на капитальный ремонт жилых помещений, включаемых в ставку платы за содержание и ремонт жилья (техническое обслуживание). Напомню, как галопировали платежи, взимаемые с населения: за период с 1999 по 2009 г. тарифы за содержание и ремонт жилой площади в Москве (домам 55–60 и более лет) для собственников жилья выросли с 0,24 рубля за 1 кв.м. до 6,66 рублей, а с 2009 г. по декабрь 2015 гг., соответственно, с 6,66 рублей до 16,69 рублей за 1 кв.м. Рост в первом случае в 27,7 раза, а во втором – еще в 2,5 раза. При этом за вторичное жильё в Москве ранее взималось больше, чем за первичное – по 20,29 руб. за 1 кв.м. Без всякого законодательного утверждения тарифа. Сейчас тариф – 21,95 рублей за 1 кв.м., рост за два года еще на 30%. Сравните с официальным темпом инфляции за 2016–2017, которым так гордится Правительство. Никаким дефлятором такой рост не объяснить. Это тариф за содержание и ремонт (включая капитальный ремонт) согласно вышеприведенным нормативным документам.

Наконец, напомним, федеральный закон № 271-ФЗ от 25.12.12, где в части 3, статьи 154 тоже сказано, что в платежи для собственников квартир включен взнос на капремонт.

В 2015 году депутаты ГД по инициативе комитета Думы сделали вид (или по своей некомпетентности), что никаких взносов не собирают и ввели новый взнос (отдельной строкой) с квадратного метра, якобы теперь уже только для собственников (а разве статья 154 ЖК не о собственниках? По сути, – это уже сверхплатежи, помимо уплаченных в 1960–2017 гг. и включенных в статью «содержание и техобслуживание»). Сколько можно? Уже дважды (по нормативу срока проведения ремонта) перекрыли суммы, необходимые для их капитального ремонта или реновации. Население оплачивало по двойному тарифу услуги ЖКХ по крайней мере два года с июля 2015 г. до издания Закона № 258-ФЗ от 29.07.2017, который одним росчерком пера исключил взносы, не скорректировав тариф на «содержание...» в сторону уменьшения на соответствующую сумму. Следовательно, взносы в строке остались. Только не считаются взносами. «Испарились» платежи, которые выплачивались населением многие десятилетия. Они что, национализированы? Реквизированы? Присвоены!

При этом за всё время существования домов хоть бы раз соответствующие службы организовали дело по ремонту в соответствии с нормативной документацией, определяющей объем и порядок проведения этого ремонта.

КАПИТАЛЬНЫЙ ремонт предполагает определённый набор обязательных работ, включая ремонт или замену деревянных полов и перекрытий, канализации, особенно проложенной в земле без подвала, ГВС, ХВС, отопления, окон и пр. Иначе он – не капитальный. В перечне работ перекрытия и полы не упоминаются. Если они сгниют или на пределе износа обрушатся – это проблемы собственников? Понятно, что некоторые работы могут быть связаны с отселением или какими-то другими проблемами. Но сегодня эти «детали» вообще никого не интересуют, потому что никаких обязательных работ фактически нет. Все строительные нормативы как бы отменены: полы, перекрытия, трубы в земле – это слишком утомительно и накладно. В результате ремонт проходит, а проблемы остаются. В нашем доме в начале 80-х годов уже делался ремонт. Тогда его называли «планово-предупредительным». При этом с первого этажа выселили жильцов, снесли несущие стены, сделали общий длинный коридор и разместили там Налоговую инспекцию. Произведена была реальная реконструкция первого этажа со сносом участков несущих стен. Появились небольшие трещины на фасаде строения. При этом у части дома нет фундамента и нет подвала. Однако нам и Жилищная инспекция, и Префектура пишут, что в подвале (не существующем!) всё в порядке, и никакой реконструкции по плану БТИ 2011 г. (!) не делалось (дом 1960 г.). Вопиющая некомпетентность.

Так и с настоящим капитальным ремонтом. Что в действи-

тельности происходит?

Про деревянные полы и старые перекрытия ни в каких домах речь не идёт, деревянные рамы, разошедшиеся (кто не поменял за свой счет), пропускают все ветра (а ведь это – фасад, который входит в набор работ), полы скрипят, канализация засоряется из-за жировых отложений и дефектов, возникших в процессе эксплуатации... А населению вместо всех этих работ, предлагают голосовать за несколько пунктов, изначально не отвечающих требованиям капитального ремонта: делать то или это? Чтобы вынести за скобки еще часть работ, включенных в этот псевдокапитальный ремонт. С какой целью? Ясно какой: чем меньше сделать, тем больше экономия Фонда капитального ремонта. Сэкономленные на «липовом капитальном ремонте» средства вернут жителям? Понятно, что нет. Тогда зачем деньги собираются с населения в тройном размере, если делается не только НЕ капитальный ремонт, но и вообще ремонт ли? При этом пропаганда о проведении кампании именно капитального ремонта разносится по всем углам. Деньги собираются с населения как бы именно для проведения капитального ремонта. На верхних этажах канализация не засоряется, сгнила внизу, в лежке, что лежит на земле, но там государственная налоговая инспекция, которая возражает против вскрытия полов, население верхних этажей это не волнует, и труба в объем работ не включается, налоговая (режимный объект) отказывает. Или не отказывает, и собрание собственников

приняло решение провести работы по ремонту. Однако мнение собственников квартир игнорируется, работы в проектно-сметную документацию не включаются и выпуск (лежак) в земле, даже если он сгнил, оставляют разрушаться. Зато покраску в подъезде в смету включили, несмотря на то, что аналогичные работы проводили совсем недавно. Проблемы как были, так и остаются. Нижние этажи не волнует крыша, можно проголосовать «против». Торжествует «демократия». Липовая. Фактически же – кампания по снятию ответственности всех структур власти за жилой фонд, за заведомо отрицательные результаты (провал) «капитального ремонта» в стране и Москве. Вот почему вдруг протекают крыши, а то и обваливаются элементы стен домов, в которых недавно делался «ремонт». Напомню, в нашем доме снесли несколько несущих стен, когда жилой первый этаж делали нежилым, а перекрытия никто смотреть не собирается.

Не дождавшись ремонта, люди давно взялись менять за свой счет трубы в своих квартирах, заливать бетоном перекрытия. В результате, если голосованием будет принято решение менять внутридомовые стояки, по этажам пойдёт не цельная труба, а сваренная кусками. И что проку менять кусок трубы в одной квартире, если из-за жировых отложений или налёта ржавчины плохо пропускает труба где-нибудь на 3-м или 4-м этаже? Я говорю не о конкретном доме, а об антигосударственном подходе ответственных властных структур к проблеме. Уже всем ясно, что качества от ремон-

тов, выполняемых, как правило, неквалифицированными (в целях экономии, да и где взять квалифицированных?) работниками из соседних республик (они – налицо, полно сюжетов по телевидению), ждать не приходится. Факты некачественно проведённых работ приводят в нерешительность всё население: соглашаться на проведение ремонтных работ? Особенно если недавно в квартире провели дорогостоящий или даже косметический ремонт. Ведь пустить в квартиру ремонтников для замены труб автоматически означает, что ремонт был сделан напрасно. Деньги – на ветер. А они у населения не лишние.

В одном доме меняют батареи, окна, унитазы, обновляют лифты..., в другом меняют трубы, в третьем предлагают жильцам батареи и окна менять за свой счет. Полная анархия. А деньги – со всех поровну.

Какую цель ставило государство, объявляя эту кампанию? Если цель – лишь собрать деньги с населения – это одно. Если цель – ремонт жилого фонда – это совсем другое. Но так ремонт не делается. Нельзя голосованием решать риски, ведущие к разрушению. Они должны регулироваться строительными нормами и нормативами, т.к. все строительные материалы имеют свойства разрушаться со временем (усталость, попадание влаги...). Кроме того, ведь вместе с собственниками в доме проживают арендаторы муниципального жилья. По Жилищному кодексу государство обязалось в муниципальных квартирах делать капитальный ремонт в

установленные сроки. Фактически делает не везде. По-существу, государство отказывается от исполнения своих обязательств перед жителями. Приходится констатировать следующее:

Несоблюдение сроков и объёмов капитального ремонта – это мина замедленного действия. То, что делается под видом капитального ремонта – это галочка в отчетах вместо соблюдения технических норм и законодательства. Это – необоснованное требование платежей за объем работ, включенных в капитальный ремонт, но не выполненный. Т.е. требование платежей за не оказанные и не оказываемые услуги в необходимом объёме. Тем более, что, например, в Москве, согласно Распоряжению Мэра № 86-ПП от 27.02.2015 г. используется только 90% от суммы, собранной в предыдущем году.

Что значит голосование, которое организывают (тоже не везде) Управы? Это значит, что по проведению «лоскутного» ремонта отчитаются как за капитальный ремонт. Галочку поставят, а если что случится – виновато население: не так проголосовало, не пустило в квартиру. Для того чтобы получить в отчете галочку и от собственников жилья, придумали способ: на собрании выбирают уполномоченных одних, а документы приносят для подписи другим, на всё согласным. По крайней мере, так произошло в нашем доме. Ясно всем, что дифференциация в объемах работ в разных домах может быть огромная. В результате деньги, собранные с владельцев квартир в домах с минимумом удобств, бу-

дуг использованы в тех домах, где больше «наворотов». Т.е. в комфортных домах будет делаться ремонт за счет необеспеченных, а то и вовсе безработных. Пора признать: причина задержек ЖКХ-платежей (где это явление есть) – неконтролируемые, превышающие реальные затраты по конкретным объектам, поборы с населения при участии государства, утверждающего тарифы в двойном размере. Правильней было бы ввести коэффициенты: есть дома, на которые требуется затрат больше – один коэффициент, где меньше – другой. Такой подход даже в голову чиновникам не пришёл. Уравниловка в этом деле в период критического расслоения общества устроила Правительство и Думу, очевидно, потому, что в их пользу. Уравниловка – это в прошлом было неправильно, теперь – необходимость.

При этом многие очевидные проблемы в домах могут остаться на следующие 60 лет нерешенными. Так, после ремонта в начале 80-х годов в нашем доме, мы исписались по поводу недоделок, в т.ч. канализации, а нам отвечают, что все проблемы по вине жильцов. В марте 2017 г. мы добились видеодиагностики: в лежаке обнаружен посторонний предмет (трубка), из-за которого, возможно, все проблемы (сам видел, когда диагностику проводила специализированная фирма, привлеченная Управляющей компанией), а нам по-прежнему отвечают – «всё исправно, жильцы виноваты». Выпуск (лежаки, проложенный в земле до колодца) от стояка составляет около больше 20 метров, а по строительным нор-

мативам не должен превышать 10–12 метров. Схемы установки инженерных коммуникаций водоотведения ни у кого нет, куда ведут трубы – точно никто не знает. Цитирую письмо Фонда капитального ремонта многоквартирных домов: «В соответствии с п.8 Правил содержания общего имущества внешней границей сетей электро-, тепло-, водоснабжения и водоотведения... является внешняя граница стены многоквартирного дома...». Перевожу на русский язык: канализационная труба под землёй обслуживается наполовину исполнителем коммунальных услуг (в т.ч. районной аварийной службой), а наполовину – ресурсоснабжающей организацией и городской аварийной службой. Это до какого маразма нужно дойти, чтобы одну и ту же трубу под землёй (границу не видно) до границы обслуживала одна организация, а после границы – другая. В результате неизвестно, кому делать капитальный ремонт этой трубе!!! Нам навязывают цифровизацию экономики, в то время как не способны решить элементарный вопрос по обслуживанию и замене канализационной трубы из-за дури по её делению на две зоны ответственности. При проведении видеодиагностики не смогли из помещения по канализационным трубам выйти видеокамерой в колодец, что является признаком некачественно проложенной трубы и некачественной работы по проведению диагностики. Для Жилищной инспекции, Префектуры, Мэрии и даже для Прокуратуры – опять «всё в норме». Потому что все отвечают под копирку с письма Управляющей

компании. Приходится делать вывод, что для всех уровней власти не норма – только когда затапливает так, что льётся на улицу, взрывается и рушатся конструкции здания. Когда это скрыто стенами – хоть испиши всю бумагу, никто из чиновников не пошевелится.

В подъезде год назад сделали текущий ремонт. Как раз под капитальный ремонт. Теперь всё будут переделывать. Но собственники не заказывали повторный ремонт в подъезде. Очевидно, у города и Фонда много лишних денег? При этом то, что требуется, делать отказываются. В таких случаях невольно приходишь к выводу, что главное не ремонт, а освоение выделенных денег. Когда нас собирали в Управе, рассказывали, что собственники квартир должны контролировать расход средств. Но компания, которая занимается ремонтом дома, не смогла нам показать оригиналов документов по поставкам материалов и сметы. Наш сигнал в Управу последствий не имел. Вопрос к властям повисает в воздухе: разве население нанимает людей для ремонта, разве население заключает договор? Нет! Тот, кто обязывает население платить по экономически необоснованным тарифам, и взял на себя полномочия от имени народа оплачивать эти услуги – Фонд капитального ремонта и Управляющие компании, они и должны контролировать ход и качество работ в соответствии со сметой и проектной документацией. Кто платит – тот и Заказчик услуг. Население – источник средств. В ситуации, которая складывается вокруг капитального ремонта

нашего дома, очевидна попытка весь контроль переложить на жильцов. На них же списать все недочеты по проведению «капитального» ремонта. Можно догадаться почему перекладывается ответственность: качество ремонта изначально не гарантируется.

В Москве (помимо суммы, включенной в техобслуживание) на капитальный ремонт собирают 17 рублей за кв. метр. А где-то в регионах 6 или 10. Разве строительные материалы в регионах отличаются по цене в два-три раза? Или в Москве строители не иммигранты? Чем объяснить тариф? Видимо, так хочется Москве. Впрочем, какое значение имеет сумма тарифа, если работы не выполняются? Конечно, чем больше денег – тем лучше. Кому лучше? Как можно объяснить разницу в тарифах? – большим объемом работ по ремонту (это явно не так) или желанием больше собрать денег? Ответ очевиден. Тариф из расчетов на квадратный метр, а ремонт – из расчетов на квадратный миллиметр. О ком же так ревниво заботится правительство Москвы? Забота явно не о москвичах. О тех, в чью пользу собираются деньги? Интересно, чем они заслужили такую отеческую заботу?

Неквалифицированный и не всесторонний подход к проблеме сохранения жилого фонда со стороны законодателей неизбежно предполагает некачественное исполнение. Нет контроля за всем этим – нет и порядка. Жителям самим предоставили право контролировать ход работ. А где Госстройнадзор, Мосжилинспекция? Квалификации не хвата-

ет? У жителей её больше?! Может быть, пора начать наводить порядок? Для начала отменить эти позорные поборы с малоимущего населения, инициированные профильным комитетом Думы и «Справедливой» Россией, особенно при таком исполнении ремонтных работ. Вы можете сказать, что все ранее собранные средства съела инфляция? Не аргумент. За инфляцию ответственность несёт Правительство. Кроме того, у населения тоже все сбережения, начиная с 1991 г., съела инфляция, точнее, Правительство реквизировало. Поэтому расходы должна нести виновная сторона – Правительство, а не население. Российский рынок, который больше похож на восточный базар, где монополии – единственный господин, так устроен, что никогда не отрегулирует доходы в пользу населения (нефтяные, например; на народ всегда ложатся только расходы), как не может отрегулировать вообще ничего в стране в положительную сторону за последние 30 лет.

Вы находите такое положение дел в жилищной политике справедливым? Я понимаю, что это риторический вопрос, но отложенные проблемы всегда влекут повышенные расходы в будущем. А не считают деньги наперёд не расчётливые капиталисты, а только те, кто паразитирует на населении.

Апрель 2018 г.

Пенсионная реформа (о чем умалчивают чиновники)

Нам предлагают пенсионную реформу и в качестве аргумента приводят примеры из западных развитых стран: мы, мол, приступаем к ней самыми последними. Но что-то я не припомню, чтобы так же решительно Правительство, а за ним и законодатели со своим «одобрямс», предлагали бы подтянуть под уровень Европы с Америкой зарплаты и пенсии. Здесь мы тоже не в передовиках.

У них пенсионеры могут позволить себе трансконтинентальные перелёты, а у нас до дачи доехать – проблема: конкуренция в сфере энергетики такое бурное получила «развитие» в результате «реформ», что электроэнергия, потребляемая электричками (плюс прочие затраты) сопоставима с расходом бензина автомобилем. Иначе говоря, на поездку туда и обратно на автомобиле за 120 км от Москвы два человека потратят приблизительно 1000 рублей. На приобретение билета на электричку – столько же (почти как в США с той разницей, что зарплаты и пенсии у нас не как в США). Сколько перевозит электричка людей в час-пик? Много. И всё равно не хватает, чиновники требуют роста тарифов, и законодатели их просьбы всегда удовлетворяют. К сожалению, всякий раз, когда крупные наши фирмы обращаются к бюджету за

субсидиями, они не уточняют, куда и на что не хватает. Главное – не хватает. Что уж говорить о конкурентоспособности экономики при таких ценах на топливо (цена бензина за литр сравнялась с ценой в США) и электроэнергию (у них тоже как у нас). Почему на Украине, где по свидетельству нашего телевидения, всё безудержно дорожает, электроэнергия стоит 2 рубля за кВт.ч, а у нас – больше 5 рублей? Почему в Норвегии за среднюю зарплату житель может приобрести 22,6 тысяч кВт.ч, а у нас – 6–7 тысяч, и то при условии, что средняя – та, которая получается у Росстата, а не в реальной жизни. В Казахстане бензин в два раза дешевле, чем у нас. Правительство почему-то не задаётся вопросом «догнать и перегнать» развитые страны и по этому показателю. Очень избирательные «догонялки» получаются. Если сложить некоторые очевидные причины отсутствия роста экономики, то складывается впечатление, что Правительство, поддерживаемое, к сожалению, Президентом, по всей видимости, не понимающее истинных причин, тормозящих рост, – главный фактор, сдерживающий развитие.

Такая же ситуация и с пенсиями. Не хватает в Фонде денег на выплату пенсий пенсионерам. Но при этом никогда не уточняют, сколько людей обеспечили работой, с какой заработной платой, позволяющей перечислять взносы в ПФР, какие средства тратятся на здания пенсионных фондов, на зарплаты сотрудников фондов, на их функциональное обеспечение. Пенсионерам сегодня приращивают пенсии по 200–

300 рублей, как подачку, пообещали по тысяче – как благодетельствовали. А ведь пенсионеры не просят у государства чужое, они вправе получить то, что доверили государству, когда перечисляли суммы кто 10, кто 40–60, а кто и больше лет. Если бы государство не обязывало к их платежу, тогда пенсии были бы благодеянием государства.

Итак, главные тезисы настоящей статьи:

Пенсионеры – не иждивенцы, они доверили государству своё, и вправе получить от него полноценной монетой (независимо от пертурбаций в экономике). Процент отчисления, пенсионный возраст и период дожития – разные вещи, они устанавливались не с потолка (как это делается сегодня), а с расчетом всех факторов, из которых период активности после выхода на пенсию не был самым главным. Прежде всего это: процент налога, размер пенсии и расчетный период дожития. Если люди пенсионного возраста стали здоровее – это тоже плюс государству – меньше бюджетных затрат на поддержание здоровья основной массы пенсионеров. Сегодня рядовым гражданам фактически уделяется минимум внимания. О них почти не говорят. На первом плане матери, материнский капитал и инвалиды. Для них, простых граждан, реформы в здравоохранении: возникли проблемы со здоровьем – получи квоту, не управился с операцией в установленный чиновником срок – твои проблемы. Добейся новой квоты или плати. Анализ сдал чтобы поставить диагноз, теперь жди нового года, чтобы сделать повторный ана-

лиз, чтобы установить – помогло лечение или нет. Или плати. А закрывали больницы – в интересах населения? Нет, бюджета. Так работает у нас «бесплатная» медицина. Не добрался до больницы и умер – твои проблемы. Для кого же все достижения, демонстрируемые по телевизору? Вопрос риторический. Оптимизация затрат у нас только в социальной сфере, но не в производстве, где оно ещё дышит.

Пенсионеры в условиях дефицита рабочих мест, которым удастся сохранить работу по задумке Правительства, могут стать конкурентами молодых специалистов. А это чревато социальными проблемами: молодые, даже получившие образование, которые не смогут найти работу, будут стремиться уехать из страны (что уже происходит), ещё больше усугубляя ситуацию в пропорции работающих и иждивенцев. Либо вынуждены будут накапливать потенциал для принудительного передела собственности. Впрочем, это вряд ли произойдёт по «вине» работающих пенсионеров. Сегодня уже в 45–50 лет на работу не берут, поэтому не только пенсионеры, но и люди среднего возраста будут держаться за любую работу, с любой приемлемой зарплатой, т.к. в случае увольнения (а это может произойти и в добровольном порядке, когда урезают доход до минимума или просто перестают платить зарплату) шансов найти другую работу сегодня в стране нет. Следовательно, меры, предусматриваемые реформой, скорее обрекают на голодное существование ещё больший процент населения, потому что реально повышение

пенсионного возраста – это попытка сохранить более чем благополучное Status quo для тех, кто распределяет пенсионные деньги за счет населения, у которого их отбирают, не доплачивая при этом зарплату и отдаляя сроки выплаты пенсии.

Страхование жизни через пенсионный фонд – это прежде всего экономическая категория, а не только возрастная. Правительство с главным идеологом реформы – А.Кудриным, очередной раз демонстрируют безграмотный подход: пенсионные отчисления имеют прямую связь прежде всего с действующей экономикой, её возможностями по сбору взносов, а не с возрастом. Сокращение суммы взносов – признак нездоровой экономики. Между понятиями «увеличить отчисления в фонд» и «увеличить фонд путём невыплаты» – это разные вещи. Возраст, т.е. перенос срока начала выплаты пенсионных денег, – это способ удержать в фонде средства, чтобы чиновники могли ими распорядиться по своему усмотрению. Увеличить пенсионные отчисления можно только путем расширения налогооблагаемой базы. Всякому хозяину прилавка на московском рынке известно, что чем шире ассортимент, а не возраст продавца, тем больше выручка. Это позволяет зарабатывать не только на ценах, но и на обороте. Те, кто предлагает и проводит бессмысленные, а то и вредные реформы, этого не понимают. Если не сказать, что делают это намеренно в подтверждение тезиса, озвученного в 90-е годы, о том, что российская экономика неконку-

рентоспособна, поэтому надо всё покупать за нефть (которая, кстати, тоже субсидируется государством, но почему-то не банкротится, как многие заводы и фабрики – факт, свидетельствующий о заинтересованности иностранных компаний и государств).

Когда задаются вопросом о сроках дожития граждан на пенсии до смерти, то ищут обычно ответ на два вопроса: как решить проблему воспроизводства и как обеспечить страхование жизни на пенсии. Понятно, что человек (т.е. предприятие, на котором он работал) на протяжении своей жизни делал отчисления в Пенсионный фонд, из которого деньги перечислялись тем, кто уже вступил в пенсионный возраст. Также понятно, что вступая в пенсионный возраст, мы получаем содержание из копилки, в которую делает отчисления работающее поколение. Проблема сокращения численности занятого населения – это не проблема новоиспеченных пенсионеров. Это проблема государства, которое обязано предвидеть трудности и заранее найти пути их преодоления. Пенсионер, вступая в пенсионный возраст, имеет право на денежное содержание, т.к. он выплатил (принудительно) из своего заработка некоторую сумму только потому, что рассчитывает на встречное исполнение обязательств государством. И его не интересует, почему из фонда уходят крупные суммы на содержание аппарата или теряются на чьих-то счетах. Платежи в пенсионный фонд – одни из самых высоких – 22% (в 90-е годы доходило до 28%, знаю по се-

бе). Таким образом, гражданин страны, плативший в пенсионный фонд четверть суммы от дохода, например, в течение 40 лет, вправе рассчитывать на достойную пенсию. Но нет, мы знаем, что сегодня установлены ножницы выплат: гражданин обязан всю жизнь с любой зарплаты отдавать 22%, чтобы получить пенсионное содержание (если он не депутат и не крупный чиновник) ниже прожиточного уровня. Реформами и доплатами для рядовых граждан установлена уравниловка, потому что, чтобы платить больше – денег нет, чтобы кому-то платить меньше – им не выжить. И если реальный период дожития составляет не 19 лет (из расчёта которых делались и делаются сборы налога), а в лучшем случае 12–14, и после реформы срок сократится еще на несколько лет, то это значит, что минимум 30% из поступлений в ПФ впоследствии оказываются не востребуемыми несостоявшимися пенсионерами, и могли идти на повышение содержания среднесписочного пенсионера без изменения возраста выхода на пенсию. В нашей стране не принято отчитываться за использование общественного фонда, пенсионного особенно, это – как государственная тайна. Заводы обязали проводить аудиторские проверки и публиковать полные отчеты по всем статьям расходов в интернете, а пенсионным фондам обязали верить на слово. Впрочем, есть отчеты, которые можно посмотреть, под заголовком: «открытые данные». Следовательно, можно предположить, что есть закрытые данные. Мы не найдём в «открытых данных», на-

пример, размер средств, идущих на содержание зданий и аппарата. На сайте Фонда <http://www.pfrf.ru/opendata/> в отчёте за 2016–2017 г. мы обнаруживаем:

а) поступления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование – 4481,9 млрд. рублей;

б) расходы ПФ на выплату пенсий – 7167,2 млрд. рублей. Дефицит составляет 2685,3 млрд. рублей. Чтобы восполнить этот дефицит, необходимо увеличить поступление на 60%. Задержка выплаты пенсии на год пополнит бюджет ПФ максимум на 93 млрд. рублей. Это – не больше 3,5% от дефицита, т.е. «погоды» не сделает, зато оставит, возможно, без средств существования дополнительно около 18% потенциальных пенсионеров, оставшихся без пенсионного содержания из-за переноса срока по возрасту. Если мы сложим расходы ПФР по всем основным статьям: на выплату пенсий, на социальное содержание и на материнский капитал, мы получим расходы Фонда по прямому назначению. Если из суммарных расходов вычтем сумму прямого назначения, то мы увидим, что разница в 2016 г. составила 257,5 млрд. рублей (это 3,29% от суммарных расходов), а в 2017 г. – 293,1 млрд. рублей, и это уже – 3,52%. И, если предположить, что это – средства, которые идут куда-то по «закрытой статье» (например, на содержание Фонда), то мы увидим, что рост этой «закрытой статьи» за год составил 13,8% при общем росте доходов на 8,3%, расходов на 6,25%.

Итак, понятно, что реформа по возрасту выхода на пен-

сию вообще не решает проблему дефицита средств ПФР. В этой реформе скорей всего один чиновник позаботился о другом чиновнике. Рабочий человек, который остался без внимания со стороны государства, обречён выживать как может (как в 90-е годы). Инициаторов реформы не смущает даже то, что в 48 регионах страны (из 83) мужчины не доживают до 65 лет (данные Росстата, 2015 г. Ист: http://www.statdata.ru/spg_reg_rf). Период дожития в этих неблагополучных регионах после реформы будет = 0. И государство почему-то не стремится сравняться продолжительностью жизни с уровнем Европы и Америки. Государство при жизни кормильца лишает его семью части средств существования, а потом через пенсионный фонд «национализует» её, в смысле перераспределяет тем, кто дожил и получает по повышенному коэффициенту. Особенно большие надбавки к пенсии у чиновников, не создающих никакой добавленной стоимости. Поэтому из аргументов в пользу очередной реформы, нам приводят самую нелепую: рассказывают не о самой экономике и незанятой рабочей силе (по вине власть имущих чиновников!), а об отставании от Европы по срокам выхода на пенсию.

Итак, новой реформой (предыдущая была совсем недавно – в 2015 г. и потерпела фиаско, что не удивительно, когда этим занимаются люди, не очень заинтересованные в повышении благосостояния населения) государство намерено перенести начало сроков выплаты на том основании, что тех,

кто делает отчисления сегодня, становится всё меньше. Даже если это так, но разве эта мера увеличит его наполнение? Нет, но она позволит перераспределять фонд за счет тех, кто не вышел на пенсию из-за переноса срока, за счет умерших раньше времени, заплативших взносы и не успевших воспользоваться правом на пенсию. Отсюда можно заподозрить заинтересованность сторонников реформ в непродолжительной жизни граждан. Чем больше не дожило до пенсии, тем удачнее прошла реформа. Разрушить этот вывод могла бы программа увеличения продолжительности жизни не на бумаге, а на деле до 80–85 лет (в первую очередь, как в Европе и не только), после чего логично было бы изменение срока выхода на пенсию, а не наоборот.

Стабильное и неуклонное сокращение рабочих мест в стране, а с ними и сокращение доли работающих относительно незанятых – первейшая проблема и наполнения бюджета, и страхования жизни в Пенсионном фонде, которую Правительство просто не видит или не хочет замечать. Для аргумента воспользуемся сведениями Росстата по населению России по возрастным группам (тыс. человек):

Население России по группам:	1926 г.	1959 г.	1970 г.	2007 г.	2018 г.
От 0 до 15 лет (вкл.)	36854	35094	37145	23073	27254
От 16 до 54 (жен.) и 59 (муж.)	47830	68609	72752	90058	82264
От 55(жен.) и 60 (муж.) и старше	7945	13827	19987	29732	37362
Отношение работающих к пенсионерам	1,07	1,40	1,27	1,71	1,27

Хочу обратить внимание на то, что чаще всего мы слышим о растущей диспропорции между пенсионерами, получающими пенсию, и работающей частью населения. Акцентируя внимание на этом, государство совсем не принимает во внимание значительную долю незанятого в экономике населения, детей и учащейся молодёжи. Поэтому, анализируя благосостояние российских семей, правильной было бы соотносить долю реально занятых в экономике со всей иждивенческой группой населения. По этому показателю положение в 2018 г. было лучше, чем в 2007 г. и ничем не отличалось от ситуации в 1970 г. Действительно, отрицательный естественный прирост населения продолжался вплоть до 2011 г. Потенциальные потери в населении составили 13238 тысяч человек (сумма отрицательного естественного прироста за период с 1992 по 2011 г.). Однако все эти годы росла безработица и ещё неизвестно, какой фактор оказывал большее влияние на экономику: падение рождаемости или рост числа безработных. Таков результат либеральных реформ – прямые человеческие потери. Учитывая, что статистика – это инструмент, который может быть использован для принятия правильного управленческого решения, а может и для манипулирования общественным мнением, зададимся вопросом, каковы среднегодовые темпы роста населения по возрастным группам. Я получил на базе данных Росстата следующий результат:

	2007	2018	2018/2007
Все население	142863	146880	Среднегод. темп роста
в том числе в возрасте, лет.			
0-4	7234	9347	102,36
5-9	6503	8873	102,87
10-14	7458	7598	100,17
15-19	11244	6816	95,55
20-24	12298	7336	95,41
25-29	11130	11120	99,99
30-34	10466	12766	101,82
35-39	9485	11425	101,71
40-44	10325	10453	100,11
45-49	12084	9499	97,84
50-54	10887	9372	98,65
55-59	9164	11049	101,72
60-64	4408	9783	107,52
65-69	7572	7937	100,43
70 и более	12605	13506	100,63
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#			

Интересно в этой таблице то, что за 11 лет категория от 60 до 64 лет выросла в 2,2 раза со среднегодовым темпом – 107,52% в год. Население у нас так не росло (в том числе в 60-е годы) и возрастная группа, из которой пополнялся отряд пенсионеров (гр.50–54), имела отрицательный рост. Тем не менее, неизвестно откуда взявшийся всплеск возрастной группы от 60 до 64 лет повлиял на коэффициент отношения работающих к иждивенцам. Аргумент для проведения непопулярной реформы, дающей мизерный результат, как мы ви-

дели выше. Всплеск "рождаемости" пенсионеров оставим на совести чиновников из Росстата, подыгрывающих чиновникам из Минтруда: а ведь в 2016 г. пенсионеров от 70 лет и старше было на 291 тысячу меньше относительно 2015 г. – см. статистику.

Экономисты давно открыли прямую зависимость низкой заработной платы и повышенной смертности населения в молодом возрасте. Низкий доход повышает смертность и, сокращая долю населения (детского и взрослого; понижая знаменатель в формуле N/S , где N – число рождений, а S – всё население), условно повышает коэффициент рождаемости на 1000 человек. Поэтому рост коэффициента рождаемости – еще не признак положительной тенденции. Причины могут лежать гораздо глубже, чем её видит сухая статистика – в росте смертности. И материнским капиталом эту проблему не решить.

Но вот ещё динамика данных по приёму на работу и по увольнению в наше время:

Год	Численность принятых работников (тыс.чел.)	Численность увольняемых работников (тыс.чел.)	Разница	Год	Численность принятых работников (тыс.чел.)	Численность увольняемых работников (тыс.чел.)	Разница
2000	11235,9	11616,2	380,3	2009	9378,1	10900,7	1522,6
2001	11953,5	12373,7	420,2	2010	9486,8	9844,5	357,7
2002	12041,5	12407,8	366,3	2011	9810,8	10018,2	207,4
2003	11534,9	12358,1	823,2	2012	9710,4	9859	148,6
2004	11343,2	12129,6	786,4	2013	10114,5	10328,3	213,8
2005	11214,8	11935	720,2	2014	9763,8	10205,2	441,4
2006	11644,7	11797,7	153	2015	9109,3	10047,9	938,6
2007	11923,5	12033,8	110,3	2016	9143,2	9624,6	481,4
2008	11380,1	12209,4	829,3	2017	8976,9	9398,6	421,7
				ИТОГО:	189765,9	199088,3	9322,4

Сопоставив эти таблицы, можно сделать вывод, что Правительство так проводило все эти годы реформы, что и не нужны были российской экономике эти не родившиеся за 20 лет с 1992 по 2011 год 13,238 млн. человек. Что это за экономика, в которой каждый год увольняют по 11–12 млн. человек и принимают на работу по 8–10 млн., из них всё больше иностранцы из соседних независимых стран? Это ли не признак нездоровой экономики? Да, если всё-таки верить статистике, численность работников, кормящих иждивенцев, снижалась все годы:

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Козф.	1,71	1,69	1,67	1,60	1,60	1,55	1,51	1,46	1,40	1,35	1,31	1,27

Но не потому ли, что экономика их все годы отторгала, и работники всё чаще превращались в безработных? И правильно ли все проблемы сводить к росту именно численности пенсионеров? Дети тоже относятся к иждивенцам, их тоже надо кормить. Дотации на них в 50 рублей – это откровенное издевательство. И если считать пропорции, то не только к пенсионерам, а ко всем, кто не занят в экономике, если государство проявляет элементарную заботу о своём населении. Другое дело, что безработные и дети не могут требовать себе субсидии, как «Газпром», «Роснефть», или пенсионеры – пенсию. Вот почему только пенсионеры для сегодняшнего Правительства – головная боль. За всё время агитации за увеличение пенсионного возраста Правительству и в голову не пришло обратить внимание на другие причины сокращения пенсионных отчислений. В результате сложившейся в 90-е годы тенденции в 2018 г. в экономике лишь 5 работников обеспечивают содержанием 4-х неработающих подростков и пенсионеров. Но не потому, что нет работников, а потому, что нет работы, и армия потенциальных налогоплательщиков оказалась в числе иждивенцев!!! Такой же коэффициент был в 1970 году. К 1970 году численность пенсионеров выросла в 2,44 раза, однако в Пенсионном фонде находились средства для выплаты пенсии в объеме до 50%

от утраченного заработка (и это был не МРОТ). Потому что численность занятых росла, и к 1989 г. выросла в 1,75 раза относительно 1926 г., и в этом кроется успех пенсионной реформы в советский период. Сейчас не хватает на прожиточный минимум потому, что реальная армия безработных (а к ним можно отнести и самозанятых, хотя их в действительности не так много и самозаняты они не по собственной воле) достигла катастрофических размеров в стране. Я уже приводил в предыдущих статьях сведения о сокращении числа действующих крупных предприятий, подлежащих приватизации, с 204998 на 01.01.1993 до 51986 (включая средние) на 01.01.2017, реально сегодня осталось из них чуть больше 3,3 тысяч. Нетрудно прикинуть, что эти почти 205 тысяч предприятий до либеральных реформ поглощали значительную часть трудоспособного населения. В 2016 г. численный состав работников в России (а только они, зарегистрированные работники, платят взносы в Пенсионный фонд) составил всего 41,677 млн. человек. Для сравнения: в 1976 году в РСФСР в списочном составе было 43,048 млн. человек (Справочник ЦСУ). Население выросло почти на 9,5 млн. человек (правда, из них 8,3 млн. дал миграционный приток из соседних республик), а число занятых (по списочному составу) сократилось (вместо того, чтобы вырасти) почти на 2 млн. человек. Соотношение этих цифр свидетельствует о том, что проблема кроется в самой экономике, точнее в её реформировании, а не в падении рождаемости в 90-е годы.

Стоит ли удивляться, что и без падения естественного прироста населения в 90-е и нулевые годы неизбежно сократились бы не только доходы бюджета, но и взносы во все социальные фонды, включая Пенсионный. Это – результат работы экономического блока Правительства.

Вторым важным фактором сокращения взносов (падение рождаемости в 90-е годы можно отнести только к третьему или четвертому разряду, учитывая неспособность действующего Правительства организовать не только государственное регулирование экономики в интересах государства и граждан, но и свободу предпринимательства) является чрезвычайно низкая заработная плата. Нет нужды лишним раз напоминать Правительству, что чем выше зарплата, тем больше налоговые отчисления. Чиновники это знают, но либо их интересы лежат в другой плоскости, либо считают (тогда что это, если не некомпетентность), что низкие доходы населения – стимул для роста экономики. Столько лет не замечать, что низкие доходы населения – это не стимул роста экономики, а рост оттока денежных средств за границу. В том числе от иностранной рабочей силы. Таблица, приведённая выше, свидетельствует, что «рост» происходит путём сокращения занятых. Соразмерно происходит сокращение и социальных отчислений.

Не понимая происходящего, сладкоголосые агитаторы из отдела пропаганды либерального крыла Правительства по всем средствам коммуникаций продолжают трубить о росте

заработной платы, пенсий и вообще благосостояния, не замечая, что это противоречит даже официальной статистике. Посмотрим, какова доля заработной платы в конечном выпуске продукции:

Продукты промышленности всего:	в том числе:					
	Электро-и теплоэнергия	Продукты нефтягазовой промышленности	Уголь	Горючие сланцы и торф	Черные металлы	Цветные металлы
14,22	16,80	8,15	29,41	55,82	13,86	12,77

В России она составляет заметную цифру только в популярной отрасли США – сланцевой промышленности. В остальных отраслях доля оплаченного труда составляет ничтожно малую цифру. Зададимся вопросом – почему? Почему в других развитых странах с не менее «развитой» передовой технологией этот процент намного выше. На Западе, от которого Россия «отстала» с реформой пенсионного возраста – до 60% против 14% в РФ. Ответ может быть только в двух вариантах: либо в российских отраслях внедрена такая передовая технология, которая Западу и не снилась, и люди там просто не нужны (а Г. Греф опоздал с цифровизацией), либо рабочим просто платят символические деньги, и Правительство не торопится догонять в этом Запад. Примем во внимание, что зарплату в банке не выдадут, пока предприятие не оплатит налоги, в т.ч. взносы в Пенсионный фонд. И то, что из Пенсионного фонда впоследствии получаешь минимальное содержание, известно и предпринима-

телям, и работникам. В этом причина серых схем. Так, вольно или невольно, государство толкает предпринимателей к тому, чтобы в общих интересах (предпринимателя и работника) было накопление в конвертах, а не на счетах.

Правительство обещало поднять пенсии в результате реформы. На цифрах мы видели, что прибавка (ничтожно малая) скорей всего существенно не изменит баланс доходов и расходов ПФР, поэтому не надо обольщаться. Прибавка коснётся прежде всего тех, у кого пенсии хватает только на «макарошки». Это даст общий рост в среднем – удобно для рапортов перед выборами. Однако отчеты умолчат, что эти прибавки в 200–300 рублей будут отобраны в 2-х-3-х кратном размере, причем уже у всех поголовно: цены, тарифы вырастут, безусловно, – к этому ведёт налоговая реформа путем перекардывания налоговой нагрузки (через косвенные налоги и тарифы ЖКХ) с бизнеса на население. Нас всё время принимают за слабоумных, не понимающих разницы между ростом суммы в квитанции ЖКХ и добавкой к пенсии. Исторически так повелось, что когда утверждают, что девальвации не будет, она обязательно происходит, когда часто повторяют, что пересмотра возраста выхода на пенсию не будет, он обязательно случится. У нас только в этом направлении делаются реформы, а не наоборот. Бизнесу, в том числе иностранному, построенному на выкачивании без таможенных барьеров ресурсов, открытых, разработанных, обустроенных инфраструктурой всем народом, и обеспеченно-

му квалифицированными кадрами, опять прибыль. А пенсионерам подойдут и обесцененные продукты, выброшенные на свалку, чтобы уложились в потребительской корзине – достойная плата за их трудовой подвиг по строительству промышленной экономики, о которой остались лишь воспоминания.

Июль 2018 г.

НДС в России – налог на последнюю соломинку

Вся страна стала свидетелем, как на прямую линию с Президентом обманным путём проник Председатель Совета директоров Мурманского рыбокомбината Михаил Зуб и на всю страну заявил, что треска должна стоить 60 рублей, а не 300! Я думаю, вся страна (кроме тех, кто кладёт разницу в карман) с ним, безусловно, согласна. Даже Президент озадачился, но, очевидно, посоветовавшись с кем надо, оставил всё как есть. В чем суть дела? По мнению Михаила Зуба проблема заключается в том, что квоты на переработку стали доступными рыболовецким судам. Они стали перерабатывать рыбу сами (что нормально) и перестали снабжать сырьём переработчиков на берегу (почему?). Представляется, что такие проблемы были и раньше, начиная с 90-х годов.

Из этого можно сделать простой вывод: или рыбы стали ловить значительно меньше, или условия работы отрасли таковы, что невыгодно обеспечивать отечественные рыбоперерабатывающие предприятия сырьём, и «рынок» в условиях монополии распределителя ресурсов (государственных!) в лице хозяев рыболовецких судов при неграмотной налоговой политике и практике некорректного распределения квот играет у нас против рыночной экономики. Понятно,

что на судах нельзя установить мощности по переработке таких объемов рыбы, как на берегу. Тем не менее, именно свои береговые переработчики (а не норвежские) стали конкурентами рыбаков. Рыбаки даже совладельцами предприятий по переработке рыбы на берегу не торопятся стать. Почему? Там – инвестиции и налоги. А здесь – если излишки улова сразу продавать Норвегии, как на Дальнем Востоке – Японии, Китаю, т.е. сразу экспортировать, получая льготу по НДС (в том случае, если эта продажа легальная), то в итоге – только прибыль. В 70-е годы прошлого века объем производства Мурманского комбината достигал 100 тысяч тонн в год, а в «рыночных» условиях, например, в 2013 г., он произвёл только 680 тонн. Отсюда, безусловно, следует вывод, что «рынок» стране не во благо: он не создал изобилия, а наоборот, рынок исчез, т.к. установилась монополия поставщиков импорта, причем зачастую низкого качества по завышенной цене. Там, где раньше производили 1000 изделий, сейчас производят 10 по цене в 100 раз выше (что позволяет подровнять цены под импорт), остальное – по импорту. Затрат меньше, прибыль та же. При этом сократились рабочие места вдвое – втрое под сдачу в аренду. По этому принципу работает наш, так называемый, рынок. Мурманский рыбокомбинат в 2014 г. вообще остановил работу «из-за отсутствия сырья». Правда, после проверки выяснилось, что рыбу он продолжал перерабатывать, и рыба эта была из Норвегии. Возможно, комбинат перерабатывал

остатки на складе, которые были завезены по реэкспорту из России через Норвегию в Россию. Еще больше проблем возникло из-за эмбарго, введённым Россией против ЕС, США, Австралии, Канады и Норвегии. Странно работают в нашей стране механизмы рыночной экономики: в стране есть рыбаки, суда, есть ресурсы, есть перерабатывающие мощности, т.е. всё, что составляет конкурентные преимущества. Но почему-то после «рыночных» реформ и приватизации отечественные заводы и фабрики стали не нужны. Даже такие, без которых ОТРАСЛЬ обойтись не может. «Невидимая рука рынка» все тридцать лет почему-то обеспечивает сырьём конкурентов в третьих странах и совершенно без внимания оставляет отечественные производственные мощности. Напрашивается вывод: структуры, занимающиеся добычей сырья в России (а равно регулирующая рука рынка) принадлежат иностранным перерабатывающим компаниям. А если и не принадлежат, по факту находятся в подчинённом состоянии. А в Правительстве даже мыслью не задаются – что не так? Очевидно, так и было задумано. Переработка рыбы – это один из многочисленных примеров. Рыболовецкие суда не стремятся зарабатывать на объёмах, а предпочитают на малом зарабатывать валюту, выигрывая при этом на курсовой разнице. Россия, омываемая морями и океанами, со всей своей «рыночной» экономической политикой превратилась в импортёра. И что самое парадоксальное – возможно, часто своей собственной рыбы и своих крабов.

Подняла эту проблему Марина Ковтун, губернатор Мурманской области, на совещании Правительства по вопросу рыбной отрасли. Однако её озабоченность касалась не парадоксов «рыночной» экономики, а налоговой политики. Она предложила освободить предприятия, занимающиеся рыбопереработкой, от уплаты НДС. Т.е. её предложение заключалось в следующем: оставить всё как есть, но сделать импортную (норвежскую) рыбу дешевле. Т.е. они (Запад) по отношению к нам – эмбарго, а мы им – режим наибольшего благоприятствования. Да и цена не упала бы с 300 рублей до 60. Может, правильней не «норвежскую» рыбу освобождать от НДС, а заводы и суда, работающие на собственном сырье для внутреннего рынка освобождать от уплаты НДС? Как бы не так: чиновники наоборот додумались повысить НДС. Ведь что такое повысить НДС? Это значит, то, что создаёт добавленную стоимость, сделать ещё менее рентабельным. С одной стороны – это пополнение бюджета за счёт населения, а с другой – это конкурентная борьба с остатками производства внутри России руками российского Правительства. Сама логика развития подсказывает: предприятия и суда, выкачивающие ресурсы из России должны в первую очередь обеспечить по квоте отечественные производства, а только после этого вправе получить квоту на экспорт. Судя по практике применения налогов и квот, Правительство не в состоянии додуматься, как стимулировать производство в России, хотя сделать это просто. Невольно задумаешься – есть политиче-

ское решение убить собственное производство.

Итак, есть проблема и предложено два решения: поменять квоты и отменить НДС. Когда ради интереса смотришь экономическую ситуацию на Европейском рынке, там тоже часто эти два понятия – квоты и НДС, идут рядом. Вот только у них – защита европейского рынка от третьих стран через систему квот, а у нас защита монополии импортёров от отечественных производителей – такой «рынок».

НДС – это налог не на производство, а на потребление. Суть этого налога и у нас и в Европе одинаковая, но сказывается на потребительском рынке по-разному. Очевидно, потому, что там заботятся о своём производстве, а у нас – об ихнем. Очевидно, потому, что все наши заботы сводятся к ожиданию иностранных инвестиций. А иностранные инвестиции тесно связаны с иностранным реальным производственным сектором экономики, которому всего лишь нужно дешёвое российское сырьё: Газпром беспокоится о бесперебойных поставках российского газа в Европу, российское государство понижает экспортные пошлины и повышает налог на природные ресурсы, таким образом, снижая производственные и потребительские возможности своего рынка и стимулируя производство в Европе. Это потому, что от российского газа кормится множество иностранных фирм. При этом отечественные структуры, например при производстве электроэнергии, переходят от потребления газа к потреблению угля. А это значит, растут расходы, растёт загряз-

нение экологии, словом, назад в затратное будущее. Об этом я уже писал и, кстати, также на примере Мурманской области. НДС у нас – это налог на местное население. Планируемое повышение налога – это значит сломать последнюю соломинку, за которую держится население, ибо цены должны подняться на всё, а продукты стать малодоступными. И НДС-ПИ (налог на природные ископаемые), и НДС идут в затраты, поэтому безусловно раскачивают инфляцию, повышая цены. Но НДС (в отличие от НДС-ПИ) имеет не только прямое воздействие на цены, но и косвенное отрицательное влияние на внутренний потребительский рынок: налоговой базой являются затраты, в т.ч. фонд заработной платы. Именно на заработной плате в России отражаются как в зеркале все манипуляции с налогами: например, на прочих затратах есть входящий и исходящий НДС, платится разница, а фонд заработной платы облагается по полной налоговой программе. Поэтому на налогах сэкономить можно только выплачивая минимальную зарплату. Вот еще почему в России и низкие зарплаты, и предпочтение неквалифицированным иностранным рабочим из Средней Азии, а в идеале – вообще нелегальной рабочей силе. Здесь можно подозревать негласное согласие между государством и бизнесом: минимальная зарплата – это в случае увольнения крошечное пособие по безработице. НДС имеет существенное отличие от налога с оборота. Этот налог платится после продажи товара, а НДС важно уплатить в тот же налоговый период, когда был начис-

лен входящий (т.е. при покупке товара у оптовика), когда товар, возможно, еще не реализован (а остаток «своих» денег, как правило, стремится к нулю, чтобы налог на прибыль был минимальный). Вот чем неудобен НДС для предприятия и особенно мелкого. Вот почему первыми упадут духом после повышения налога те, кто вынужден будет платить в казну больше, не будучи уверенным в реализации товара – покупательная способность населения станет ещё ниже, следовательно, косвенно – это атака (как сейчас модно говорить) на весь отечественный бизнес, особенно связанный с производством. Налог на прибыль ограничивает возможности получения сверхприбыли, НДС, начисленный на (по-возможности низкую) зарплату (добавленную стоимость), ограничивает реализацию, вынуждает иногда платить свои «кровные» (хотя их и возместят в другом периоде), делает зависимым от цены конкурентов и покупательной способности населения (низкой из-за низкой зарплаты). Порочный круг замкнулся: чем выше цена, тем выше риск не реализовать продукт, тем выше запасы и затраты (для их оптимизации снижаются заработки), тем выше цены (что ещё больше ограничивает объёмы реализации и увеличивает риски). И невдомёк горе – предпринимателям, что для реализации продукта надо наоборот повысить зарплату и сократить постоянные затраты. Представим, что предприятие закупило у промышленников рыбу по цене 66 рублей за кг., в т.ч. НДС – 6 руб. После переработки продаёт (условно, не считая отхо-

дов переработки) по цене 100 рублей (собранные затраты без НДС). При продаже товара законодательство требует заплатить налог – 10 или 18%. Поэтому цена реализации будет уже 110 рублей из которых предприятие заплатит разницу – 4 рубля с килограмма (10–6) в бюджет. При переработке на судне бюджет получил бы от капитана судна все 10 % с добавленной стоимости (по существу, с фонда заработной платы, поэтому, чем меньше зарплата, тем меньше добавленная стоимость, тем меньше сумма НДС) и должен был бы отдать государству, но при экспорте предоставляется льгота по этому налогу, т.е. капитан (как и любой другой экспортёр) этот налог не платит. Кроме того, получает выручку валютой. При импорте налог перекладывается на импортёра, т.е. рыбоперерабатывающий комбинат. Этот комбинат – переработчик продаёт рыбу оптовику, возмещая свои затраты, включая НДС, т.е. ничего не теряет, и теперь уже оптовик таким же путём в зачет берёт входящий НДС и платит разницу между ним и исходящим, который также начисляется с фонда заработной платы. И здесь тоже – чем меньше зарплата, тем меньше платить в бюджет. Всё в соответствии с тезисом Маркса о трудовой теории стоимости: только труд создаёт добавленную стоимость. Таким образом, НДС приучил российский бизнес нанимать рабочую силу на самую низкую оплату труда (за воротами комбината полно рабочих конкурентов – рынок ведь). При этом рыба, переработанная на судне, выигрывает в цене. Наконец, оптовик предлагает

рыбу в розничную продажу, а им оказывается индивидуальный предприниматель или ООО, освобождённые от уплаты НДС. Но они вынуждены платить цену, включающую НДС, и включать его в затраты, потому что оптовик или комбинат обязаны выделить сумму НДС. По логике все мы потребители должны оплатить конечному продавцу не 10 или 18% налога, а разницу между входящим и исходящим НДС, но в любом чеке, полученном нами, стоит цифра – 10 или 18%. Конечный потребитель не освобождён от уплаты НДС и бюджет не берёт у нас в зачет уплаченный налог. Таким образом, мы заплатили НДС с каждой сотни по 10 или 18 рублей, а продавец – только разницу, как в первом случае – 4 рубля, потому что у него в зачете входящий НДС. Так налоговая система в России работает на пользу спекулятивному «бизнесу» на перепродажах в ущерб интересам конечного потребителя. В Германии есть механизм, позволяющий избежать этой несправедливости. Добавим к этому, что оптовик и ритейл заплатили за аренду земли и/или аренду помещения, складских помещений и транспортировку с расходом топлива, устойчиво растущего в цене (и всё – включая НДС), то доля НДС в конечной цене для нас, потребителей составляет приличную сумму. И на эту «приличную» сумму, обратите внимание, в любом чеке, полученном нами при покупке, стоит НДС – 10 или 18% к конечной цене. Не разница, которую перечислит в бюджет розничный продавец, а полновесный налог. Некоторые необходимые изделия в ап-

теке не считаются лечебными (например, крем для фиксации зубных протезов) и облагаются по-максимуму – 18%. Никаких льгот. Видимо, считается, что в старости жевать – это не жизненно важная функция, а зубы – предмет роскоши. Удивительно, но пальмовое масло – жизненно "важный" продукт, пользуется льготой (10%), а отечественные фрукты – нет (18%). Бензин включает акциз (который должен был заменить дорожный налог) и НДС. Получаем двойное налогообложение потребителя любого товара. И вина за такой рост цен лежит не на бизнесе, а на государстве. Напомню мою статью по поводу ЖКХ: тариф на содержание и обслуживание жилого фонда всегда включал взносы (а, следовательно, и объемы работ) по капитальному ремонту. Ввели в 2015 г. отдельной строкой взнос на капитальный ремонт, но тариф на содержание не уменьшился на соответствующую сумму, в связи с исключением из него объема работ по капитальному ремонту и около двух лет с населения незаконно брали плату в двойном размере – опять двойное обложение тарифом вместе с налогом. В 2017 г. из строки "содержания" убрали, "национализировав" предыдущие платежи. Попросту говоря, прикарманили. А узаконив это, продолжают брать в двойном размере. Так государство "борется" с инфляцией. И вот уже сельское хозяйство, пользующееся землёй, строениями, техникой и топливом, становится нерентабельным – всё обложено НДС (а иногда, как бензин, дважды). Это значит – всё, чем пользуемся в жизни (а, следовательно, и сама

жизнь, уже независимо от добавленной стоимости), обложено налогом на добавленную стоимость. Каждый год жизни – как добавленная стоимость, подлежащая обложению налогом. Бизнесу не сложно его учесть, но сложно вовремя оплатить (об этом чуть ниже). Поэтому прибегают к механизмам оптимизации. И эта оптимизация напрямую связана с зарплатой рабочих. При желании можно проследить тенденцию: чем выше НДС, тем ниже реальные зарплаты у рабочих:

Сбор налогов за январь-май (млрд. руб.)				
Виды налогов	2014	2015	2017	2018
НДПИ	1229,5	1364,5	1671,8	2164,7
Налог на прибыль	1045,4	1340,4	1525,2	1716,6
НДС	901,8	1019,6	1221,6	1392,6
НДФЛ	973,9	1012,1	1181,2	1333,6
Имущественный налог	409,5	450,3	515,9	573,4
Акции	392	411,3	616,8	557,1
Зарботная плата средняя за год:				
Реальная заработная плата (руб.)	27766	30466,7	31477,4	

Если мы проиндексируем данные по НДС и по заработной плате:

Показатель	2014 г.	2015 г.	2017 г.
НДС	1	1,13063	1,19812
Реальная заработная плата	1	1,09726	1,03318

То увидим четко выраженную обратную зависимость. За 2018 г. фантазия у статистиков слишком разыгралась (якобы рост зарплаты составил 35%), поэтому в таблицу не включил: в статистике принято при сильном отклонении от нормы цифры исключать. Как мы знаем, если рост реальной зарплаты замедляется, следовательно, и рост добавленной стоимости замедляется. Зато сбор налога на добавленную стоимость заметно растёт, видимо, растут в цене (с учетом НДС) другие факторы, составляющие базу налогообложения. Плюс к тому, повышается собираемость налога и в ответ понижается реальная заработная плата. Объяснениями зависимости между ростом платежей (не будем забывать, что НДС в ценах на всё, что оплачивает население) и снижением доходов граждан государство себя не утруждает. Сбор налога растёт, следовательно, растут цены, снижается покупательная способность и качество жизни населения. В реальности заработная плата основной массы занятого населения (а не руководящего звена) значительно ниже объявленной Росстатом (об этом писал ранее). Кстати в отчете за 2017 г. Росстат опубликовал среднюю начисленную зарплату с разбивкой по занимаемой должности. Отношение между усреднённым заработком рабочего и руководителя (30363/74059) составило коэффициент 0,41, что вызывает очень большие сомнения в достоверности. При этом заметим, что зарплата стала меньше, пока писалась статья (причуды отечественной статистики) и, таким образом, индекс 1,033 превращается в

0,99. Тенденция очевидна.

Напомню, что по конституции Россия считается социальным государством. И вот в этом «социальном» государстве у социума забирают средства в бюджет (посредники в процессе реализации любого товара при этом почти не страдают, не считая некоторые сложности в своевременном учете, зачете и платежах), чтобы потом перераспределить в пользу малоимущих (таково назначение налога). Когда дефицитный бюджет выдаёт субсидии таким крупным компаниям, как Газпром и Роснефть, одолевают смутные сомнения, что что-то остаётся малоимущим.

При этом нас уверяют, что применение НДС – общемировая практика. Окунулся я немного в эту тему и первое, что бросилось в глаза – НДС не применяют США (образец для нашего либерального Правительства), Швейцария и Япония. Нет налога на добавленную стоимость, зато есть прогрессивный налог на физические лица. В ЕС этот налог (НДС) применяется, однако так, чтобы не затронуть производственную сферу, рабочие места и конечных потребителей. У нас – ровно наоборот.

В ЕС налог на добавленную стоимость взимается в соответствии с Директивой Совета 2006/112/ЕС от 28.11.2006 «Об общей системе налога на добавленную стоимость». В соответствии с этой Директивой НДС вводится с целью «гармонизации законодательства по налогам с оборота посредством системы налога на добавленную стоимость (НДС), что

позволит исключить, насколько это возможно, факторы, которые могут нарушить условия конкуренции на национальном уровне или на уровне Сообщества». Другими словами, Директива должна служить справедливому распределению квот на добавленную стоимость в Сообществе (квот на производство, а не на сбор налога) и ограждению производства в Сообществе от конкурентов из третьих стран. Квоты предполагают размещение производств в Сообществе таким образом, чтобы занимать рабочее население равномерно во всех странах. Торгпредство РФ в Германии в своём отчете за 2016 г. отмечало: Процентная составляющая квот на добавленную стоимость всех крупнейших индустриальных отраслей страны (Германии) продолжает оставаться стабильной – 44% (в 2015 г. – 42%). Так в Германии НДС взимается по классической схеме: поставщик выставляет счет покупателю, выделяя НДС (исходящий НДС), и сам уплачивает налог, выставленный ему при приобретении им товаров или услуг (входящий НДС). Разница перечисляется в бюджет. Однако при этом при реализации товаров между коммерческой организацией и покупателем, не являющимся плательщиком НДС, покупатель применяет технику «обратного обложения», т.е. оформляет отчетность таким образом, как если бы он был и продавцом и покупателем одновременно. В результате эти суммы компенсируются и фактически платежа делать не нужно (в отличие от российской практики, когда покупатель оплачивает всё). НДС остаётся в виде бухгалтерской проводки.

В Директиве сказано «В отношении налогооблагаемых операций на национальном рынке, связанных с торговлей товарами внутри Сообщества... из таких положений следует в принципе исключить товары, поставляемые на розничной стадии». Бюджет недополучает суммы начисленного НДС, зато и потребитель имеет шанс купить у такого предпринимателя товар по цене ниже на сумму НДС. Кроме того, анализируя доступную в интернете статистику Германии, складывается впечатление, что этим налогом в ЕС преимущественно облагаются товары и услуги, завезённые по импорту из третьих стран, т.к. в статистике налоговых поступлений Германии этот налог называется «Налог на добавленную стоимость и оборот импортированных товаров». Об этом же говорит и низкая доля налога в валовой добавленной стоимости:

Наименование показателя	Германия (млрд.€)	Россия (млрд.руб.)
Валовая добавленная стоимость в 2016 г.	2822	77607,6
НДС	65	4233,9
Доля НДС в валовой добавленной стоимости (%)	2,3	5,46

(Ист.по ВДС России: Справочник. Финансы России. 2016 г.)

В России сумма НДС – 4233,9 млрд.р. состоит из НДС, собранного с внутреннего оборота товаров и услуг (2448,5 млрд.рублей) и НДС, собранного с импортных товаров

(1785,4 млрд.руб.). Но даже собранный НДС с внутренней торговли в России превосходит по доле в добавленной стоимости (3,15%) его валовую долю в Германии. Зато доля, собранная только с импортных товаров, совершенно совпадает с германской валовой – 2,3%. При этом ставки также сопоставимы: в Германии – 19% и льготная – 7%, в России – 18% и льготная 10%. По некоторым данным пониженной ставкой в Германии облагаются продукты питания, печатные издания, билеты в театры, кино и т.д. Нареканий в отношении НДС хватает и в Германии. При этом существует масса льгот и вычетов, так что этот налог в Германии не очень провоцирует рост цен и не так обременителен для потребителя. Налоговое законодательство большинства развитых стран освобождают от уплаты НДС инвестиции в производство и разрешает компаниям целиком списывать текущие расходы на инвестиции в исследования и разработки (ИиР). В Великобритании с 2000 г. крупный бизнес получил возможность освободить от уплаты налогов часть своей прибыли в размере 130%, а малый бизнес в размере 175% от объема своих расходов на ИиР. В Норвегии применяется налог на капиталовложения по ставке 7% вместо НДС на отдельные виды производственного оборудования, что, безусловно, стимулирует производство. В России всё ровно наоборот: производство недополучает финансирование, зарплаты удерживаются на минимальном уровне, а Правительство, применяя приёмы налогово-акцизной механики, занято пополнением бюджета

в ущерб и экономике и занятости населения. Тем самым губит производство, делая его всё более нерентабельным. Действует завет отца реформ и его последователей: нефть продавать будем, а всё остальное импортировать. Но и на импорте Правительство стремится зарабатывать налогами. Импорт в Германию в 2016 г. составил 954,6 млрд.€ и, следовательно, собранная валовая сумма НДС (65 млрд.€) относительно всего импорта составила всего 6,8% – ниже минимальной ставки. Это потому, что внутри ЕС равномерно распределяется налоговая нагрузка, которая берётся в зачет, не облагаются инвестиции в производство и многие сферы производства, обеспечивающие занятость населения. У нас, в России собранный НДС с импортных товаров (импорт в 2016 г. – 182,267 млрд.\$, собранный НДС – 26,647 млрд.\$ – эквивалент 1785,4 млрд.руб. по среднегодовому курсу) составил 14,62%, т.е. близко к максимальной. При этом надо понимать, что бизнес владеет множеством способов по «оптимизации» налоговых платежей при импорте. Кроме того, игра с ценами на внутреннем рынке так построена, что даже при уплате налогов импортные товары имеют большие преимущества перед товарами, произведёнными внутри России. А чтобы товары, произведённые внутри страны, не имели преимуществ против импорта, по ценам у нас установлена такая высокая планка, что у импортёра ещё остаётся большой резерв для скидок. И то, что для импортёра это почти гарантирует прибыль или даже сверхприбыль (даже с учетом

покупки валюты для возобновления цикла), для российского производителя лишь обеспечивает доход немного больше уровня рентабельности. Таким образом, налоги и квоты не защищают внутренний рынок России (как это происходит в европейском сообществе) от товаров третьих стран. Стремясь пополнить бюджет, российское государство усиливает налоговую нагрузку на потребителя. Это значит, что импортные товары в России хотя и облагаются преимущественно по максимальной ставке, это не сдерживает импорт. Может сложиться впечатление, что таким образом Правительство защищает своего производителя; и так, якобы, обеспечивается принцип нейтральности НДС по отношению к производству. Это обманчивое впечатление. Через сложившуюся систему ценообразования и налогообложение на сырьё, в том числе на металл и топливо, российское государство сделало производство внутри страны (исключаем ВПК) неконкурентоспособным, почти банкротом. Благо, это сделать легко, т.к. всё реальное производство находится в критической зависимости от кредитов, проценты по которым выше, чем рентабельность. Так, например, мощности по производству цемента в РСФСР достигали 95 млн.т. в год, а в 2017г. было произведено только 54,6 млн.т., это при ажиотажном строительстве и росте спроса на строительные материалы. Остальное завезено по импорту. Турецкий или китайский цемент ниже по качеству, но кто теперь в России смотрит на качество? – Зато цена ниже. Долго ли продержатся стены? – это уже никого

не волнует.

В Германии федеральный бюджет на 2/3 формируется за счет прямых налогов. НДС составляет по некоторым данным 28% в структуре доходов. В России доля НДС скромнее (по данным за январь-май соотв. года):

Виды налогов	2014	2015	2017	2018
НДПИ	24,83	24,37	24,83	27,97
Налог на прибыль	21,11	23,94	22,65	22,18
НДС	18,21	18,21	18,14	18,00
НДФЛ	19,67	18,08	17,54	17,23
Имущественный налог	8,27	8,04	7,66	7,41
Акцизы	7,92	7,35	9,16	7,20

Всего 18%. Но это не повод для заявлений о лояльности налоговой системы в России и не повод для повышения НДС. Не будем забывать, что НДС – косвенный налог, т.е. налог на потребителя, и в ФРГ доля косвенных налогов – 1/3, а в России – 3/4. Это повод задуматься: в Германии база налогообложения – это одно (там заботятся о производстве и производителях, а, главное – о потребителях), в России – совсем другое (чем больше торговых центров и импортных товаров, тем больше налоговых поступлений от населения при любой покупке). При этом государство не волнует, будет распродан этот импорт или нет – потому и взимается легко и в установленные сроки. Во Франции преобладают косвенные

налоги. При этом налог с оборота (функционирует как НДС) составляет долю в 42%. Можно сравнить темпы роста экономики Германии и Франции: увидим, что преимущество за Германией. В целом можно сказать, что налоги играют большую роль в бюджетах всех развитых государств. Важен не факт наличия того или иного налога, а практика его применения. 18% в системе налоговых поступлений в бюджет, конечно, меньше 28, как в Германии, зато от валовой добавленной стоимости в России доля вдвое больше, чем в Германии (5,46 против 2,3). Следовательно, отрицательное давление на экономику, особенно ту часть, где создаётся добавленная стоимость – производство, налоговая нагрузка в части налога на добавленную стоимость на потребителя (и на бизнес) в России значительно выше, чем в развитых странах Европы. Поэтому не случайно в обзоре Торгпредства РФ в Германии отмечается: «По оценке Фольксваген, если принять за 100% стоимость производства в Германии, то в Китае она составит 57%, в Словакии – около 70%, в России – 107%, т.е. производить в России дороже, чем в Германии, и размещение в РФ производства может быть ориентировано только на обслуживание локального рынка без перспективы экспорта на соседние рынки». Теперь представим, что Правительство повышает НДС до 20%. Это как же нужно ненавидеть собственного производителя и потребителя, чтобы загонять экономику (и без того уже менее рентабельную, чем в Германии) в угол. Выводы VW – это приговор россий-

скому управленческому аппарату. Он не стимулирует конкурентоспособность России на мировом рынке (местному покупателю и так деваться некуда), а, напротив, усугубляет положение. Никто не будет спорить с тем, что зарплата рабочих в ФРГ намного выше, чем в России (подробнее о зарплате в России в другой статье). Следовательно, факторы, снижающие рентабельность нужно искать не в заработной плате рабочих, а в других затратах, в числе которых ТОП менеджмент, управляющие компании и налог на добавленную стоимость. Ведь отчего-то налог на добавленную стоимость от валовой добавленной стоимости в Германии значительно уступает по сборам его доле в России. Грешно строить догадки, что в Германии не умеют собирать налоги. Это говорит о рациональности применения налога. Даже при производстве автомобилей в США (где зарплата тоже выше, чем в России) 24% произведённых немецкими филиалами автомобилей в 2016 г. было отправлено в Западную Европу и 23% в Азию. Таким образом, даже с учетом транспортных расходов по доставке в Европу производство в США более выгодно, чем в России при наших низких зарплатах. Чего стоят после этого разговоры о паритете покупательной способности рубля. Всякое государство нуждается в деньгах. Только получает их всякое государство по-своему: одно – путём прямых налогов, которые собираются с крупного бизнеса (а у нас крупный бизнес, пользующийся субсидиями государства, преимущественно связан с сырьём, снабжающий внут-

ренный рынок по остаточному принципу по ценам, сопоставимым с экспортными, и там не только много иностранных собственников, но и крупных иностранных фирм кормится), либо от косвенных налогов (в России это значит, – обирая население, получающее отнюдь не образцовые, как на Западе, а скорее нищенские зарплаты). При этом именно малообеспеченное население является основным плательщиком НДС. Это легко вычисляется: доход рабочего при средней зарплате в 25 тысяч рублей (значит, с учетом иждивенцев в семье – это меньше реального прожиточного минимума) не освобождается от уплаты НДС (смотрите при покупке чеки), из которых, предположим, 20 тысяч идёт на питание, в том числе уплачивается 1818 рублей НДС (9,09%) от суммы (исходя из льготной ставки в 10%). От всей зарплаты это составляет 7,27% (а есть ещё ставка в 18% и, значит, делая покупки товаров или услуг, российский потребитель отдаёт государству НДС на 10–12% от своего нищенского заработка). А депутат, который принимает такое решение и которого содержит простой рабочий, уплачивая налоги в бюджет, потратив 40 тысяч на продукты из своих 400 тысяч рублей, заплатит налог в 3636 рублей, что от его зарплаты составляет всего 0,91%. При росте, даже если он заплатит 5% от своего заработка, его не будет волновать этот налог, а вот для простого работника сумма при таком росте налога при покупке в магазине составит все 20 тысяч. Т.е. он в магазин не пойдёт – не с чем. Будет чиновника волновать судьба этого челове-

ка? Судя по последним заявлениям, российского чиновника – нет. Ведь в абсолютных цифрах он платит больше – главный аргумент против прогрессивного налогообложения. Но получается: чем ниже доход, тем выше доля НДС от дохода при любой покупке. В итоге вклад в бюджет людей с низкими доходами составляет 90% (чем не продразвёрстка доходов: ведь население на эту сумму вынуждено отказывать себе в еде! Денег остаётся лишь на скупой блокадный паёк), а от «сливок» общества – меньше 10%. Правительство по тому что у кого осталось не считает, следовательно, ориентируются на свои доходы, а не рабочего человека, которому приписывают мифическую среднюю зарплату. При таком подходе, если простому рабочему хлеб будет купить не на что... – разведут руками – не повезло, покупай "макарошки". Впрочем, это сценарий гиперинфляции, которой Правительство не допустит, потому что научилось бороться: денежную массу урежет до минимума, зарплату выдавать будет нечем – вот и обуздали инфляцию. Только наверняка упустит из внимания следующий шаг: не с кого собирать налоги.

Принимая решение по повышению ставки НДС, Правительство вместо внятного экономического обоснования приводит примеры стран, где ставка выше. Например, в Белоруссии ставка НДС 23%. Но там промышленность почему-то более конкурентоспособна и рост в 2,4 процентных пункта из 5,1% роста ВВП в 1 квартале 2018 г. приходится на промышленность (об этом, конечно, наше Правительство умал-

чивает). Такое "экономическое" обоснование (вон у других ...) может делать только дилетант. Как это отражается на экономике и как аукнется в будущем, экономически грамотный расчет – вот основание для принятия решений. Эксперты (работающие на Правительство) естественно уверяют, что снизится покупательная способность и замедлится рост экономики (было бы смешно это отрицать). Но это, якобы, ненадолго. Как же ненадолго, если производство автомобилей в России в 2016 г. обходилось на 7% дороже, чем в Германии, то при повышении ставки НДС с учетом роста расходов по всей производственной цепочке, затраты должны вырасти на 10–15%. Производство автомобилей будет уступать Германии ровно на ставку НДС – 20%. Автомобилестроение потянет за собой массу смежных производств...

Последствия такого решения для экономики предсказуемы: сокращение производства (необратимый процесс, если не вмешается государство, как в оборонную промышленность), сокращение реальных доходов населения, дальнейшее сокращение штатов и безусловное замедление роста. Когда процессом в экономике управляют люди с запрограммированным мышлением, это надолго.

Так показывает практика проведения реформ в России. К сожалению, это можно считать экономическим итогом парламентских и президентских выборов.

Август 2018

Обманутые надежды (нужен ли нам такой «ХОККЕЙ» в ЭКОНОМИКЕ?)

«Оставь надежду всяк сюда входящий»

(Надпись над воротами ада в «Божественной комедии»)

Данте Алигьери

Пользуясь тем, что уровень качества жизни населения при советской власти не соответствовал западным образцам (но нищих и бездомных, как теперь, не было), нам «под соусом» «демократии» и «свободы слова» навязали псевдокапиталистические реформы, соблазнив предстоящим бурным ростом достатка и уровня жизни широчайших народных масс. Только теперь понятно, что нельзя было им верить: ведь многие из сегодняшних «демократов» когда-то писали в заявлении о вступлении в партию, что хотят быть «в первых рядах строителей коммунизма». Теперь они в первых рядах строителей капитализма. И что-то мне подсказывает, что если ситуация повернёт вновь на 180 градусов, они вновь окажутся в первых рядах. Пустозвонство и уступки западной идеологии привели к крушению того, что сегодня называют стабильностью в стране. Ликвидирована была за бесценок масса предприятий, якобы уступивших в конкуренции

западным товарам. Неужели наши водка и шоколад, бравшие призы на выставках, не могли конкурировать со «сладкой парочкой» и финской водкой (не мы к ним, а они к нам приезжали пить!)? Нефть куда более не конкурентоспособна по сравнению с арабской. Однако добыча наращивается. Это – явный признак избирательности уничтожения отечественной промышленности. Вместе с рабочими местами сократилась рабочая сила (которой почему-то вдруг в стране стало не хватать, хотя бурного роста экономики не наблюдается). Ах да, начался бурный рост ипотечного строительства... С тех пор мы привыкли к тому, что за нас думают, решают, но главное – проводят реформы якобы в наших интересах. Мы как бы отдали на аутсорсинг принятие всех жизненно важных для нас решений. Это только по конституции «единственным источником власти в РФ является её многонациональный народ». Если бы это было так, не пришлось бы шахтёрам стучать касками в начале реформ, а хлебопёкам объявлять голодовку (не за миллионы – за МРОТ) уже в наши дни. Интересно, те, кто управляет страной от имени народа, читал когда-нибудь Конституцию? Сколько было сказано нелицеприятных слов в адрес советской системы управления, особенно часто звучало – «застой». То ли дело сейчас – то рецессия, то стагнация. Народ не вдумывается в значение слов (за него думает чиновник, облеченный властью), авось не поймёт, что «стагнация» – это тот же застой, а «рецессия» – и вовсе спад, который у нас продолжается уже

скоро 30 лет. В чем же разница? А разница в том, что настали времена полного отрицания уравниловки: для «источника власти», т.е. народа, – рецессия, для сумевших приспособиться к базарным условиям – стагнация, для особо одарённой прослойки, приближенной к природным и прочим государственным ресурсам (которые по конституции, оказывается, никому не принадлежат и за которые почти ничего не надо платить), – рост доходов и, соответственно, процветание. В целом – «развивающаяся» экономика. В статье «О ВВП, предпринимателях и предпринимательских способностях» я привёл цифры, опубликованные компанией Boston Consulting Group о том, что на начало 2015 г. объём частных состояний в России вырос на 24,7% к уровню 2013 г. в то время как реальный ВВП упал на 5 процентных пункта. «Источнику власти» резонно задать вопрос чиновникам: было это случайно или всё заведомо так к тому и шло? Я сомневаюсь, что он получит откровенный ответ. Поэтому попробуем найти его сами.

Для начала вспомним, как по всем средствам информации на нас лился поток событий, связанных с Freddie Mac, Fannie Mae, Леман Бразерс, Морган Стэнли, Голдман Сакс... Это рушился ипотечный рынок в самой «демократической» стране – США. Какое это имеет отношение к нам? Самое прямое. Если мы откроем сайт на тему ипотеки, то на второй строчке после «США» увидим «РФ». И все мы знаем, как агрессивно нам навязывают ипотечные и потреби-

тельские кредиты, несоразмерные доходам населения. Сразу вспоминается, что в 90-е годы во всех российских ведомствах сидели «консультанты» из США и советовали, как проводить реформы, чтобы экономика стала не промышленной, а «народной» – т.е. помещалась на латках, развалах и прилавках. Но то – 90-е, а ощущение такое, что «консультанты» из Минэкономразвития не ушли и сегодня: у них в США ипотечный кризис, у нас тоже (о кризисе перепроизводства, как при капитализме, у нас речи быть не может из-за отсутствия такового), у них финансовый – у нас тоже. Мне возражат – общемировой рынок, глобализация... Да, это так, но и меры по спасению те же: у них субсидии банкам из бюджета (за счет налогоплательщиков) и у нас оттуда же. У них эти субсидии идут по итогам года на бонусы (да ещё какие!), и у нас туда же. Во Франции «желтым жилетам» пошли навстречу – с 13-той зарплаты обещали не брать налоги. Тоже бонусы – разница в размерах. У нас же некоторые «предприниматели» вообще не платят зарплату. Когда выплачивают – тоже можно считать за бонус. А не платят почему? Потому что рынок труда у нас – весь Советский Союз, откуда бывшие соотечественники повыгоняли наших граждан, обобрав их, а теперь приехали к нам, чтобы занять наши рабочие места. И часто не только работники нанимаются из соседних республик, но и работодатели оттуда же. Поэтому своим гражданам, если повезло не потерять работу, – это тоже как бонус от рыночной экономики. Вот такая бонусная система стимули-

рования производительности труда при «суррогатном капитализме». В отличие от России, во всех странах при устройстве на работу, при предоставлении льготных условий, не говоря уже о доступе к природным ресурсам, приоритет отдаётся своим гражданам и компаниям. В качестве иллюстрации в одной из статей я уже приводил пример Ливии во времена М. Каддафи: ни к одному министерству не было прямого доступа иностранцу, ни одна иностранная фирма не могла осуществлять перевалку грузов в портах Ливии, бесплатное образование и здравоохранение – для ливийцев (даже не арабов, а именно ливийцев), в магазинах льготные цены (в аэропортах при таможенном досмотре вылетающих иностранцев образовывались кучи из чая и кофе, – не разрешалось вывозить, потому что в стране дотировались для ливийцев)...

Дж. Стейниц (экономист США, Нобелевский лауреат) в своей книге «Великое разделение» приводит слова Томаса Пикетти из его книги «Капитал в XXI веке», который говорит о расслоении населения во всех странах капитализма, причем «положение дел будет только ухудшаться», замечает он. Экономисты США, критикуя иррациональность капитализма в США, отмечают, что не во всех странах финансово-кредитной политикой поощряют эту тенденцию. Кое – где это делают сдержанно. У нас в России приняли именно модель США, где с этим дело обстоит наихудшим образом. Стиглиц говорит: «В Америке почти каждый четвёртый ре-

бёнок растёт в бедности, в Испании и Греции – каждый шестой (прим.: вспомним, на что толкает их Евросоюз – сокращать государственные расходы и поднимать соц.налоги), в Австралии, Великобритании и Канаде – только каждый десятый». В России эта цифра не поддаётся точной оценке, но поскольку половина рабочей силы неизвестно где работает и на что живёт (напомню – списочный состав рабочей силы вдвое меньше, чем трудовые ресурсы по официальной статистике), а половина из списочного состава получает на уровне МРОТ или немногим больше, то можно предположить, что до 70% российских детей живёт в бедности. Это – минимум каждый второй ребёнок. А в рабочих семьях – практически каждый. Вот они, «завоевания» рыночной экономики. При этом по данным Forbes за последние два года в России увеличилось число долларовых миллиардеров на 29 человек. Теперь их 106 человек (напомню, в мире в среднем на 100 млн. человек приходится 30 миллиардеров, значит, вот где Россия впереди планеты всей). Совокупное состояние 200 российских предпринимателей за год выросло на 5,4% (25 млрд.\$) до 485 млрд. \$ (почти треть от ВВП России: 1527 млрд.\$ по курсу на 03.04.2018). В их интересах государство снижает экспортные пошлины (а заодно в угоду западным «партнёрам»), а в компенсацию повышаются налоги на добычу природных ископаемых (НДПИ). Значит, налоговая нагрузка перекладывается с зарубежного потребителя на отечественного. С повышением НДПИ, например, на

нефть, цены вырастут буквально на всё. Прибавьте к этому увеличение НДС на 2% с Нового 2019 г., и цены трудно будет сдержать. Правда, в руках у Правительства есть надёжный инструмент против раскручивания инфляции – отсутствие денег у населения. Поскольку деньги являются своего рода кровеносной системой экономики, они работают по закону сообщающихся сосудов: если где-то растут доходы, значит, у кого-то они сокращаются. Иначе инфляция. Переломить эту тенденцию Правительство и не пытается, поскольку борется не с нищетой, а с инфляцией. Поэтому, похоже, очень рассчитывает на бедность, что она сдержит рост цен, которые, к сожалению, и без этих запланированных процентов роста налоговых сборов растут вполне самостоятельно вслед за курсом рубля к доллару (руб. за сопоставимую ед. веса):

№ п/п	Наименование продукта	2006 г.	2016 г.	Средне- год.коэф. роста	№ п/п	Наименование продукта	2006 г.	2016 г.	Средне- год.коэф. роста
1	Говядина	131,67	314,94	1,091	14	Мука	12,83	32,78	1,098
2	Свинина	142	271,08	1,067	15	Хлеб	24,92	64,8	1,100
3	Куры	78,37	133,73	1,055	16	Рис	23,45	67,87	1,112
4	Колбаса варёная	153,94	344,81	1,084	17	Макароны	26,95	66,01	1,094
5	Банка тшшенки	40,1	117,04	1,113	18	Картофель	10,94	19,91	1,062
6	Рыба мороженая	58,69	138,16	1,089	19	Капуста белокочанная	9,48	22,68	1,091
7	Консервы рыбные	32,28	91,94	1,110	20	Лук репчатый	16,13	24,64	1,043
8	Сливочное масло	109,71	397,75	1,137	21	Яблоки	44,09	87,43	1,071
9	Подсолнечное масло	39,41	107,62	1,106	22	Водка	166,04	559,21	1,129
10	Молоко	18,76	47,61	1,098	23	Коньяк отечественный	647,21	1261,3	1,069
11	Яйца куриные, за 10 шт.	27,06	65,02	1,092	24	Шампанское российское	135,76	283,72	1,076
12	Сахар	22,71	52,14	1,087	25	Пиво отечественное	33,12	98,36	1,115
13	Чай	204,25	685,73	1,129	Добавим важный "продукт" для экономики:				
					Бензин АИ 92	15	31	1,075	

Подбором цен в динамике позаботился сайт: URA.RU

Как видим, в среднем по списку в год более 9% (есть и 10% и 13%, бензин на 7,5% в год). Они бы уже выросли и на 30–40%, но покупательная способность населения не позволяет. Согласно статистическим данным среднемесячная зарплата в стране зашкаливает за 49 тысяч рублей. Однако до тех пор, пока эта среднемесячная заработная плата вычисляется путем сложения тех, кто получает 5 млн. в день и 5 тыс. в месяц, эта статистика – ни о чем. В такой связке рост в 4,14 раза среднестатистической зарплаты с 1 1986 руб. в 2006 г. до 49672 руб. в 2016 г. (исходя из официальной статистики по оплате труда наёмных работников – 40,8 трлн.руб. и числа занятых – 68,4 млн.чел.) – это скорее индикатор расслоения общества: чем больше значение среднестатистической зарплаты, тем больше пропасть, в которую загоняет себя «экономика», т.е. государство. Скачки средней зарплаты от 30 до 49 тысяч и обратно можно объяснить только какими-то большими выплатами топ менеджерам. Расчет приземлённой среднемесячной зарплаты тех, кто не является частью «управленческого» аппарата или ТОПа, приближенной к реальной, я приводил в предыдущих статьях (например: «Доля государства и Судьба человека», «Когда слово изреченное есть...» и др.). Получалось от 9 до 18 тысяч рублей, что сильно расходится с официальным утверждением. Сейчас в стране подняли минимальную заработную плату, но и она разве обеспечивает возможность прожить на потребительскую

корзину, которую тоже утверждает Правительство? Попробуем рассчитать какая минимальная заработная плата должна быть. Газета «Труд» № 105–106 от 09.09.1991 г. даёт подробную минимальную потребительскую корзину для мужчин трудоспособного возраста:

– Продовольственные товары: на 1304,29 руб. в год (это 108,69 руб. в месяц) по прейскурантным ценам и покупательной способности рубля на тот период.

– Непродовольственные товары: на 1524,24 руб. в год (это 127,02 руб. в месяц).

– Суммарные расходы, включая затраты на общественное питание, табак, алкоголь, коммунальные, бытовые, культурно-просветительские услуги, расходы на связь, различные взносы и налоги – 320 рублей в месяц.

Если прикинуть, во сколько раз цены 1991 г. отличаются от цен 2016 г., можно получить коэффициент корреляции. Я взял основные продукты питания и вычислил средний рост цен. Получилось, что цены выросли в 74,79 раза (темпы были и значительно выше, но после деноминации в 1998 г. соотношение получилось такое). Таким образом, минимальная заработная плата, которая удовлетворяла бы МИНИМУМ потребностей в 2016 г. должна была составлять:

$320 \times 74,79 = 23934$ рубля 85 копеек, не облагаемых (как это принято в цивилизованных странах Запада, на которые вроде мы стали ориентироваться) налогом. Если принять во внимание темпы роста тарифов на ЖКХ (см. мою статью на

эту тему), то придётся прибавить ещё 2–3 тысячи. Получаем примерно 27 тысяч.

Но это – только на работающего мужчину трудоспособного возраста. Надо иметь ввиду, что он не одинок, у него семья и есть дети – как минимум один человек на иждивении. Об иждивенцах (т.е. детях и стариках) в семьях Правительство, рассчитывая МРОТ, совсем не вспоминает, а они тоже хотят жить. Следовательно, надо использовать коэффициент на 1 ребёнка (пусть это будет $1/3$ от его минимума), получаем около 36 тысяч рублей. Относительно сегодняшнего МРОТ (11 тысяч) минимальная сумма невыплаченной зарплаты составляет 25 тыс. рублей. Таким образом, на $2/3$ не выбирается потребительская корзина. Вот и источник роста частных состояний на миллиарды долларов. МРОТ в 36 тысяч применительно к настоящему времени – это то, что называют экономисты предельной производительностью наёмного работника в денежном эквиваленте. Если бизнес не доплачивает, он:

Не заинтересован в повышении производительности;

Не обеспечивает восполнение физиологической потребности наёмного работника в питании и минимальных бытовых условиях, которые должны входить в МРОТ;

Уклоняется от уплаты налога с доходов, утаивая реально созданную трудом добавленную стоимость;

Присваивает себе результат труда работника под видом дохода от предпринимательской инициативы; в чём иници-

атива?

Обирает наёмного работника под видом того, что доля труда в размере государственного МРОТ остаётся неизменной независимо от того как растут реальные доходы. Что сверхдоходы ему приносит капитал (в смысле не купюры, а станки, где они остались). Но ведь так называемый имущественный капитал (в виде станков, оборудования и механизмов) в частном секторе не прирастает соразмерно росту доходов (Росстат). Значит, реальный капитал не растёт. И аргумент о доходе с капитала не состоятелен. Кроме того, этот капитал не может работать без приложения труда. Рост доходов может быть связан в этом случае только с ростом интенсификации труда. Без приложения рабочих рук он – мёртвый материал. Следовательно, по мере роста (в тех случаях, когда он есть) капитала в каждой копейке прибыли есть доля труда. При сокращении штатов нагрузка перекладывается на оставшихся – растёт интенсификация эксплуатации труда. А должна расти зарплата. Иначе, какой же это рынок? Роль государства по защите рынка труда от иностранной рабочей силы, играющей на руку предпринимателям, слабая, а МРОТ, очевидно, рассчитывали те, кто считает, что на "макарошках", которые, кстати, тоже растут в цене, можно вполне комфортно жить. Это на руку искателям "дармовой" рабочей силы.

Если бы МРОТ составлял указанную мной цифру, то вся сумма пошла бы на рынок и оживила его. При этом никакая

инфляция рынку не угрожала бы, т.к. лишних денег печатать не пришлось бы. Просто за границу ушло бы на 25 млрд. \$ меньше.

Когда я давал оценку по зарплате в 9–18 тысяч рублей, я боялся, не сгущаю ли краски. Но вот попалась мне на сайте Росбалт (со ссылкой на Росстат) оценка суммарной задолженности работникам различных отраслей по зарплате. На 01.08.18 это 50400 человек:

Суммарная задолженность на 01.08.2018	В том числе:	
	Долги за 2017 г.	Долги 2016 г. и ранее
3389 млн. р.	721 млн. р.	1172 млн. р.

<http://www.rosbalt.ru/business/2018/08/17/1725571.html>

Во-первых, отметим тенденцию роста. Теперь определяем долг за 2018 год и, соответственно, рассчитываем среднюю заработную плату перед рабочими в текущем году:

$(3389 \text{ млн.} - 721 \text{ млн.} - 1172 \text{ млн.}) / 7 \text{ месяцев} / 50400 \text{ человек}$. Получаем в среднем 4240 рублей в месяц.

Это чуть больше той суммы, на которую саратовская чиновница нам советовала существовать. «Лягнула», как сказал Премьер, но ведь она, как и многие другие, которые считают народ «наследниками воров», «белоручками», «животным, которого надо убивать» и которому ничего не обязано

государство, и пр. – они представители власти. Следовательно, "ляпая", выражают позицию государства по отношению к народу.

Можем мы с таким чиновничьим аппаратом достичь успеха в экономике? Конечно, нет.

В отличие от коллективного Запада, в нашей стране никакая зарплата не освобождается от налога, в т.ч. МРОТ. ФНС письмом от 15 февраля 2012 г. № ЕД-2–3/111 перечисляет, что освобождается. МРОТ в список не входит. Это означает, что, получив 4240 рублей, рабочие должны будут отдать (если за них с начисленной «зарплаты» уже не отдал наниматель) государству 13%. Сколько купишь на оставшиеся деньги?

Но ведь цены в магазине – это ещё не всё. Есть и другие механизмы выкачивания из карманов денег. Тарифы на услуги ЖКХ не имеют тормозов, растут с темпами, в разы опережающими инфляцию. Вот пример роста тарифа в Москве (руб./кв.м.):

Тарифы ЖКХ в Москве	1999 г.	2009 г.	2015 г.	2018 г.
Содержание и ремонт жилой площади (за 1 кв.м.)	0,24	6,66	16,69	21,95

Рост в 91,46 раза, среднегодовой темп прироста – 28,52%. Разве можно представить такой рост тарифов в стране, го-

лосующей за стабильность? Стабильность чего? Принять это за стабильность нельзя, но понять рост долгов можно – это обязательные платежи. От этих услуг, как от товара в магазине, отказаться нельзя. За них платить обязан КАЖДЫЙ ГРАЖДАНИН-владелец квартиры, сколько бы они не стоили. Годовая стоимость услуг по всем позициям жировки в небольшой хрущевской квартире Москвы (без учета пользования горячей и холодной водой) выросла с 18738 рублей в 2009 г. до 50288 в 2017 г., включая взносы за капитальный ремонт по 15, затем по 17 рублей за квадратный метр. Рост в 2,68 раза. Среднегодовой темп прироста – 13,13%. С ростом какой зарплаты или пенсии сравнить такой рост стоимости не всегда хорошего качества услуг? При этом во всех правоустанавливающих документах по тарифу сказано, что услуги по содержанию жилплощади включают взносы на капитальный ремонт. Я написал по этому поводу письмо депутату Г.Хованской. Она переадресовала обращение в Министерство строительства и ЖКХ РФ. Оттуда я получил ответ заместителя директора Департамента ЖКХ К. С.Беляковой в духе: раз есть закон, значит так надо. Но ведь не было на тот момент ни одного документа, исключаяющего взносы на капремонт из строки по содержанию, следовательно, юридически с нас вимали на капитальный ремонт в двойном размере. До 2017 г. взнос входил в сумму, и вдруг не стало, а сумма не уменьшилась, значит осталась. Я уже не говорю о том, что таким домам в Москве по 50–60 лет и никогда не

проводился капитальный ремонт. Деньги за всю историю дома собраны немалые, чтобы никакой взнос больше не придумывать – никакие аргументы на чиновников не действуют. Следовательно, это – государственная политика. Нам объясняют, что на Западе недвижимость стоит еще дороже. Но при этом умалчивают, что заработная плата в Европе 1,5–2 тысячи евро – это почти минимальная, а чтобы оплатить жильё и различные услуги, некоторым хватает 2 тысяч евро. Если в семье работает два человека, то остаётся на жизнь. А что остаётся у нашего человека, у которого зарплата растёт разве что в воображении чиновников и в отчетах Росстата? Что останется, если расходы подогнать под европейский стандарт (а это так и происходит: бензин, некоторые продукты питания, электроэнергия в США почти как у нас), а зарплату оставить, как при крепостном праве?

Но даже это ещё не всё. Я обратился однажды (май 2018 г.) к Управляющей компании предоставить копии Актов по расчетам с МОЭК за тепло по показаниям прибора учета на входе в дом. Выяснилось, что в расчетах участвует не общая, а только жилая площадь. А у нас на первом этаже расположена налоговая инспекция. Кроме того отапливается в части дома подвал, в котором иногда по вечерам светится окно (т.е. там кто-то проживает). По закону эти помещения находятся на балансе города и услуги должны оплачиваться из казны (Москомимущество). Я написал письмо в Прокуратуру, которая этой проблемой озаботила Мосжилинспекцию.

Но она (государственный орган) до сегодняшнего дня не дала ответа по существу. Отделяется отписками с переносом сроков и благодарностью за терпение. Когда терпение кончилось, я вновь написал прокурору. Получил ответ: «нарушение проявилось в необоснованном затягивании сроков рассмотрения» и ничего по факту моего обращения. Таким образом, с большой долей вероятности население (там, где первые этажи нежилые) оплачивает расходы государства (как в нашем случае) по содержанию помещения государственного учреждения и никакие меры воздействия на государство не действуют (обращался по разным поводам и к депутату Хованской, и к Мэру, и в Префектуру – всё бесполезно).

По факту такой реакции можно сделать только один вывод – это государственная политика тех, кто правит от имени народа, которого при этом обирает.

Возникает вопрос, достижимы ли цели, которые декларируются Правительством по поводу роста экономики и мерам социальной поддержки населения? Только отчасти и преимущественно касательно занятости в государственном секторе экономики, а что касается социальной поддержки, то она только декларируется. Какая поддержка, если защиты от самого государства никакой нет. В Центрах социального обеспечения сидят люди в ожидании помощи в 2–6 тысяч рублей в год. Как мы понимаем, эти деньги взяты из бюджета, т.е. наших же карманов.

Есть стимулы такой экономике развиваться? Нет. Потому

что нет должного покупательного спроса. Потому что у 200 самых богатых выросли за последний год доходы (25 млрд. \$), которые вряд ли будут потрачены в стране, погрязшей в стагнации (на самом деле в рецессии). Если бы эти деньги были выплачены населению в качестве заработной платы, ровно на эту сумму вырос бы спрос и у кого-то (может быть) возникло бы желание расширить производство (а только при расширенном производстве может существовать конкурентоспособная экономика без рецессий и стагнаций, пока не столкнётся с проблемой перепроизводства). Но этого нет, и не предвидится, т.к. деньги ушли из экономики и туда не вернуться. Отсюда невольно следует вывод: низкий уровень заработной платы – это государственная политика, направленная не столько на сдерживание инфляции, сколько на то, чтобы дать возможность владельцам крупного бизнеса становиться богаче, т.е. присваивать часть средств, принадлежащих работникам, не увеличивая денежную массу. Ведь меры по противодействию государством никакие не принимаются. Кроме того, рост доходов у ТОП-200 независимо от положения дел в экономике, от падения или низких темпов прироста ВВП – это очевидное свидетельство и результат чрезвычайно низких налогов не только на высокие зарплаты ТОПов, но и на прибыль крупного бизнеса вообще. Предвижу упрёк в том, что я опять слишком сгущаю краски. Но ведь довольные всем москвичи, которых показывают по телевизору, – это еще не все москвичи и уж тем более – не вся Рос-

сия. Это – всего лишь витрина «универмага», а украшенные улицы Москвы контрастируют с аварийным даже иногда после «капитального» ремонта жильём. Витрина не всегда отражает содержание, как в том анекдоте про туризм и постоянное проживание. Так вот в любом случае, сгущая я краски или нет, то, что описано выше – частью из личного опыта. Я уже не говорю о том, что всё это – признаки не просто крайне несправедливого, крайне незащищенного социально общества, это признаки не выздоровления экономики, а, наоборот, углубления кризиса. На раздающиеся иногда предложения ввести прогрессивный налог Правительство отвечает, что если его ввести, бизнес уйдёт в тень (миллиарды – в тень? – явный признак слабости государства или заинтересованности чиновников). Конечно, с незащищенных людей собрать последнее – много легче. Народ уйти в тень не может. Его даже «действующие» законы, призванные защищать, начиная с Конституции, – не защищают. Такова реальность. Такое отношение к населению, законодательно ведущее к расслоению, повторяю, – самый очевидный признак углубления кризиса.

Есть и другие, но это уже совсем другая тема.

Ноябрь 2018 г.

Парадоксы нашей экономики (по следам статистики и ведомственных прогнозов)

Приятно читать новости о преодолении кризиса, о росте экономики, хоть и небольшом, о низкой инфляции и еще более низком уровне безработицы. Но как-то всё это расходится с повседневной бытовой информацией, которую мы получаем даже из бегущей строки по ОТР, от общения со знакомыми, друзьями. Хочется думать, что представители парадных новостей искренне прилагают усилия к тому, чтобы всё так и было, чтобы у людей всегда присутствовало ощущение счастья и карнавала в душе. Наверно этому должны способствовать улицы города, украшенные искусственными цветами, качелями и обновлённой плиткой на тротуаре, «скрашивающие» отсутствие работы, заработка и создающие внешние признаки благополучия и праздника. Иногда начинаешь и впрямь задумываться: неужели и правда в обществе наступила гармония, «жить стало лучше, жить стало веселей»? Окунаешься в гушу народа и понимаешь: а не у всех праздник. Почему? Давайте беспристрастно посмотрим на статистику. Когда смотришь на неё беспристрастно, то обнаруживается много парадоксального: сколько слов (и денег) растрчено напрасно, как сильно они расходятся с де-

лами, сколько усилий прилагается к тому, чтобы убедить население в обратном.

Освободившись от догматов марксистской идеологии, статистика обложилась методиками МОТ, МВФ, ВТО..., и показатели сразу улучшились. Отдельный гражданин не знает, что по методике Международной организации труда он может иметь конкретный адрес на Земле, а может и не существовать (теперь и в паспорте ставится отметка БОМЖ), по методичке он может иметь оплачиваемую работу как «самозанятый», а на самом деле быть безработным. Когда человеку исполнилось 45–50 лет, и вдруг он потерял работу, а зарплата была на уровне МРОТ, на Бирже труда (если удалось зарегистрироваться) больше 900 рублей дать ему не могут, да ещё попробуй зарегистрируйся. Здесь можно заподозрить сговор государства и бизнеса по установлению зарплаты ниже МРОТ, ведь в этом случае государству не надо тратить на пособия безработным. Без регистрации безработный, по задумке наших находчивых чиновников, становится потенциально «самозанятым». Так было в 90-х, так осталось и сейчас. Согласно Статистическому ежегоднику за 2017 г. из числа зарегистрированных 895 тыс. человек (из миллионов безработных) лишь 756 тысячам назначено пособие. И многие, оглянувшись вокруг себя, могут увидеть среди знакомых и друзей в возрасте чуть больше сорока (далеко до предпенсионного) таких незанятых или «самозанятых».

Сколько же в Москве и в стране может быть безработных

по правде, а не по официальной статистике?

Начнём с Москвы, где, как нас уверяют, самый низкий уровень безработицы-1%. Вряд ли кто в это верит. Поэтому посмотрим статистику: накануне Олимпиады-80 (34 года после войны, сказывается провал в рождаемости, как и после 90-х) только в промышленности Москвы было занято 1110 тысяч человек из 7831 тыс. чел. населения. Это – приблизительно 14,2% от всего населения без городских поселений, подчиненных Москве. Сегодня в промышленности Москвы только 628 тысяч рабочих мест (включая Новую Москву, т.к. в самой Москве промышленности всё меньше), сообщает № 39 газеты «Вечерняя Москва». От всего (официально заявленного на 2017 г.) населения в 12380664 человека, это только 5,07%. Простой арифметический подсчет даёт нам удручающую картину: в 1,58 раза выросло население Москвы (не считая многочисленных приезжих из Подмосковья и соседних республик), при этом на 44% сократилось количество рабочих мест в промышленном секторе (реально – больше, т.к. Новой Москвы в статистике 70-х не было). Значит, искать работу отправились: $(1110 \times 1,58) - 628 =$ минимум-1125,8 тыс. человек. И если в остальных отраслях и сферах деятельности все вакантные рабочие места заняты за счет прироста населения (прибавьте приезжих из Подмосковья, не имеющих работы по месту жительства), то эти 1125,8 тысяч человек теоретически в Москве не имеют работы, уехали или перебиваются случайными заработками.

Вряд ли все вчерашние инженеры и научные работники нашли работу в торговле, в строительстве, сфере услуг и ЖКХ: при внимательном взгляде на кадровый состав мы увидим, что большинство там занято не москвичей. А ведь за ними – семьи. Согласно официальной статистике в Москве численность трудоспособного населения в 2016 году составляла 7163 тысячи человек. Таким образом, только за счет сокращения рабочих мест в промышленности Москвы доля потенциально безработных должна составить не менее 15,7%. При этом, заметим, что по той же официальной статистике в Москве трудится 1137 тыс. иностранных трудовых мигрантов (в действительности их больше, если посчитать только число рабочих мест в торговле, ЖКХ, строительстве и прибавить самозанятых из Украины и Молдавии). Повторю, что в Москву кроме иностранных мигрантов работать приезжают из ближайшего Подмосковья. Следовательно, доля безработных москвичей(!) никак не может быть минимальной за последние 25 лет, как это заявляют официальные власти. Скорей всего она превышает выведенные мною 15,7%. Ведь сколько закрыто помимо заводов и фабрик НИИ, проектных институтов и учреждений, которые в выведенный процент не попадают. Нас уверяют, что создаются новые более современные производства. Однако бум с набором квалифицированных кадров как-то не наблюдается.

Перекинемся на просторы страны и обратимся к статистике Росстата за 2016 г. В частности, посмотрим, как ста-

тистически вяжутся между собой такие понятия, как: трудовые ресурсы России (82 млн. человек); численность рабочей силы (76 636 100 человек); среднегодовая численность занятых (72 065 000 человек) и списочный состав занятых (41 677 403 человека)? Если списочный состав – это те, кто получает зарплату по ведомости, то как работают те, кто в списках не значится? И получают ли они зарплату? Нам говорят о нехватке рабочей силы (поэтому с нетерпением ждут мигрантов), но при этом государство не очень интересуется, а есть ли работа у 40 млн. соотечественников, которые в списках не значатся. Цифру надо как-то проверить (посмотрим на это иначе).

По аналогии с Москвой можно посчитать, сколько предприятий по стране в целом ушло в небытие. Сотрудник института им. Е.Гайдара помог нам в этом. Он приводит в своей статье такие данные: на 01.01.1993 г. в России значилось 204998 крупных госпредприятий на самостоятельном балансе (только крупных и только на самостоятельном балансе!, т.е. не все), которые планировалось привлечь к приватизации. К 01.01.1995 из них осталось 126846, загрузка их мощностей составляла 40–50% от установленной (а, значит, и людей). К 1998 г. их осталось уже 88246. Смотрим статистику: на 01.01.2017 г. крупных и средних (!) предприятий в России всего насчитывалось 51986 единиц, 25% от того, с чего начиналась приватизация, а может быть и меньше: ведь это уже не только крупные, но и средние предприятия. И те

работают вполсилы. Более того, есть сайт, который посчитал все крупные работающие заводы и фабрики в России: получилось только 3321 предприятие. Проезжая по МЦК в Москве сегодня можно наблюдать руины, оставшиеся от бывшего завода им. Лихачева. И не только там. Такая участь постигла 3/4 всей промышленной базы России вскоре после приватизации. В итоге эти «эффективные» управленцы привели страну к дефолту. С тех пор прошло немало времени, и можно было понять, что навязанные нам методы управления экономикой неверны, что экономика сама не поднимется, и если у неё отнимать деньги, она окончательно рухнет. О людях тогда (как, впрочем, и сейчас) никто не думал. В промышленности РСФСР в 1990 г. было занято 36507,8 тыс. человек, да в сельском и лесном хозяйстве – 11277,9 тыс. человек (СССР в цифрах. 1990 г.), а в 2016 г. в обрабатывающей промышленности было занято 10247 тыс. человек и в сельском хозяйстве (включая охоту и лесное хозяйство) – 5374 тыс. человек (Статистический ежегодник. 2017 г.) Итого из промышленности и сельского хозяйства современной статистикой зачислено в незанятые или «самозанятые» по крайней мере: $26268,8 + 5903,8 = 32172,6$ тыс. человек (2017–1990). Выросло число занятых в торговле с 7829,2 тыс. человек до 13633 тыс. человек. Рост – 5803 тыс. человек. Но при этом выросла численность населения. И гражданство за последние 3–4 года получили более 20 млн. человек. Прибавьте к этому ликвидированные многочисленные НИИ и

проектные институты – получаем ту же цифру – не менее 40 млн. человек, лишенных за годы реформ работы, а, следовательно, и заработка. Вот в чем выражается сегодня стабильность: половина человеческого ресурса по-прежнему не занята.

Допускаю аргумент, что было слишком много устаревшего оборудования, потому что государство якобы – неэффективный собственник. Якобы производили неконкурентоспособную продукцию: ткани не того качества? Шоколад или водка, которые пользовались успехом во всём мире? Пришли «эффективные» собственники в результате приватизации, и предприятия сразу исчезли из списков вместе с людьми. Остались те, которые занимаются разработкой природных ресурсов. И опять сталкиваемся с парадоксом: обанкротились предприятия, которые создавали добавленную стоимость, а добывающие предприятия, хоть и являются еще более убыточными по сравнению с обрабатывающими, всё равно остаются на плаву:

	Прибыльные организации			Убыточные организации			Доля убыточных организаций (%)		
	I полугодие			I полугодие			I полугодие		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2014	2015	2016
ВСЕГО:	4515	6170	6681	-927	-901	-992	32,4	31,2	30,8
Добыча полезных ископаемых	1108	1258	1202	-94	-89	-206	42,8	40,4	36,8
Обрабатывающие производства	1072	1853	1857	-241	-206	-258	31,9	28,8	28

(Источник: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/10337.pdf>.)

Если убыточные предприятия не становятся банкротом, в отличие от многих, обратившихся в руины, значит, это «кому-нибудь нужно»?! И еще парадокс: «эффективные» собственники экономят на инвестициях в производство машин и оборудования ничуть не меньше государства в эпоху социализма (предпочитая их, как и станочное оборудование, импортировать), обрекая всё обрабатывающее производство тихо устаревать и исчезать вслед за станкостроением. Посчитаем недостающую потребность в инвестициях:

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Инвестиции в пр-во машин и оборудования, (млрд.р)	62,00	60,50	76,20	92,90	103,20	111,70	99,00
Сумма амортизации в ОФ, всего, млрд.р.	2668,813	3148,249	3665,29	4179,492	4751,927	5297,692	5860,652
Доля машин и оборудования в ОФ	8,60%	8,20%	8,10%	8,50%	9,20%	9,40%	9,00%
Расчетная сумма амортизации машин и оборудования, соот. доле в ОФ, млрд.р.	229,5179	258,1564	296,8885	355,2568	437,1773	497,983	527,4587

Судя по доле в инвестициях, замене подвергается лишь 20% (527/99) устаревшего оборудования. Уровень Основных фондов поддерживается лишь тем, что не списывается старое оборудование, а продолжает эксплуатироваться. Создаётся видимость роста основных средств. Допускаю, что где-то внедряется высокоэффективное современное оборудование. Однако его на сегодня так мало, что вписывается в статистическую погрешность и существенно на процесс мо-

дернизации экономики не влияет.

Между тем Центральный банк и Министерство финансов озабочены одной проблемой – борьбой с инфляцией путём изъятия из оборота «излишков» оборотных средств. По методичкам западных консультантов только при низкой инфляции можно надеяться на иностранные инвестиции. А зачем все расчеты у нас строятся на иностранные инвестиции? Ведь эти инвестиции пойдут не в экономику в целом, а только в те структуры хозяйства, в которых будут заинтересованы. В российской экономике в целом они (как и их государства) вряд ли будут когда-либо заинтересованы. Они – понятно. И опыт прошлых лет говорит о том, что значительная доля иностранных инвестиций (исключая добывающие отрасли, кредитно-финансовые отношения и торговлю) направлялась в те сферы производства, где надо было прекратить производство, остановить станки и утилизировать. А наши ведомства? И опять парадоксальное решение: Дж.Кейнс считал, что во время подъема экономики (во избежание перепроизводства!) государство должно проводить ограничительную кредитно – финансовую политику (сокращать предложение денег) и ограничительную налогово-бюджетную политику (повышать налоги, повышать собираемость налогов, сокращать государственные расходы). А во время спада действовать противоположным образом, т.е. увеличивать предложение денег. У нас всё наоборот! Опять мне возразят: Кейнс – это прошлое. Настоящее – это моне-

таризм Фридмана. Но ведь Кейнс и говорит о регулировании экономики предложением денег. Другое дело, что регулирование только путём кредитно-денежной политики вовсе отрывает управление от экономики: не учитываются ни трудовая теория стоимости Кейнса, ни теория спроса и предложения Маршалла. Финансы совсем оторваны от производства и рынка. Речи о «саморегулировании» (пресловутые: *laissez passer laissez faire*) без денег и без участия государства быть не может. Подушка безопасности, о которой заботятся больше, чем об экономике и людях, поможет лишь на короткий срок и только финансовому сектору. От затяжного кризиса подушка, безусловно, не спасёт. Все западные санкции направлены как раз на то, чтобы организовать затяжной кризис. И признаки его уже налицо. Альтернатива – только значительные инвестиции в реальный сектор экономики. Вспомните выход из кризиса 1929–33 годов в США путём роста налогов на крупный бизнес. То же в Европе.

Реальный сектор испытывает денежный голод (головные и управляющие компании, которые реально владеют финансами и тормозят инвестиции, т.к. предпочитают тоже откладывать «в подушку» на черный день, на инвестициях тоже хотят зарабатывать), и не в состоянии накопить собственные средства не только на черный день, но и покрыть текущие потребности в оборотном капитале:

Вот статистика (если она, конечно, соответствует реалиям, особенно по остаточной стоимости):

- остаточная стоимость основных средств России в 2015 г. = 55,3 трлн. рублей;
- оборотные активы = 85,13 трлн. рублей;
- собственный капитал, участвующий в обороте, = 12,56 трлн. рублей.

Из приведённых данных мы видим, что в экономике собственные средства не покрывают даже оборотные активы, необходимые для нормального функционирования экономики. И только благодаря долгосрочным финансовым вложениям (47,57 трлн. руб.) формирование оборотных активов за счет собственного капитала составляет 5,64%:

$$(12,55+47,57-55,32)/85,13*100=5,64.$$

Это чрезвычайно мало. Это – перманентный кризис, и для предприятия означало бы близкое банкротство. Для экономики это означает балансировать на грани дефолта. "Подушку безопасности" спасёт от кризиса печатный станок (единственный, работающий без сбоев; надолго ли?), но обрабатывающее производство могут спасти только крупные инвестиции. А российское государство напрямую (минуя посредников) отказывается обеспечивать реальный сектор деньгами. Только на заёмных средствах под 10–15% годовых при рентабельности в 6–8% экономику не построишь (при низких объемах из-за отсутствия спроса). Это же очевидно: финансы перестали работать на экономику. Напротив, они поставили реальное производство в рабскую зависимость от посредников. И эта зависимость с каждым годом растёт, если

судить по норме прибыли финансовых институтов и производства.

Все предприниматели, торговые предприятия, заводы и фабрики (как и государство) стремятся зарабатывать. Но зарабатывать можно по-разному: расширить линейку продукции, наращивать объемы производства.... Для этого надо увеличивать число потребителей своей продукции, его покупательную способность (т.е. зарабатывать на обороте за счет роста объема с понижением цены). А можно ничего не менять, производить один набор продукции и путём манипулирования ценами (когда поднимают зарплаты и пенсии), а также путём сокращения затрат (увольняя лишних работников) выживать в любых кризисных ситуациях (привлекая бюджетные субсидии). У нас пока предпочитают «развиваться» вот этим вторым путём: не увеличивать производство продукции с высокой степенью обработки, не увеличивать число рабочих мест, не увеличивать объемы производства, не стимулировать потребление путем увеличения зарплат и пенсий (ведь только от этого зависят налоговые поступления в бюджет и рост спроса), а хранить «излишки» поступлений от нефти в сундуке (можно привести на эту тему много высказываний и цифр) и радоваться подушке безопасности, как Гобсек золоту. При этом утверждать, что мы строим капитализм. Капитализм – это способ ПРОИЗВОДСТВА, а страсти Гобсека – это из другой эпохи. Производства!, которого, как показывает статистика, в России всё меньше. Более

того, во время президентских выборов один из представителей кандидатов заявил, что «нам не нужно импортозамещение, торговать нужно». Ей давно уже возразил кот Матроскин: «Чтобы что-нибудь купить, надо что-то продать. А у нас нет ничего». Сколько надо добыть нефти и газа, чтобы купить всё остальное на внешнем рынке? Ведь непременным условием положительного внешнеторгового баланса является внутреннее производство – нельзя купить вообще всё, надо что-то и производить, чтобы сократить потребность в инвалюте и импорте. И одной нефти с газом на всё (если, конечно, речь не идёт только о привилегированной части населения) не хватит. Кроме того, надо исходить из того, что цены на внешнем рынке имеют свойство и падать, а ресурсы истощаться. Между тем строить индустриальную базу много тяжелее с нуля, чем модернизировать постепенно, уделяя этому ключевое внимание при формировании бюджета. У нас разрушено было 3/4 экономики с примитивной целью заработать на продаже металлолома, хотя на этом оборудовании можно было заработать на порядок больше, обеспечивая внутренний рынок. И никто этот процесс не остановил. Эффективный менеджер этого бы не сделал. Классики политической экономики ввели понятие «альтернативной ценности упущенных возможностей». Складывается впечатление, что у нас о таком понятии никакого понятия не имеют.

Везде, куда ни обратишь взор в нашей экономике, не обнаруживаешь преимуществ частного капитала перед госу-

дарственным, ибо во всех сферах самым ходовым словом является слово «сокращение»: станков, производства, людей, инвестиций...

Мы начали с сокращения людей. Для наглядности обратимся ещё раз к статистике:

Год	Численность, принятых работников (тыс.чел.)	численность уволенных работников (тыс.чел.)	Разница	Год	Численность, принятых работников (тыс.чел.)	Численность уволенных работников (тыс.чел.)	Разница
2000	11235,9	11616,2	380,3	2009	9378,1	10900,7	1522,6
2001	11953,5	12373,7	420,2	2010	9486,8	9844,5	357,7
2002	12041,5	12407,8	366,3	2011	9810,8	10018,2	207,4
2003	11534,9	12358,1	823,2	2012	9710,4	9859	148,6
2004	11343,2	12129,6	786,4	2013	10114,5	10328,3	213,8
2005	11214,8	11935	720,2	2014	9763,8	10205,2	441,4
2006	11644,7	11797,7	153	2015	9109,3	10047,9	938,6
2007	11923,5	12033,8	110,3	2016	9143,2	9624,6	481,4
2008	11380,1	12209,4	829,3	2017	8976,9	9398,6	421,7
				ИТОГО:	189765,9	199088,3	9322,4

Если в 1999 г. численность безработных официально составляла 9094 тыс. человек, то к 2018 г. безработных – «самозанятых» должно быть не меньше 18,5 млн. человек (9322,4+9094). Парадоксально, но одни официальные данные (по числу уволенных и принятых) никак не корреспондируются с другими официальными данными – уровню в 5% от трудовых ресурсов (5% от 82 млн.чел=4,1млн.чел. Со-

гласно статистическому ежегоднику за 2017 г. безработных в России – 4243 тыс. человек). Это – парадоксы (нестыковки) официальной статистики: от 4,2 млн. человек до 18,5 (смотря как посчитать). Неофициально легко насчитывается и 40 млн. человек. Справедливости ради следует отметить, что официальная статистика констатирует наличие еще каких-то лиц «не входящих в состав рабочей силы», в количестве 33590 тысяч человек (не рабочие, но и не безработные). Совершенно очевидно, что рождаемость сократила приток, но недостатка рабочих рук (особенно учитывая предпенсионный возраст) нет. Есть недостаток рабочих мест. И статистика (даже официальная) это косвенно подтверждает (есть 33,6 млн. нерабочей силы, но ведомства они почему-то не интересны). Ведомства продолжают делать прогноз о дефиците рабочей силы и этим обосновывают необходимость привлечения иммигрантов и повышения пенсионного возраста, обрекая миллионы на голодание, учитывая, что многие (если не преимущественно) предпенсионеры уже давно не работают, и гарантии государства для них – пустой звук.

Если обратим внимание на изменение показателей роста ВВП, мы увидим еще один парадокс: каждый год цифры корректируются. Сегодня, например, мы не знаем, какой был номинальный ВВП в 2015 г., т.к. он может внезапно измениться, скорректироваться. ВВП за 2011 год корректировался в 2015, 2016 и 2017 году. Например, так:

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП РФ, данные Росстат от 22.04.2015 (млрд.руб.):	55967,2	62147	66193,7	70975,8		
ВВП РФ, данные от 16.08.2016 (млрд. руб):	55799,6	62599,1	71016,7	77945,1	80804,3	
ВВП РФ, данные Росстат от 2017 г.	60282,5	68163,9	73133,9	79199,7	83232,6	86043,6

Реальный ВВП стабильно снижался даже по официальной версии. В результате:

– ВВП в долларовом выражении откатился на начало 90-х годов (при этом основной, т.е. промышленный, капитал заместился торговым капиталом).

– Всё, за счет чего прирастает сегодня в России ВВП (стадионы, парки, культурные и торговые центры, мосты, тупиковые замороженные трубопроводы, залатанные дороги, миллионы квадратных метров элитных квартир и офисов...), не является инвестиционным вложением (вместе с тем необходимость их строительства не подлежит сомнению) и прироста ВВП на следующий год не даст. Прирост реального ВВП может дать только расширенное воспроизводство. Подчеркну слово ВОСПРОИЗВОДСТВО, когда каждый вложенный рубль воспроизводит себя вдвойне вместо чистых затрат, как сейчас. А воспроизводство может быть только на производстве.

– В России продолжается падение реального производства. Подтверждает это сопоставление динамики ВВП и де-

нежной массы М2. Легко проследить по официальной статистике сокращение отдачи от каждого рубля, вложенного в производство ВВП:

По более ранней версии ВВП				По ежегоднику 2017 г.			
На дату	ВВП РФ (млрд.руб.)	Денежная масса РФ (М2)	Отношение ВВП РФ к М2	На дату	ВВП РФ (млрд.руб.)	Денежная масса РФ (М2)	Отношение ВВП РФ к М2
		(млрд.руб.)				(млрд.руб.)	
01.01.2000	4823,2	714,6	6,75	01.01.2000	7306	714,6	10,22
01.01.2005	17027,2	4353,9	3,91	01.01.2005	21610	4353,9	4,96
01.01.2010	38807,2	15267,6	2,54	01.01.2010	46309	15267,6	3,03
01.01.2016	67569	35809,2	1,89	01.01.2016	86044	35809,2	2,40

Для примера возьмём самый ходовой товар – выпечку хлеба. Мы привыкли к заявлениям о рекордном урожае, а производство хлеба и хлебобулочных изделий, как оказалось, падало из года в год, несмотря на заполненные полки магазинов:

Производство хлеба и хлебобулочных изделий (тыс. тонн)			
	2009	2010	2011
Российская Федерация. Всего:	7287	7144	7049

Для сравнения отметим, что в 1986 г. в СССР хлеба выпекалось более 29900 тысяч тонн. В пропорции по сбору зерна (РСФСР приблизительно 54,7%) на Россию в старых грани-

цах, следовательно, приходилось 16300 тыс. тонн выпечки хлеба. С 2012 г. официальная статистика данных не предоставляет. При этом заметим, что по норме потребления на трудоспособного человека (126,5 кг. в год) в 2011 г. требовалось произвести для удовлетворения потребности населения страны 18072 тыс. тонн (сравним с 1986 г.), а по норме для детей (77,6 кг) – 11086 тыс. тонн (произвели только 7049 тыс. т). Иначе говоря, наше население недоедает даже хлеба (не говоря уже о мясе), в то время как Россия выдвигается в ведущие экспортёры зерновых. Причем эта норма 2013 г. в потребительской корзине не дотягивает до восполнения 3000 калорий, необходимых для рабочего человека. Добавьте к этому качество зерна – не секрет, что на нашем рынке преобладает зерно низкого качества – 3–5 класс (на 2016/2017 г. при оценке качества ФГБУ «Центр оценки качества зерна» пшеницы 1-го класса не выявлено, 2-го класса – 0,1%), т.е. почти фуражное (для скота), и картина «успехов» в производстве зерна становится совершенно мрачной.

– Номинальный рост ВВП обеспечивается: а) за счет роста инфляции, падения курса рубля; и б) за счет производства не инвестиционной продукции и импорта.

За годы реформ не было сделано никаких позитивных (существенных, а не локальных) сдвигов, начиная с показателей производства хлеба, в пользу основной массы населения. Все достижения нашей экономики, которая реально в физических объемах сокращалась, а без импорта – экспорта про-

сто рушилась, заключаются только в росте реальных доходов у 10% нашего населения. Это – единственный показатель, где реально позитивная динамика наблюдалась все последние 27 лет.

Сегодня популярно понятие «денежный мультипликатор», но, к сожалению, позабыто понятие «мультипликативный эффект» при производстве. Когда производство стимулирует развитие смежных производств, тем более отраслей, когда рост ВВП превосходит инвестиционные вложения – это и есть мультипликативный производственный эффект (сегодня для нас это – упущенные возможности). Он гораздо надёжнее «подушки». Так растёт база не только производства, но и занятости, а вслед за ней и база сбора налогов и пенсионных накоплений. Есть общие законы экономического развития, и есть у каждой страны свои особенности: по народонаселению, уровню образования, ресурсам, технологическому развитию, культуре. Если бы эти особенности западные развитые страны не учитывали, ничего не добились бы. Они тщательно оберегают свои особенности, заботятся о сохранении рабочих мест, равномерном распределении налоговой нагрузки и защищают свой рынок (ЕС преференции предоставляет только своим членам). Россия имеет свои особенности, но открылась так (выступает против протекционизма, как будто является экспортёром, сравнимым с Китаем), что её природные ресурсы работают преимущественно на благо Запада: газ, нефть, лес – всё для экспорта и

ничего для роста собственной перерабатывающей промышленности. В России уже во многих регионах (сообщения из Мурманской области, Приморья) переходят с газового топлива на уголь. И это – уже не стабильность, а откат в прошлое. Мы много слышим о суверенитете, но при этом свой рынок открываем широко для экспансии иностранных компаний. Государственный суверенитет предполагает заботу о благосостоянии собственных граждан. Граждане – главный ресурс любого государства. Как к этому ресурсу относятся у нас в России, – показывает статистика: ресурс есть, но никому не нужен. Очевидна забота только о природных ресурсах: чтобы они были, чтобы они работали во благо избранной части населения, чтобы они были доступны иностранным потребителям и как можно более конкурентоспособны по цене за границей. Во имя этого снижаются экспортные пошлины, на минимальном уровне устанавливаются зарплаты рядовым работникам. При этом в компенсацию растут внутренние налоги и акцизы, повышая цены и тарифы. Так в России. Правительство вроде прилагает усилия к подъёму экономики, а косвенными налогами (и в первую очередь НДС) всё, что создаёт добавленную стоимость, делает всё менее рентабельным. А значит, тормозит рост реального производства. В реально социальном государстве всё происходит ровно наоборот: косвенные налоги снижаются, а растут прямые. Это еще один парадокс нашей экономики. Потому что такое соотношение косвенных и прямых налогов, как в России, означает

рост цен, снижение покупательной способности населения, снижение и без того нищенской реальной заработной платы с одной стороны и рост зависимости от производителей импортного товара, т.е. от Запада – с другой стороны. Разве не парадокс для социального государства?

Отвечает это критериям суверенитета? К сожалению, на этот счет есть очень большие сомнения.

Ноябрь 2018 г.

Грязные помыслы не рождают чистые реформы

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!*
П.-Ж. де Беранже

Скоро 30 лет с даты, когда Межрегиональная группа на 1-м съезде народных депутатов в 1989 г. поставила вопрос о власти КПСС, когда возникла формулировка «агрессивно-послушное большинство», которое позднее трансформировалось в «красно-коричневых», т.е. приравненных к фашистам. Адресовалось это тем, кто, уполномоченный на выборах народом, противился некоторым методам проведения слишком радикальных реформ и части населения, которая не верила "либералам". Так "демократия" с самого начала ломки основ государственного устройства стала распространяться только на лиц из ближайшего окружения реформаторов. С тех пор много изменилось в риторике и мало по существу.

Поскольку политический класс при власти всегда одобряет то, что делает, пришло время нам, простым гражданам,

обратить внимание на некоторые итоги переходного этапа от социализма к так называемому «капитализму».

И первое, что приходит в голову: «большинство» в Парламенте перестало быть агрессивным – стало послушным. Теперь только отдельные политологи и экономисты пытаются разоблачать курс на дальнейшее разрушение экономики и наступление на социальные права коренного населения, несмотря на декларации заботы о людях. Но их мало кто слышит, некоторые вообще не умеют слушать и понимать (из опыта личной переписки с чиновниками). Несмотря на поражение на выборах в декабре 1993 г., у власти фактически преимущественно остались наследники тех, кто был как раз за радикальную ломку старого механизма управления экономикой, и это им удалось благодаря главе государства, который лишней раз подтвердил роль личности в истории.

С 1989 г. можно констатировать конец эпохи социализма и факт смены элит в России. Социализм потерпел крушение не потому, что оказался плохо теоретически обоснован, а потому, что некоторые элементы его строительства были несовместимы с понятиями социальной справедливости. Кроме того, власти много приложили сил для борьбы с теми, кто проявлял коммерческую инициативу, а они могли стать союзниками государства по развитию частного сектора, направленного на обеспечение рынка потребительскими товарами, одновременно конкурируя с государством по эффективности. Вместо этого те, кого переполняли желания дер-

жать за хвост Жар-птицу, т.е. решать судьбы людей по своему усмотрению и к своей выгоде, невольно становились противниками всей социальной системе, выжидая удобный момент, чтобы заразить этой идеей окружающих. Момент наступил, как всегда при слабости власти в конце 80-х годов. Создав искусственно острейший кризис в снабжении (пустые полки нам любят демонстрировать), в 90-е годы «бескорыстные любители денег», заняв посты, стали навевать другой «сон», который в реальности обернулся для большинства населения кошмаром.

Принято считать, что государством управляет элита. Что эта «элита» ночи не досыпает и недоедает, погруженная в заботы о благе народа. А правильно ли называют наших власть имущих «элитой»? Когда-то это понятие означало не «власти достигший», а «лучший». Ведь применительно к армии мы знаем значение словосочетания элитные войска – это не те войска, которые при угрозе собирают всё ценное и прячутся или разбегаются по заграницам, а, наоборот, противостоят превосходящим силам противника. Наши современные «генералы» во что превратили армию в 90-е и нулевые годы? С самого начала реформ генералы от экономики объявили, что миллионов 40 населения в стране – лишние (если генералам не нужны солдаты, то это – бездарные генералы), а в 1996 г., рискуя проиграть выборы, были готовы отбыть за границу. Язык не поворачивается назвать их «элитой». Марат Мусин в своей книге «Бизнес в стиле распил»

приводит цитату Збигнева Бжезинского, который 20 декабря 2010 г. цинично произнёс: «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы ещё разберитесь: это ваша элита, или уже наша?» Начиная с 1985 г., нам внушали: теперь будет «порядок и гласность». При этом, чем дальше в лес, именуемый перестройкой, тем глубже болото, в которое нас затягивали. В экономике та же картина: «элита» развалила около 3/4 промышленного потенциала страны, половина рабочего «войска» разбрелась по просторам Родины в поисках заработка, а центральная власть о них и знать не знает – в списках (ведомостях на получение зарплаты) не значатся. Рядовой состав (для нормального государства – главный экономический актив), стал не нужен генералам. Точнее, нужен в ограниченном количестве – ровно столько, сколько надо для обслуживания «элитной» собственности. Говорят, теперь главное не производство, а услуги. Но это там, где налажено производство, производительность труда достигла должного уровня и обеспечивает потребности без наращивания численности занятых рабочих. А как быть экономике, лишенной такого производства? Значит, чтобы обеспечить занятость, сначала производство и услуги, а потом акцент преимущественно на услуги. Иначе это как при строительстве дома – главное крыша? Но правильно ли с неё начинать стройку?

В постперестроечной экономике этот подход был офици-

ально озвучен: «laissez faire – laissez passer». Французское: «не мешать, и пусть всё идёт, как идёт» у нас под чутким руководством «элиты» превратилось в «laissez tout aller dans la roussiere», т.е. «пусть всё идёт прахом». Потому что стали как раз активно мешать промышленности работать, чтобы пустить её под нож. Призываю в свидетели газеты тех лет, которые пестрили заголовками о том, что не нужна нам космическая отрасль, не нужны атомные станции, подводные лодки, крейсера и ракетное производство. И это не просто слова, если государство на деле отзывает заказ, прекращает финансирование. Специально создавались условия для выбора: можешь начать производить никому не нужные кастрюли или сдать станки на металлолом. Позже нам объяснили, что стихия рынка, а правильней сказать – анархия (вместо порядка!), насаждалась специально в целях борьбы с коммунистической идеологией. Вот, оказывается, какая главная мысль стучала в головах тех, кто возглавил реформы якобы в интересах народа. На самом деле цель – уступить все рынки, где торговалась продукция СССР. Ложь была в основе реформ. Я сейчас не говорю о том, что при правильном допущении рыночных механизмов в управление экономикой, это действительно придало бы импульс развитию. Но такая задача, оказывается, совсем не ставилась. Задача была внушить в сознание людей, что всё содеянное коммунистическим режимом – антигуманно, направлено против человека (промышленный подъём, ликвидация нищеты и беспризорщины,

подъём культуры и образования...)). И главным инструментом стала ложь. Нам говорили, «невидимая рука рынка» всё отрегулирует. На самом деле эта «рука» не такая уж невидимая: рыночная среда формируется исходя из налоговой политики, приоритетов, которые закладывает государство в свою программу, открытости или защищенности границ и т.д. Отсюда – зло творилось не «невидимой» рукой, – конкретными лицами. А то, что это в интересах человека – было ложью. Разве с идеологией борются ложью? Ложь была прикрытием отсутствия новой идеологии. Как и у М.Горбачева, затеявшего «перестройку», не было представления, как и какие проводить реформы. Хотя они реально назрели. «Новое политическое мышление» совсем не затрагивало текущие проблемы, в которые «перестроечная элита» окунула страну. Зато раскрыло ящик Пандоры на исторические события 50–70-летней давности. И ладно бы, ещё раз осудили сталинские произвол и беззакония, раскрыли часть архивов, чтобы от рецидивов избавиться раз и навсегда и взяться за строительство новой экономики. Как бы не так, все годы «реформ» посвятили пустозвонству о неправильной и не справедливой в отношении народа истории. Это касалось коллективизации (крестьян не наделили землёй, а обделили; а вот при Столыпине...), индустриализации (всё строилось силами заключенных), пакта Молотова-Риббентропа (на съезде была создана специальная комиссия, которая оригинала «секретного протокола» не нашла, но все действия тогдашнего руко-

водства, заботой которого было отсрочить начало неизбежной войны, признала противозаконными), репрессий 1937 года.... При этом никто не дал себе труда задуматься: ещё при Столыпине земля активно раскрестьянивалась; пахарей в 1861 г. освободили без земли и в голодные годы в вагонах для скота (за свой счет!, и лишь частично за государственный – читайте И.Бунина) отправили в поисках лучшей доли на сибирские земли за Урал. Житницей Сибирь не стала, хотя те переселенцы, которые поднимали сибирские земли, подвиг, безусловно, совершили: площадь азиатской России под продовольственными хлебами выросла с 4332 тыс. десятин до 9499 тыс. десятин в 1913 г. по сравнению с 1909 г. Для справки: в европейской России площадь составляла 59069 тыс. десятин, которые надо было перепахать. Адресую несогласных к статистике. Сегодня тоже обещают дальневосточный гектар. Может быть, он, наконец, исполнит мечту Столыпина? Если бы не коллективизация, которая делалась с одной целью – как можно больше земель охватить обработкой тракторами, как можно больше засеять и собрать. Если бы этого не было, то что было бы? Ведь лопатой гектар не вскопаешь. Был бы голод куда более масштабный, чем тот, в котором обвиняет сегодняшняя «элита» сталинизм, забыв, что голодом морили народ задолго до коллективизации. Утверждение о том, что деревни обирали, не оставляли ничего, не выдерживает элементарной критики: если бы это было так, то нечего было бы сеять, и реформ хватило бы только на один

год. Бандформирования, которые сжигали хлеб, теперь стали героями – борцами с властью, а голод – на совести власти. Гордились экспортом царской России зерна, но умалчивали, что крестьянство в то же время питалось хлебом с лебедой и пухло от голода в начале XX века, как и в XIX. Читайте на эту тему статью Л. Н.Толстого «О голоде» и Ивана Бунина.

Вот цифры, свидетельствующие о реальных мерах по преодолению голода путём, как утверждают, феодального закрепления крестьян за колхозной (в либеральном толковании – государственной) землёй:

Наименование	1913 г.	1940 г.	Коеф.роста
Посевная площадь под продовольств. хлеба (га)	47070190,61	110700000	2,35
Посевная площадь под пшеницей (га)	25579985,64	40300000	1,58
Сбор урожая пшеницы (центнеров)	116924781,4	318000000	2,72
Урожайность пшеницы (центнер/га)	4,57	7,89	

Ист.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. 1917 г. (<http://protown.ru/information/hidden/6610.html>). Десятины и пуды приведены к современным единицам измерения. Коэффициент роста – отношение 1940 г. к 1913 г.

Динамика урожаев (63 губ.) и экспорта главных хлебов в 1893–1913 гг.

Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. Дополнительный томъ (XII-ый) 1912 г. с.1235–1236 (<http://books.google.ru/books?id=>

Юбилейный статистический ежегодник. ЦСУ 1972 г.: Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг.

Как видим, было во имя чего проводить коллективизацию. Цель была частично достигнута – голод перестал косить людей. И, как мы знаем, впоследствии внеэкономическое закрепление людей за землёй и станками трансформировалось в обычные рабочие отношения в том смысле, что можно было менять работу без риска попасть под суд. Одним словом, демократизация сталинской системы была налицо.

Стали клеймить большевиков за "Брестский мир", мол, уступили территории. Но ведь вскоре и вернули. А сколько Россия отдала своей территории после того как стала «перестраиваться», и потом, путём дробления на удельные владения. Потомкам будет в чём упрекнуть эпоху реформации в России.

То же касается и индустриализации. В 30-е годы в короткие сроки возводились предприятия-гиганты: Ростсельмаш, Уралмаш, Горьковский автозавод, Харьковский тракторный, Днепрогэс... Высокие темпы строительства (Сталинградский тракторный завод был построен за 11 месяцев, ГАЗ – за 17) объяснялись не только энтузиазмом (читайте свидетеля строительства «Магнитки» – В. Катаева: «Время, вперёд»; правда, сразу нашлись либеральные скептики – «энтузиазм впустую», «Жертвы хаоса», писали они в 1934 г. – чем не донос, напоминающий циничные заявления неко-

торых наших современников?), не только жесткими условиями, но и мировым экономическим кризисом, который позволил использовать западные достижения (промышленники вынуждены были искать новые рынки сбыта), в т.ч. продукцию для машиностроения. Уже к концу 30-х годов доля СССР в мировом промышленном производстве составляла 10% (в 1913 г. доля была – 2,6%, и прирост с конца XIX в. давали преимущественно: добыча железной руды, угля и выплавка стали с использованием иностранного капитала, ж/д строительство с целью вывоза этого сырья). Впоследствии (в 70-е годы) доля выросла до 20%, а сейчас, после реформ, доля России (в новых границах) упала до 1,7%. А главным продуктом производства и экспорта опять стало сырьё и зерно. Но и эту цифру можно поставить под сомнение ввиду псевдоматериального роста ВВП. По этим показателям реформы вернули нас в XIX век. Представим, что было бы, если бы не была создана промышленная база, позволившая обеспечить вооружением армию накануне и во время Отечественной войны. Война вынудила переориентировать гражданское производство на военную продукцию. Это естественно затормозило развитие общегражданских отраслей. Использовались заключенные? Да, использовались. Но делать вид, что с преступностью к 30-м годам уже было покончено, и наступила «эра милосердия», а «гонениям» и расстрелам подвергались только «противники режима», – значит грешить истиной. И этот грех взяла на себя на-

ша новая политическая «элита». Она решила, что в ГУЛАГе были только политические заключенные. Все «100 миллионов» (расчёты или документы, как водится, никто в глаза не видел). Но, вдумайтесь, кто же тогда рожал, кто проводил индустриализацию, кто воевал, наконец, и кто отстроил страну заново? И кто всем этим управлял? В статистике нет провала численности такой массы людей и вообще катастрофического падения рождаемости, исключая годы войны. Но это никого не смущает. Чувствуется усвоенный "либералами" урок Геббельса: «чем чудовищней ложь, тем скорее в неё поверят». И пошла гулять эта цифра по всей информационной канализации. Да, использовались заключенные, в том числе «шарашки», где работали ученые. Это был подневольный труд незаслуженно репрессированных ученых, но с куском хлеба и по прямому назначению, а не так, как в 90 – годы, когда профессора, лишённые заработка, а значит и хлеба, были вынуждены махать метлой или торговать китайским ширпотребом. И это – в лучшем случае. Многие (кто смог) вынуждены были выехать за границу.

Пакт Молотова-Риббентропа – документ, который значится в хвосте парада таких же бумажек, которые Германия использовала по назначению сразу после подписания с западными «цивилизациями», но это мало беспокоит наших либеральных "историков". У всех такого рода документов было одно назначение – избежать войны или, по крайней мере, отложить на время, пока те, кто ещё не подписал та-

кую бумажку, будет воевать. «Цивилизованный» Запад решил, что Козлом отпущения должна быть Россия. Наша либеральная общественность, судя по заявлениям, как раз за то, чтобы Россия стала этим Козлом отпущения, очевидно, в надежде на поражение. Видимо, воплощение в жизнь идей Гитлера их устраивало. Когда Россия (которая тогда называлась СССР) тоже подписала такую бумагу, это вызвало бурю возмущения. И продолжает возмущать поныне. А ведь это Польша первой подписала такой документ и не позволила тогда России пройти через её территорию, чтобы защитить Чехословакию, которую отдали на «съедение» Германии «цивилизованные» Франция и Великобритания. Это говорит о том, что Россия уже на том этапе (раздела Чехословакии) была готова противостоять Германии (а не "выступать в союзе" с ней, как стали заявлять некоторые наши либеральные современники), в отличие от западных «демократов». А вот Польша открыто выступила на стороне Германии, потому что позарилась на чужие земли и поплатилась. Кто же тогда, если не Польша и прочие западные «демократы», показал пример перекройки границ Европы? Это «демократический» Запад и отечественная либеральная общественность возмущались вводу войск Варшавского Договора в Чехословакию в 1968 г. и не протестовали против бомбардировки Югославии позднее. Вот оно – реальное лицо насаждаемой нам «демократии».

Не оправдывая сталинских репрессий против невинов-

ных, всё же надо признать: через этот вольный (всё таки значительной части населения репрессии никак не коснулись, а постоянное обсуждение этой темы создаёт впечатление, что кроме репрессий больше ничего и не было) и подневольный труд – это жертвоприношение народа. Без этого, быть может, невозможны были бы ни победа в Великой Отечественной войне, ни возрождение страны заново. Эти два памятника в 90-е, да и в последующие годы, не оставляют в покое либеральную общественность в попытках снести и предать забвению. И отчасти (в отношении промышленности) им это удалось, не считаясь с жертвами.

Вместо того чтобы коммунистической идеологии противопоставить идеологию рыночную, с расчетами, обосновывающими рост экономики и благосостояния населения (любая сделка нуждается в экономических расчётах, а тут на карту ставилась страна под демагогию и прожектёрство), а потом практикой показать превосходство рынка над командной экономикой, на нас обрушили потоки грязной информации на нашу историю, назначение которой состояло в том, чтобы отвлечь внимание от бардака, который фактически стал насаждаться в стране, чтобы навязать мысль, что при коммунистическом режиме было хуже. По сути, эта пропаганда целью имела только одно: получить власть, пусть даже грязными методами, а там – трава не расти.

Когда эту власть получили, нас стали заманивать в этот грязный рынок гнилой морковкой: ваучеры достоинством в

три мифические Волги и пустые обещания, якобы интересы народа прежде всего.

«Главное, – писали «Известия» в 1993 г., – это интересы потребителей и развитие конкурентоспособного производства внутри страны. Прежде всего тариф (на импорт) не должен повышать стоимость жизни народа». И результат этого «радения» мы помним: стоимость жизни стала расти не по дням, а по часам. Так с самого начала стали расходиться слова и дела новой власти.

А вместе с тем 01 июня 1993 г. газета «Известия» опубликовала статью М. Задорнова в которой он возражал против восстановления покупательной способности трудовых сбережений граждан РФ. Т.е. деньги населения приватизировали и объяснили – так лучше: когда денежки у нас (у «элиты») – не будет инфляции, если денежки будут у населения – будет инфляция. Ключевая мысль, которая работает по сегодняшний день с лёгкой руки одного из идеологов либеральных реформ – А. Кудрина. Меры приняли, а гиперинфляция всё равно случилась. Видимо, не столько в сбережениях народа было дело, сколько в росте благосостояния "элиты".

Под эти усыпляющие речи о «развитии конкурентоспособного производства» реформы встали на путь развала всей экономики, кроме торговли сырьём и импортными товарами. И та сегодня всё больше угасает – торгуется только самое необходимое.

Газета «Финансовые известия» № 11 (17–23 марта) 1994

г. на первой полосе размещает статью: «Отечественная промышленность на пороге кризиса перепроизводства». Однако внутри статьи речь идёт об издержках, которые на 2/3 обеспечивают рост цен, и «всё более жестких спросовых ограничениях» из-за конкуренции импортных товаров. Только вдумайтесь: спросовые ограничения – это значит, падает спрос соответственно росту издержек (т.е. номинальной зарплаты из-за инфляции). Падающий спрос приняли за перепроизводство. Причем здесь конкуренция импортных товаров? Спрос падает из-за отсутствия денег или их реальной покупательной способности. А конкуренция усиливается, потому что каждый день падает платёжеспособность населения и начинается борьба за каждого покупателя. Из-за перепроизводства падают цены, а у нас они росли каждый день. Перепроизводство – это производство сверх того, что рынок может поглотить по равновесной цене. А у нас не продавалось ничего. Это – реальное непонимание происходящего или намеренное введение в заблуждение? Отсутствие профессионализма – точно. Кризис газета сравнивает с Великой депрессией 30-х годов в США, причиной которого было «нарушение механизма свободной конкуренции, вызванной чрезмерным монополизмом производителей». Т.е. клонила к борьбе с государственной собственностью. Идея фикс «создания конкурентной среды», враг которой – государство, стала идолом, но вместо неё в торговлю ворвался бартер. Потом все устремились за бесценок продавать всё что угод-

но, включая станки на металлолом, за доллары. Крах рублёвой зоны в стране и возникновение региональных суррогатных денег привёл к окончательному разрыву хозяйственных связей и доминированию импорта. А государственные долги стали расти на глазах. Вина за всё по привычке возлагалась на «красно-коричневых», «мешающих» проведению реформ, когда они (старые директора, народные депутаты и управленцы) пытались остановить это свободное падение в пропасть. Реально это была, повторюсь, банальная борьба за власть и деньги. А народу продолжали «втирать очки» о преимуществах рыночной экономики, умалчивая, что преимущества эти – не для всех.

На той же странице «Известий» заголовок: «Неплатежи приводят сенаторов к мысли о банкротстве государства». Проблема заключалась якобы в том, что кредиторская задолженность в экономике России составила на 1 января 1994 г. 47 трлн. рублей, а доля налоговых поступлений в бюджет снизилась с 29% ВВП в 1992 г. до 18% в 1993 г. и до 6–9% в 1994 г. Кстати, замечу, в 2017 году доля налогов поднялась примерно до 17% от ВВП, а в США доля налогов составляет меньше 2% от ВВП. Учитывая опыт США – жить в кредит, можно сказать, что не доля налогов в ВВП является главным признаком предстоящего банкротства, а то, как этой долей распорядились и какие есть другие источники пополнения бюджета. Не долг замедляет развитие, а, наоборот, отсутствие промышленного развития является причи-

ной роста долга. За недолгую историю реформ весьма часто, объясняя что-то, "аналитики" телегу ставили впереди лошади. Если этот долг не инвестируется, а проедается (как это было у нас, т.к. приоритетом стала торговля, а не производство), этот долг неизбежно становится болотом для экономики. Просто экономику российское государство бросило на произвол, наращивание долгов – на самотёк, счет за долги – на население, а собранные налоги – на приватизацию. Государство по сей день обвиняют в том, что контролирует 50–70% экономики. Есть очень большие сомнения в этом утверждении, и об этом я уже писал. Ведь "генеральная линия" реформ, выработанная в начале 90-х, по всем показателям претворяется в жизнь, и это аргумент против утверждения того, что государство всё контролирует. Как и намечалось, нефть с газом стали "кормить" страну, из 204998 промышленных предприятий, намеченных в 1992 г. к приватизации, сегодня насчитывается чуть больше 3,3 тысяч, где работают станки, а не «офисный планктон». Приватизация автоматически вела к банкротству и ликвидации промышленного объекта. А за каждым исчезнувшим станком (как мы помним) стояли «ваучер в три Волги» и «удочка». Понятно, что при таком подходе соотношение в обрабатывающем производстве, сколько ни приватизируй, может теоретически сохраняться с преимуществом за государством. Но в основных фондах каким-то мифическим путём перевес закрепился за частным капиталом. Значит, частный капитал прирас-

тал не производством, а перепродажей готового продукта из-за границы. Между тем ещё в древности понимали разницу между производством и спекуляцией: Аристотель делил хозяйственную деятельность на истинную экономику, под которой понимал искусство создавать блага, и ложную экономику, или «хрематистику», – искусство наживать состояние путём перепродажи и ростовщичества с целью накопления денег. Так вот наша либеральная «элита» строит не экономику, а хрематистику, т.е. систему накопления богатства на перепродажах за счет обнищания преобладающей массы населения, а заодно и государства. Таким образом, либеральный взгляд на политико-экономическое устройство государства возвращает нас на две тысячи лет назад. Классу спекулянтов неважно происхождение товара, важно, чтобы он был как можно дешевле. При этом спекулянт на импорте защитил себя, взвинтив цены на составляющие производства внутри России до небес, чтобы затратная экономика не была ему помехой. Производство с самого начала было народившемуся новому классу не нужно. Для чего же его приватизировали? Ответ напрашивается один – чтобы обанкротить. И этот процесс не завершен. Можно предположить, что под основными средствами сегодня понимают что угодно, только не станки. А тема приватизации всего государственного остаётся в повестке дня. При этом расчеты показывают, что эффективность частного капитала в России ниже, чем государственного. В статье «Доля государства и Судьба человека» я это

показываю на цифрах. Частный капитал в России в развитии производства (возможно за исключением старых советских сохранившихся производств), в капитализации прибыли и стимулировании потребления, как не странно, не заинтересован. И государство это не стимулирует. Зато частник всегда проявлял кровную заинтересованность в беспошлинном экспорте нефти и газа, леса, металла, зерна и рыбы. На это нацелены были реформы с самого начала. Поэтому производство и переработка в стране стали не нужны. То, как слаженно, оперативно и скоординированно с властями это происходило, невольно приходишь к заключению, что этот процесс кем-то управлялся. Советчиков тогда много было (и, вероятно, остаются) из ЦРУ и прочих фондов Сороса и Ко, которые задали вектор «развития» страны и он строго соблюдается. Странно, что за 25 лет «элита» так и не поняла, что это – путь в тупик. Впрочем, может быть, тупик и есть конечная цель реформ?

Библия советует: «Начало всякого действия – размышление, а прежде всякого действия совет». И ещё: «Всякий советник хвалит свой совет, но иной советует в свою пользу».

(Книга Премудрости сына Сирахова, гл.37)

Если не отказывать в разумности правящему классу, то приходится констатировать, что делалось это намеренно. Впрочем, теперь это никто и не отрицает.

Характерна ещё одна статья в этой же газете: «Локомотив экономики» теряет скорость». Речь о спаде автомобилестро-

ения на 9,1% в 1993 г. по отношению к 1992 году. Хорошая иллюстрация «кризиса перепроизводства». Здесь же приводится пример рыночных мер поддержания автомобилестроения в США: «Когда в 1983 г. «Крайслер» оказался на грани разорения, ему предоставили налоговые субсидии в размере одного миллиарда долларов». У нас же среди сторонников реформ перевес получила иная точка зрения: «Зачем вообще поддерживать отечественное автомобильное производство? Не лучше ли за счет налоговых льгот открыть границы для иномарок, которые практически по всем параметрам превосходят российские модели?». При этом, замечу, российские банки тоже во многом уступают американским (но здесь вам не промышленность, а своя рубашка, которая ближе к телу), однако многомиллиардные субсидии им выдают – бюджет делится с банками средствами, полученными от налогоплательщиков, т.е. от населения. Так происходит перераспределение финансов в пользу богатых вместо борьбы с бедностью. По поводу станков я уже приводил в статьях реплику Е. Гайдара в разговоре с бывшим министром станкостроения: «Да кому нужны ваши станки?! Понадобится – мы всё за рубежом купим». Это – хорошая иллюстрация экономической грамотности и профессиональной пригодности. Уже открыто никто не проявлял интереса, чем люди будут жить, если закрыть все производства. За год тогда из автомобильной промышленности было уволено 40 тысяч человек. Ярчайшая иллюстрация того, как импорт уничтожает

рабочие места. Впоследствии эта кампания замещения отечественного производства на импорт прокатилась по всем отраслям. И в строгом соответствии с экономическими законами пропорционально росла безработица. Высокий уровень безработицы плюс дешёвая рабочая сила из соседних республик-государств стали оказывать сильное давление на уровень зарплат. Если рабочая сила даже при нашем псевдокапитализме – товар, то цена на этот живой товар устанавливается по средним общественно необходимым затратам на её воспроизводство. И поскольку временные, сезонные, а тем более иностранные рабочие часто не претендуют на социальные отчисления, следовательно, они и определяют низкий уровень заработной платы в стране. А наше государство этому активно способствовало и способствует, заявляя о якобы нехватке рабочих рук и «давлении» иждивенческой части населения. Опять непонимание экономических законов: при нехватке рук растёт спрос, а значит и зарплата, а она упала – ниже некуда. Рынок сигнализирует одно, а понимают наши капитаны реформ ровно наоборот, потому что ведут корабль к своей цели, невзирая на рифы. Этот перекосяк в пользу преимущественного использования иностранной рабочей силы в ущерб занятости своего населения продолжается по сей день. И в этом случае государство играет не только против собственного народа, но и против собственных интересов: ведь чем выше уровень доходов собственного населения, чем больше включено в экономический процесс оте-

чественных фирм, а не иностранных, тем больше налоговых поступлений в бюджет. А это – потенциал к росту, возможность стимулировать или субсидировать развитие производств или государственных социальных услуг, оказывать которые государство обязано по конституции. В этой сфере у нас тоже много поставлено с ног на голову. Государственные услуги в образовании, которые оказывает средняя и высшая школа – это услуги не детям (они их не заказывали), как примитивно понимают, очевидно, в наших министерствах, и не родителям (они их не заказывают и не оплачивают), это услуги, которые оказывают образовательные учреждения государству по производству квалифицированной рабочей силы. По этой же причине в школьных учебниках, которых стало невообразимо много, должна излагаться программа, санкционированная государством, заключающая в себе интересы государства, а не отдельных заинтересованных групп. Частные интересы – в частных школах. Точно так же врач оказывает услуги государству по поддержанию работоспособного и трудоспособного состояния рабочей силы. Эти услуги осуществляются и финансируются по договору между государством и соответствующими учреждениями или их владельцами. В ФРГ не только здравоохранение, но и торговля лекарствами преследует цель в первую очередь поддержания трудоспособности рабочей силы в отличие от современной России. В одной из статей я приводил пример ценовой политики Японии при продаже лекарств, преследующей цель

удержания их на низком уровне. Если государство перекладывает обязанность по контролю за качеством оказываемых услуг на родителей и частные школы, значит, именно государство не получит в будущем работников нужной квалификации, значит, государство не видит в них необходимости. Это – опять к вопросу о компетенции экономического блока нашего Правительства.

Вот такие печальные итоги премьерства Е. Гайдара и В. Черномырдина мы пожинаем по сегодняшний день. Банкротство государства в итоге действительно состоялось – в 1998 г. Запад аплодировал.

Судя по всему, это и было в основе идеологии реформ, коль скоро о банкротстве заговорили чуть не в самом начале преобразований, на пике «перепроизводства». Нам много говорили про «удочки» и при этом у половины населения эти самые «удочки» (рабочие места) отобрали. Нас (народ) обвиняли в том, что привыкли жить на готовом (всё предоставляло государство), а теперь за всё надо платить. При этом умалчивали, что крупный бизнес возник также на всём готовом. Идеологи реформ забыли, что в экономике ничто не бывает бесплатным: всё, что предоставляло государство, было оплачено трудом населения: часть зарплаты шла в Общественные фонды потребления и из фондов оплачивались «бесплатные» услуги. Того, что оставалось на руках у людей, вполне хватало на жизнь. Зато в 90-е годы, когда под сладкоголосые «песни» о «рыночных удочках» у населения

отобрали даже все материалы (прихватизировали все Общественные фонды и заодно карманные деньги), необходимые для изготовления этих самых «удочек», нищих стало – хоть отбавляй, но тут же появилась прослойка сытых и богатых. Тем немногим, кто проявил свою предприимчивость – честь и хвала. Но ни один народ целиком не может в себе нести ген предпринимателя. И в очередной раз пошла гулять «байка» о том, что «народ беден оттого, что ленив и пьяница». А ещё Лев Толстой в статье «О голоде» писал: «Наше богатство обуславливается его (народа) бедностью, или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден. А зная, отчего он голоден, нам очень легко найти средство насытить его. Средство одно: не объедать его».

Реформы 90-х годов – это только начало нового «объедания». С тех пор прошло больше 20 лет. Что изменилось? Всё ли хорошо сегодня?

Сталинизм упрекают в том, что так и не был реализован лозунг: «землю – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим, власть – Советам».

Давайте беспристрастно посмотрим, когда по-настоящему отобрали всё это у народа?

При Сталине «крестьяне были «прикреплены» к земле, а лишённые паспортов они не могли свободно передвигаться по стране» в поисках лучшей доли. Это верно. Однако крестьяне имели работу, и им было на что жить или выживать в трудные годы. Да и паспорта им были выданы при Совет-

ской власти.

Инициаторы сегодняшних реформ, критикуя коллективизацию, забыли показать пример справедливости и наделения крестьян землёй, подъёма производительности без внеэкономического принуждения, а исключительно на личном интересе. Всё наоборот: именно в результате реформ 90-х годов крестьяне окончательно лишились земли, пашни оказались в запустении, деревни и сёла обезлюдели. По признанию даже самих чиновников в России простаивают около 40 млн. га земель. Так сегодня «используются» ресурсы, которые нельзя просто взять и вывезти за границу. Это что – решение крестьянского вопроса?

Рабочие не имели в собственности ни заводов, ни фабрик, которые строились за счет государственных средств, формирующихся из отчислений всего населения и всех форм собственности (включая колхозную, совхозную и кооперативную). Такая форма финансирования была сродни теории «народного капитализма». Каждый член общества как бы имел акции и получал дивиденды натурой. А нам говорят, что рабочие были винтиками государства, т.е. как бы частью станков. Пусть так, но они имели постоянный заработок, были социально защищены (в отличие от современного так называемого социального государства) и могли себе позволить жить так, как они хотели, правда, без роскоши. Было то, что недостижимо для государства сегодня – большинство представляло средний класс (рабочее место с дохо-

дом среднего «бизнеса»). Социальная защита была гарантирована независимо от размеров кошелька. Что получили они в результате реформ? Ничего, кроме свободы от всего, что имели. Те, кто сохранил своё рабочее место, получают мизерную зарплату, никак не соизмеримую с той, которую имели до реформ по покупательной способности. Нет никакой социальной защиты ни от импорта, ни от армии гастарбайтеров, готовых работать за самую низкую зарплату. Президент часто выступает против протекционистских мер (т.е. за снижение таможенных барьеров), но тогда тем более должны присутствовать иные защитные меры населения – социальные, страховые.... Наоборот, государство всё более уходит от социальных обязательств, а страхование (в том числе от безработицы), оплачиваемое теми, кто не успел потерять работу, остаётся скорее виртуальным и в действительности недоступным для малооплачиваемой части населения. В сегодняшней России даже менеджер среднего звена получает много меньше, чем номенклатура того же завода или министерства. Расчеты по заработной плате я приводил в других статьях. Если очистить фонд заработной платы от доходов номенклатуры и разного уровня ТОПов, средняя среди рядовых работников получается никак не больше 16–18 тысяч рублей. А это – ниже уровня прожиточного минимума (если правильно его посчитать), а не полновесная оценка вклада живого труда в произведённый продукт. Между тем, современная благостная статистика, подыгрывая номенклату-

ре, уже границ не видит ни росту заработной платы, ни росту благосостояния. Например, утверждает, что денежные доходы населения в 2017 г. составили 55 трлн. рублей, а доля заработной платы от ВВП составила 52%. Оборот розничной торговли в 2017 г. составил 29 трлн. 804 млрд. рублей (в 2002 г. – только 3,75 трлн. рублей, значит, вырос в 7,95 раза – это меньше роста номинальной средней (!) зарплаты, но больше коэффициента роста импорта и цен, привязанных к курсу доллара). Это очень важно для современного капиталистического общества, а для общества потребления – тем более, т.к. личное потребление является главным двигателем роста экономики и материального производства. Потребление снижается – показатель падения производства. Если наши властные структуры действительно поставили перед собой цель обеспечить рост экономики, они не могут игнорировать этот показатель. Однако впечатление такое, что чиновники вслед за статистикой (или статистика вслед за чиновниками) решили, что проблема в части роста личного потребления, уже почти решена. Такое возможно, если принять 10% обеспеченных граждан за всё население.

Поскольку это не так, давайте посчитаем на январь 2018 г.:

55 трлн. рублей – это 59,7% от ВВП (92,081 трлн. руб.), что существенно больше 52%. Усматривается желание отечественной статистики угодить правящему классу и приблизиться к показателям западных «партнёров», у которых этот

показатель равен 65–70%.

Однако давайте усомнимся в этих цифрах, и пересчитаем иначе:

– официально занятых в экономике на январь 2018 г. – 71929 тыс. человек (реально – меньше, расчеты я приводил в других статьях);

– средняя заработная плата на ту же дату – 35369 рублей.

– итого денежные доходы населения на базе официальной статистики: $35369 \times 71929000 \times 12$ месяцев = 30,528 трлн. рублей. Это – 33,15% от ВВП, много меньше 52%. В СССР эта доля находилась на уровне 50%, а, значит, розничный рынок был развит гораздо лучше. Но и это ещё не всё. Официальная среднестатистическая зарплата – это понятие виртуальное, как средняя температура по больнице. Её легко спутать с медианной, заниженной, не учитывающей некие доходы подводной части айсберга – доходы, которые, возможно, повышают долю в ВВП и до 60% и простому населению они неведомы. В статье «Доля государства и Судьба человека» я на цифрах показал, что средней можно манипулировать, так, чтобы скрыть, что больше половины населения (78%) получает меньше 30 тысяч рублей. При этом я пользовался официальными данными (следовательно, по факту ситуация может быть и хуже, т.к. даже Росстат отмечает, что больше трети населения находится в положении близком к казарменному, поскольку хватает средств только на еду и обязательные платежи; думаю, ближе к правде по

отношению 50% занятых – 16–18 тысяч рублей). Таким образом, статистические данные – лишь сырой материал для обдумывания и анализа. Что я и сделал.

Пересчитаем денежные доходы исходя из расчётной среднемесячной зарплаты:

$18000 \times 71929000 \times 12 \text{ мес.} = 15,537 \text{ трлн. рублей.}$ А это – всего 16,87% от ВВП. Если прибавить сюда теневые доходы, то доля вряд ли поднимется выше 18%. Эти цифры ближе к истине и косвенно подтверждаются данными по доле зарплаты по отраслям (см. таблицу в статье "Пенсионная реформа") и доле зарплаты на Выксунском комбинате.

Теперь посмотрим, какую часть из доходов с такой зарплатой занимают обязательные платежи ЖКХ.

Если среднемесячный платёж по единому платёжному документу составляет 6000 рублей, а это – около 17% от среднемесячной зарплаты, то легко можно убедиться в приписках статистики и в части оборота розничной торговли. Из фонда заработной платы (30,528 трлн.руб.) вычтем 17%, чтобы получить сумму оборота розничной торговли и прочих услуг. Получаем 25,238 трлн. рублей. Вычтем расходы туристов в нашей стране (25,238–4,435), получим 20,803 трлн. руб. Если вычесть транспортные расходы (объём рынка – 940 млрд. руб.), некоторые другие услуги и уплату различных налогов, останется на розничную торговлю не больше 19–19,5 трлн. рублей, что значительно меньше 29,8 трлн. рублей, продекларированных статистикой. Этот элементар-

ный расчёт показывает, что при нынешних доходах такой объём оборота розничной торговли – скорей всего фантазия чиновников, отвечающих за «положительную динамику». Если допустить, что в действительности население тратит больше – те же 29,8 трлн. рублей, значит, кредитуются и влезает в долги. А чем выплачивать будет? Своим здоровьем и квартирами – единственным активом, полученным от советского государства.

Государство ищет самозанятых, чтобы обложить их налогом. А откуда им взяться, как массовому явлению, если денежная масса не позволяет? Судя по заявлениям, государство намерено объявить борьбу с нищетой. Но ведь это явление охватывает всю страну почти поголовно и пособиями эту ситуацию не разрешить. Это – безнадежная система разложения общества на супербогатых и почти нищих. Почему, например, «РУСАЛ», использует природную ренту России (алюминий – стратегический материал), при этом платит налоги где-то в оффшорах (наше сырьё, а России не принадлежит?), а перед российским бюджетом приходится рассчитываться простым рабочим налогами со своей зарплаты?

Такие денежные доходы населения не могут быть стимулом и локомотивом роста экономики в обществе потребления. Чем уже круг лиц, получающих хорошее вознаграждение за свой труд, тем уже рамки рыночного потребления, тем больше затухает экономика. Значит, нет, и не может быть реального роста такой экономике – "рост" достигается толь-

ко манипулированием цифрами.

Абсолютное большинство народа (вернее, всё население) при советском режиме обладало условной собственностью, получая из общего котла – Общественных фондов потребления – бесплатные квартиры, образование (а не мифические услуги с сомнительным результатом), здравоохранение (а не услуги), отдых иногда за 30% от стоимости... Теперь большинство абсолютно лишено всего этого: приметой времени стало понятие БОМЖ, жилищный фонд стареет несмотря на растущую ипотеку, а социального жилья почти не стало, капитальный ремонт – фикция, упрощаются, выхолащиваются знания в образовании, ликвидируются (через укрупнение) больницы, официально взимаются платежи при повторном обращении сделать анализ, операцию и т.д. Стало нормой собирать средства на лечение детей по всем программам телевидения. И это – борьба за здоровье нации и рождаемость? Это – реформы в интересах народа? Это – база интеллектуальной экономики?

Доверия к государству и его структурам – почти никакого в отличие от советского государства, когда в коммунизм не верили, но «акции» на него (в рамках законодательства и ОФП) имели и могли отстоять. Не встали на защиту потому, что хотелось перемен в лучшую сторону и поверили в реформы. Но разучились отстаивать свои права, были обмануты и лишились всего.

В США 52% населения владеют акциями, дивиденды от

которых являются дополнительным доходом, а в России – только 1%. И это означает, что не все даже богатые владеют акциями – не видят смысла. На бытовом языке – это почти погрешность. И не только потому, что не было денег для покупки акций, а ещё и потому, что дивиденды с акций, если сопоставить с доходностью банковского вклада, всегда уступают. Очевидно, у Советов директоров есть другие пути распределения прибыли, например, премии по 0,5 млн. \$. А то, что такая практика в ущерб компаниям, – никого не волнует. Премии опять же возмещаются субсидиями из бюджета, т.е. из нашего кармана. Поэтому спроса на акции нет, цены на них не растут. Недооцененными остаются даже акции ПАО «Газпром» и «Роснефти». Дивидендная политика не идёт ни в какое сравнение с аналогичными американскими компаниями.

Сторонники реформ нам, как и в 90-е, внушают, мол, народ политически не созрел до реформ, плохо работает, поэтому мало получает, финансово безграмотен, пьёт и ворует... А что это, если не презумпция виновности? Голословные обвинения в адрес рабочего, с тем, чтобы за его спиной и плохо работать (как чиновник и как предприниматель) и воровать (исхожу из официальной статистики по розыску и привлечению к ответственности чиновников). Для современного развитого капитализма характерно то, что доходы каждого активного гражданина складываются из двух составляющих: 1. Доходы, полученные от трудовой деятельно-

сти (зарплаты, оклады и другие вознаграждения); и 2. Доходы с капитала (арендная плата, дивиденды, проценты, прибыль, прирост капитала и другие доходы, полученные от обладания капиталом в виде земли, недвижимости, финансов и промышленных производств). В нашей стране реформы начались с того, что лишили население и того и другого, оставив у части занятых мизерную зарплату и лишив права на акции, обанкротив производства, в которые были вложены ваучеры.

В США на 1% населения приходится 22% национального дохода, на 8% населения мира приходится 50% глобальных доходов. На долю 10% самых обеспеченных в США приходится 78% благосостояния страны, нажитых трудом, в Китае – 73%, на 10% россиян приходится почти 90% благосостояния, к накоплению которых, если объективно, они не имеют никакого отношения. Те предприниматели, которые приложили труд в реформирование производств, в их модернизацию, безусловно, заслуживают уважения. Но речь об экономической политике и тенденции, которая выражается в падении производства, снижении благосостояния народа и отсутствии признаков, отмеченных статистикой, возрождения экономики и роста производственных структур. Следовательно, преимущественно сохраняются остатки мощностей, установленных в СССР, а не новым классом собственников. Это государство выделяло когда-то народные деньги, поднимало народ на великие стройки, а в «эпоху реформа-

ции» обеспечило законодательное прикрытие с тем, чтобы у народа, строившего своё будущее, забрать и отдать в награду за "реформы" непричастным. Зато по доле бедняков Россия уступает только Индии и некоторым странам Африки. Эти цифры говорят одно: в результате реформ народ был обворован.

Ещё нам объясняли, что сталинизм – это принцип «распределяй и властвуй». Распределительная система позволяла всё держать под контролем и не давала свободно развиваться. Но мы же видим (и в статье «Парадоксы нашей экономики» я этого касался), что сегодняшняя система «контролируй и распределяй дозированно финансовые ресурсы и властвуй» ничем не лучше. Если тогда промышленность работала, то теперь она если не в руинах, то на грани банкротства и в перманентной финансовой зависимости от банков. Если рынок (вместо государства) должен играть важную роль в распределении ресурсов (в том числе финансовых), то почему в России реальный сектор практически изолирован от этого рынка? Между промышленностью и финансами возникли искусственные структуры, которые через допуск к ресурсам связали производство, понижают рентабельность и не дают ему развиваться. Опять – ради обогащения непричастных?

Раздражала и критиковалась бюрократизация социалистической системы. Однако отряд чиновников в освободившейся от Советов России стал расти на глазах. Сегодня их

больше, чем раньше во всех 15 республиках вместе взятых. Сегодня каждый чиновник контролирует поток или ручеёк финансовой реки, берега которой часто размывает, и расходы растут как трава на заброшенных полях в тёплый и дождливый сезон.

Жертвы сталинского режима ничем не отличаются от жертв перестроечного и постперестроечного периода в результате реформирования административных границ в государственные, породившего гражданские войны. Мнение народа, населяющего эти территории, никого не волновало. Разделённый русский народ, интересами которого пренебрегли, стал бесправным изгоем, оказавшись на территории соседних государств, где он вместе с другими народами СССР строил, учил, создавал и добывал, что сегодня трактуется, как оккупация. Тысячи погибших в октябре 1993 г. и десятки тысяч в последующие годы – такие же жертвы борьбы за безраздельную с кем бы то ни было власть, как в гражданскую войну 1918–2021 г. Сколько было самоубийств, жертв пограничных конфликтов и войн с сепаратизмом? Сколько молодых людей на кладбищах в Москве, вокруг неё и в отдалённых краях, погибших в вооружённых конфликтах и войнах с бандформированиями и т.д.? Сколько уехало из страны? Вот – причина провала рождаемости.

При любом социальном строе для человека важнейшим является работа, достойная заработная плата и в меру обеспеченная жизнь. Мало кому нужны миллиарды, дворцы и

замки на Лазурном берегу. Российское государство, богатое на ресурсы, построив разумную рыночную экономику, не разрушая промышленную структуру, могло бы обеспечить эти условия большинству своих граждан. Возможностей и ресурсов хватило бы, если бы было желание, воля и умение. У нового политического класса, пришедшего к власти, не оказалось ничего, кроме ненависти к прошлому, желания всё развалить и в короткий срок обогатиться. Никто из армии чиновников не читал и, очевидно, не намерен соблюдать Конституцию страны. В свою очередь Конституция при всех её либеральных минусах много чего декларирует, но, судя по всему, мало что гарантирует. Иначе мы бы не наблюдали в новостных лентах многочисленные нарушения права на частную собственность (когда ломали без какой-либо компенсации жильё, сносили магазины, киоски, сносили гаражи, оформленные договором или правом собственности), права на труд. Вот, кстати, право на труд – это основное право, обеспечение и исполнение которого много перекрывает в части соблюдения и других прав.

П.3 статьи 37 Конституции гласит: «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы». Для тех, кто не очень понимает по-русски или смысл того, что стоит за этой фразой, акцен-

тирую:

– имеет право на труд – значит, государство обязано обеспечить реализацию этого права, создавая препятствия ликвидации рабочих мест;

вознаграждение за труд без дискриминации; это в размере стоимости "макарошек"? При этом поборы, например, за электроэнергию, со своего населения втроедорога, и с гарантированным ростом тарифа каждые 6 месяцев, а Грузии – по льготному фиксированному тарифу на много лет вперед – это без дискриминации?;

– каждый имеет право на защиту от безработицы; при этом государство ничего не делает для соблюдения этого права, т.е. не делало и не делает ничего для сохранения, защиты рабочих мест, не стимулирует создание новых рабочих мест; напротив, государство содействовало их ликвидации миллионами;

– каждый имеет право на защиту от безработицы; интересно, в чём она выражается?; государство уклоняется даже от регистрации всех безработных, очевидно, чтобы не платить пособия; следовательно, не заботится о материальной защите безработных;

– каждый имеет право на вознаграждение за труд не ниже установленного законом МРОТ; значит, и пособие по безработице должно быть не менее этого заниженного относительно реальных минимальных потребностей МРОТ, т.к. безработным человек становится не по собственной воле, а в силу

обстоятельств, в которых государство не обеспечивает «право на труд» и защиту от безработицы.

Людей, лишившихся работы, государство не защищает. Они вынуждены сами, судя по всему, худо-бедно адаптироваться к театру абсурда в сфере экономики и «предложенным обстоятельствам». Вот тут о них и вспомнили – ввели налог в 4% на всех, кто выжил благодаря случайно заработанному рублю. Сколько их выжило – вожди реформ ни в лицо, ни по имени по-прежнему не знают, но с того момента, как созрела мысль обложить подходящим налогом неучтённых безработных, их решили посчитать, чтобы поделить собранный с них налог, как водится, "по-справедливости": обычно в виде субсидий нуждающимся – банкам и нефтегазовым гигантам. Если после такой "заботы" самозанятый ноги протянет, скажут – не повезло, не адаптировался к рыночной системе. Значит, воскресили старый сталинский принцип: нет человека – нет проблемы? Безработные да пенсионеры – вот те, кто сегодня обуза для государства, мешающие преобразовывать общество: реформы требуют всё больше денег, а взять их осталось (не с богатых же) только с безработных и пенсионеров, чтобы им же повысить пособия, а потом через тарифы ЖКХ опять забрать. Темпы роста тарифов и пенсий можно сравнить (см.статьи про ЖКХ) и убедиться: государство даёт меньше, чем изымает. Я задал вопрос по росту тарифов и взносов на капитальный ремонт в двойном размере депутату Г. Хованской. Ответ получил от

Министерства строительства и ЖКХ с описанием законов об обязанности содержать общее имущество и сколько миллионов человек улучшили условия проживания (к теме письма никакого отношения!) и в итоге: «принята методика определения размера минимального взноса, ... которая в достаточной мере урегулировала все вопросы». Т.е. мой вопрос проигнорировали.

Что значит отложить пенсию? В сегодняшних условиях – это то же, что не выплатить вовремя зарплату.

В самом деле – не создавать же искусственные барьеры свободному перемещению за границу миллиардов долларов, не всегда обложенных надлежащим налогом, как в цивилизованном мире, неприкасаемых предпринимателей, не умеющих ничего создавать своими руками, но доходы которых растут, в отличие от доходов всего остального населения и экономики в целом. Об этом я тоже писал.

У нас создана социальная система с совершенно бесправным населением, без гарантий на труд и без гарантий на вознаграждение за труд. Государство заботливо скрывает секрет Полишинеля, что безработных (включая тех, кто реально получает не больше МРОТ) у нас – десятки миллионов. А это значит, что под угрозой – их жизни, или во всяком случае – здоровье, за которые ответственность несёт государство по конституции. Для населения дух 90-х годов не испарился: приходится прибегать к голодовкам, чтобы получить даже не прибавку к зарплате – заработанное. Это что – такой пещер-

ный «капитализм» в XXI веке?

Добавлю, что государство нарушает свой собственный Трудовой кодекс, где в ст.133 сказано, что МРОТ не может быть ниже величины прожиточного минимального уровня. А минимальный уровень у нас рассчитывается не так, как должно быть – более половины потребностей не учитывает. В статье «Обманутые надежды» я об этом писал.

Нас пытаются ввести в заблуждение по поводу «успехов» реформ, объявляя всё новые рекорды роста ВВП (к предыдущему году):

Показатель	2013	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.
ВВП РФ (млрд.р.)	73133,9	79199,7	83232,6	86043,6	92091,9
Темп роста	100	108,29	105,09	103,38	107,03

Но мы-то знаем, что по ВВП мы скоро обгоним (если считать по официальному паритету покупательной способности рубля) все страны Европы, при этом экономика находится то в стагнации, то в рецессии. А в долларовом исчислении ВВП топчется на уровне 1990 г. И то за счет нефти, финансовых спекуляций и торговли. Американский экономист и нобелевский лауреат Дж. Стиглиц в своей книге «Великое разделение» пишет: «Есть два способа стать богаче: увеличить объем национального богатства, либо увеличить собственную долю по отношению к другим (причем в борьбе за эту долю само богатство может даже уменьшиться). Обо-

гашение богатых тесно связано с повальной погоней за вторым типом ренты». У нас это стремление богатых богатеть за счет остального населения усугубляется тем, что государственный банк помогает увеличивать фиктивный капитал при отсутствии к тому реальных материальных предпосылок. Чиновники при власти активно ему потакают. На этом фоне «разоблачения» стяжательства большевиков выглядят детским лепетом: достаточно взять для примера лишь одного министра финансов Московской области А. Кузнецова. И он был не один, замешанный в коррупционных скандалах. В связи с этим возникает вопрос: миллионы коррупционных рублей и долларов могут беспрепятственно покидать страну пока не достигли какой-то критической массы? Государство замечает только тогда, когда счёт идёт на миллиарды? Отсюда стоит ли удивляться, что чиновники у нас не очень пекутся о государственных интересах. А результат отражается в темпах роста ВВП, которые отличаются от темпов «роста» экономики. А это в свою очередь обрекает всё остальное население оплачивать из своего кармана ненасытное стремление избранных к обогащению и пожинать плоды инфляции – платить по счетам этих 10% избранных. Не видеть этого, значит, совершенно не понимать происходящего. Либо видеть, но в кривом зеркале статистики. Поэтому используется классический способ отвлечь внимание от проблем – 24 часа в сутки рассказывать о последствиях 1917 года, замалчивая последствия 90-х и нулевых, справедливо сетовать о

бедственном положении населения Украины, где растут тарифы и прогнозируется рост ВВП всего в 2,7%. При этом не замечать, что собственная экономика вовсе буксует. Такая же сравнительная история с тарифами и доходами у нас и в ближнем зарубежье.

Есть за что критиковать сталинизм. Но только не тем, кто превзошел его в значительной части негативных аспектов в преобразовании общества из капитализма в социализм и обратно. Валентин Фалин назвал «победивший социализм» Сталина «государственным феодализмом». Если так, то сегодня население России хлебнуло «свободы» сполна: свободы от работы, от достойного заработка, от возможности содержать свою семью, свободы от возможности достойно жить. Некоторые «деятели», начиная с М.Горбачева, по какому-то недоразумению зовутся «государственными». Не понимаю, почему, когда речи и дела их часто противоречат интересам государства и коренного населения.

От формулировки В.Фалина усилиями реформаторов, требующих «как можно меньше государства в экономике», де-факто слово «государственный» в огромном секторе экономики отпало, остался один феодализм с правами незначительной части населения на собственность практически всего национального богатства, включая Конституцию.

Президент в своих недавних выступлениях поставил задачу перед Правительством поднять экономику России на пятое место в мире (в курсе ли он, что ВВП в долларовом ис-

числении тает, как мороженое, в котором много воды вместо сливок?), а равно обеспечить рост благосостояния населения. Президент наверно не в курсе, что по паритету покупательной способности рубля, а значит, по благополучию народа, если смотреть на экономику через кривое зеркало Росстат, мы уже скоро обгоним западное сообщество. Чтобы окончательно оставить всех позади, надо просто увеличить поставки по импорту (а они и так идут вагонами) пальмового масла и продавать его вместо сливочного, натуральное сливочное в открытой сети запретить, как коммунистический, идеологически не выдержанный продукт, а все остальные продукты заменить на суррогат. В хлеб подмешивать лебеду, как во времена Льва Толстого. Цены упадут, покупательная способность мизерных зарплат поднимется, – и цели, поставленные Президентом, будут достигнуты. Ведь только таким путём сегодня решаются задачи по «повышению» благосостояния.

У нас в учреждении, откуда я вынужден был уйти на пенсию, был какое-то время финансовый директор из семьи одного из финансово-«государственных» деятелей эпохи крушения социализма. Пришел он не один – с командой либеральных единомышленников. Результат деятельности команды был такой, что пришлось после протестов коллектива и вмешательства правительства Москвы всем им уволиться. Так вот, была жаркая пора проведения тендеров, согласования смет... Понадобилось мне к нему зайти с какими-то бу-

магами. К удивлению моему он сидел за столом, смотрел по интернету мультфильмы и ел шоколадные конфеты, которые кучкой лежали на столе – работал.

С такими «эффективными менеджерами» – и на борьбу с бедностью?

Январь 2019 г.

Всё остаётся людям...

если останется!

(углеводороды и наше будущее)

С тех пор, как человечество изобрело двигатель, машину и нашло источник энергии для того, чтобы заставить её работать на себя, прогресс в развитии получил такое ускорение, которое предыдущим поколениям, использовавшим мускульную силу рабов и лошадиную силу, не могло даже присниться. Только шагая по этому пути, совершенствуя производство и удешевляя энергию, можно рассчитывать на рост экономики. Все страны конкурируют на мировых рынках за то, чтобы приобрести энергию дешевле, после этого произвести на дешёвой энергии продукт и продать дороже. Во всех странах, кроме нас. В России почему-то гордятся тем, что продают углеводороды больше других и дешевле других. А в экономике используют иностранную дешёвую рабочую силу. Осталось в сельском хозяйстве перейти от тракторов к лошадям. Только с этой целью – как можно больше добыть и продать сырых углеводородов – делаются внушительные инвестиции в сырьё, так необходимое для роста экономики (на Западе!). В статье «Доля государства и Судьба человека» я привёл статистику роста инвестиций в добывающие отрасли и в обрабатывающую промышленность. Показательно,

что на росте инвестиций в сферу энергосырья в России не сказываются ни санкции, ни кризисы, ни губительные проекты Правительства развивать экономику через управление денежной массой. А развивать производство – это автоматически значит увеличивать долю внутреннего промышленного потребления энергосырья. Но это не происходит: инвестиции, как и энергоресурсы, идут в производственный сектор дозировано. Зато добыча углеводородов происходит по восходящей и преимущественно за счет заёмных средств. Страна (это знает любое предприятие и любой автолюбитель) живёт на минимуме потребностей в топливе (многие котельные перестраиваются под уголь, памятли случаи перебоев с бензином), балансирует почти на топливном дефиците, в то время как «Роснефть» и «Газпром» балансируют на грани долгового кризиса. Условно, конечно. Пока в них заинтересованы иностранные «партнёры», они не позволят свалиться компаниям в кризис, но будут держать «на коротком поводке» краткосрочных кредитов. Не останавливает стремление наращивать добычу даже такая проблема, как потепление климата и таяние ледников. Очевидно, планета уже перегрелась от того топлива, которое поднимается по трубам из её недр и перетекает из одного конца континента в другой. Год от года добыча смещается в сторону севера за арктический пояс. Там нас якобы ожидают 5 млрд. тонн условного топлива. Взять их – наша задача. Наша ли? Доля России в мировых запасах нефти снижается и в насто-

ящее время балансирует где-то на уровне 6%, в то время как доля в добыче сохраняется на уровне 12%. Т.е. расходуем вдвое быстрее, чем открываем всё более труднодобываемые ресурсы. Доля в нефтеперерабатывающих мощностях – приблизительно 6,7% от мировых установленных мощностей. Соотношение цифр тревожное. С каждым годом затраты на добычу всё выше: ведь надо предусмотреть средства на систему охлаждения обустройства скважины, т.к. углеводороды будут неизбежно растапливать вечную мерзлоту, разрушая скважину. В случае строительства трубопровода из этих мест, надо понимать, что горячая нефть (около 800) будет подогреть почву, менять ландшафт, менять флору и фауну. Откладывая задачу по восстановлению промышленности, Правительство возлагает непосильную ношу на будущие поколения, т.к. с каждым годом энергоносителей становится всё меньше, затраты всё больше и, соответственно, цена возрождения промышленного сектора, которое откладывается уже десятилетия, будет расти. Такую тенденцию показывают цифры. Это особенно актуально, если принять во внимание ценовую политику так называемых государственных компаний «Роснефть» и «Газпром», не говоря уже о частных, преследующих цель – прибыль.

Давайте беспристрастно посмотрим, кто стал настоящим хозяином нефтяной и газовой скважины в нашей стране.

В числе крупных акционеров в «Роснефти» мы видим «Бритиш Петролеум инвестмент» (19,75%) и «КьюЭйч Ойл

Инвестментс» (18,93%). В «Газпроме» банк (или банки) США по размещённым АДР (28,05%). (Данные отчета: <https://smart-lab.ru/q/GAZP/shareholders/>). В Совете директоров «Роснефти» из 21 человека 10 – иностранцы. Государству Россия принадлежит в «Роснефти» 50% (управление через государственно-коммерческую организацию АО «Роснефтегаз»), а в «Газпроме» «Росимуществу» принадлежит 38,37% (есть ещё акции у «Роснефтегаз» – 10,97%). В сумме получается 49,34%, но управляют от имени государства только 38,37%. Т.е. выходит, что «Газпром» вправе руководствоваться не государственными интересами, а исключительно интересами бизнеса, т.е. прибыли. Мы часто видим, как Президент встречается с главой «Газпрома», что-то обсуждает... Но, судя по распределению голосов, решить российская сторона ничего не может без соблюдения интересов иностранных совладельцев компании. Впрочем, объективности ради, надо сказать, что в рамках договора "ОПЕК+" государство берёт на себя обязательства и исполняет, следовательно, влияние имеет. Либо интересы совпадают. Впрочем, обязательства касаются поставок на внешний рынок и ограничения можно компенсировать потреблением внутри России. Правда, избытка топлива на внутреннем рынке не наблюдается.

На вопрос, как эти иностранные «партнёры» стали совладельцами (а фактически, если смотреть на это по результатам хозяйственной деятельности – хозяевами) наших ком-

паний, потому что государство непосредственно в нефтегазодобыче не участвует, передоверив это юридическим лицам, для которых прибыль важнее государственного развития, ответ содержится в истории «борьбы за нефть, деньги и власть». Так озаглавил свою историю нефти специалист в этом деле Дэниел Ергин. Как всегда и везде, где государство либо не имеет средств и возможностей для своего развития, либо воздерживается от инвестиций, полагая, что только «заграница ему поможет» размещает акции на фондовом рынке. Акулы рынка держат такие компании под прицелом: когда в стране – конкуренте запасы и возможности добычи такие, что могут угрожать крупнейшим игрокам мирового рынка, они начинают принимать меры, чтобы нейтрализовать их влияние. При этом убиваются сразу три зайца. Изыскания на новые месторождения проводить дороже, чем купить готовые компании, тем более недооценённые. А такими при выходе на IPO и являлись российские нефтегазодобывающие компании. Да, собственно, они такими остаются и сегодня. К такому заключению приходишь, когда оцениваешь активы у «Газпрома», если верить отчету, на 31.12.2018, это – 15736,141 млрд. рублей, т.е. по 664,7 рубля на акцию. Это в 4 с лишним раза больше, чем цена акции на бирже. Нам скажут – там – рыночная цена, дороже не купят. Российские граждане – да, не купят, зато удобно для иностранных инвесторов: можно купить всю компанию. Государство разве что не позволит. Такая же история и с нефтяной отраслью. Со-

шлёмся также на акции «государственной» компании «Роснефть»: активы по отчету за 2017 г. составили 11082,918 млрд. рублей, т.е. немного больше 1000 рублей на акцию. Недооценена биржевая цена акции, по крайней мере, в 2,5 раза. Возникает вопрос, если они так недооценены, то почему население их не скупает? Ответ простой: во-первых, у населения нет на это денег (в 90-е годы все были реквизированы, об этом позаботились либеральные реформы, ваучеры, накопления все прогорели вместе с обанкроченной экономикой), во-вторых, тогда же отбили охоту покупать акции через многочисленные мошеннические структуры, многие из которых делали страховые отчисления в Центральный банк, которые успешно там растворились, не дойдя при банкротстве до вкладчиков (очевидно, схема устраивала и государство), а в-третьих, покупать выгодно тогда, когда доходность выше, чем банковский депозит. Как мы знаем, дивиденды всех акций упомянутых компаний довольно низкие. Повышать дивидендную политику иностранные совладельцы (они же, вероятно, инвесторы) не заинтересованы, т.к. они не на этом «зарабатывают» свои капиталы. Как мы знаем, кто платит, тот и заказывает музыку. Итак, какую «музыку» мы имеем?

Кроме покупки недооценённых акций компании-конкурента интерес иностранных участников в том, чтобы больше и дешевле добыть (поэтому низкие зарплаты со случаями невыплаты), заплатить налоги с минимальной добавлен-

ной стоимости в России и получить сверхдоходы при реализации продукции за пределами России. Кроме того, сырьё из России сдерживает цены других поставщиков, стимулируя рост промышленного развития в странах – импортёрах. Их не беспокоит отсутствие промышленного роста в России и то, что ждёт её после того, когда энергоресурсы закончатся. Ведь это – НЕВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ресурсы, необходимые для промышленного развития сейчас, а не в будущем. Поэтому их выкачивается всё больше без оглядки на то, чем это аукнется России в будущем. Финансовый блок Правительства все годы полученные нефтяные доходы выводит из экономики (по словам А. Кудрина «стерилизует»). У меня возникает вопрос: для чего добываем нефть с газом и экспортируем? Только для того, чтобы вкладывать в различные фонды, в облигации США и замораживать в золоте? Эти вопросы – не просто эмоции, они подкрепляются цифрами. «Газпром» в своём отчете (<http://www.gazprom.ru/about/production/reserves/>) показывает на 31.12.2017 г., что запасы газа у него – 35355,4 млрд. м3. При добыче по 690 млрд.м3 в год, этих запасов хватит на 51 год. Что дальше? Иностраных «партнёров» это не волнует, а Правительство РФ?

По оценке главы Минэнерго нефти в России остаётся и того меньше – только на 30 лет. При этом "возня" США с Ираном имеет явно цель помешать поставкам сырья в Европу: это поднимет цену в Европе и повысит конкурентоспособ-

ность американских товаров. Если российская нефть закончится, убивается сразу два "зайца": 1. В Европе может возникнуть дефицит, который Штаты покроют своей дорогой нефтью; и 2. В России настанет энергетический кризис, а может и коллапс – поставлять на экспорт нечего, деньги кончились. Вероятней всего новые месторождения отсрочат этот пессимистический "прогноз". Но и отдалят промышленный рост.

С начала «перестройки» экономики прошло 34 года. Перестроились так, что промышленность сократилась на 3/4. Успеем ли восстановить конкурентоспособную экономику? Во многом это зависит от ценовой политики сырьевых компаний.

И касается это прежде всего обеспечения сырьём промышленного сектора. Сегодня со всей очевидностью можно констатировать, что «государственные» компании ведут себя совсем не по – государственному. Чтобы убедиться в этом, можно привести всего несколько фактов из статистики. Опыт работы инвестиционных иностранных компаний в странах «третьего» мира на заре нефтегазовой эры (изложенный в многочисленных исследованиях) подсказывает, что компании всегда заинтересованы в том, чтобы зафиксировать цены в стране, отдавшей свои ресурсы в разработку, на том уровне, который «покрывает местные издержки добычи нефти, капиталовложения в расширение добычи и налоги». Иначе говоря, ино-

странный капитал всегда проголосует за нулевой баланс. Или с небольшим плюсом. Вот отчет ПАО «Газпром» за 2018 г. (<http://www.gazprom.ru/f/posts/01/851439/gazprom-accounting-report-2018.pdf>). В 2017 г. «Газпром» добыл 691 млрд. м3 газа, выручка только от продажи газа составила 2871912237 тыс. рублей (4,16 руб. с 1 кубометра) и чистая прибыль – 100297977 тыс. рублей (всего 0,14 руб., если соотносить только с добытым газом, с каждого кубометра, почти на нуле. Вопрос: куда и кому ушла выручка? /в 2018 г. выросла до 1,35 руб./). При этом краткосрочные обязательства (те, которые необходимо погасить в течение года) – 929199235 тыс. рублей. Как видим, краткосрочные долги в 9,26 раза перекрывают полученную в 2017 г. прибыль. Видимо, этим можно объяснить и недооценённость акций – долгами. Иначе говоря, компания с одной стороны – один из основных источников пополнения бюджета, а с другой – должник перед инвесторами (не исключено, что преимущественно западными).

Не лучше финансовое положение и у «Роснефти»: на 31.12.2017 г. краткосрочные обязательства – 2742989810 тыс. рублей при чистой прибыли – 138968980 тыс. рублей. Краткосрочные долги в 19,74 раза перекрывают чистую прибыль. В 2017 г. «Роснефть» добыла 225,5 млн. т. нефти и конденсата. Средняя цена при экспорте за 1 тонну нефти составила 435\$ (данные статистического сборника ТЭК России-2017 – <http://ac.gov.ru/files/publication/a/17267.pdf>). За-

пасы углеводородов ПАО «НК «Роснефть» на 31.12.2017 по оценке DeGolyer & MacNaughton составили 39803 млн. барр. н.э. Отсюда следует сделать вывод, что у «Роснефти» недооценены не только акции, но и активы. Недооценённые акции наши так называемые партнёры могли бы выкупить. Но зачем? Во-первых, государство не продаст оставшиеся акции, создавая видимость того, что ресурсы под контролем и принадлежат государству, т.е. нам с вами; во-вторых, нефти и газа идёт на Запад столько, сколько им надо, при этом сдерживается газификация и нефтепереработка внутри России, т.е. для отечественной экономики; в-третьих, и без 100%-го контроля распределяется энергосырьё внутренним потребителям по неконкурентной цене: средняя цена дизельного топлива на западном рынке идёт по 520–530\$ за тонну, а на рынке России отпускается на Санкт-Петербургской бирже (СПб-МТСБ) по средней цене 37022 рубля за тонну. Что соответствует приблизительно 580–600\$ за тонну. Разумеется, такая цена не может способствовать развитию конкурентоспособной промышленности. Большую роль в этих ценовых ножницах играет постоянное стремление энергодобывающих компаний как можно больше поставлять сырья на экспорт в ущерб поставкам на внутренний рынок. Возникает ещё один вопрос: если для добывающих компаний главное – бизнес, а бизнес – это значит прибыль и отгрузка товара тому потребителю, который готов платить больше, логично предположить, что при таком раскладе цен выгодней перерабаты-

вать нефть и продавать внутри России. Однако всё происходит с точностью наоборот. Такое возможно только при двух версиях: 1. При поставках за рубеж по менее выгодной цене сверхприбыль реализуется там при перепродаже (но средняя цена барреля нефти в районе 60–65\$ свидетельствует об обратном – цена российской нефти, должно быть, соответствует мировой цене, значит, там зарабатывают на переработке и продаже потребителю, а это – признак доминирования интересов именно иностранных "партнёров"); 2. Цена для внутреннего потребителя (в том числе при помощи дозированных объёмов поставки) устанавливается специально (через дефицит), чтобы было невыгодно что-либо производить. Такую позицию к внутреннему потребителю может занимать только «партнёр», не заинтересованный в том, чтобы нефть пошла на внутреннее развитие России. Ведь в этом случае сразу сократятся экспортные поставки, и на Западе нефть в цене повысится. До либеральных реформ энергоресурсы шли преимущественно на внутреннее потребление. С начала либеральных реформ – преимущественно на экспорт:

	1970	1985	1992	2000	2005	2010	2015	2017
Добыча нефти, вкл. конденсат	285	542	399	324	470	505	635,5	691,1
Экспорт нефти	66,8	117	128,1	144,4	252,5	250,7	244,5	252,8
Экспорт нефтепродуктов	29	49,7	43	62,6	97,1	133,2	171,7	148,4
Экспорт всего	95,8	166,7	171,1	207	349,6	383,9	416,2	401,2
Экспорт в % от добычи	33,6	30,75	42,9	63,9	74,4	76	65,49	58,05

Как видим, по мере развития реформ нефть всё больше уходила и уходит на Запад, изменяя национальной экономике. Из таблицы мы видим, что тренд сменился на снижение доли экспорта с 76% до 58%. Но неожиданно на днях было озвучено письмо главного исполнительного директора «Роснефти» Игоря Сечина о том, что нерыночное регулирование цен на моторные топлива оборачиваются для «Роснефти» убытками. «Роснефть» «оценивает свои потери с мая 2018 г. более чем в 75 млрд. рублей. В случае продления соглашения нефтяников и Правительства о фиксации цен компания будет терять по 30 млрд. рублей в квартал», – пишет Сечин, его цитируют «Ведомости». В том же письме И.Сечин предлагает «с мая обязать недропользователей перерабатывать нефть на российских НПЗ и поставлять на внутренний рынок не менее 17,5% добываемой в России нефти». В связи с этим у меня возникает, по крайней мере, три вопроса:

Почему в Японии государство контролирует цены, и фирмы ищут способы компенсировать потери, увеличивая объёмы, а наши – нет?

Почему И. Сечин, а не Правительство предлагает установить квоту на внутренние поставки для переработки в объёме не менее 17,5% от добываемой нефти? Тем самым он подтверждает, что цены растут в России по причине дефицита топлива. Это также значит, что официальные сведения об экспорте "чутьочку" неправильные. В действительности, очевидно, на экспорт отгружается до 85% добытой неф-

ти, по крайней мере, крупными компаниями. Что остаётся – на использование внутри страны. Значит ли это, что стране продукты нефтепереработки нужны только для автомашин и лишь кое-где используется топочный мазут? В общем, вывод из этих слов следует один – собственная экономика снабжается по остаточному принципу.

И, наконец, вопрос об убыточности из-за соглашения с Правительством о заморозке цен на топливо. Я не понимаю, как могут быть убыточными поставки внутри страны, если цена топлива после переработки – 580–600\$ (значит сырьё, т.е. нефть, или переработка обходятся дороже, чем для западного потребителя), и почему не убыточны поставки на экспорт, если там цену дают на уровне 435\$ за тонну, а стоимость произведённого газойля – 520–530\$? Очевидно, это вопрос не только к нефтяникам, но и к государству, которое проводит такое государственное регулирование рынка через таможенные пошлины, квоты, акцизы, что рынку внутри страны топлива стабильно не хватает. Значит ли это, что государство не заинтересовано в развитии внутреннего рынка? Трудно сказать, но результат показывает, что интереса к нему нет. В то же время вопрос к нефтяникам о предпочтении экспорта остаётся без ответа. Понятно, что иностранные «партнёры» заинтересованы в том, чтобы прибыль, полученную от реализации нефтепродуктов выводить к себе на Родину, но при этом надо нести расходы: рубли надо на бирже обменять на доллары тоже с выгодой, чтобы пере-

править на зарубежные счета. Ведь при обмене по курсу покупки теряется дельта. Кроме того, здесь налоги, акцизы, в т.ч. НДС, который при экспорте возвращается. Но налоги и акцизы население и другие потребители оплачивают сполна, да ещё и в двойном размере (акциз на бензин, который должен был отменить налог, остался, НДС тоже в каждом чеке). Таким образом, российские потребители вынуждены оплачивать «партнёрам» ещё и разницу между курсом продажи долларов при инвестировании и курсом покупки валюты при обратной конвертации, чтобы инвестор мог забрать прибыль. Это – версия, характеризующая ценовую политику якобы государственной компании. Наш товар, произведённый на территории России, для нашего же потребителя по мировой цене (от 435\$+НДС, а не себестоимость + прибыль) можно приобрести только у иностранной компании. Экспортная цена должна существенно отличаться от внутренней, как во всех нефтедобывающих странах, и как было в СССР. Цена – существенный стимул для развития. Ориентация страны только на доходы от нефтегазового сектора, заложенная в основу экономики в начале 90-х годов, уже показала, к чему это может привести: к дефолту, как в 1998 г. Поэтому те, кто нас подталкивает только торговать нефтью и ничем больше не заниматься, рассчитывают на банкротство экономики. Понятно, что наши западные «партнёры» – это попутчики России к дефолту по образцу 90-х годов. Нынешняя политика удержания цен на углеводородное сырьё и про-

дукты переработки на российском рынке на уровне или выше мировой, в т.ч. через налогообложение – это способ удерживать Россию сырьевым придатком. Пока эта политика продолжается, можно говорить об ограниченном суверенитете России, где хозяином её ресурсов (нефть, газ, электроэнергия...) являются её «партнёры» и противники её развития. Вот данные бухгалтерских отчетов «Роснефти», где можно убедиться, что положение компании не очень устойчивое:

Показатели структуры и динамики бухгалтерского баланса "Роснефти"				
Показатель	Сумма, тыс. рублей			Темп роста, %
	31.12.2015	31.12.2017	Дельта	
Внеоборотные активы	5213358963	7483529455	2270170492	143,55
Оборотные активы	4236515301	3599388917	-637126384	84,96
Итого активы	9449874264	11082918372	1633044108	117,28
Акционерный капитал	1434431053	1684375058	249944005	117,42
Долгосрочные обязательства	5976619031	6655553504	678934473	111,36
Краткосрочные обязательства	2038824180	2742989810	704165630	134,54
Итого пассивы	9449874264	11082918372	1633044108	117,28

(https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_report/rsbu_4q2017.pdf)

Из таблицы мы видим, что оборотные активы ушли в минус, что не способствует росту деловой активности и ускорению оборачиваемости всех средств компании. Следует отметить, что сократилась и доля оборотных средств с 44,83%

до 32,48% к валюте баланса. По сумме долгосрочные обязательства выросли, но доля их в валюте баланса снизилась с 63,25% до 60,05%, что ослабляет финансовую стабильность и усиливает зависимость от краткосрочных заёмных средств, которые выросли гораздо больше, чем долгосрочные. Величина собственного капитала ещё со знаком плюс: $1684375058 + 6655553504 - 7483529455 = 856399107$, но на 1341292014 тыс. рублей меньше, чем в 2015 г. Это значит – намечается негативная тенденция по качеству финансирования оборотных средств, прежде всего, за счет снижения доли долгосрочных обязательств и увеличения краткосрочных (вот он – короткий поводок). При этом очевиден значительный рост внеоборотных активов. Можно сделать предположение, что это – дорогостоящее западное оборудование, которое требует обслуживания, т.е. дополнительных затрат, и которое Россия перестала производить. «Партнёры» позаботились? Если это так, то вот ещё одно свидетельство того, что добыча ресурсов задействует производственные мощности западных «партнёров», а не собственные, что не отвечает государственным интересам. Впрочем, это – отдельная тема для исследования.

У ПАО «Газпром», если составить такую таблицу, дело обстоит гораздо лучше, поскольку преобладают акционерный капитал и внеоборотные активы. Правда, ещё надо посмотреть, у кого акций больше – у российских или иностранных владельцев. Темп роста оборотных активов по состоя-

нию на 31.12.2018 г. относительно 31.12.2016 г. – 25,63%, а долгосрочные обязательства растут быстрее, чем краткосрочные. При этом собственные оборотные средства выросли на 334695950 тыс. рублей, следовательно, улучшили качество финансирования оборотных средств (прежде всего за счет роста доли долгосрочных обязательств, рост – 40%).

Доля России в мировой добыче газа – 17,3%. Мы видим, как вокруг строительства новых трубопроводов ломаются копыта желающих выгрести закрома России и в то же время как будто бы не очень желающих потреблять этот газ. Как будто те, кто настаивает на поставках газа по всем трубам, полагают, что Россия нужна Западу как надёжный партнёр. Особенно в споре по цене на американский сжиженный газ. Если бы Россия была важным партнёром как поставщик, давно бы решился вопрос по газораспределительной системе, проложенной по Украине. Давно бы уже начал качать сибирский газ «Южный поток». Однако это не происходит. Почему? Мне скажут – санкции! Да, санкции. Только они сказываются на том, что России приходится тратиться на всё новые пути экспорта газа в ущерб развитию собственной экономики. С ростом экспорта нефти и газа из России растут краткосрочные обязательства «государственных» энергоснабжающих компаний, а, значит, государства. Газа понадобится ещё больше, чтобы заполнить все трубопроводы. Это отвлекает не только денежные средства от более продуктивного использования в промышленности, но и

сам газ: по доле внутреннего потребления в мировом Россия скатывается с 14% до 11,6%. Заполнение всех трубопроводов (строительство всё новых веток повышает затраты, которые должны перекладываться на стоимость газа), включая газораспределительную систему на Украине, вынудит ещё больше снизить этот показатель. Россия уже сейчас испытывает дефицит по заполнению труб, что же будет дальше? Ре-экспорт понизит надёжность. Останется только совсем отказаться от внутреннего потребления своего газа. Тенденция – обратная общемировой для развитых государств. На Западе питается экономика в том числе нашим голубым топливом только потому, что половина российских потребителей лишены такой возможности, многие переходят на уголь (на эту тему я тоже писал).

Задумываясь над всем изложенным выше, всякий гражданин неизбежно задастся вопросом: кому всё это надо – миллиардами кубометров и миллионами тонн добывать сырьё, вывозить за рубежи Родины и ничего не делать для развития своей промышленности? Или почти ничего. При этом говорить об убыточности нефтяной отрасли. **ВО ИМЯ ЧЕГО ВСЁ ЭТО, ТЕМ БОЛЕЕ В УБЫТОК?** В статье «Доля государства и Судьба человека» я привожу статистику, из которой следует, что предприятия в добывающих отраслях чаще оказываются убыточными, чем в обрабатывающих. Между тем, банкротами чаще становились именно предприятия обрабатывающих отраслей. Кто так распределяет роли пред-

приятиям в нашей экономике? Очевидно, что не рынок. Это – результат работы российского Правительства. Так и в энергетике: несмотря на трудности, которые переживают наши почти государственные энергетические компании, они вряд ли станут банкротами не потому, что умело ими управляют представители от государства, а потому, что в них заинтересованы «партнёры». А в развитии обрабатывающей промышленности в России «партнёры» не заинтересованы. Можно было бы предположить, что заявления о трудностях в отрасли, стремление как можно больше отправить на внешние рынки углеводородов – это хитроумный план для того, чтобы больше накопить средств и вложить в экономику. Но это не так: ножицы цен на бензин, мазут, электроэнергию и пр. в стране выше, чем те, по которым продаём в Европу и даже на Украину. В такой ценовой политике цель может быть только одна – замедление роста. И в этом – участие государства. Полагаться в перспективе на ветровую и солнечную энергию (о планах по ветровой энергетике в Мурманской области я писал) и вовсе смешно. Если их использовать для подсветки домов и рекламных щитов – годится. Но не промышленности. Если делается расчет на то, что скоро будет новое топливо на основе термоядерного синтеза и биотехнологий, то это видится в отдалённом будущем, а нефти остаётся на 30–50 лет. Кроме того, в их разработку и производство надо вкладывать огромные деньги, а они у нас пока собираются в кубышку и при всякой кризисной ситуации

отдаются банкам, а не промышленности и не науке. Какое энергетическое будущее ждёт страну – можно только гадать. Скорее грустное. Если будет продолжаться политика истощения, повторюсь, НЕВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ресурсов без какого-либо экономического эффекта, а только для наполнения бюджета деньгами, то это значит – ради наживы наших заклятых Бритиш-«партнёров» и их экономического роста.

Что же остаётся нашим людям? Ждать, когда государство станет гарантом развития страны, а не сверхприбылей иностранных «партнёров»? Такая «стабильность» в ожидании лучших времён, за которую голосовал наш народ на выборах, не отвечает государственным интересам и чаяниям народа. Правительству, если оно действительно озабочено проблемой роста экономики, давно пора было это понять.

Апрель 2019 г.